НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВ

1 АВГУСТА 1914

Издание третье. Дополненное.
МОСКВИТЯНИН 1993

Часть средств от реализации тиража будет перечислена в фонд восстановления Храма Христа Спасителя.

Эта книга, вышедшая двумя изданиями в 1974 г. в издательстве "Молодая Гвардия", вызвала острую полемику, ибо впервые в ней частично на основании архивных документов показывалась роль масонов в эпохальных событиях в России в 1917 г. Настоящее издание серьезно доработано и расширено, в том числе за счет обширного "Приложения", в котором настало время рассказать, почему крестным отцом книги был председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов, попытавшийся положить начало изданию исторических сочинений без цензуры.

ISBN5-86553-001-1

АВТОРСКИЕ РЕМАРКИ

На конец восьмидесятых падает судьбоносная дата - 75 лет тому назад 1 августа 1914 года разразилась первая мировая война, эпохальный рубеж в истории человечества. Тогдашние правители России бросили нашу страну в центр ужасающей схватки империалистических правительств, вогнавших народы в неслыханную бойню. На третьем году войны Великий Октябрь вырвал Россию из рядов сражавшихся. Западным державам пришлось самим довоевывать затеянную ими войну, самим испить до конца горькую чашу жертв и материальных издержек.

Последствия для западного мира были глубокими, разнообразными и в ряде отношений катастрофическими. Американская политическая писательница Барбара Такман в своей изрядно нашумевшей в шестидесятые годы книге "Августовские пушки" обратилась к главному. "Над всем преобладало одно,— писала она на последней странице книги,- разочарование." "У нашего поколения не осталось великих слов,"— обращался Д. Лоуренс к современникам. Эмиль Верхарн говорил с болью о "человеке, которым я был..." Он-то прекрасно знал смысл великих слов и светлых идеалов, ушедших навсегда вместе с 1914 годом. Еще Барбара Такман рассудила: "Люди не в состоянии вести такую колоссальную и мучительную войну без веры в ее окончание, без надежды на лучшее будущее, на то, что будут заложены основы нового мира".

Победители водрузили на развалинах старого порядка карфагенский мир, причем без нашей страны и направленный против нее. По очень понятной

причине — республика Советов бросила вызов тем силам, которые несли историческую ответственность за беспримерное кровопролитие. В смрадном чаду победы на Западе поторопились предать забвению то, что путь к ней умостили трупами русских офицеров и солдат, павших за дело Антанты в 1914 - 1917 гг. Потребовалось еще тридцать лет и еще

3

одна война с Германией, чтобы Запад вспомнил. Описывая в "строго секретном" послании в Москву 27 февраля 1944 года свою борьбу со смехотворными претензиями эмигрантского польского правительства на земли на Востоке, английский премьер У.Черчилль писал: "Рассматривая, как я это делаю, эту войну против германской агрессии как одно целое и как тридцатилетнюю войну, начавшуюся в 1914 году, я напомнил г-ну Миколайчику о том факте, что земля этой части Восточной Пруссии обагрена русской кровью, щедро пролитой за общее дело. Здесь русские войска, наступая в августе 1914 года и выиграв сражение под Гумбинненом и другие битвы, своим наступлением в ущерб собственной мобилизации заставили немцев снять два армейских корпуса, наступавших на Париж, что сыграло существенную роль в победе на Марне. Неудача под Танненбергом ни в какой степени не аннулировала этих больших успехов. Поэтому мне казалось, что русские имеют историческую и хорошо обоснованную претензию на эту немецкую территорию".

Указание на Год 1914 как исходный рубеж "тридцатилетней войны" не черчиллевские произвольные построения, а реальность. Именно к этому времени восходят усилия тех, кто ныне именуются Атлантическим сообществом, добиться главенства в мировых делах, причем безраздельного. Это неизбежно влекло за собой устранение любой державы, которая была или могла стать препятствием для осуществления честолюбивых замыслов. То, если угодно, стратегическая установка, а тактика — добиться этого чужими руками, столкнув лбами другие державы. В 1914 году в Лондоне, Париже, да и тогда в еще порядком провинциальном Вашингтоне ожидали великих благ для себя из того, что Германия и Россия оказались в противоположных лагерях.

Черчилль, возвращаясь к настроениям, царившим в правящей элите Англии в первые недели "великой войны", как порой именовалось кровопролитие 1914—1918 гг., до 1939 года заметил: "В начале войны как мне, так и всему военному кабинету было совершенно непонятно, почему Германия не обратила всю свою мощь против России, ограничившись на западе обороной своих границ". Не получилось! Воевать пришлось и Западу, а когда подбили итоги, вышло вот что: по подсчетам по окончании войны получилось в абсолютных цифрах в стане: Антанты Россия по потерям не имела равных, а относительно — во Франции один погибший приходился на 28 человек, в Англии -

4

на 57, а в России — на 107 человек от общей численности населения.

Отсюда, помимо прочего, упорные попытки власть имущих на Западе, поведших в двадцатые и тридцатые годы дело к новой вооруженной схватке, стремится спланировать ее так, чтобы подорвать мощь нашей страны во всех отношениях. Руками в основном того же противника, с которым сражалась Россия в 1914-1917 гг.,— Германии. В этом, в конечном счёте, оказался главный смысл новой войны, разразившейся 1 сентября 1939 года. Главари германского

фашизма с готовностью сыграли свою роль. В Году 1945 и завершилась "тридцатилетняя война". Разумеется, совсем не так, как ожидали ее зачинщики и поджигатели. Но потери... Война эта унесла у нас более 27 миллионов жизней.

Современный мир, прошедший через две невиданные дотоле войны в истории человечества, носит как их неизгладимые шрамы, так и обогатился опытом, который не могли накопить никакие теоретические построения. Суровая реальность - лучший, хотя и требовательный, учитель в делах человеческих. Ныне, через 50 лет после начала второй мировой войны и 75 лет со дня первой, можно с незначительным трудом окинуть взглядом всю цепь событий, взявших начало 1 августа 1914 года. Эта дата во многом точка отсчета для понимания мира, в котором мы живем.

*   *   *

Под этим заголовком " 1 августа 1914"я выпустил в 1974 году книгу, породившую множество споров. За истекшие больше 18 лет меня многократно и постоянно спрашивали, будет ли новое издание этой книги. Наконец, вот оно! Уточнены и расширены те аспекты книги " 1 августа 1914 ", которые привлекали особо пристальное внимание. Разумеется, принята во внимание новая литература, имеющая касательство к истории России в годы первой мировой войны от августа 1914 по февраль 1917.

Поразительная женщина - писательница, публицистка, поэтесса, к тому же общественная деятельница - Нина Николаевна Берберова, покинувшая в начале двадцатых годов нашу страну, уже тогда питала великое пристрастие к политике. На исходе вечера своей жизни она обнародовала, что именно ее интересовало, выпустив в 1986 году в Нью-Йорке книгу "Люди и ложи. Русские масоны XX столетия". Н.Н. Берберова обобщила в ней примерно 60 лет своих разысканий о русском масонстве (разу-

меется, то был не единственный предмет ее интересов). В пестром калейдоскопе фактов, собранных в американских и европейских архивах, не упущено и то, что мне довелось написать в книге " 1 августа 1914" об одном из основных героев книги Н.В. Некрасове. Н.Н. Берберова заметила: "В конце 1930-х гг. он (Некрасов) исчез. Впрочем, небольшой след остался: он положил в архивы одну бумагу, где изложил кое-что о самом себе, о 1917 годе, о масонстве. К сожалению, эту бумагу прочел и обработал не историк, а советский " беллетрист", который "художественно" подал материал. Историки опасливо цитируют здесь и там его строки, а советская критика тяжеловесно и сердито обругала его (Яковлев. " 1 августа 1914 ") ".

Сурово распекла Берберова мою книгу, присочинив насчет "советской критики "; речь шла об академике Исааке Израилевиче Минце и его подголосках типа А.Я. Аврихе. Правда, писавшим примерно так, как она подметила. Увы, далеко не точно Берберова воспроизвела то, что написано мною. Описывая на С. 47 бурную деятельность Н.В. Некрасова, она справедливо заметила: " Он был повсюду: около Маклакдва, около Астрова, даже около Шульгина: он звал его в ложу, но Шульгин (как и Мельгунов) отказался от чести". А на С. 267, вернувшись к моей книге, утверждает: "Разговор Яковлева с Шульгиным никакого интереса не представляет: Шульгин никогда не был масоном, а Яковлев - историком. Но не за это, а за другие грехи советская критика обошлась с ним

жестоко ". Я, разумеется, никогда не утверждал, что Шульгин - масон, но темперамент-то Берберовой каков! И как внимательно следила Н.Н. Берберова за словесными упражнениями И.И. Минца!

Хотя ее книгой я отлучен от истории, в данном случае русского масонства, дерзну все же сделать попытку определить его роль в событиях 1914-1917 гг. в России. Гнев Берберовой в известном смысле, пожалуй, слишком эмоциональный, взявшей в союзники примерно своего ровесника - академика Минца, в значительной степени коренится в условиях ее жизни, работы. Впрочем, это не ее вина. И не ее одной.

* * *

Тусторонний мир российской эмиграции многие десятилетия жил своей жизнью, вернее существовал на задворках истории. У нас сменялись поколения, страна шла и не всегда прямолинейным путем, да и ошибок было немало, а в кругах белой эмиграции прозябали только воспоминания. Нужно отдать спра-

ведливость Берберовой, она, пожалуй, входила даже в "розовую " эмиграцию, а рядом мучительно и горько те, что стояли у власти до 1917 года или пережили волнующее прикосновение к ней в считанные месяцы нелепостей, задуманных, но не осуществленных за нехваткой времени преступлений Временного правительства, размышляли все о том, почему они оказались не нужными собственному народу. В конечном счете, лидеры белой эмиграции были русскими людьми. "Были", ибо теперь они ушли, но, вероятно, и на смертном, одре до боли ясно им виделись в дымных сугробах белые стволы поседевших березок - мираж, определенно лишенный классового характера. В обыденном смысле личная трагедия этих людей понятна. Но была и другая сторона: до конца дней своих подавляющее большинство руководителей белой эмиграции осталось верным старым убеждениям. Больше того, вороша тускневшие с неумолимыми годами драгоценные воспоминания, они стремились представить себя благороднее и выше, чем оказались на крутом повороте истории в 1917 году. Силы стариков убывали, но в стильной немощи они виделись себе в прошлом иными. Подсознательная тоска по растраченной молодости или пущенных по ветру зрелых годах многократно умножалась осознанием того, что они оказались бессильны перед силами новыми и им совершенно непонятными. А ведь когда-то несостоявшиеся правители великой страны почитали себя интеллектуальной элитой, "мозгом" России.

Любая попытка, умышленная, или (как мы дальше увидим) просто оговорка, ставившая под сомнение "чистоту помыслов" незадачливых капитанов, свалившихся с мостика государственного корабля, естественно, принималась ими в штыки. И пуще всего эти люди боялись напоминаний даже со стороны единомышленников, что в те далекие годы они имели иные планы, кроме битой риторики насчет целомудренной демократии. К середине пятидесятых годов время отсасывало последние силы у немногих еще оставшихся в живых, но не подорвало их решимости хранить священную легенду. Ударом грома для глубоких старцев, ссохшихся политических мертвецов, явился выход в 1955 году в Нью-Йорке "Воспоминаний" П.Н. Милюкова. К этому времени автор, в прошлом приват-доцент, историк, лидер партии кадетов, первый министр иностранных дел Временного правительства, уже двенадцать лет покоился в

могиле. Хотя бы по этой причине он был недоступен, немого нельзя было убедить замолчать, взять назад написанное, а для непосвященных глухой намек на с. 332—333 второго тома "Воспоминаний" много не значил. Рассуждая о расстановке сил во Временном правительстве,
7
П.Н. Милюков признался, что у него спала пелена с глаз только на склоне лет.

Речь шла о том, что во Временном правительстве, описанном и осмеянном как сборище бестолковых людей, оказывается, была некая крепко сколоченная группировка. Входившие в нее выполняли таинственный замысел, известный им и только им, а именно-Керенскому, Некрасову, Терещенко и Коновалову.

" Все четверо, - писал Милюков, - очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не только одни радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политике-. морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника... Дружба идет за пределы общей политики. Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяла центральную группу четырех. Если я не говорю о ней яснее, то это потому,что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства".

Замечания походя в мемуарах Милюкова потрясли 88-летнюю Е.Д. Кускову. Возраст не помеха для сильных чувств. В таких годах и выпустила свою книгу "Люди и ложи" Н.Н. Берберова. В бурные годы прихода XX века Кускова примелькалась среди правой социал-демократии в России, а в начале двадцатых годов вместе с мужем С.Н. Прокоповичем была выслана за пределы Советской страны. Она прочитала книгу Милюкова в Швейцарии, где доживала свой немалый век. Туда держать совет с ней, что делать по поводу открытого Милюковым в 1956 году, позаботился приехать из-за океана, из Соединенных Штатов, сам Керенский, разменявший тогда 77-й год.

Что и как было сказано в этот первый визит по масонским делам и последующие, едва ли станет известно. Кускова 20 января 1957 года писала И.О. Дан (вдове известного меньшевика Дана, сестре Мартова) об очередном посещении Керенского: " Я провела всю пятницу с Керенским. Нам пришлось обсудить, что делать в связи с тем, что Милюков упомянул о той организации, о которой я рассказывала тебе... Он очень одобрил уже сделанное мною: написать о ней для архива с условием не оглашать еще тридцать лет. Он поступит так же. Больше того, он даст ответ на туманное замечание Милюкова в предисловии к книге, которую сейчас пишет. Ответит от себя, не упоминая никаких имен. Все это было тщательно обдуманно, и мы согласились о форме, как это нужно сделать. Но обязательно нужно остановить, если это
8
возможно, сплетни в Нью-Йорке: в России еще живы люди, больше того, очень хорошие люди, и нужно позаботиться о них".

Так в середине пятидесятых годов была приоткрыта завеса над деятельностью тайной масонской организации, у руководства которой, считалось тогда, к 1917 году стояли Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко, А.И. Коновалов —

ведущие деятели Временного правительства. Эту квадригу тогда называли Тройкой " или "Триумвиратом ". Как бы ни было сенсационно это событие, нет необходимости ни драматизировать, ни снижать значения этого.

Заинтригованная Берберова написала, имея в виду еще первые беседы Керенского с Кусковой: " Через два года (1958) Керенский, видимо, еще не принял решения, сколько и что именно он откроет из прошлого Временного правительства. На его сомнения Кускова отвечает: " На Ваш вопрос отвечаю утвердительно: да, надо. Ведь все равно болтовня идет, не лучше ли дать аутентичную запись нашего прошлого?"... С этого времени начинается перемена в словаре, которым Кускова до сих пор пользовалась: вместо слова "масонство" она пишет "Союз Освобождения" - эта конспирация делается для полных невежд. "Союз Освобождения" прекратил существование в 1905 году. Сама Кускова в письме от 7 июня 1958 г. писала: "Весь 1905 год был занят еще " Освобождением ". Сама я узнала о друзьях (!) лишь в 1906 году, и Керенский прекрасно понимал, о чем идет речь, когда Кускова ему написала о "разглашении тайны 1906-1917 С. О.", а иногда и просто " Союза" или даже просто " О." что, конечно, могло означать и просто " Организацию ".

Героическое обещание Керенского Кусковой, и не только ей одной, зафиксироватъ на бумаге о масонах и напечатать осталось, если верить Берберовой, так и не выполненным. " Он, - сокрушается Берберова, - едва-едва коснулся русского масонства в своей книге " Россия и поворотный пункт истории" и опять замолчал, и при жизни уже ни словом больше не обмолвился о тайном обществе. Записал ли он позже свою "исповедь" и зарыл ли ее где-нибудь на территории США или Соединенного Королевства — осталось неизвестным до сегодняшнего дня". Что до Кусковой, то, по словам Берберовой, "она умерла в девяносто лет, до последнего дня все еще беспокоилась, что кто-то сделает" не так, как надо"."

Так как же надо' оценивать роль масонов в России в те годы, предшествовавшие первой мировой войне. Русскому общественному мнению в начале XX века масоны представлялись чудаками, поглощенными архаичными и безобидными обрядами. Едва ли к ним могли серьезно относиться. Да и возрождение масонских лож, братств и орденов после революции 1905 года выгля-

9

дело как еще одно эксцентричное бегство от свирепой действительности. Обстоятельства основания лож " Северная звезда", " Возрождение" и других носили определенно комический характер, не говоря уже о том, что охранка прекрасно знала о происходившем и даже попыталась завести полицейское масонство. Понаслышавшись, что богиню справедливости Астрею весьма почитали масоны, полицейские интеллектуалы основали для легковерных лжеложу "Астрея ". Затея провалилась. Но охранка все же преуспела, использовав других лиц.

Движение масонов в это время было связано с именами петербургского адвоката М. С. Маргулиеса и пресловутого князя Д.О. Бебутова. Изрядно потасканный, преждевременно постаревший в великосветских салонах фат Бебутов с возникновения партии кадетов предложил ей свои услуги, вознамерившись пройти в Центральный комитет КД. Прослышав, что кадеты

носятся с проектом создания партийного клуба, он со слащавой кавказской обходительностью навязал 10 тысяч рублей. Великие либералы остолбенели — князь жертвовал на алтарь свободы немалую по тем временам сумму. Откуда деньги? Острословы раскинули умом и решили: наверное украл у своей богатой жены, за что изгнан из дома и отныне свободен отдаться партии. На том и порешили. Деньги пустили в дело, и одиннадцать лет лидеры кадетов вели душевные разговоры в клубе, основанном на бебутовские рубли. За князем значилась масса лихих поступков в эти годы. То, что он самовлюбленный дурак, было видно невооруженным взглядом, как не вызывала сомнений его неслыханная политическая дерзость. Бебутов со смаком ругал царя, издал за границей и привез в Россию альбом злых карикатур на Николая II, украсил ими свою квартиру, продолжал жертвовать на "общее дело" и прочее. "Дураку счастье", - разводили руками кадетские мудрецы. Они все же не взяли Бебутова в ЦК партии, успокоив его местом депутата в Думе от кадетов.

После февральской революции все стало на свои места: выяснилось, что князь был агентом охранки, щедро ссужавшей его деньгами, на которые, помимо прочего, был основан кадетский "клуб. Бебутов не выдержал разоблачений, старика хватил удар, и его не стало.

Авантюрная история предприимчивого кавказского князя имеет прямое отношение к нашему рассказу. В разгар своей деятельности Бебутов соблазнял кадетов и перспективами, которые откроет перед ними масонство. Он не преуспел, ибо П.Н. Милюков, внешне сущий прусский генерал в штатском, еще отличался складом ума холодным и рассудительным. На все пред-

ложения, и не только Бебутова, завести еще масонскую ложу он, посверкивая пенсне, отвечал просто и внушительно: "Пожалуйста, без мистики, господа!" Узнав о заключении приват-доцента, благосклонно реагировавшего на обращение " профессор", великие умы в охранке, все же уважавшие ученость, решили, что масонство - пустой номер и потеряли к нему на несколько лет всякий интерес, как и сам Милюков, который не терпел таинственного в рациональный век, каким обещало быть XX столетие.

Промахнулись как сыск (правда, на время), казалось бы, по долгу службы обязанный знать человеческую натуру, так и знаток отечественной истории (этот до старости), по профессиональной потребности витавший в заоблачных высотах абстрактных доктрин. Масоны на Руси водились давно, по крайней мере с XVIII века, но только уроки революции 1905 года повелительно заставили их выползти из кокона мистики и оккультных благоглупостей, снять апокрифические фартуки и влезть в поли- тику с черного входа. По простой и понятной им, людям обычно состоятельным, причине: самодержавие зашаталось.

Наследием революции было возникновение и легализация буржуазных партий, в первую очередь конституционалистов-демократов (пресловутых "кадетов"), именовавшихся еще партией "народной свободы", и "Союза 17 октября" или "октябристов". Масон высоких градусов профессор М.М. Ковалевский, один из отцов-основателей партии кадетов, после отпора П.Н. Милюкова не опустил руки. Он принялся укреплять и расширять масонское ядро в самой партии, опираясь на зарубежье, а сам был введен в масонскую ложу во Франции еще в конце XIX века.

Хлопотами Ковалевского в Париже с сопутствующим масонским сборищам ритуалом А.В. Амфитеатров, В.О. Ключевский, А.С. Трачевский, Е. Аничков и другие были приняты в ложу "Космос", а Вас.И. Немирович-Данченко, известнейший писатель и публицист, вошел в ложу "Гора Синай". Эти люди считались, тогда цветом русской интеллигенции. Адвокат Е.И. Кедрин, став членом французской ложи "Великий Восток", решил, что отныне он причастен к чему-то великому и превратился в яростного пропагандиста масонства в России, на радость и потеху черносотенным дубогрызам. Разумеется, такие крупные ученые, как историк П.Е. Щеголев, Н.П. Павлов-Сильванский и ряд других, о своем членстве в масонских ложах помалкивали.

Посвящение иных лиц в масоны, главным образом усилиями Ковалевского, нередко имело комические стороны. Н.Н. Берберова не без яда написала: " Хотя Ковалевский и захватил из Па-

11

рижа и перчатки свои, и передник, и, вероятно, некоторые другие предметы, необходимые для ритуалов, этого было недостаточно. Очень скоро два "брата" из Французского Великого Востока приехали за ним и помогли ему устроить "храм " по всем правилам и посвятить кое-кого из общих ближайших друзей в тайное общество, сначала в первую степень (1°), а затем, учитывая заслуги некоторых из них (поименованных выше) перед французским масонством, через неделю перевести их всех в 3-ю, а некоторых - еще стремительнее - в 18-ю степень. М.С. Маргулиеса, известного в Петербурге молодого адвоката, они посвятили в самом здании тюрьмы, где Маргулиес отбывал срок за свои (в 1905 г.) революционные проступки (впрочем, весьма умеренные). Так, в камере "Крестов", в передниках, с молотками в руках Великие Мастера провели церемонию посвящения на глазах у, вероятно, совершенно обалдевших от этого зрелища, сторожей. Тут же, немедленно, с еще большей торжественностью Мануил Сергеевич был возведен в 18-ю степень ".

Ленинградский исследователь этих бурных лет нашей Родины советский историк профессор В.И. Старцев проследил определенную динамику масонской подпольной работы в 1906-1909 годах: "тяга к масонству возросла". Но как раз на это время приходится взрыв интереса охранки к французским связям русских масонов. По мнению Старцева, охранка, используя агентов-французов, попыталась "выведать имена русских масонов..." Это привело к тому, что в 1909 году работа лож практически стала невозможной, и поставило их членов на грань ареста. Принято считать, что в декабре 1909 года ложи в России, связанные с "Великим Востоком Франции", объявили о "самоуспении", то есть самороспуске.

На деле другие ложи, неизмеримо усилив конспирацию, продолжили свою работу по овладению ключевыми постами в государственной иерархии Российской империи. А.Ф. Керенский в воспоминаниях, написанных в 1965 году, на закате жизни, вкрадчиво (вспомним консультации с Кусковой) написал о своих связях с масонами: "Мне предложили участвовать в 1912 г., как раз после моих выборов в IVДуму. После серьезного размышления я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и решил принять предложение примкнуть к нему. Я должен подчеркнуть, что наше общество было нерегулярной масонской организацией. Прежде всего оно было необычным в том

отношении, что разорвало связи со всеми иностранными обществами и принимало женщин. Далее, полный ритуал и
12
масонская система степеней были упразднены, и только внутренняя дисциплина была сохранена, обеспечивавшаяся моральными качествами членов и способностью сохранять тайну. Никаких письменных документов или списков членов не держали... Имелась ложа в Думе, другая для журналистов и т.п. С самого начала каждая ложа стала автономной единицей ".

* * *

Война и растущие затруднения царизма подняли на ноги масонов, они не хотели и не могли упустить, в их понимании, исторический шанс. В сентябре 1915 года после провала переговоров "Прогрессивного блока", возникшего в Думе, с правительством, те,. кто считали себя руководителями русской буржуазии, решили из мозаики лож, орденов и братств отковать единую тайную организацию. Война подстегивала, времени на обсуждение не оставалось, и они преисполнились решимости пренебречь всеми партийными различиями и добиться только одного - организация пронизывает и охватывает высшую структуру Российской империи, особенно двор, бюрократию, технократию и армию. Для скорости взяли уже готовые схемы предприятий такого рода и сочли, что удобно строить заговор по типу масонских лож.

В начале сентября 1915 года возник сверхзаконспирированный "Комитет народного спасения ", издавший 8 сентября "Диспозицию № 1". В этом таинственном документе, найденном после Великого Октября в бумагах А.М. Гучкова, формулировались цели новой организации. В нем утверждалось, что на руках у России две войны — против упорного и искусного врага вовне и против не менее упорного и искусного врага внутри. Достижение полной победы над внешним врагом немыслимо без предварительной победы над врагом внутренним. Под последним имелась в виду правившая династия. Для победы на внутреннем фронте необходимо оставить всякую мысль о "блоках и объединениях с элементами зыбкими и сомнительными", немедленно назначить штаб верховного командования, основную ячейку которого составят князь Г.Е. Львов, А.И. Гучков и А.Ф. Керенский.

Отцы-основатели организации настаивали, что борьба "должна вестись по установленным практикой правилам военной дисциплины и организации ". С самого начала подчеркивался избранный, а не массовый характер организации: "Сия работа не касается обыкновенных граждан, а исключительно лиц, участвовавших в государственной машине и общественной деятельности". При-
13
годными методами признавался прежде всего "отказ войск" иметь какое-нибудь "общение" с лицами, декретированными указанным штабом верховного командования, удаленными от государственных и общественных функций (хотя, естественно, они продолжали занимать соответствующие посты в иерархической пирамиде империи!).

Заговорщики считали, однако, совершенно обязательным, чтобы не допускалось стачек, могущих "нанести ущерб государству", т.е. стремились предотвратить любое массовое движение против царизма. Иными словами, речь

шла б подготовке верхушечного, быть может, только дворцового переворота, но отнюдь не революции.

Здесь ключ к целям организации. Создатели ее взялись за выполнение одновременно ряда задач. Для начала нейтрализация или устранение монархии, переход всей полноты власти в руки буржуазии в рамках диктатуры. Последняя была нужна не ради самолюбования: страна жила на вулкане революции. Буржуазные деятели, именовавшие себя масонами, хотели встретить ее во всеоружии, располагая прочной организацией. Не допустить революции, а если она вспыхнет — потопить ее в крови. Такова была главная цель объединения политиков, формально принадлежавших к разным, нередко конфликтовавшим между собой буржуазным партиям.

Эти люди, конечно, не были столь наивны, чтобы вместе с масонским жаргоном, на котором написана "Диспозиция № 1", брать все у идейных предшественников. Пресловутые фартуки каменщиков, символика и обрядность исключались, в организацию допускались женщины, оставалось главное - глубокая тайна и клятва хранить ее. Организация состояла из лож по пяти человек, подчиненных, в конечном счете," штабу верховного командования ".

Кускова в письмах, написанных в 1955-1957 гг. утверждала (Л. Дан, 12 февраля 1957 г.): "Нам было необходимо завоевать на свою сторону военных... Здесь мы добились значительных успехов". В письме Вольскому 15 ноября 1955 г.: "У нас везде были "свои" люди. Такие организации, как "Свободное экономическое общество", "Технологическое общество", были пронизаны ими сверху донизу... До сих пор тайна этой организации не раскрыта, а она была громадной. Ко времени февральской революции вся Россия была покрыта сетью лож. Многие члены организации находятся здесь, в эмиграции, но они все молчат. И они будут молчать, ибо в России еще не умерли люди, состоявшие в масонских ложах". Сама Кускова умерла

в 1958 году. Этим откровением глубокой старухи историки обязаны считанным фразам о русских масонах, появившимся по недосмотру в мемуарах Милюкова. Пока нить оборвалась. Когда зазвучат новые голоса?..

В двадцатые годы эмигрантский историк и публицист С.П. Мельгунов сделал отчаянную попытку раскрыть тайну. После опубликования в Советском Союзе в XXVI томе "Красного. Архива" поразительной "Диспозиции № 1", он утроил усилия, домогаясь сведений у лидеров российской эмиграции. Гучков и Керенский начисто отрицали существование масонской организации. Тогда сама Кускова устояла перед "истерикой и шантажом", как она именовала мельгуновские методы сбора информации, и, как мы видели, разомкнула уста только во второй половине пятидесятых годов после опубликования книги Милюкова...

Немало размышляя обо всех этих вопросах, В.И. Старцев совершенно справедливо заметил в 1982 году: "Вероятно, необходимость жесткой конспирации, при которой были немыслимы декорированные ложи, коврики, черепа, шпаги и прочие атрибуты регулярной масонской ложи, натолкнули кого-то (мы еще не знаем пока, кого именно) на идею создания новой организации, которая бы взяла от масонства только клятву и строгую дисциплину, а всю мистическую тарабарщину отбросила".

Верность масонской ложе в глазах посвященных была неизмеримо выше партийной дисциплины любой партии. И когда пришло время создавать Временное правительство, его формирование нельзя объяснить иначе, как выполнением предначертаний этой организации. Кандидатуры были выдвинуты не лидерами буржуазных партий, ибо только немногие из них были в ложах, а одобрены на тайных сборищах руководящего ядра масонов. Если иметь в виду эту точку зрения, тогда проясняется многое малопонятное и противоречивое в истории России в 1914-1917 гг. Во всяком случае, объясняется, неожиданная спонтанность действий ряда высших представителей буржуазии, принадлежавших к различным партиям,и между которыми, уже хотя бы по этой причине, были"рогатые" отношения. А они выступили с неслыханным единодушием!

"Вот эта организация, - сказала, наконец, в 1986 году Н.Н. Берберова в книге "Люди и ложи", - оказалась в авангарде тех, кто захватил власть в феврале 1917 года". Она положила

15

конец легенде о том, что участие масонов во Временном правительстве ограничивалось пресловутой "Тройкой ", или "Триумвиратом". Проведя розыск в архивах, опросив тех, кто помнил, Н.Н. Берберова сделала вывод: "1917 год оказался для русских масонов апогеем их деятельности, но общество оставалось сугубо тайным, может быть, еще даже более засекреченным, чем до революции: в первый состав Временного правительства (март-апрель) входили десять "братьев" и один "профан", который многое понимал и о многом догадывался, но был занят самим собой, своей политической биографией и той "политической фигурой", которую он "проецировал" в умах союзников. Это был, конечно, Павел Николаевич Милюков... Если из одиннадцати министров Временного правительства первого состава десять оказались масонами, "братьями" русских лож, то в последнем составе "Третьей коалиции" (так называемой Директории) в сентябре-октябре, когда ушел военный министр Верховский, масонами были все, кроме Карташева, - те, которые высиживали ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали и посадили в крепость, и те, которые были в "бегах"".

Прервем пока интригующее путешествие в призрачный мир политических силуэтов минувшего. Для наших целей достаточно указать, что руководители российской буржуазии отнюдь не были безобидными людьми, полагавшимися лишь на легальную партийную деятельность. Напротив, они были очень рукастыми, ворочавшими не только капиталами, но и изобретательными интриганами В самом деле, разве был иной путь затянуть генерала или офицера императорской армии в тенета заговора кроме предложения оказать услугу "братству ", а не принимать участие в "грязной политике". Психологически расчет был точен.

В делах такого рода судить нужно по фактам. Масонская организация дала посвященным то, что не могла предложить ни одна из существовавших тогда буржуазных партий: причастность к "великому делу". Вместо ложной риторики, пустой партийной трескотни, думских дрязг и склок - работа бок о бок с серьезными людьми. Работа "чистая ", ибо не требовалось идти в массы,

общаться с народом, которого российские буржуа в обличье масонов чурались и боялись не меньше, чем их ненавистные соперники у власти - царская камарилья.

Методы работы масонов - постепенное замещение царской бюрократии своими людьми на ключевых постах сначала в военной экономике через "добровольные организации" - Союз земств и городов (Земгор) - сулили планомерный переход вла-

сти в руки буржуазии. Без революции, которую они смертельно боялись, больше того, предотвращали ее. Иными словами, практика "превентивной революции " - гордость современного империализма - была опробована в России давным-давно.

В.И. Ленин, оценивая февральскую революцию, подчеркнул: 'Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, "разыграна" точно после десятка главных и второстепенных репетиций ", актеры знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действий " [1]

* * *

И еще один вопрос, имеющий касательство уже к исторической науке. Почему роль масонов в действиях российской буржуазии оставалось вне поля зрения? Что,разве не было никаких материалов? Это, конечно, неверно. Отдельные указания были, однако им не придавалось значения и по основательной причине - соответствующие факты, во всяком случае до октября 1917 года, попали в руки тех, кто был прямо заинтересован в их сокрытии.

Сразу после Февральской революции в Петрограде учредили чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства "для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц". Ее материалы изданы в семи томах в Ленин граде в 1924-1927 гг. — "Падение царского режима". Стенограммы допросов рисуют картину страшной растерянности, упадка духа, низости тех, кто совсем недавно правил Россией. Потрясенные революцией, терзавшиеся по поводу своего будущего, опрашиваемые на допросах выбалтывали то, что в иных условиях никогда бы не стало достоянием гласности.

Особенно словоохотливыми оказались бывшие чины охранки и жандармерии. Еще вчера свирепые и кровожадные распорядители судеб своих жертв, сегодня они пресмыкались, плакали и унижались перед отнюдь не страшными болтунами, составившими чрезвычайную комиссию. Недавние столпы "правосудия", обрекавшие революционеров на долгие годы тюрьмы и катор-

[1]Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 12.

ги, хладнокровно отправлявшие их на виселицу, сломались, пробыв несколько недель в камерах Петропавловской крепости, где содержались далеко не на тюремном режиме. Блудливо ловя взгляды членов комиссии, недавние палачи стремились угадать ее желания и выкладывали все. Вытряхнутые из голубых мундиров, они оказались жалкими людишками.

19 марта 1917 года перед комиссией предстал генерал-лейтенант Е.К. Климович, начавший свою службу в охранных отделениях и в 1916 году кратковременный директор Департамента полиции. В ходе допроса всплыли

имена агентов полиции Ратаева и Лебедева, о которых спросили Климовича. Стенограмма гласит:

"Климович. - Ратаев известен, а Лебедев нет.

Родичев. - Значит, Ратаев был подчинен департаменту полиции?

Климович. - Ратаев когда-то был во главе бюро заграничных агентов.

Родичев. - В 1916 году?

Климович. - В 1916 году. Ратаева, кажется, взяли до моего еще вступления. Ему платили сравнительно небольшие деньги, и он должен был по масонству написать какое-то целое сочинение, но он прислал такую чепуху, что я даже не читал...

Родичев. - По какому масонству? Я хотел вас спросить, вы говорите, что вам это совершенно неизвестно...

Председатель. - По чьей же инициативе департамент полиции заинтересовался масонством?

Климович. - Не могу сказать; это было еще до меня. Я помню, что при мне посылалось, кажется, 150, может быть, 200 добавочных (рублей) по старому распоряжению. Он представил какую-то тетрадь, которую заведующий отделом принес и говорит: "Ваше превосходительство, не стоит читать, не ломайте голову: совершенно ничего интересного нет, чепуха". Я сказал "чепуха" и не стал читать. Может быть, там и было что-нибудь, но мне неизвестно.

Родичев. - Милюков называл эти два имени в своей речи, а потом я видел письмо военного министра Шуваева к Родзянко, в

котором военный министр называл эти два имени, как агентов. Климович. - Может быть, они по военной разведке работали, может быть, по шпионажу. Я с этим вопросом не знаком, эта область меня не касалась. Очень может быть..."
18

На этом расспрос о масонстве прекратился, без всякой связи перескочили к другим делам. Что бы ни утверждал Климович, Ратаев не был мелкой сошкой в лабиринте охранки. Во время допроса бывшего премьера Б.В. Штюрмера он в иной связи припомнил Ратаева, отозвавшись о нем, как об "очень образованном и интересном человеке". Впрочем Штюрмер, вероятно умышленно преувеличивая на допросе свою природную тупость и старческий маразм, перепутал фамилию, сказав Ратьков. Авантюрист-журналист П.Л. Бурцев помянул Ратаева также по другому поводу. Оказывается, специалист по масонам был великолепно в курсе сверхтайного дела охранки - провокатора Азефа.

Во время допроса СП. Белецкого прояснилось кое-что, о чем не сказал Климович. Белецкий имел за плечами долголетнюю службу в охранке, два года в канун войны был директором департамента полиции, а в войну некоторое время сидел товарищем министра внутренних дел. Даже среди рыцарей царского сыска Белецкий был одиозной фигурой. Прославив себя провокациями, он по уши погряз в самых грязных делах. Спасая свою шкуру, Белецкий рубил подряд и обо всем. На допросе 15 мая 1917 года, описывая структуру зарубежной агентуры охранки, он промолвил: "Затем по вопросу о масонах..." Немедленно острый вопрос председателя: "Какое же отношение имеет департамент полиции к масонам?

Белецкий. - Если разрешите, я вам сейчас расскажу. Дело в том, что это было в политическом отделе. Я не был знаком с вопросом о масонах, был знаком

только с литературой, как все мы знакомы, до назначения своего директором департамента полиции. Впервые я познакомился тогда, когда великому князю было угодно спросить меня по этому вопросу. Я потребовал справку - это было на первых порах моего директорства, -потребовал все материалы и натолкнулся на три большие записки. Они представляли собой историю масонства в общих чертах, написанную довольно живо, потому что писал ее Алексеев, окончивший с медалью лицей, при бывшем директоре департамента, кажется, при Курлове (исполнял эти обязанности в 1907—1911 гг. - Н.Я.)... Курлов был под влиянием революционно-правой прессы, которая почему-то считала, что все события в России в последнее время являются следствием деятельности масонских организаций, особенно французских и германских лож. Курлов, секретно от департамента полиции, сосредоточил у себя все материалы. Департамент полиции имел только

19

одного офицера, который вел это дело и который получал случайного характера справки из-за границы.

Председатель. — Значит, до специального интереса, который под влиянием органов печати проявил Курлов, департамент постоянно интересовался масонством, так что даже имелся особый офицер?

Белецкий. - Да,был специальный офицер, я забыл фамилию, потом он ушел из департамента. В материалах... мне пришлось натолкнуться на схему одной из масонских организаций, никем не подписанную, без препроводительной бумаги; из этой схемы ясно можно было понять, что будто бы сдвиг всего настроения в пользу общественности при председателе совета министров Витте, был обязан тому, что Витте являлся председателем одной из лож, заседавших в Петрограде... Из разговоров департаментских, из того, что я слышал от В.К. Курлова, автора записки, я узнал, что эти записки должны были быть доложены государю-императору. Во время киевской поездки был убит не государь, а Столыпин, интрига против которого уже вполне созрела; Кур-лов хотел указать (и я повторяю, по слухам среди чиновников департамента), что и Столыпин принадлежал к одной из масонских организаций.

Председатель. - Это вам передавали чины департамента полиции?

Белецкий. - ... Рассмотрев внимательно все, что мне дат департамент полиции, я пришел к заключению, что ни о каких масонских ложах, которые могли играть политическую роль в Петрограде, не могло быть и речи. Когда агентура была уже направлена к великому князю, оказалось, что это не что иное, как оккультные кружки...

Председатель. - Так что за масонов сходили оккультные кружки?

Белецкий.- По крайней мере, у меня было такое впечатление. Меня этот вопрос интересовал, потому что великий князь дал мне сведения, что в среде офицерского состава гвардейских частей петроградского гарнизона имеются масонские ложи".

Белецкий рассказал, что для проверки он затребовал сведения от заграничной агентуры, в том числе от Ратаева. Для их сбора потребовалось даже "затратить крупные суммы", но ничего не прояснилось.

Комиссия все слушала, но председатель прервал словоохотливого Белецкого: "Я хотел бы установить связь с главной те-

20
мой, которая нас интересует. К чему вы ведете ваш ответ?" Белецкий, надо думать, был напряжен, как струна, и моментально отреагировал: "Я хочу быть только правдивым; я хотел сказать вам все, что знаю по вопросу о заграничной агентуре, где работал Ратаев".
Комиссию это, однако, не заинтересовало и, не переводя дыхания, как и при допросе Климовича, обратились к другим делам. Белецкий был вознагражден за свою "правдивость", за то, что распустил язык о масонах. По распоряжению министра юстиции А.Ф. Керенского, был брошен в карцер. Один из немногих, если не единственный из допрошенных в комиссии, с которым столь сурово обошлись. Вероятно, он сделал нужные выводы - в письменных показаниях Белецкого о масонах ни слова. Между тем, из десятков лиц, прошедших перед комиссией, только он дал показания, занявшие несколько сот страниц. Остальные даже отдаленно не приблизились к рекордсмену.

Наибольшую последовательность в попытках осветить роль масонов в предыстории февральской революции сделал Мельгунов, обобщивший свои многолетние разыскивания в книге "На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцей 1917 года". (Париж, 1931 год.) Даже тогда, примерно за полстолетия до наших дней, он жаловался: "Время убийственно скоро идет. Уже некоторых нет, и, может быть, они унесли в могилу то, что могли рассказать при жизни". Мельгунов опросил множество эмигрантов. Результаты оказались не бог весть какими внушительными.

Введение "От автора" к книге проникнуто определенным пессимизмом. "Исследователю до поры до времени приходится блуждать среди трех сосен. Основную причину такого умолчания совершенно верно определил один из деятелей февральской революции в частном письме ко мне. Позволю себе его процитировать: "Когда разразилась "стихийная ", все эти заговоры естественно замолкли, заглохли в своих зачаточных фазисах, образовав какие-то туманные пятна. В этом тумане вы и пытаетесь разобраться. А затем историка подстерегает еще другая трудность - источники. Надо считаться с пережитком политической обстановки и общественной психологии. То, что было тяжким государственным преступлением до февраля, что приходилось тщательно скрывать, стало в один прекрасный день патриотическим подвигом или, вернее, правом на такой подвиг, правом, которым люди стали кичиться. Много за эти дни выросло таких
21
героев-революционеров, правда, как бы в потенции. На прикосновенности к "революционному действу" люди пытались в новой обстановке составить себе репутацию, завоевать славу, сделать карьеру. А затем наступил новый период (период наших дней), когда предаются анафеме же и все, что прикоснулось к революции. И тогда люди от них шарахнулись, заметая следы. И вот в этой суматохе, скажите сами, когда люди были склонны говорить правду? А к этой сознательной неправде, сколько подбавилось несознательной за эти эпохи сумятицы, угара, взбаламученных чувств... Н во всем этом должен разобраться бедный историк, ибо иначе у него получится не история, а роман ".

Трудность установления фактической канвы лежит не только в указанных психологических основаниях. Вмешивается и другая таинственная сила, скрытая от взоров профанов, - тайна русских масонов. Мы увидим несомненную связь

между заговорщицкой деятельностью и русским масонством эпохи мировой войны. Но здесь передо мной табу уже по масонской линии. Современнику очень щекотливо раскрывать чужие тайны. Постараюсь быть осторожным в этом отношении"."

В целом Мельгунов остался верным своему обещанию — он не вышел за рамки достоверно известных ему фактов, точнее, тех, которые считал возможным огласить.

Западная историография уделила этой проблеме определенное внимание с тем, однако, чтобы в конечном итоге с годами свести значение масонов до минимума. Этому не приходится удивляться - западные историки, особенно "советологи", склонны приписывать всевозможные добродетели противникам большевистской партии. Указания на существование тайной организации, безусловно враждебной народу, в которой участвовали ведущие контрреволюционеры, едва ли соответствуют видам антикоммунистической пропаганды, пытающейся изображать врагов большевиков апостольской общиной добрейших прекраснодушных либералов.

Методы, при помощи которых современные западные идеологи прикрывают эту страницу в истории России, проиллюстрировала книга профессора У.Лакера "Судьба Революции. Интерпретации советской истории", опубликованная в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Лакер, один из виднейших западных "советологов", под-

водя итоги изучения истории СССР к тому времени в капиталистическом мире, заметил:

"Роль масонов в 1917 году также вызывала значительный интерес и иногда вызывала порядочное оживление, хотя больше в популярных работах, а не ученых трудах. Во Временном правительстве и особенно в либеральной партии (вероятно, по терминологии Лакера, кадеты - Н.Я.) прослеживается сильное влияние масонов. Видным масоном был Терещенко, сменивший Милюкова на посту министра иностранных дел в мае 1917 года, а также его коллега Некрасов. Оба занимали ярко выраженную пацифистскую позицию. Этих масонов обвиняли, в основном, правые, в том, что в 1917 году они с самого начала оказывали пагубное влияние. Говорили, что существовали тайные связи между "братьями" и генералами, между либеральными политиками и левыми революционерами. В начале двадцатых годов вышло немало книг о масонах и русской революции. Убеждение в том, что масоны... сыграли видную, если не ведущую, роль в русской революции стало неотъемлемой частью правой эмигрантской литературы двадцатых годов. Эта версия постепенно поблекла, однако интерес к масонам вновь оживился в пятидесятых годах и на этот раз не со стороны крайних правых (Д. Аронсон, Г. Катков). Предположение о том, что масоны коллективно сыграли важную роль в революции, не разделяется большинством специалистов по советским делам. Если Терещенко и Некрасов были масонами, то ими были и другие, стоявшие за продолжение войны и аннексии. Поскольку не было доказано, что существовала политическая солидарность и предпринимались согласованные действия, принадлежность к масонам отдельных лиц не имеет большого значения ".

Но и Лакер решительно ничего не доказал. Не отношение к войне и миру в 1917 году отличало масонов от других в правящем классе, водораздел проходил не там, масонов объединяло стремление взять власть в руки буржуазии, частью которой они и являлись. Все остальное было сферой тактики, как не имело для них большого значения формальная принадлежность к той или иной партии. Далеко не перспективно, как делает Лакер, пытаться обмерить масонскую организацию аршином, пригодным только для политических партий. Масонство давало участникам этих партий некую общую платформу, хотя, конечно, не снимало партийных различий. Помимо прочего в пространном суждении Лакера явственно просматривается то, о чем говори-

лось выше, - горячее желание не омрачать либеральный лик российского буржуа-политика, решительно сметенного социалистической революцией. Не лишать его ореола невинного мученика.

Курьезное положение сложилось и в другом отношении. Современные "советологи " объявляют уже сам интерес к этой закулисной стороне истории России в годы первой мировой войны чуть ли не аттестатом принадлежности такого исследователя к крайней "реакции". Позволительно, правда, спросить тогда, где же стоите вы, господа "советологи"? Пока было известно, что профессионалы этого дела гордятся, что они - сверкающее острие антикоммунизма. Во всяком случае, помянутый Лакером Катков испытал на себе все превратности, связанные с вторжением в запретную зону.

Историк, антикоммунист, он в 1967 году выпустил в Англии книгу "Россия, год 1917. Февральская революция", страницы которой буквально дымятся ненавистью к Советскому Союзу. Он коснулся и масонов, но писать о них оказалось необычайно сложно. И вот почему, объяснил Катков: "Роль, сыгранная политическим фримасонством в подготовке февральской революции, до самого последнего времени сохранялась в величайшем секрете всеми заинтересованными лицами. Историки свою очередь, в основном отмахивались от этой проблемы, полагая, что точно установить что-либо трудно, да и существует масса фальшивок. Все это "эффективно предотвратило возможность обычной исследовательской работы в важной сфере тайной политической деятельности ".

Если отвлечься от пропагандистских крайностей, то вероятно, пример взвешенного взгляда современных американских "советологов " на предысторию февральской революции дает книга профессора Дж. Томпсона "Россия и Советский Союз. Введение в историю ". Весьма сведущий профессор выпустил эту книгу в 1986 году как обобщение своего сорокалетнего опыта изучения нашей страны. "Февральская революция, - настаивает Томпсон, - была поистине народной, в ходе которой большинство граждан, безусловно мирно, выразили отказ терпеть больше сложившееся положение и правительство. Стоило солдатам присоединиться к толпам, как старый режим просто исчез". Временное правительство, по его словам, выросло из "комитета Думы, созданного группой либеральных лидеров ".

Что до роли масонов, то Томпсон по этому поводу не говорит ни слова. Из тысяч книг, вышедших на Западе о десятилетии со-

ветской истории с 1917 года по 1928 год, он рекомендует "для дальнейшего чтения" около двадцати. Среди них "Десять дней, которые потрясли мир" Дж. Рида и "Тихий Дон" Михаила Шолохова, определенно уравновешенные в этом списке упомянутой "Россия, год 1917. Февральская революция " Каткова. Так что к масонским теориям Каткова отсылает и спокойная книга о нашей истории, вышедшая в США.

Конечно, было бы слишком видеть решительно во всем руку масонов в действиях российской буржуазии в годы первой мировой войны и особенно на подступах к февральской революции. Но все же настораживают попытки западной историографии либо замолчать, либо скомпрометировать эту тему. По всей вероятности наилучший, да и единственно возможный, исход -судить по фактам. История России в первой мировой войне убеждает, что российские толстосумы отнюдь не были так неорганизованны, как представляется на первый взгляд, и в борьбе за власть применяли такие методы, которые не снились царской бюрократии.

> Докладывая Сталину, вскоре после начала Великой Отечественной, об усилиях побудить Черчилля к активным действиям против Германии советский посол в Англии Майский телеграфировал в Москву 5 сентября 1941 г.: "В 1914 году армия Свмсонова не была подготовлена к вторжению в Восточную Пруссию, — сказал он Черчиллю - тем не менее Самсонов . вторгся, потерпел поражение, но спас Париж и спас войну. На войне нельзя всегда рассчитывать точно, по бухгалтерски. Иное поражение может быть гораздо важнее победы. Черчилль с этим согласился, имя Самсонова произвело на него заметное впечатление".
>
> "Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны". Том 1, стр. 114

РОССИЯ ПОДНЯЛАСЬ НА ВОЙНУ

1 августа 1914 года Германия, объявила войну нашей стране. В считанные дни все крупнейшие государства Европы выстроились друг против друга в невиданном до тех пор вооруженном конфликте — срединные империи против держав Антанты. Грянула мировая война. Первая.

Хотя виновниками чудовищного катаклизма были империалисты всего мира, инициативу развязывания войны взяла на себя Германия, а обстоятельства ее объявления не могли не вызвать глубочайшего возмущения в России. После убийства 28 июня 1914 года в Сараево австрийского наследника престола Франца-Фердинанда мир тридцать дней с затаенным дыханием наблюдал, как громадная империя Австро-Венгрия ("лоскутная монархия", как ее именовали тогда) эскалировала свои домогательства к небольшому славянскому государству Сербии. Не вызывало ни малейшего сомнения, что в Вене постановили расправиться с Сербией, а подстрекательство Берлина было очевидно.

Когда ровно через месяц после сараевского убийства австрийские полчища двинулись на Сербию, это произвело потясающее впечатление в России. Что бы ни толковали политические реалисты по поводу того, что основная причина тогдашней международной напряженности - безумное империалистическое соперничество Германии и Англии, фактом оставалось: Австро-Венгрия вознамерилась погубить славянское государство на Балка-

нах. Это еще более ухудшало "баланс сил" в этом регионе, и так складывавшийся в последние годы не в пользу Росии, а главное, наносило тяжкий удар по ее престижу традиционного протектора славян.

Хладнокровный анализ профессиональных историков с тех пор вне всяких сомнений показал, что нападение Австро-Венгрии на Сербию было лишь поводом для всемирного пожара. На карте стояли реальные империалистические интересы, а не защита прав маленького народа. Впрочем это видели и современники, которым было доступно, хотя бы по положению, знание голых фактов, без сентиментальных прикрас.

П.Н. Милюков, отличавшийся, как мы видели спокойным взглядом на историю, обозревая в мемуарах годы кануна войны, заметил: "Казалось, Россия уходила с Балкан — и уходила сознательно, сознавая свое бессилие поддержать своих старых клиентов своим оружием или своей моральной силой. Но прошла только половина четырнадцатого года, и с тех же Балкан раздался сигнал, побудивший правителей России вспомнить про ее старую уже отыгранную роль - и вернуться к ней, несмотря на очевидный риск, вместо могущественной зашиты интересов балканских единоверцев, оказаться во вторых рядах защитников интересов европейской политики, ей чуждых. Одной логикой нельзя объяснить этого кричащего противоречия между заданием и исполнением. Тут вмешалась психология".

Психология эта выплеснула на улицы толпы, организовавшиеся в манифестации с заверениями в преданности трону. Петербург стал Петроградом, Дворцовую площадь переполняли коленопреклоненные демонстранты, в том числе студенты. Германское посольство разгромлено, разбиты здания немецких фирм. На улицах кричат "ура" и ревут "Марсельезу". Знающие люди, однако, различают в этом подъеме квасного патриотизма опасные для режима тенденции. Агент московской охранки доносит о массовых демонстрациях: "Сознание, что, борясь с немцем, они борются с правительством, состоящим из немцев", укоренилось в народных кругах. На заседании Совета Министров министр внутренних дел Щербатов 6 августа жалуется: "Настроением рабочих пользуется революционная агитация, старающаяся раздувать патриотическое настроение в массах. Извольте-ка силой разгонять толпу, которая идет с царскими портретами и национальными флагами требовать искоренения немецкой крамолы. В Москве уже пришлось пережить подобный

момент, и мы знаем, к чему это привело".

Эти оценки пока оставались достоянием узкого, круга охранителей престола. А по стране в целом разливались ура-патриотические настроения. "Утро России", "Биржевые ведомости", издавна шедшие нога в ногу с обывателем, были полны, как и следовало ожидать, шовинистического задора. Но в этом же ключе пишут и кадетские газеты, совсем недавно клявшиеся в своей оппозиции режиму, - "Русское слово", "Русские ведомости". Когда они завопили о Николае II как о "царе-обновителе ", о единении 'обожаемого монарха с народом", газета "Союза русского народа" "Русское знамя" с легко различимым оттенком торжества и злорадства заметила: "Вся Россия превратилась в черносотенцев, и профессорские "Р.В." пишут только черносотенные статьи".

В царском манифесте об объявлении войны искали и находили глубокий смысл. Велению времени по казенному отсчету соответствовало пожелание манифеста - "чтобы в этот год страшного испытания внутренние споры были забыты, чтобы союз царя с народом укрепился и чтобы Вся Россия, объединившись, отразила преступное наступление врага".

Итак, то что совсем недавно В. И. Ленин считал почти невозможным, стало фактом. Всего полтора года назад он просвещал А. М. Горького: "Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц Иосиф и Николаша доставили нам сие удовольствие". Доставили! Посему товарищи-революционеры, за дело. — В. И. Ленин с ближайшими соратниками из Австро-Венгрии в Швейцарию, рядовые партии, как подобает, в массы. Большевистская партия поторопилась обнародовать свое видение разразившейся войны, как объявлено империалистической. 1 ноября 1914 года увидел свет ленинский манифест

о войне, работа "Война и российская социал-демократия". В нем указывалось: "Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг"[2]. Отсюда вытекало положение о "поражении своего правительства", которое относилось не только к России. Однако лишь в нашей стране стали лихо работать против своего государства.

Во время войны Ленин пишет статью "О национальной гордо-

[2] Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 48, с. 155.

сти великороссов", в которой указывал". "Чуждо ли нам, вели корусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.е.9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс"[3].

Ленин подчеркивает: "Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников. Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их"[4].

Ценные указания в Швейцарии отданы, только массы в России узнали о них много позднее. Связь была затруднена.

В первые месяцы вал шовинистического угара взметнулся до небес. Гребень его нес грязную пену - людей, лично заинтересованных в войне по меркантильным или карьеристским соображениям, но могучее движение вовлекло достаточно широкие слои. На борьбу с врагом поднимались кристально честные, особенно идеалистически настроенная молодежь, рвавшаяся пролить кровь за Отечество. Биограф маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского рассказывает нам о юности своего героя: "Наверное, детское сердце его наивно

вбирало ура-патриотические лозунги о могуществе матушки России. А было лето 1914 года, началась война с Германией. На станции Одесса-товарная, где мальчик после ухода из магазина одесского купца помогал чем мог,своему дяде весовщику, совсем рядом грузились военные эшелоны. Стало быть, рядом была мечта. И уже совершенно логичен шаг — забраться в пустой вагон отправляющегося на фронт эшелона и уехать "зайцем" на войну". В шестнадцать мальчишеских лет рядовой пулеметной команды. Без тени сомнения под знаменами императорской армии ушли на боевые по-

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26. с. 107.

[4]Там же, с. 315.

зиции скорняк Г.К.. Жуков, приказчик А.В. Горбатов...

Как могло быть иначе? Царский генерал-лейтенант Н.Н. Головин, профессор, после революции эмигрант, издал в изгнании ряд книг, в которых попытался воссоздать картину той войны. Давая характеристику русского патриотизма в горячке начала войны, он написал:

" Эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того "панславизма", о котором любил упоминать кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сербов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату. Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длинный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников в различных походах этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских политиков. Они приучили к чувству своего рода национального рыцарства. Это чувство защитника обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове "братушка", которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ. Теперь вместо турок немцы грозили уничтожением сербам - и те же немцы напали на нас. Связь обоих этих актов была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа".

Реконструировать прошлое с достаточной степенью точности безумно трудно, но полезными вехами на этом пути могут быть рассказы забытых людей в забытых книгах. Они были современниками и в меру своих сил передали биение пульса той эпохи, дали срез настроений обычного человека, не претендовавшего на большее, чем занести свои впечатления на бумагу. К нашему времени страницы изданных тогда книг пожухли, но психология, по крайней мере авторов, видна, хотя они, понятно, не могли поставить пережитое в связь с дальнейшими событиями, потрясшими Россию.

... Манифест об объявлении войны застиг 27-ю пехотную дивизию, вскоре прогремевшую своими подвигами, в Восточной Пруссии,в лагерях Виленской губернии. Мобилизация прошла быстро и спокойно. Полки пополнились по штатам военного времени. Сверх штата прибыло много тех, кто по праву составлял золотой фонд армии, - запасных унтер-офицеров, часто с

георгиевскими крестами и медалями за японскую войну. За отсутствием вакансий старших унтер-офицеров назначали вместо взвода на отделение, а немало младших унтер-офицеров встали в строй рядовыми. Так было повсеместно, не

только в 27-й дивизии. В иных ротах в рядовых ходило до двух десятков закаленных в японской войне и на службе унтер-офицеров. Фатальная ошибка, порожденная желанием выступить немедленно во всеоружии! Они и разделили судьбу рядовых — легли в первых боях. У противника была иная практика — значительная часть кадрового унтер-офицерского состава осталась в тылу для подготовки развертывавшейся армии.

В руках тех самых офицеров, очерненных АН. Куприным в "Поединке", оказалась грозная сила армии, собиравшейся в бой. Опостылевшая мирная жизнь забыта, впереди война - цель жизни офицера. Переживания командного состава не были сложными. Командир роты 106-го Уфимского полка капитан А.Л. Успенский (естественно, монархист) размышлял: "Главное не опозориться, не осрамиться со своей ротой, а умереть - все равно — суждено только один раз, и, ведь так красиво умереть за Родину на поле брани! "Нет больше сея любви, как душу свою положить за други своя", ведь именно эта евангельская фраза самого Иисуса Христа (Ин., .15:13 - Н.Я.) была написана на стене в моей 16-й роте, вокруг киота с ротным образом! А на этом образе изображен был св. первомученник архидиакон Стефан, убитый разъяренной толпой язычников за свою проповедь о Христе и, значит, первым положивший душу свою за Самого Христа!".

Надо думать, религиозный багаж ротного и вверенных ему солдат был не тяжел. Не шел дальше наставлений священника о "взгляде православного сына церкви на дозволительность войны", подкрепленного "указаниями из слова Божия" на этот счет. А рассуждения там предельно просты: на силу - сила. Безрассудно не бороться со злом, ибо тогда зло победит добро. Все дело в том, чтобы не противиться злу злом. Да и что углубляться в раздумья, когда апостол Павел сказал ."Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного". (1. Тим., 5:8.)

От мыслей возвышенно-религиозных к делам земным — полк завершал подготовку к выступлению. И вот настал День, на площади в Вильно выстроился "покоем" для напутственного "на брань" молебна 106-й Уфимский полк. 3500 штыков, при пуле-

метной команде (8 пулеметов), роте службы связи. Команда: "Смирно! Под знамя слушай на караул!" Блеск шашек и штыков, свышевековое знамя (пожалованное в 1811 году) качнулось и застыло перед знаменной ротой. Солдаты в полном походном снаряжении замерли.

На аналой кладут большой позолоченный образ святого Великомученика Димитрия Солунского, покровителя полка, и образ Уфимской Божией Матери. Размеренные слова команды: "на молитву - шапки долой, певчие, перед полк". Писал Успенский: "Прекрасное слово о мужестве и небоязни смерти произнес наш полковой священник, всеми уважаемый пастырь. При целовании Креста он всех офицеров и солдат окропил освященной водой. Затем — горячее слово командира полка, напомнившего о присяге, о любви к царю и Родине, "ура". Оркестр играет "Боже, царя храни!" У многих на глазах слезы в эту торжественную минуту".

Молебен и морально-политическая подготовка исчерпана, полк двинулся на вокзал. По тротуарам несметные толпы провожающих обрамляют сизую щетину

штыков. На перроне торопливое прощание, бледные заплаканные жены благословляют офицеров, вешают на шеи ладанки с зашитыми святынями. Наивная и горячая вера - они уберегут от пули "моего".

И гром оркестров, замечательная русская военная музыка, не имеющая равной в мире, за счет которой еще Наполеон относил многое в победах российского оружия. Но кто возьмется указать, почему с началом войны все чаще звучал хватающий за душу марш "Прощание славянки"? Написанный совсем недавно и промелькнувший как-то незамеченным, марш этот с августа 1914 года стал необычайно популярным, под неописуемо скорбные звуки его отходили к границе бесконечные эшелоны с бесчисленных вокзалов. На Запад, на ратный труд, подвиги и смерть катились кадровые полки великой русской армии, полные мрачной решимости, вобравшие в себя цвет обученных военному делу людей.

Формула "За Веру, Царя и Отечество" была достаточной в первые годы войны для основной части офицерского корпуса и считавшихся серой безликой массой миллионов нижних чинов. Но все же и тогда пытались понять, какие мысли таятся под черепными коробками, прикрытыми тонким сукном солдатских бескозырок, на которые вскоре ливнем хлынет вражеская шрапнель. Кто марширует в густых колоннах на погрузку в

32

красные ящики товарных вагонов со стандартным обозначением содержимого:" сорок человек, или восемь лошадей"?

Некий журналист уже в 1915 году поторопился с большой книгой "... С железом в руках, с крестом в сердце". Бодрое название, радость военных цензоров, плохо гармонировало с душераздирающим содержанием:"Русский солдат, уходя на войну, прощается. И он и все окружающие определенно уверены в том, что раз война - значит, смерть. Для того и война, чтобы людей убивали. Я был свидетелем проводов запасного. Когда все уже было кончено, когда осталось только занести ногу на колесо и прыгнуть в телегу, крестьянин обошел сзади ее, стал среди улицы и истово, обдуманно отвесил четыре поясных поклона на четыре стороны. Потом встряхнул волосами, оглядел светлое, яркое, летнее небо и сказал:

— Прощай, белый свет!

И, махнув рукой, полез в телегу.

Такой солдат идет на войну с тем, чтобы умереть... Для того и война, чтоб людей убивали — велит начальство, что лучше по одному - пущай по одному. Требуется, чтобы взводом, или ротой, или полком, — можно и так; в конце концов, результат один и тот же: смерть, к которой он приготовился еще в то время, как говорил:

— Прощай, белый свет!

И если рана, жизнь — это просто счастливая, но почти совершенно, непредвиденная случайность".

Трагический, удручающе-фаталистический взгляд. Но он получил величайшее распространение далеко за пределами России. Собственно на нем зижделась вера в безотказный "русский каток" — безликие миллионы в серых шинелях затопят Германию и дадут победу просвещенным европейцам лагеря Антанты.

Впрочем и в самой России находилось немало таких " европеизированных ", особенно среди собственность имущих. Генерал С. А. Добровольский, начальник

мобилизационного, отдела, впоследствии писал об обилии "всевозможных просьб и ходатайств, письменных и личных, которые поступали к военному министру через мобилизационный отдел, об освобождении или, в крайности, об отсрочке призыва в войска. Подобные просьбы поступали не из толщи народа, а от нашего культурного общества и из среды буржуазии. И какие только кнопки ни нажимались для удовлетворения ходатайств. Конечно, на первом месте шла протекция в виде рекомендательно-просительных писем от

33

лиц самого высокого положения в мире бюрократии в по происхождению. Борьба с этим злом велась, но необходимо признать, преимущественно безуспешно. Протекция - одна из коренных язв уклада нашей русской жизни, бороться с которой можно только дружными усилиями самого общества. И в горячке дней мобилизации было не до этого".

Невидимые миру слезы мобилизационного отдела, а в численном выражении тысячи среди миллионов, уходивших на войну. Царские военачальники не испытывали и тени сомнения в том, что в их руках пластический человеческий материал, обладавший сказочными свойствами выправлять их просчеты и промахи, даже самые грубые. Простая мысль о том, что бесчисленные ряды армии состояли из несравненных русских людей, каждый из которых нес в себе мир неповторимых чувств, желаний и надежд, не осенила окостеневшие в чиновничьей рутине умы.

Потребовался Год 1917, чтобы описанная точка зрения была признана несостоятельной. Тот же Милюков в глубокой старости - в годы второй мировой войны, обратившись к истории первой, высмеял миф о "вековой тишине", как представлялось в 1914 году, царившей в России. "Конечно, русский солдат, - писал он, - со времен Суворова показал свою стойкость, свое мужество и самоотверженность на фронте. Но он же, дезертировав с фронта в деревню, проявил с неменьшей энергией свою "исконную преданность" земле, расчистив эту свою землю от русских лэндлордов... Когда-то русский сатирик Салтыков отчеканил казенную формулу отношения крестьянина к тяготевшим над ним налогам: "йон достанет". Йон не "достал", также, как "йон" и не мог на фронте пополнить своим телом пустоту сухомлиновских арсеналов. "Вековая тишина" таила в себе нерастраченные силы и ждала, по предсказанию Жозефа де-Местра, своего "Пугачева из русского университета".

Это показал опыт двух русских революций 1917 года.

Но в 1914 году власть и собственность имущие России тешили себя иллюзиями о единстве народа и царя. Правителей в Петрограде впечатлял неоспоримый факт - 96% подлежавших призыву явились к воинским начальникам. Это было просто поразительно - при скверно поставленном воинском учете предполагалось, что разница между довоенными расчетами и фактической явкой может достигнуть 10%.

На войну шел именно русский народ, ибо от воинской повинности были освобождены, по терминологии тогдашних зако-

34

нов, инородческое население Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей Сибири, самоеды Архангельской губернии, население Финляндии. По особому облегченному

положению привлекались к воинской службе некоторые из горских племен Северного Кавказа. На долю всей азиатской России пришлось не более 8% потерь -в той войне. В подавляющем большинстве те же русские - сибиряки или заброшенные в далекие края шквалом реформы. Война с беспощадным и страшным врагом - Германией собрала обильную жертву смерти среди нас, русских.

Русская военная мысль в канун 1914: правда и вымысел

Прогрессировавшая гангрена самодержавия, углублявшая с каждым годом пропасть между режимом и народом, породила. привычку критиковать российские порядки. У партии революции — большевиков — критика эта была частью действий, имевших в виду свергнуть ненавистный строй. Она носила конструктивный характер, ибо была нацелена на то, чтобы развязать силы России и, обновив страну, поставить ее во главе социально-экономического прогресса в мире. Борясь против самодержавия, российские коммунисты думали о будущем великого русского народа.

Брюзжание в кругах буржуазии, усиленное оплевывание России было бесцельным с точки зрения будущего, ибо дело сводилось лишь к смазыванию слюной дороги к власти Тит Титычам.

Систематически оплевывалось прошлое России, перечеркивалась ее многотрудная и сверкающая история. Так случилось, что почти в канун первой мировой войны прошло празднование 100-летия войны 1812 года. Несомненно самым авторитетным историческим трудом, посвященным разгрому нашествия Наполеона, было, как обозначено на титуле, "юбилейное издание" - "Отечественная война и русское общество. 1812-1912". Намечалось выпустить пять томов, вышло четыре. Прекрасно оформленные, чудо тогдашней полиграфической техники. И оперативности — четыре громадные книги вышли в Издательстве И.Д. Сытина в один 1912 год.
35

Большой авторский коллектив, среди писавших немало историков и публицистов кадетского толка. Редакционная коллегия - А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов, В.И. Пичета. Как известно, после Великого Октября пути этих троих разошлись -Дживелегов и Пичета работали в советской стране, Мельгунов писал в эмиграции. В вводной статье к изданию предупреждалось:

"Мы знаем, что одновременно с тем, как мы готовили свою книгу, над работами, посвященными Отечественной войне, сидели и другие. Нам известно, что в числе этих работ будут и такие, которые постараются разбудить в читателе низменные шовинистические чувства. Мы не станем на этот путь. Наша цель - дать книгу, объективную в полном смысле слова, такую, которая, воздавая должное русскому и русским, не делала бы из квазипатриотического ликования издевательства над французами и их невольными союзниками - но "великой армией". И те и другое слишком дорогой ценой заплатили за безумство Наполеона. Их мужество, их благородные страдания, их трагическая судьба в 1812 году — плохой предлог для шовинистических излияний. Пусть другое заслуживают свои сомнительные лавры на этом пути. Мы будем удовлетворены, если русское общество признает, что книга добросовестно старалась нарисовать

верную картину Отечественной войны, поставленной в правильные исторические рамки".

За давностью лет трудно воссоздать реакцию "общества" на издание. В любом случае хитроумные сочинители монументального труда семантическими уловками определенно исключали из понятия общества хотя бы офицерский корпус русской армии. Авторы молились другим святыням. К чему бы иначе рас суждения об армии Наполеона: "В этой большой военной семье, естественно, выработалось безграничное уважение к своему собственному достоинству, к чести своего полка, к чести самой армии" (т. 3, с. 54). Это об армии, несшей смерть и разрушение народам Европы, оставившей страшные опустошения в России во время бесславного похода на Москву! А высшая похвала русским военачальникам, сокрушившим Наполеона,—"даровитые вожди... (которые) без сомнения могли быть поставлены наравне с лучшими генералами наполеоновской армии" (т. 3, с. 86).

Но почему вторжение Наполеона в Россию потерпело страшный крах? Ответ: "В научной литературе все еще горячо деба-

36

тируется вопрос о причинах гибели французской армии — природные ли условия или победы русских сыграли тут главную роль? При ближайшем рассмотрении этот вопрос отпадает — по- беды русских потому и были так легки, что французы с трудом могли драться, подавленные теми условиями, в которые они были поставлены... Французская армия была деморализована, и к гибели ее вели в равной степени природа — суровой зимой и дурными дорогами, и свое начальство — неподготовленностью, растерянностью. Русским войскам оставалось только довершать начатое разложение армии" (т. 4, с. 205, 207). И это писали и печатали в 1912 году, когда на западных границах сгущались тучи неслыханной тогда в истории войны.

Год 1812 вошел в историю подвигом русского народа, поднявшимся на защиту Родины. Русские люди сокрушали врага и в ходе "народной войны". И по этому поводу авторам нашлось что сказать: "Но какое же может быть отечество у раба? А русский крестьянин очень часто тогда стоял ниже раба, был вещью. И подвинуть его на защиту именно отечества было вовсе не так легко... Русский человек защищал в 1812 году не свои политические права. Он воевал для того, чтобы истребить хищных зверей, пришедших пожрать его овец и кур, опустошить его поля и житницы" (т. 4, с. 229). Демагогический вздор, злоумышленное попрание элементарных принципов историзма. Как будто непонятно, что без уничтожения внешней угрозы невозможна борьба за социальное освобождение.

Так жирными мазками рисовалась извращенная картина нашего прошлого, особенно всего, что было связано с военной мощью. В то же время, живя на вулкане революции, российские буржуа с тоской взирали за кордон, находя тамошние страны, не имевшие непосредственно такой перспективы, невыразимо прекрасными. Отсюда разговоры о, скажем, высоком развитии военно-теоретической мысли на Западе — Шлиффене, Мольтке, Фоше и стенания по поводу бедности талантами русской земли, где де не произрастают военные теоретики. То, что толстолобый Мольтке, твердо следуя под штандартом педанта

Шлиффена, подготовил поражение Германии, а великолепный Фош обескровил до синевы Францию, во внимание не принималось.

Между тем, к началу первой мировой войны русская военная мысль во многих отношениях превосходила известное на Западе. Давнюю пытливость российских теоретиков резко обострили неудачи войны с Японией, и Россия оказалась един-

37

ственной крупной державой, сумевшей учесть уроки современной войны, конечно, не в той степени, в какой следовало. Впрочем, задним числом всякий умом крепок.

Блестящий вклад в военную науку внесла "Стратегия" профессора генерала Н.П. Михневича, вышедшая последним изданием в 1911 году. Занимая последовательно посты начальника) академии генерального штаба и начальника главного штаба, Михневич мог оценить связь войны и политики: " война вызывается политикой и служит ее продолжением". Политика "указывает не только цель самой войны, но она же определяет меру потребных усилий". В отличие от господствовавшего на Западе мнения, что грядущая война будет скоротечной, Михневич указывал, что она неизбежно приобретет затяжной характер. "Главный вопрос войны, - писал он, — не в интенсивности напряжения сил государства, а в продолжительности этого напряжения, а это будет находиться в полной зависимости от экономического строя государства".

Генерал Михневич полагал, что потенциальные противники России "не способны, без серьезного внутреннего потрясения, выдержать продолжительную войну", следовательно, пойдут на самые решительные действия сразу после открытия военных действий, вызвав "полное напряжение своих средств в самом начале войны". Отсюда рекомендованный им образ действия — вести затяжную войну на изнурение; "время является лучшим союзником наших вооруженных сил".

Русскую школу в области военной мысли в канун войны украшала плеяда блестящих теоретиков - генералы А.Х.Елчанинов, ВЛ.Черемисов, полковник А.А. Незнамов. Они вместе с Михневичем глубоко разработали и решили вопросы роли экономики и морального фактора в войне. Все они призывали осмыслить суворовское наследие применительно к современным методам вооруженной борьбы, помнить о русских традициях."У нас богатая доктрина ведения современного боя на заветах нашей святой старины, - писал А.Х. Елчанинов. - ...(Суворовская "наука побеждать") вечно будет новой и свежей, ибо в ней глубоко и умело схвачена самая суть лучших основ военного дела, и приложение "науки побеждать" к нынешнему огню и технике явится, по моему глубокому убеждению, во-первых, вполне исполнимым, а, во-вторых, гораздо более ценным, чем старания побольше и поменее понятнее списать готовое у иностран-

38

цев... Что может быть возвышеннее побеждать по-суворовски — на уничтожение?"

Определенное и разработанное в теоретических трудах, однако, не оказывало должного влияния на строительство вооруженных сил. В этом были виноваты не ученые, ни мыслей, ни настойчивости им не занимать - а существовавший строй. Как заметил Н.Н. Головин: "Научная организация требует не только выдающихся

представителей науки - она требует также достаточно высокого уровня социальной среды. Без этого мысли выдающихся ученых уподобляются колесам, не сцепленным с остальным сложным механизмом. Они могут вертеться, но вся работа для данного механизма происходит впустую... Этим и объясняется, что русская военная наука, насчитывавшая в своих рядах многих выдающихся ученых, тоже часто уподоблялась ведущему колесу без сцепления". Неоспоримо передовые по тому времени концепции неузнаваемо искажались, пока они доходили до претворения в жизнь.

Страстное желание извлечь максимум из суворовского наследия привело к очевидным издержкам, что видно на примере крупного военного деятеля конца XIX и самого начала XX века генерала М.И. Драгомирова. Почитая себя учеником Суворова, Драгомиров убежденно учил, что на войне "дух"-все, а "материя" почти ничто. Он со своими сторонниками верил, что, как бы ни была совершенна военная техника, решающее слово остается за человеком, призывал к "развитию высокой моральной и физической силы бойца". Перед мысленным взором Драгомирова всегда стоял суворовский "чудо-богатырь", однако он не видел, что гнилой режим не мог выработать такого бойца. Армия, комплектующаяся на основе воинской повинности, не изолированный остров, а отражает силу и слабости общества, которое она защищает.

Авторитетное и пламенное слово Драгомирова, проникнув в самую толщу императорской армии, породило в ней направление "штыколюбов", принимавших близко к сердцу суворовский принцип:" пуля-дура, штык-молодец". Хотя сам Драгомиров (умер в 1905 году) не был последовательным сторонником этой крайней точки зрения, ряд его высказываний, порою противоречивых, способствовали возникновению определенного пренебрежения к технике. Высмеивал же он пулеметы: "Если бы одного и того же человека нужно было убивать по нескольку раз, то это было бы чудесное оружие. На беду для поклонни-

39

ков быстрого выпускания пуль, человека довольно подстрелить один раз и расстреливать его затем, вдогонку, пока он будет падать, надобности, сколь мне известно, нет". С легкой руки Драгомирова, сторонников насыщения войск техникой, в первую очередь артиллерией, окрестили "огнепоклонниками".

Идейная борьба между двумя направлениями военной мысли к началу первой мировой войны закончилась компромиссом (что не лучший исход в делах военных), хотя конечная победа "огнепоклонников" не вызывала сомнения. Дело было за временем, которого не оказалось. Многолетние споры завершились принятием большой Программы усиления армии. Хотя уже несколько лет работали в определенном ею направлении, Программа получила силу закона лишь 7 июля 1914 года, т.е. за три недели до объявления войны. Завершение ее планировалось в 1917 году. Армия по штатам мирного времени увеличивалась на 39% по сравнению с 1913 годом (на 480 тыс. человек). Особое внимание уделялось укреплению артиллерии, в первую очередь тяжелой. На выполнение Программы требовалась единовременная затрата полумиллиарда рублей. В Берлине знали о размахе предстоявших военных усилий России и поторопились с войной именно в 1914 году, частично стремясь упредить ее военную подготовку.

К 1914 году кадровая русская армия была обучена в ряде отношений лучше, чем войска противников - Германии и Австро-Венгрии. Русский устав полевой службы 1912 года, по которому готовился личный состав, был самым совершенным в мире. Хотя составители не избежали крайностей драгомировской фразеологии, устав предоставлял начальникам и рядовым большую самостоятельность, пресекал шаблон, требовал сообразовываться с обстановкой. Конечно, он отражал наступательную доктрину и, к сожалению, недооценивал возможности артиллерийского огня. Но этим грешили в армиях всех держав Антанты.

На Россию определенное сковывающее влияние оказал опыт войны с Японией, когда только 14% потерь падали на долю артиллерийского огня. Первая мировая война выявила иную тенденцию - до 75% потерь войска сражавшихся коалиций понесли от артиллерии, ставшей царицей сражений. Этого в канун войны не предвидел никто, и если Германия оказалась в обеспечении артиллерией, в первую очередь тяжелой, впереди всех других держав, то это объяснялось отнюдь не тем, что

кайзеровские стратеги обладали сатанинской прозорливостью. Они просто сочли, что для успехов планировавшейся молниеносной войны необходимо в кратчайший срок разбить крепости противников, чтобы вывести войска на оперативный простор. Для этого нужно изобилие орудий крупных калибров, которыми и вооружилась Германия.

Крепости на западном фронте действительно пали под ударами тяжелых снарядов, но то, что пулемет заставит войска зарыться в землю и начнется многолетняя позиционная война, германские генералы не могли представить себе и в кошмарном сне. Позиционная война означала полный провал немецкой стратегии и в то же время вывела на первое место в вооруженной борьбе тяжелую артиллерию. В этом отношении Германия имела порядочный приоритет перед державами Антанты, который, когда выявилась непредвиденная роль тяжелых орудий, мог поддерживаться развитой немецкой промышленностью.

В канун войны Россия располагала превосходной полевой артиллерией, предназначенной для маневренной войны, ибо о возможности позиционной вообще не задумывались. Гипноз доктрины "единства калибра и единства снаряда" привел к тому, что 76 мм полевая пушка образца 1902 года была признана универсальным средством для решения боевых задач. Орудие, разработанное на Путиловском заводе, было одним из лучших в мире по всем показателям. То же можно сказать о русской легкой полевой 122 мм гаубице, а 107 мм русская полевая пушка была общепризнана как лучшая этого типа того времени.

Необходимость усиления имевшейся тяжелой артиллерии и принятие на вооружение орудий более крупных калибров в России были признаны. Начался отпуск средств на тяжелую артиллерию осадного типа, которая была бы готова к 1921 году. Что касается плана укрепления крепостей, включая артиллерийскую часть, то выполнение его было намечено завершить к 1930 году. Война пришла в 1914 году.

К началу ее Россия была полностью обеспечена орудиями по существовавшему мобилизационному расписанию — 959 батарей при 7088

орудиях. Громадная сила, союзная Франция, имела 4300 орудий. Но противники превосходили русских и французов как по общему числу орудий (Германия — 9388, Австро-Венгрия - 4088), так, что еще важнее, по тяжелой артиллерии. Германия распологала 3260 тяжелыми орудиями, Австро-Венгрия примерно 1000. На вооружении русской армии было
41
240 тяжелых орудий, во Франции тяжелая артиллерия находилась в зачаточном состоянии.

Германская дивизия, уступавшая русской по численности (12 батальонов против 16), далеко превосходила ее по артиллерии (80 орудий против 54, из них 8 тяжелых). Австрийская дивизия имела равное с русской количество стволов, но среди них было 4 тяжелых орудия. В результате по огневой мощи германская дивизия в полтора раза превосходила русскую. Когда в ходе боевых действий германское командование стягивало мощную группировку тяжелой артиллерии на тот или иной участок фронта, положение русских войск становилось в высшей степени трудным.

Если Германии не удалось реализовать свое количественное и качественное превосходство в артиллерии и добиться решительных .побед на Восточном фронте, то это объяснялось тем, что по выучке русские артиллеристы значительно превосходили как противников, так и союзников. Без всякого преувеличения можно сказать, что по стрелково-технической подготовке русская артиллерия занимала бесспорно, первое место в мире. Русские батареи на всем протяжении войны стреляли лучше, чем германские, не говоря уже об австрийских.

Главная и решающая ударная сила армии — артиллерия — была прекрасно подготовлена к первому, маневренному периоду войны. По расчетам генерального штаба, на всю войну отводилось не более шести месяцев. На этот срок и были заготовлены боеприпасы — в среднем по 1000 снарядов на орудие. Считалось.что за это время батареи не расстреляют и половины имевшегося запаса. Примерно так же смотрели на продолжительность войны французы, собравшие по 1300 снарядов на орудие., Немцы недалеко ушли вперед — 1500 снарядов.

В этом крепко ошиблись все без исключения правительства и генеральные штабы, но участники войны имели различные возможности для исправления одной и той же ошибки. Когда выявился катастрофически-непредвиденный расход снарядов, количество и темпы подачи их зависели от организованности и -мощности промышленности. А это определял весь строй государства.
42

Сухомлинов и К°.

Русская армия вышла на войну с хорошими полками, посредственными дивизиями и плохими армиями. Иными словами, за считанными исключениями, вооруженная мощь России оказалась в руках слабоподготовленного и малоспособного высшего командования. Как бы ни была совершенна военная наука и сколько бы потов ни сгоняли строевые офицеры, обучая вверенные им войска, с этим ничего нельзя было поделать. В су- мерках самодержавия высшие

должности замещались путем отрицательного отбора. Не способности и таланты, а близость к придворным кругам, интриги, пресмыкательство прокладывали путь наверх. "Правда, надо знать весь тот холопский уклад взаимоотношений, издавна установленный в Военном ведомстве, чтобы не очень упрекать в отсутствии гражданского мужества сынов того времени", — меланхолически заметил А. А. Маниковский. Ему, талантливейшему генералу-артиллеристу, ведавшему почти всю войну боевым снабжением русской армии, хорошо были известны порядки в верхах старого режима. Только в больном социальном организме мог появиться на посту военного министра в 1908 году генерал В.А. Сухомлинов. Больше дипломат, чем военный, Сухомлинов сумел обворожить вкрадчивыми манерами, умением развлекать царя. Он говорил то, что хотели слышать, не занимался делами, не желал вникать в них, ибо они мешали главному, появившемуся в жизни генерала, когда ему стукнуло 60,— любви к женщине, более чем вдвое моложе его. Не руководство военным министерством, а благополучие Екатерины Викторовны стало делом жизни старика.

Когда Сухомлинов приехал в Петербург из Киева занять пост военного министра, он привез с собой громкий скандал. Молодой муж Катеньки, богатый помещик, обиженный тем, что Сухомлинов попытался запереть его в сумасшедший дом, не давал развода. Она, женщина с воображением, попав, наконец, в столицу, подала мысль всемогущему министру - обвинить ее тогдашнего мужа в прелюбодеянии с когда-то жившей в доме гувернанткой-француженкой. Суд постановил - развести; молодость мужа и обстоятельства дела - гувернантка давно уехала на родину — придали правдоподобность всей истории. Министр вступил в счастливую семейную жизнь, а из Франции пришли документы: обиженная гувернантка прислала медицинское свидетельство, что она девица. Посол Франции явился

с пламенным протестом в МИД России, в Думе вознегодовали, газеты в меру цензурных стеснений посмеивались, а в министерстве юстиции пришлось завести дело, грозившее обернуться крупнейшими неприятностями. Скандал все не разражался — все документы исчезли прямо из сейфа министерства. Сухомлинов, хотя порядочно испачканный, отныне употреблял все усилия, чтобы тешить молодую жену. Она ответила искренней привязанностью "Азору" (так звали любимого пса супруги, и так же именовал себя влюбленный министр, поразившись чуду: читай фразу "А роза упала на лапу Азора", слева и направо она не меняется).

Над влюбленным Азором потешались, но он знал свое дело — всеми правдами и неправдами изыскивал средства, чтобы окружить роскошью женщину, начавшую карьеру машинисткой скромного киевского нотариуса. Они любили друг друга, и Катенька осталась верна Азору до конца, но, добыв свое личное счастье, военный министр принес величайшие несчастья стране.

Сухомлинов, гордившийся георгиевским крестом за войну с Турцией 1877—1878 годов, почитал себя великим знатоком военного дела и на этом основании запутал все. За шесть лет сухомлиновского правления до начала войны сменилось четыре начальника генерального штаба. Сухомлинов цеплялся за 16-ти батальонную пехотную дивизию, с которыми Россия и вступила в войну. Потребовалось более года боевых действий, чтобы стало ясно то, что было

очевидно еще до августа 1914 года — такие штаты делают дивизию громоздкой со всеми вытекающими последствиями. И только тогда, после неоправданных потерь, пехотные дивизии были превращены в 12-ти батальонные. Равным образом лишь в огне войны удалось ввести 6-орудийные батареи вместо 8-орудийных.

Война оказалась могучим арбитром, рассудила многие спорные вопросы в армии. Но до ее начала угодить лукавому царедворцу, каким был Сухомлинов, было невозможно. В 1914 году ему исполнилось 66 лет, любые нововведения он отводил, обычно ссылаясь на,уроки русско-турецкой войны. Кому обжаловать решения военного министра?

Председатель совета министров был ИЛ. Горемыкин, государственный муж с большим прошлым. Когда Горемыкина незадолго до войны назначили главой правительства, он очень удивлялся, заявляя близким: "Совершенно недоумеваю, зачем я понадобился; ведь я напоминаю старую енотовую шубу, давно

уложенную в сундук и засыпанную нафталином. Впрочем эту шубу так же неожиданно уложат в сундук, как вынули из него". Милюков заметил: "Удивить чем-нибудь Горемыкина и пробудить его к активности было, как мне самому пришлось убедиться потом, совершенно невозможно. Он на все махал рукой, говорил, что все это "чепуха, - и лежал тяжелым камнем на дороге".

В 1915 году царь спросил кратковременного министра внутренних дел Н.Б. Щербатова:

— Отчего вы не можете работать с председателем Совета Министров?

— Во-первых, - ответил "министр на час", — есть разные точки зрения... Есть и другое, более серьезное. Гораздо более простое, но и более неустранимое. Это разница взглядов двух поколений. (Мне было тогда 47 лет, а Горемыкину — 75). Я говорю, что очень люблю своего отца, я очень почтительный сын, но хозяйничать в одном имении с моим отцом я не могу. Доходило до таких разговоров. Горемыкин говорит: "Каждый столковался бы скорее с отцом, чем с сыном".

По весне 1914 года Сухомлинов и К° занялись бравадой, выбросив лозунг: "Мы готовы к войне". Нашли разбитного журналиста, сочинившего статейку "Россия хочет мира, но готова к войне", показали ее царю и ввиду отказа основательных газет тиснули в бульварных "Биржевых ведомостях" 12 марта. Безудержное хвастовство "источника", в котором без труда распознали Сухомлинова, повергло в ужас людей, знавших факты. Группа деятелей, работавшая в военных комиссиях Думы, предложила царским министрам объясниться в закрытом заседании. Вышел порядочный, конфуз.

Инициатор встречи с министрами, член Думы А.Л. Шингарев, вспоминал: "Там был военный министр, был Сазонов, министр финансов и кто-то еще. Я вновь к ним пристал с вопросом: "Если вы готовите такую военную программу, сделали вы что-нибудь для того, чтобы всю жизнь государства приспособить к надвигавшейся войне, потому что для меня несомненно, что война готова разразиться. В Германии военная программа на 1914 - 1915 годы заканчивается, а вы вашу программу начинаете в это время, и она должна у вас закончиться в 1918 году. Что же они - дураки, что будут ждать? Очевидно, они должны начать войну

раньше, прежде чем вы свою программу не начали". При этом Сухомлинов на вопросы, которые к нему обращались, да-
45
вал самые, я бы сказал, жалкие ответы. Он попросту обнаружил полное незнание своей программы.

В ответ на мою речь, он ответил, что ничего не понимает в этой пляске миллиардов, о которой говорил Шингарев. Жилинский ему подсказывал в цифрах. Он не был в курсе того громадного дела, которое проводил в Думе. Барк тогда отвечал, что, как будут устроены финансы, это будет сообщено. Оказалось и тут неподготовленность. Насчет торговых договоров тоже. Насчет союзного договора дело было несколько лучше. От Сазонова мы услышали мало-мальски осмысленный ответ. В тот момент, когда шла подготовка военной программы, когда я и все другие были убеждены, что нам не миновать войны, в это время ничего не было готово в смысле координирования действий государственной властью. Подготовки эти шли с необычайным, я бы сказал, легкомыслием".

В правительстве министр иностранных дел С. Д. Сазонов в самом деле был среди немногих, способных осмысливать обстановку. Глядя на происходившее в верхах петербургской бюрократии, он пришел в глубокое отчаяние, что и зафиксировал в своих "Воспоминаниях". После очередной встречи со звездами первой величины на небосклоне военного ведомства "я помню, под каким безотрадным впечатлением нашей полной военной неподготовленности, я вышел из этого совещания. Я вынес из него убеждение, что, если мы и были способны предвидеть события, то предотвратить их не были в состоянии. Между определением цели и ее достижением у нас лежала целая бездна. Это было величайшим несчастьем России".

Дело было не только в тех, кто формально стоял у руля власти. Не менее, если не более, пагубную роль сыграл союзник и соперник царской бюрократии - алчный крупный капитал. Прослышав о предстоящих военных заказах, монополисты пришли в ажиотаж. Уже в предвидении войны развернулась невиданная оргия наживы — грабить казну. Для этого не требовалось особой деловой изворотливости—простая бесстыдная наглость.

Царские сановники с великим изумлением и нескрываемой завистью следили за грабителями, вероятно и в сладостном ожидании, что и им перепадет. Один из величайших безобразников николаевского времени, беспардонный шут А.Н. Хвостов (министр внутренних дел в канун и в самом начале войны) рассказал, например, о мошенничестве, связанном с программой
46
военного судостроения. О том, вероятно, повествовать было легко; корабли - объекты крупные и мошенничество выглядело более выпукло, чем, скажем, на поставках сапог или продовольствия, да и время для откровений приспело - царило Временное правительство.

Ревизия сенатора Нейгарта перед войной, говорил Хвостов, указала "на существование синдиката судостроительных операций, который образовал "Общество русских судостроительных заводов" вместе с разными немецкими фирмами... Смысл этого синдиката был тот, чтобы отдельные фирмы не могли брать дешевле тех цен, которые назначит это "Русское судостроительное общество". Причем в синдикате было сказано откровенно, что прибыль должна

быть чуть ли не 100% - ровно рубль в рубль! Нейгарт находил, что,раз существует синдикат, который себе гарантирует 100%, это является помехой для воссоздания флота, потому что если Государственная дума ассигнует 500 миллионов или один миллиард, то можно было сто кораблей построить, а при таких условиях, что нужно нажить рубль на рубль, можно построить только 50, т.е. вдвое меньше... Нейгарт находил необходимым чуть ли не предать военному суду деятелей этого синдиката".

На такой героизм режим был органически неспособен, хотя было известно, что помимо наживы на судостроительную программу оказывали влияние международные банки, через которые Германия и Австро-Венгрия тормозили ее осуществление. Дело не шло, хотя специалистам было хорошо известно,к какому сроку нужны суда. История очень памятная для ее участников. В предвидении неизбежного расстрела адмирал А.Л. Колчак на допросе в Чрезвычайной следственной комиссий в Иркутске в январе 1920 года все же счел необходимым вернуться к тем дням: "Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной, и даже при определении начала ее ошибались только на полгода".

Специалисты Морского генерального штаба, среди которых заведующим балтийским театром был капитан 2-го ранга Колчак, постановили закончить программу к 1915 году. Но "постройка судов шла без всякого плана, — говорил Колчак, — в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, причем доходили до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал разме-

рам отпущенных на это средств. Благодаря этому получились какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем".

Даже в 1920 году твердый монархист А.В. Колчак не понял глубинных причин происходившего в канун войны, сообщив в Иркутске в поучение Чрезвычайной следственной комиссии: 'Так что я повторяю - вооруженная сила может быть создана при каком угодно строе, если методы работы и отношение служащих к своему делу будут порядочные. Наоборот, при каком угодно строе, если такого отношения не будет, вы вооруженной силы не создадите".

АЛ. Маниковский, выпустивший в том же 1920 году в Москве первую часть своего капитального труда "Боевое снабжение русской армии в войну 1914-1918 гг.", со всей силой подчеркнул, что нельзя рассматривать вопросы технические - вооружение армии и флота - в отрыве от строя, существовавшего в России. Он открыл свою книгу следующими словами: "Россия проиграла эту войну из-за недостатка боевого снабжения. Вот мнение, сложившееся в широких слоях общества на основании голосов, шедших из наших военных кругов, из самой армии.

Что боевого снабжения действительно не хватало нашей армии — это факт неоспоримый; но в то же время было бы грубой ошибкой ограничиться только засвидетельствованием этого факта и всю вину за понесенные неудачи свалить на одно только "снабжение"; это было бы, что называется "из-за деревьев не видеть леса", так как истинные причины наших поражений кроются глубоко в общих условиях всей нашей жизни за последний перед войной период. И сам недостаток боевого снабжения нашей армии является лишь частичным проявлением этих

условий, как неизбежное их следствие. И только принадлежа к числу внешних признаков, всегда наиболее бьющих в глаза, он без особых рассуждений был принят за главную причину нашего поражения".

Многочисленные специалисты военного ведомства, а в России никогда не было нехватки умных людей, были повязаны по рукам и ногам. Полноценная подготовка к войне была невозможна, ибо сиюминутные интересы хищного российского капитала находились в кричащем противоречии с задачами подготовки вооруженных сил к предстоящим испытаниям. В погоне за прибылью буржуазия собственными руками исподволь разрушала военную мощь империи.
48

Казенная военная промышленность была всегда бельмом на глазу для российского крупного капитала. В предвоенные годы, ссылаясь на возможности частной промышленности в производстве вооружений (что оказалось блефом), монополисты пошли походом на считанные государственные заводы, обслуживавшие военное ведомство. В них они видели конкурентов и постарались заранее захватить потенциальный рынок вооружений для себя, нисколько не задумываясь, сумеют ли они обеспечить его. Но где там думать о трудностях военного производства, когда в воспаленном воображении заводчиков плясали цифры "Большой программы".

Уже в заявлении Совета съездов металлозаводчиков северного и прибалтийского районов на имя Совета Министров в мае 1908 года, выставлялось требование: "Расширение оборудования казенных заводов должно быть запрещено Советом Министров. Если ныне заказы военного и морских ведомств дают частным заводам только спорадическую работу, несмотря на огромные затраты сих заводов на специальное оборудование, пригодное лишь для целей государственной обороны, то справедливо ли со стороны государства ухудшать условия работы на сих оборудованиях отвлечением заказов на новые, никому не нужные расширения аналогичных оборудований заводов казенных. Да и допустима ли подобная непроизводительная трата денег".

Между тем, когда буржуазия заранее пыталась отхватить львиную долю пирога военных заказов, подготовка России к войне в военно-экономическом отношении шла ни шатко ни валко, частично по вине той же частной промышленности. По существовавшему порядку, ассигнования носили строго целевое назначение - оплата производилась по сдаче того или иного заказа, а с выполнением их заводы запаздывали. В результате в 1908 году 77% ассигнованных кредитов остались неиспользованными в кассе, в 1909 году - 60, в 1910 году - 43, в 1911 году - 33%. Только с 1912 года дело пошло веселей и, помимо прочего, потому, что Главное артиллерийское управление отчаялось в возможностях частных промышленников, да и сами размеры военного производства были более чем умеренными.

Так из-за просчетов оценки размаха будущей войны было резко сокращено производство винтовок. В России было три государственных оружейных завода, выделывавших тогда прославленную винтовку Мосина,- Тульский, Ижевский и Сестрорецкий с общей годовой производительностью в 525 тыс. винтовок. С
49
1907 года с казавшимся удовлетворением потребностей наряды на производство винтовок этим заводам катастрофически понизились, в 1911, 1912 и 1913 годах

они работали соответственно на 7, 9 и 12% своей мощности В первые семь месяцев 1914 года самый мощный тульский завод с годовой мощностью в 250 тыс. винтовок дал 16 винтовок!

Но и в этих условиях заводчики не ослабили своих усилий,, домогаясь внести лепту в ружейное производство, где не было частных заводов. Натиск, сопровождавшийся буржуазной демагогией в адрес неповоротливого военного ведомства и воплями о патриотизме, оказался столь сильным, что генералы, ведавшие обеспечением, дрогнули. Главное артиллерийское управление в 1912 году решило провести опыт, выдав заказ на производство одной из простейших частей винтовки - нового прицела, необходимого в связи с переходом к остроконечной пуле. Три завода — петроградский механический и литейный, Барановский и Айваз - взялись за изготовление прицела. Первые два, — писал А.А. Маниковский — просрочив несколько контрактных сроков, наладить дела все же не могли и отказались от заказа. И только завод Айваза, хотя и выполнил этот заказ, но с большим запозданием. Вот результат этого опыта... Всего вышеизложенного, надеюсь, достаточно, чтобы понять, что выполнение всех этих предложений было совершенно не по сипам для их авторов, которые имели целью лишь одну наживу без малейшей гарантии как успеха дела, так и интересов казны".

Цепкие лапы промышленников тянулись буквально ко всему, что обещало прибыль, пусть эвентуальную, а тем временем срывалось самое необходимое. Попытка увеличить выделку латуни и мельхиора на казенном заводе встретило решительное противодействие металлообрабатывающей промышленности, представители которой добились через министерство торговли запрещение этого. В предвидении войны артиллерийское ведомство накопило на складах 215 тыс. пудов медного лома. Заинтересованные капиталисты добились в 1911 году решения государственного контроля о его распродаже. К на чалу войны более половины этого запаса было продано по 11 рублей за пуд, а с 1916 года, когда медь была исчерпана, пришлось платить по 25 рублей за пуд меди, ввозимой из-за границы. Обратились к русским промышленникам. Они потребовали громадных авансов для расширения отечественного производства меди.

50

Военно-экономическая подготовка страны к войне оказалась в тисках царской бюрократии и крупного капитала. Потребности, выясненные специалистами, так и не удовлетворялись. В 1906 году особая комиссия исчислила потребность казенной промышленности в дефицитном импортном сырье на два года войны в 28 млн. рублей. Было предложено немедлено закупить на эту сумму селитру, серу, алюминий, свинец, цинк, олово, никель, магний. Контролирующие министерства сочли: "государственное казначейство не может, согласиться на образование не приносящего дохода мертвого капитала, который может потребоваться лишь в случае гадательной войны". Военные снижали заявки, пока они не были утверждены в размере лишь 3 млн. рублей.

Коль скоро российские заводчики кричали о том, что готовы положить живот за отчизну, и придавали анафеме импорт, обратились к ним. Поразительная бережливость министерства финансов подозрительно точно отражала их точку зрения. Ничего не вышло - для получения, например, свинца из Уссурийского

края и серы из Туркестана оказалось необходимым открыть абсурдные кредиты. Перед головокружительными цифрами военные в замешательстве отступили.

Маниковский подытожил: "Тут ярко сказалось могущественное влияние на наш правительственный аппарат частной промышленности и банков, державших ее в кабале. Поход представителей этих учреждений против казенных заводов, стоявших всегда, что называется, "поперек горла" частным заводчикам, начался уже давно... не прекращался все время и, конечно, принес немалый вред делу обороны государства".

Хищники капитала сорвали мобилизацию неисчерпаемых существовавших действительных и потенциальных ресурсов страны.

О стратегии, крепостях и разведке

Кто противники России, было хорошо известно: Германия, Австро-Венгрия и досадное добавление,— Турция. Наметились и союзники - Франция и Англия. Памятуя о Седане и горя желанием взять верх над Германией, Франция еще 17 августа 1892 года подписала с Россией военную конвенцию. Тогда Париж был просителем, конвенция в очень общей форме определила, что

51

в случае войны союзники обязаны "предпринять решительные действия возможно скорее". Конкретные действия оставались на усмотрение договаривавшихся сторон. В 1907 году с завершением создания Антанты Англия встала среди открытых противников Германии.

Военная конвенция послужила основой для периодических совещаний начальников штабов России и Франции. Потерпев поражение в войне с Японией, царское правительство стало уступчивее в этих переговорах - нужда во Франции как в союзнике возросла. К 1913 году Россия взяла на себя обременительное обязательство: в обмен на французское обещание выставить на 10-й день войны 1,5 млн. человек, т.е. на 200 тыс. больше, чем определялось конвенцией, русский генеральный штаб обязался ввести против Германии обусловленные 800 тыс. человек на 15-й день. Установив точный срок, нельзя было поступить более опрометчиво. Против врага можно было использовать только треть русской армии, ибо полное развертывание ее брало два месяца. Меньшие по размерам Германия и Франция, к тому же обладавшие более развитой системой путей сообщения, завершали мобилизацию значительно раньше.

Обязательство свинцовым грузом легло на русский план "А" (план войны в случае, если Германия направила главные силы против Франции, как и произошло в 1914 году). Силы русской армии были распылены - 52% ее направлялись (что было верно, но недостаточно) против Австро-Венгрии, 33%- против Германии, а 15% оставались на балтийском побережье и у румынской границы. В нелепой дислокации ясно прослеживалось стремление прикрыть все направления, растянув войска равночисленным кордоном на 2600 километрах границы. Конфигурация тогдашней западной границы России была такова, что она четырехугольником высотой в 400 км и основанием в 360 км выступала на запад.

Почти тридцать лет начертания границы определяли подготовку этого передового театра, рассматривавшегося как огневой клин, дававший возможность

наступать в глубь Германии и Австро-Венгрии. Театр обеспечивал три сильные крепости -Новогеоргиевск при слиянии Вислы и Буго-Нарева, в центре -Варшава и на юге - Ивангород у впадения Вепржа в Вислу. Это было своего рода памятником способному военному министр} ДЛ. Милютину конца девятнадцатого века. Сооружение этих и других, менее значительных крепостей обошлось казне очень

52

дорого. Ссылаясь на то,что нужно по-новому осмысливать обстановку, Сухомлинов в 1910 году ввел в действие свой вариант стратегического развертывания — оно относилось на линию Вильно, Белосток, Брест, Ровно, Каменец-Подольск. Он распорядился строить и укреплять крепости в районах Ковно, Гродно, Осовец, Брест.

Передовой театр бросался, и там оставалась только крепость Новогеоргиевск, которую уничтожать было "жалко". Как одинокий "Порт-Артур", Новогеоргиевск отстоял теперь на 200 км западнее основных районов сосредоточения. Задача крепости, сформулированная косноязычно, — "сохранить переправы на Нареве и Висле". Опытнейший военный инженер К Л. Величко подчеркивал, что крепость Новогеоргиевск "не только не уступала, но технически была сильнее французской крепости Верден и имела полные продовольственные запасы и огнестрельные на наличные 1680 орудий разного калибра". Сухомлинов постановил взорвать и уничтожить как "излишние" крепости Ивангород, Варшава, Зегрж и Ломжа, форты, соединявшие Зегрж с Варшавой по восточному фронту Висло-Наревского укрепрайона (Варшава — Новогеоргиевск - Зегрж). Подлежали уничтожению укрепленные мостовые переправы через Нарев (Пултуск, Рожаны, Остроленка). Русские военные на местах, выставив самые различные, порой хитроумные доводы, в том числе отсутствие средств, сохранили к 1914 году все крепостные сооружения, пожертвовав только доступными для обозрения начальства фортами и боевыми казематами крепости Варшава. Забытые патриоты не смогли, однако, воспрепятствовать разоружению этих крепостей и укрепленных районов.

Новый план в корне подорвал всю наступательную доктрину, превращал франко-русскую конвенцию в клочок бумаги. В штабах округов открыто заговорили о том, что военный министр нанес удар в спину "сердечному согласию" с Францией. Последовала бумажная волокита, и перед самой войной линия развертывания была снова выдвинута на запад, но эксцентричные стратегические упражнения новатора Сухомлинова дорого обошлись России. К войне новые крепости не поспели, а разоруженные привислинская и наревская оборонительные линии не были восстановлены. Западная граница была практически оголена, на обширной территории остались лишь три укрепленных района: Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Осовец.

Впрочем, это не очень тревожило незадачливых стратегов —

53

нанеся поражение плану Сухомлинова 1910 года, они преисполнились решимости наступать и только наступать. С Францией договорено о боевых действиях против Германии: "Наступление будет наиболее выгодным с юга, т. е. от Нарева на Алленштейн, в случае сосредоточения германцев в Восточной Пруссии, или прямо на Берлин, если бы германцы сосредоточили свои главные

силы Восточного фронта в районе Торн, Познань". В любом случае русская армия должна была заставить Германию направить на Восток как можно больше сил. -

Домогательства французов привели к тому, что в канун войны русский генеральный штаб был занят исключительно Германией, на Австро-Венгрию внимания почти не обращалось, хотя против нее и выставлялись куда более крупные силы. Представлялось, что Юго-Западный фронт без больших хлопот покончит с хвастливой сенильной лоскутной империей. Порукой тому, помимо прочего, - детальное знание плана развертывания австро-венгерской армии против России.

... В 1905 году в развеселую Вену прибыл новый русский военный атташе, или, как тогда говорили, военный агент полковник М.К. Марченко, блестяще образованный офицер-разведчик. Он сумел завязать тесные отношения с одним из руководителей разведывательного бюро австрийского генерального штаба полковником Редлем. В 1907 году Марченко докладывал в Петербург о Редле, красе австрийской контрразведки: "Человек лукавый, замкнутый, сосредоточенный, работоспособный. Склад ума мелочный. Вся наружность слащавая. Речь сладкая, мягкая, угодливая. Движения рассчитанные, медленные. Более хитер и фальшив, нежели умен и талантлив. Циник. Женолюбив, любит повеселиться". Марченко с большим пониманием отнесся к страстям Редля, ссужая ему не бог весть какие суммы на грешные развлечения, а австрийский полковник, испытывая понятную благодарность, стал снабжать русского военного агента нужной информацией.

Где и что просочилось к австрийским контрразведчикам, сказать трудно, но они положительно возненавидели Марченко, не без оснований полагая, что блестящий русский офицер очень хорошо справляется со своими нелегкими обязанностями. Все полицейские ухищрения с целью выдворить Марченко из Вены разбились о его профессиональную осторожность. Для изгнания русского разведчика пришлось пойти на крайнюю меру — капризный старец император Франц-Иосиф на придворном балу,

шамкая и запинаясь, оскорбил Марченко. В 1910 году он был отозван.

Тем временем Редль стал начальником штаба корпуса в Праге. В мае 1913 года небрежность Редля навела на его след австрийскую контрразведку. Арестовывать и, судить. Редля было бы слишком — разразился бы неслыханный скандал. Контрразведчики принудили Редля застрелиться в венском отеле. В некрологе в венских газетах 26 мая 1913 года говорилось: "Высокоодаренный офицер, которому, несомненно, предстояла блестящая карьера, в припадке нервного расстройства — в последнее время он страдал тяжелой формой бессонницы - покончил с собой в Вене, где он находился по служебным делам". Редлю устроили достойные похороны. Похоронное настроение царило и в австрийском генеральном штабе, хотя по другим причинам. Из Берлина начальник немецкого генерального штаба Мольтке, младший скорбно писал австрийскому коллеге Конраду фон Гетцендорфу: "Мои думы -часто направлялись к вам, и я остро почувствовал всю тяжесть того несчастного случая, который произошел у вас". В свою очередь Конрад,уныло признал на штабном совещании: " Военному могуществу Австрии на фронтах русском и итальянском

и даже румынском рядом государственных измен, закончившихся разоблачением Редля, нанесен тяжелый удар, уничтоживший созидательную работу многих лет". Он даже считал, что в ближайшие пять лет после открытия измены Редля война против России невозможна. Признания признаниями, но Конрад все же решил проучить ловких покупателей австрийского плана стратегического развертывания. Без огласки (этим и объяснялись обстоятельства смерти и похорон Редля) план был изменен — полоса развертывания была отнесена на запад от границы на 100-200 километров, была произведена перегруппировка на левом фланге.

Расчет Конрада далеко не оправдался в войну - русские действительно со всего размаха ударили по пустому месту, но австрийцы не сумели этим воспользоваться. В предвоенный период русский генеральный штаб легкомысленно полагал, что сможет предвидеть события. На чем основывалась поразительная слепота, определять невозможно — как могли русские генштабисты верить в незыблемость австрийского плана стратегического развертывания, изменяя каждый год собственный. Последствием всего этого была подготовка к войне с Австрией спустя рукава. На оперативно-стратегической игре, проведенной Сухомлино-

1914pict/page56

Восточно-прусская операция, 17 августа — 14 сентября 1914 г.

1914pict/page57

вым в апреле 1914 года в Киеве, проигрывались только операции в Восточной Пруссии, Юго-Западного фронта как бы не существовало.

"Как будто по этому фронту для руководства игрой все уже было понятным и ясным, - писал советский исследователь проф. ВЛ. Меликов. - Мы полагаем, что в этом деле немаловажную роль играл факт покупки у полковника Редля плана стратегического развертывания австро-венгерской армии, твердая вера в его незыблемость и действительность. Это обстоятельство настраивало Сухомлинова, Янушкевича и Данилова на мысль, что, зная и имея план стратегического развертывания Австро-Венгрии, будет нетрудно с ней разделаться; к тому же русский генеральный штаб вообще не слишком уж высоко расценил австро-венгерскую армию как серьезного противника. Но, как известно, план стратегического развертывания австро-венгерской армии был коренным образом переделан Конрадом, который через свою агентуру узнал, что копия этого плана хранится в стальном сейфе в Петербурге. И в конце августа 1914 года Данилов в этом убедился, горько сетуя, что он напрасно слишком уж крепко верил в то, чему долго верить, как учит опыт истории, не полагается".

В свою очередь, умники в Берлине, убежденные в превосходстве тевтонского ума над славянским, решили спутать карты русского генерального штаба, подкинув фальшивый план германского стратегического развертывания - "Записку о распределении германских вооруженных сил в случае войны № 269 1908 г." Для вящей убедительности фальшивку скрепили своими подписями

Вильгельм II и Мольтке. Ее продали русской разведке, но надежды не оправдались — после некоторых колебаний в русском генеральном штабе распознали суть дела и истраченные деньги списали по статье убытков. Хитрость тевтонов была видна как на ладони - они пытались внушить, что на Востоке вместо одной армии будет три, а наступление на Западе пойдет не через Бельгию, а прямо через французскую границу. На планы русского генерального штаба усилия Вильгельма II и Ко, ввязавшихся в тайную войну, не оказали решительно никакого влияния.

58

Восточная Пруссия, август 1914 года

С началом -войны главнокомандующим русской армии был назначен великий князь Николай Николаевич, мужчина роста исполинского, внушительной внешности, большой внутренней пустоты, прозванный в армии "лукавым"'. Он устроил Ставку верховного главнокомандования в Барановичах. Сухомлинов, безуспешно домогавшийся этого поста, естественно, затаил великую злобу. Были образованы два фронта — Северо-Западный против Германии и Юго-Западный против Австро-Венгрии. Вся территория России разделялась на две части - театр военных действий и внутренние области государства, или глубокий тыл.

Верховный главнокомандующий получил неограниченные права на вверенном ему театре военных действий. Ему, подчиненному "исключительно и непосредственно царю", ни одно правительственное учреждение не имело права давать никаких указаний. В свою очередь, Сухомлинов был совершенно свободен; от указаний Николая Николаевича, т. к. войска в тылу подчинялись по-прежнему военному министру. Верховный Главнокомандующий не мог приказывать и Главному артиллерийскому управлению, следовательно, все боевое снабжение армии было вне его компетенции, не говоря уже об интендантском довольствии. Бескомпромиссное разделение на фронт и тыл, вопреки логике вооруженной борьбы и здравому смыслу, обернулось для России самыми тяжкими последствиями.

Мобилизация давала России 114 дивизий, 94 из которых направлялись против Германии и Австро-Венгрии. Им противостояли 20 немецких и 46 австрийских дивизий. Однако по совокупной огневой мощи вражеские дивизии очень немногим уступали русским. В первые два месяца войны до окончания сосредоточения русской армии противник обладал преимуществом. И при таком соотношении сил Россия, связанная военной конвенцией, открывала наступление.

Еще не подтянулись войска к границам (армия увеличивалась с 1,5 млн. до 5,5 млн. человек), а из Парижа уже сыпались настойчивые требования ни больше ни меньше как идти на Берлин. 1 августа, в день объявления Германией России войны, русский военный агент АЛ. Игнатьев телеграфирует из Парижа, что военный министр Франции "совершенно серьезно полагает возможным для нас вторжение в Германию и движение на Берлин со стороны Варшавы". Русское командование сопротивля-

59

лось домогательствам неделю, продолжая сосредоточение войск по предвоенным планам.

В Петрограде французский посол Палеолог обивает пороги, требуя скорейшего перехода в наступление. На приеме у царя 5 августа он говорит: "Я умоляю Ваше Величество приказать Вашим войскам немедленное наступление. Иначе французская армия рискует быть раздавленной". Посол, припадавший к стопам монарха, добился своего. 8 августа Северо-Западный фронт получает приказ: "Ввиду направления главных сил Германии против Франции и необходимости поддержать нашу союзницу, Верховный Главнокомандующий повелел: "Гвардейский и 1-й армейский корпуса в составе, указанном в боевом расписании, изъять из состава 1-й армии и направить в Варшаву".

На левом берегу Вислы у Варшавы начинается формирование 9-й армии для наступления на Берлин. В результате к двум расходившимся операционным направлениям - на Восточную Пруссию и в Галицию - прибавилось третье. Ради действий здесь растаскивались войска, назначенные для действий на первых двух. "При существовавшем в действительности соотношении сил, — замечает Головин, - подобная просьба была в полном смысле слова равносильна требованию от России самоубийства". А французские газеты, предвосхищая события, уже изображали на первых страницах широкую, в палец толщиной, стрелу, упиравшуюся с Востока в Берлин.

Еще на Западном фронте не был приведен в действие могучий механизм вторжения, еще никто не слышал о марше полчищ Клука, а в столице России домогательства, мольбы и внушения Палеолога сделали свое дело. Еще бы! Посол просил не о содействии союзнику, а о спасении прекрасной Франции.

10 августа Ставка приказывает главнокомандующему Северо-Западным фронтом Жилинскому: "Принимая во внимание, что война Германией была объявлена сначала нам и что Франция как союзница наша, считая долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам в силу тех же союзнических обязательств поддержать французов ввиду готовящегося против них удара германцев... Верховный Главнокомандующий полагает, что армиям Северо-Западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее время, осенив себя крестным знамением, перейти в спокойное и планомерное наступление". В ближайшие дни от последних слов ничего не осталось - русские войска, так и не

60

закончившие сосредоточения, подталкивались к стремительному наступлению. В Ставке, как видно из приказа, несомненно верили, что русских офицеров вдохновит образ Франции, благородно ищущей реванша за 1871 год.

План операции состоял в том, что 1-я русская армия (Ренненкампфа), наступая с востока, а 2-я армия (Самсонова)-с юга, разбивают противостоящую 8-ю немецкую армию (Притвица) и перехватывают ее пути отступления к Висле. Хотя русские армии имели некоторое превосходство в людях над немцами (в 8-й армии было около 200 тыс. человек), противник был много сильнее в огневой мощи, действовал, опираясь на укрепленный район, каким была вся Восточная Пруссия, и располагал великолепной сетью путей сообщения, дававших возможность быстро маневрировать. К моменту вступления русских в Восточную Пруссию 8-я армия была полностью сосредоточена и готова к борьбе.

17 августа 1-я русская армия двинулась через германскую границу. Немецкий 1-й корпус (Франсуа), не имевший точных данных о русских, самоуверенно

ввязался в бой, но был с чувствительными потерями отброшен. Суетливый генерал Франсуа, вероятно, опасаясь неприятностей за самочинные действия, послал Притвицу лживое донесение, соблазняя его устроить русской армии шлиффеновские клещи. Видный советский военачальник, проф. И.И. Вацетис в специальном исследовании боев в Восточной России в 1914 году, опубликованном в 1929 г., заметил: "Командование 8-й герм, армии шло на поводу у ген. Франсуа, который плохо разбирался в стратегической обстановке на прусском театре. Ген. Притвиц, поверив фантастическим оперативным затеям Франсуа, бросил войска в пропасть неизвестности. Главная роль принадлежала ген. Франсуа, а XVII корпус Макензена должен был своими действиями способствовать достижению ген. Франсуа какого-то военного успеха, вероятно, отыграться после постигших его неудач в споре с командармом. Прямым последствием такого легкомысленного отношения к подготовке операции получился тот сумбур, свидетелями которого мы были 20 августа. Операция кончилась, как следовало ожидать, общей паникой. Что касается русских, то они не только не были разбиты, но даже не были стронуты с места".

Гумбеннинская победа наших подняла дух Антанты. Чары непобедимости германцев, давившие поколения Запада (вспомним Францию), рассыпались. Под ударами русского оружия!
61

Как все это произошло? Ведь под Гумбинненом русские корпуса, имевшие 64 тыс. человек, столкнулись с немецкими силами в 75 тыс. человек, имевшими тяжелую артиллерию. Подогретые шнапсом и патриотическими воплями, выкатив водянистые белесые глаза, немцы под барабанный бой грудью двинулись в атаку — защищать имущество прусских юнкеров. Топали как на параде, выставив штыки-ножи, густыми цепями, за которыми следовали резервы в колоннах. На боевых лошадях гарцевали офицеры, били барабаны, заливались рожки, перекрывавшиеся ревом тысяч здоровых глоток. Последовавшее не поддается описанию. Третий русский корпус, на который легла тяжесть сражения, продемонстрировал великолепную дисциплину огня Стоило немцам подойти, как на пехоту обрушилась русская артиллерия — а по силе шрапнельного огня восьми орудийная батарея могла в несколько минут уничтожить неосторожно от крывшийся целый батальон в сомкнутом строю. Под Гумбинненом Франсуа и Макензен гнали в атаку в плотных построениях полк за полком. Цели не приходилось искать.

1-й дивизион русской 27-й артиллерийской бригады в этот день с 9 до 16 часов выпустил 10 тыс. снарядов, или почти по 400 снарядов на орудие! Значительная часть боя легла на 27-ю пехотную дивизию, которая успела окопаться только для стрельбы лежа. Пулеметы расположили повзводно за пехотой с тем, чтобы вести огонь через головы своих войск. Артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем наступавших прижали к земле.

Залегшие, поредевшие немецкие цепи отчаянно взывали о поддержке своей артиллерии. Плохо обученные стрельбе с закрытых позиций, кайзеровские батареи браво, галопом выскакивали на открытые места. Стремительно разворачивали орудия, но успевали только пролаять команды и сделать несколько выстрелов, как их подавляли. На участке русской 27-й дивизии германский дивизион появился в каком-нибудь километре от наших цепей.

Сосредоточенным ружейным, пулеметным и орудийным огнем наглецы были моментально уничтожены, все 12 орудий с передками стали трофеями.

Разгром своей артиллерии (в то время как русская, в основном стрелявшая с закрытых позиций, осталась неуязвимой), когда на глазах гибли дивизионы и батареи, до основания потряс немецкую пехоту. Еще три раза она поднималась в атаку. Безрезультатно. Уткнувшиеся в землю цепи попытались под толкнуть корпусным резервом. Это еще ухудшило дело: перемешавшиеся части несли тяжелые потери и отхлынули назад. Но нужно было еще выползти с поля боя под сильным ружейным и пулеметным огнем. Перед 27-й дивизией осталось

62

свыше двух тысяч трупов немецких солдат, убитых в основном пулями в голову. Потери боевой 27-й не достигли и тысячи человек, а противник потерял свыше трех тысяч убитых, раненых и пленных. Оторвавшись от русских, XVII германский корпус побежал. Макензен, выехавший со штабом для водворения порядка, не смог остановить легконогих вояк. Разгромленный корпус, потерявший свыше 200 офицеров и 8000 солдат, откатился за день на двадцать километров. В несколько большем порядке отступил и корпус Франсуа. Общие потери немцев превысили 10 тыс. человек.

Полная победа - 1-я русская армия вышибла ворота в Восточную Пруссию. У Ренненкампфа были наготове шесть кавалерийских дивизий генерала Хана Нахичеванского, не принимавшие участия в сражении; боевой третий корпус был полон воодушевления. Оставалось немногое - отдать приказ на преследование. Его не последовало.

Ренненкампф и Жилинский рассудили, что 8-я немецкая армия уходит к Висле, и решила, что с ней справится подступавший с юга Самсонов. 1я армия пошла осаждать Кенигсберг, куда, по ее данным, отошли оба разбитых при Гумбиннене немецких корпуса. Тем самым на фронтовой операции русских армий в Восточной Пруссии была поставлена точка. Самсонов был предоставлен своей участи.

В штабе Притвица царило величайшее смятение - он уже отдал приказ об отступлений за Вислу. Чем дальше от фронта, тем безнадежнее представлялось положение. Паника захлестнула Берлин и Кобленц, где находилось верховное главнокомандование Германии. Прусская аристократия осаждает императора, слезно моля спасти родовые имения от казаков. Во весь исполинский рост встал призрак русского вторжения в Германию.

Начальник германского генерального штаба Мольтке предается мучительным раздумьям — что проку в блестящих победах на Западе: пусть пройдена Бельгия и уже маячит Париж, когда русские армии идут на запад. Итог раздумий - перебросить в Восточную Пруссию 6 корпусов и кавалерийскую дивизию. Дополнительные размышления, и на восток отправляются пока два корпуса — гвардейский резервный, XI армейский и 8-я саксонская кавдивизия. Вместо Притвица командующим в Восточной Пруссии назначается престарелый Гинденбург, начальником штаба при нем— Людендорф. Ослабление немецкого правого крыла, заходившего на Париж,

63

отправкой войск против России имело фатальные последствии для Германии. В разгар гражданской войны в Советской Рос. сии в 1918 году в Москве увидел свет

1-й выпуск "краткой стратегического очерка войны 1914—1918 гг." В нем была под. черкнута стратегическая важность победы под Гумбинненом "Ее влияние тотчас же сказалось на французском театре, еще не успели разбитые 7 (20) августа германские корпуса отойти от фронта 1-й армии, как 8 (20) августа германские корпуса отойти от фронта 1-й армии, как 8 (21) было решено ослабить наступавшую через Бельгию германскую армию... Эти корпуса как мы уже говорили, были взяты от 1-й армии Клука и 2-й Бюлова, на которые позже в сражении на Марне 27 августа (6 сентября) обрушился главный французский удар. Это обстоятельство усиливает значение нашей победы 7 (20) августа".

Гумбиннен, день русской славы на исходе третьей неделя войны - вызвал страшный психологический шок в Германии, сорвал немецкие планы молниеносной войны. То был первый шаг на пути к конечному поражению Германии.

Русская армия блестяще выполнила свой долг в коалиционной войне, но союзник не унимался. 21 августа, на следующий день после Гумбиннена, Палеолог записывает: "На Бельгийской фронте наши операции принимают дурной оборот. Я получил указание воздействовать на Императорское Правительство дабы ускорить насколько возможно начало наступления русских армий".

Посол обегает министерские кабинеты, жестикулируя и закатывая глаза, рисует самое бедственное положение любимой Франции. 26 августа у министра иностранных дел С Д. Сазонов) Палеолог декламирует: "Подумайте, какой тяжелый час насту пил для Франции". Сазонов попытался осадить разгорячившегося посла. Он осторожно заметил, что в высших русских штабах растет убеждение, что поспешное наступление в Восточной Пруссии осуждено на неизбежную неудачу, "так как наши войска еще слишком разбросаны и перевозка их встречает много препятствий". Посол всем видом изображает величайшую скорбь. Вздохнув, Сазонов заканчивает: "Но так как мы не имеем права дать погибнуть нашему союзнику, то, несмотря на неоспоримый риск предпринятой операции, наш долг немедленно наступать, что и приказал великий князь".

В тот же день, 26 августа, Палеологу приходит из Парижа телеграмма: "Из самого надежного источника получены сведения

что два вражеских корпуса, находившиеся против русских армий, переводятся сейчас на французскую границу. На восточной границе Германии их заменили части ландвера. План войны Большого германского генерального штаба совершенно ясен и нужно настаивать на необходимости самого решительного наступления русских армий на Берлин. Срочно предупредите российское правительство и настаивайте". Итак, французскому правительству мало, что разгорелось сражение в Восточной Пруссии, нужно еще наступление на берлинском направлении!

Между тем, в эти дни происходит обратное сообщенному из Парижа - два корпуса спешат с французского фронта на Восток. Нажим союзника на русское высшее командование приобрел неприличный характер. Николай Николаевич с ложным рыцарством торопит Жилинского, а тот погоняет А. В. Самсонова, армия которого несет тяжкий крест наступления на северо-запад через Восточную Пруссию. Ободренный Гумбинненом, Самсонов гонит солдат по пескам,

бездорожью, чтобы успеть преградить путь отхода, как представлялось, разбитой 8-й армии. Недавний кавалерийский генерал Самсонов, переведенный в пехоту для "омоложения" командного состава, меряет все мерками кавалерии и безжалостно понукает сырые корпуса, которые физически не в состоянии покрывать потребные в день версты. Тылы отстают, боевые порядки расстраиваются, кадровые офицеры с отвращением говорят: происходит не марш "строевых частей, а шествие богомольцев".

Командование непримиримо: оглядываясь на французов, оно верит, что солдат, неделями не видящих горячей пищи, а то и хлеба, воодушевит воззвание Николая Николаевича "К полякам": "Идет вам навстречу великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде". Центральные корпуса 2-й армии Самсонова вышли в исторический район Грюнвальда, где в 1410 году славяне разбили тевтонов, носивший в 1914 г. немецкое название Танненберг. Здесь в конце августа 2-й армии А.В. Самсонова было суждено дать решительный бой и потерпеть поражение.

В том самом "Кратком стратегическом очерке войны 1914-1918 гг." военные специалисты юной Красной Армии писали в 1918 году под свежим впечатлением от поражения А.В. Самсонова. "Исследующий эту катастрофу нашей 2-й армии, — предупреждали они, - должен стараться не подпасть под очень распространенный взгляд немецких военных писателей, стремя-

щихся создать из этого события картину по рецепту германского генерала Шлиффена. Обыкновенно рисуется, что поражение Самсонова - не что иное, как воспроизведение на практике маневра, намеченного Шлиффеном в его теоретических "Каннах". Немецкая военная литература... неправильно старается придать самсоновскому поражению вид шлиффеновских рецептурных "Канн". В общее мнение Европы делается попытка вбить идею о всегда победоносном способе действий Гинденбурга, как некогда в нас вбили идею о победоносном "косвенном" боевом порядке Фридриха Великого... Ниже мы увидим, что между аннибаловскими Каннами н гинденбурговским Танненбергом нет никакого ни по форме, ни по идее сходства".

Людендорф, обнаруживший, что 1 -я русская армия практически не продвигается, решил обрушиться на 2-ю армию Самсонова без оглядки шедшую на северо-запад. К 26 августа немцы собрали против нее все войска восточнее Вислы, примерно 12 дивизий против 9 усталых русских. Противнику удалось создан двойное превосходство над армией Самсонова, перед ее фронтом появились приведенные в порядок 1-й и XVII-й немецкие корпуса. "Помня урок Гумбинненского боя, - замечает И.И. Вацетис, - Франсуа и Макензен под Зольдау и Бишофсбургом действую: крайне осторожно: Франсуа не ставил своему корпусу рискованных задач, а Макензен не послал в бой пехоты без артиллерийской поддержки". Гинденбург и Людендорф вознамерились раздавить Самсонова простым численным превосходством.

26-31 августа произошло сражение, в начале которого командование 2-й армии сыграло в поддавки врагу. Не зная, что против него собралась почти вся 8-я армия, Самсонов настоял на дальнейшем продвижении центральных - XV и XШ русских корпусов. Последовали немецкие атаки, русские контратаки, Несмотря на превосходство в силах, Канны не удавались. Русской контратакой было

разгромлено правое крыло корпуса Франсуа. "27 августа, - пишет И.И. Вацетис, - принесло командованию 8-й германской армии одно из самых горьких разочарований, а именно - провал плана окружения 2-й армии генерала Самсонова. Группа ген. Франсуа определенно выдохлась и должна была ограничиться занятием Уздау и небольшим продвижением к югу. Восточная же группа (ген. Макензен, Бюлов и Брехт) балансировала в районе боевых действий 26 августа, не проявляя должной энергии ни против правого фланга, ни против тыла ген. Самсонова. Группа ген. Шольца потерпела вторично
66
неудачу. После неудавшегося фантастического плана окружения всей армии ген. Самсонова ген. Гинденбург решает ограничиться более скромной задачей, а именно: окружить XV и XШ русские корпуса зарвавшиеся в направлении Алленштейн-Остероде".

Не удалось, полностью выполнить и этот план, немецкие войска терпели многочисленные поражения. Утром 28 августа при попытке охватить фланг XV корпуса была наголову разбита 41-я пехотная дивизия. Дивизия сама попала в окружение, и, констатируется в официальном немецком источнике, "войскам пришлось прорываться обратно через двух с половиной километровый широкий прорыв... было потеряно 13 орудий и 2400 человек... В последних боях 41-я дивизия потеряла треть своего состава, после этого последнего несчастного наступления остатки имели небольшое боевое значение". И.И. Вацетис комментирует: "Фактом разгрома 41-й германской дивизии у"Ваплиц была ликвидирована единственная попытка командования 8-й немецкой армии окружить центральные корпуса ген. Самсонова". Так что же произошло в эти дни, были ли окружены крупные группировки армии Самсонова или нет? Советские военные историки дают категорический ответ - окружения не было, а шло очень беспорядочное сражение, частично с перевернутым фронтом. Осознав, наконец, превосходство сил противника, Самсонов утром 29 августа отдал приказ об отходе. Войска перемешались, и не все получили его, но сражение продолжалось с неослабевающей силой. Командир XШ корпуса генерал Клюев писал: "Прикрывавший тыл 143-й пехотный Дорогобужский полк во главе с доблестным командиром полка, полковником Кабановым, имел славный бой с немецкой бригадой в 10-ти верстах к югу от Алленштейна. Целый день сдерживал он атаки немцев, три раза отбрасывая их штыками. Командир полка был убит, и остатки полка присоединились к корпусу лишь к ночи. На месте боя было похоронено 600 немцев, как значится на надгробном памятнике".

Немцы дрались отнюдь не согласовано, генералы часто теряли управление войсками. К вечеру 28 августа, свидетельствует официальный немецкий источник, на ряде участков, так называемого "окружения", германцы внезапно ударились в бегство. "Беспокойство, охватившее штаб 8-й армии, заставило ген. Гинденбурга отправиться на место паники и личным присутствием способствовать восстановлению порядка, но паника в районе Танненберга приняла уже стихийный характер. Навстречу автомобилю
67
ген. Гинденбурга неслись галопом транспорты,тяжелая артиллерия с криком: "Русские наступают!" Дороги были сильно запружены. Автомобиль командарма

рисковал быть увлеченным потоком бегущих. Гинденбург при виде общей паники должен был свернуть на Остероде".

Не рассмотрел, В действительности шел отход 2-й армии, части которой огрызались огнем и часто переходили в контратаки. Потери с обеих сторон были велики, немцы шли по пятам за русскими. Вспыхивавшие схватки отличались крайней остротой. Участник боя Каширского полка, оставленного в арьергарде, рассказывает: "Около 5—6 утра из леса вышла большая немецкая колонна. Колонна шла без охранения. Это была 37-я пех. дивизия. Когда голова колонны подошла шагов на 600—800, по ней был открыт ураганный картечный, пулеметный и ружейный огонь, доведенный до стрельбы почти в упор. Немцы не выдержали и обратились в бегство, оставив на поле груды убитых и раненых. Через час то же повторилось с колонной, вышедшей из леса северо-западнее (дивизия ген. Гольца). После этого наступление затихло до 11 часов. За это время немцами был подготовлен артиллерийский огонь по Каширскому полку со всех сторон из легких и тяжелых пушек. Огонь был чрезвычайно сильный, стреляло не менее 100-150 орудий. Издали казалось, что каширцы вместе с землей приподняты в воздух. Спастись удалось немногим..."

Умирали с оружием в руках арьергарды, с отчаянной решимостью бросались на врага, выходившего на пути отхода авангарды. Генерал Клюев в мемуарах писал: "Приходилось отбиваться на все стороны". Капитан штаба XIII корпуса записывал: в ночь на 30 августа на опушке поляны отходившие части "встретил луч прожектора, а затем несколько очередей на картечь. Колонна остановилась, произошло замешательство, но вскоре части оправились. По частному почину бывших здесь офицеров выкатили 2 орудия на шоссе, 2 других поставили на соседнюю просеку, рассыпали по обеим сторонам шоссе пехоту, затем подняли и, когда вновь заблистал прожектор, встретили его ураганным огнем, а затем дружно перешли в атаку. Немцы поспешно бежали, оставив раненых и убитых. Пулеметы и орудия успели увезти. Путь был свободен".

К исходу 30 августа снова наткнулись на противника. "Немцы заняли артиллерией и пулеметами все просеки у поляны и нетерпеливо ждали подхода своей жертвы. Когда стало известно,

что дальнейший путь прегражден, в колонне у всех от мала до велика явилось желание пробиться во что бы то ни стало. Быстро поданы на просеки орудия и пулеметы, был открыт беглый огонь, и части во главе с командиром Невского полка полк. Первушиным бросились в атаку. Прорыв был настолько силен и неожидан для неприятеля, что немецкая бригада здесь не выдержала и, бросив орудия и пулеметы, бежала. Около 20-ти орудий, некоторые с полной запряжкой, и большое количество пулеметов достались в руки атакующих".

Немецкое описание этого боя добавляет. "В 1-й бригаде завязалась краткая, но тяжелая схватка с русскими. В обширном лесу в сплошной пыли немецкие войска расстреливали друг друга. Ген. Тротта (командир бригады) и два батальонных командира были убиты. Потери были очень большие".

Героизм отдельных частей не мог обеспечить планомерного отхода. Штаб армии и даже штабы корпусов потеряли управление войсками. Потрясенный тем, что победоносный марш в два-три дня обернулся поражением, генерал А.В. Самсонов застрелился. В плен попали командиры XV и XIII корпусов и еще

несколько генералов. Из 80 тыс. человек, входивших в эти корпуса и 2-ю пехотную дивизию, которым пришлось пробиваться с боем, вышло 20 тыс. человек, было убито 6 тыс. человек, 20 тыс. раненых остались на поле боя. В плен попало около 30 тыс. человек.

Потери немцев, за исключением, конечно, пленных были не ниже, чем во 2-й армии. Гинденбург докладывал в германскую главную квартиру: противник сражается "с невероятным упорством", Людендорф признавал, что опасения за "дурной исход операции" не покидали его до самого конца. Если бы Самсонов не утратил управления войсками 28 и 29 августа, то центральные корпуса его армии несомненно сумели бы в порядке отойти.

Немецкая военная пропаганда поторопилась раздуть "победу При Танненберге", утверждая, что только пленных было взято около 100 тыс. человек, а несметные массы русских утонули в болотах, которых в местах, где происходили бои, не было в помине. Вымыслы о случившемся имели точные адреса - подорвать веру союзников в Россию, попытаться убедить население Германии, что дела на Восточном фронте исправились Немецкие пропагандисты собрали дивиденды, на которые, видимо, не могли рассчитывать, — поражение Самсонова использовали буржуазные круги в России грезившие о власти. В местах где дрался

1914pict/page70

Галицийская битва, 18 августа — 21 сентября 1914 г.

1914pict/page71

левофланговый корпус Самсонова, у Сольдау, случился зрителем напросившийся на фронт А.И. Гучков. В 1917 году он показал в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: уже в августе 1914 года "он пришел к твердому убеждению, что война проиграна" на основе "первых впечатлений уже на самом театре военных действий, поражения у Солдау", которое ему довелось "одним крылом захватить"...

Исследовавший не эпизод, а всю Восточно-Прусскую операцию советский военный историк профессор А.М. Зайончковский недвусмысленен в своих выводах: "Германское командование не имело никаких оснований венчать себя лаврами Ганнибала провозглашать Танненберг "новыми Каннами", но дело не в форме, по которой были разбиты 5 русских дивизий, а в том что сами по себе "Канны" явились последним, случайным и при этом не главным этапом армейской операции 8-й германской ар ии. Русские войска в основном потерпели поражение не от германских войск, сколько от своих бездарных высших военачальников".

Как могло быть иначе, когда 1-я армия Ренненкампфа простояла без движения, в то время как решалась судьба самсоновской. Масса конницы Хана Нахичеванского жалась к пехоте,; не пошла в рейд чего смертельно боялись в немецких штабах. Только бездействие 1-й армии дало возможность Гинденбургу

и Людендорфу собрать превосходящие силы против 2-й русской армии. К этому нужно добавить небрежность русских штабов в пользовании радиосвязью: важнейшие сообщения шли либо от крытым текстом, либо незамысловатым кодом, Людендорф без труда заглядывал в карты противника.

Что касается самой 2-й армии, то прав генерал Клюев: "Причины катастрофы: неготовность армии к наступлению, неустройство тыла и коммуникаций, несистематичность и чрезмерная форсированность марша, неосведомленность о противнике чрезмерная растянутость фронта, переполнение частей, брошенных в первую очередь против германцев, запасными, переутомлении от беспрерывного марша с боями, от бессонных ночей, недостатка продовольствия. Эти причины вызваны главным образом желанием спешно помочь союзникам в их тяжелом и безысходном положении, и спешка проходит красной нитью сквозь всю операцию, которую, повторяю, можно уподобить скорее кавалерийскому рейду, чем наступлению армии".

Армию А.В. Самсонова безоговорочно принесли в жертву, чтобы выправить положение на Западном фронте. Корпуса, снятые из ударной немецкой группировки, заходившей на Париж, не поспели к Танненбергу. Но их не было в сражении Марне.

Маршала Ф. Фоша никак нельзя отнести к числу любивших нашу страну. Размышляя в старости о событиях первой мировой войны, он тем не менее воздал должное России: "Большие вой

ны, особенно те, которые затрагивают несколько союзных государств, и большие сражения, разыгрывающиеся во время таких войн, нельзя рассматривать только с точки зрения каждой из участвующих в них групп сил... Мы не можем забывать о наших союзниках на Восточном фронте, о русской армии, которая своим активным вмешательством отвлекла на себя, значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу на Марне". Ему, командующему 9-й французской армией, решившей исход битвы на Марне, это было ясно как день.

Победа в Галиции

Марна воспета на Западе. К этой саге ничего не добавить, -нельзя и буквы вставить между плотно пригнанными словами драгоценного национального эпоса Франции.

Составители того самого "Краткого стратегического очерка войны 1914-1918 гг." видели это уже в 1918 г. Поэтому, приступая к описанию операций Юго-Западного фронта — Галицийской битвы, они сдержанно заметили: "10 (23) августа южнее Красника произошло столкновение нашей наступавшей 4-й армии с так же перешедшей в наступление австрийской армией. Этот бой, постепенно развиваясь, положил начало 21-дневному сражению на 500-верстном фронте от Вислы до Днестра, где участвовали 728 русских батальонов против 648 австро-германских, или 582000 русских штыков против 518000 штыков австро-германских. Это Галицийская битва совпала по времени с Марнской битвой 24-29 августа (6-11 сентября), в которой на 700-верстном фронте боролись 636 французских батальонов, или 508000 штыков против 480 немецких батальонов, или 390000 штыков". Написавшие эти строки по понятным соображениям не

могли тогда точно подсчитать, сколько войск было по ту сторону русского фронта. Историки со временем установили - более 700 тыс. австрийцев и немцев.

Итак, в Галицийской битве с обеих сторон сражалось 1,5 миллиона человек, в то время как в Восточной Пруссии это число никак не превышало 300 тысяч человек.

Четыре армии Юго-Западного фронта сосредоточивались, имея

1914pict/page74

в виду нанести концентрический удар в Галиции с севера и востока на правом фланге с линии Люблин-Холм на фронт Тарнов, Перемышль выступали 4-я и 5-я армии, а из района Ровно, Проскуров в направлении Львов—Станислав действовали 3-я и 8-я армии. Полагая, что противник придерживается плана, проданного Редлем, русское командование надеялось захватить основную группировку австро-германских войск в приграничной полосе, окружить и разгромить ее, не дав отойти к Карпатам. К сожалению, отнесение Конрадом линии развертывания внутрь не дало возможности ударить по флангам, и русские армии натолкнулись частично во встречном сражении на огневой фронт.

Пока сосредоточивались ударные русские группировки, вся граница полыхала — с обеих сторон выбрасывались разведывательные отрады, иногда до бригады. В некоторые приграничные русские города врывались немцы или австрийцы. Поведение их было неописуемо - массовый грабеж, расстрелы заложников, насилия над женщинами. В Ченстохове было расстреляно 18 человек, богатейший Ясногорский монастырь был разграблен и осквернен. Немецкая солдатня устроила там дикие оргии, куда сгоняли местных женщин.

Местом жуткой, кровавой бойни стал Калиш. В официальном сообщении главного управления генерального штаба России сухо перечислялись только считанные злодеяния, совершенные по приказу немецкого командования: "Когда президент города Буковинский, собрав с населения по приказу генерала Прейскера 50 тысяч рублей, вручил их немцам, то был тотчас же сбит с ног, подвергнут побоям ногами и истязанию, после чего лишился чувств. Когда же один из сторожей магистрата подложил ему под голову свое пальто, то был расстрелян тут же у стены. Губернский казначей Соколов был подвергнут расстрелу после того, как на вопрос - где деньги? - ответил, что уничтожил их по приказанию министра финансов, в удостоверении чего показал телеграмму". Местных жителей расстреливали на каждом шагу:. "трупы лежат неубранными на улицах и в канавах... За нарушение каждого постановления генерала Прейскера приказано расстреливать десятого".

Люди 1914 года были потрясены; вести о чудовищных зверствах потоком шли из Бельгии, Франции, России-отовсюду, куда вступал кованый сапог немецкого солдата. Мир еще не знал фашизма,Освенцима,Дахау гитлеровского геноцида,но разве не вещими, в свете узнанного нами в 1941 -1945 годах, звучат наив-

1914pict/page76

ные слова предисловия к книге, составленной по документам и показаниям очевидцев, "Немецкие зверства", выпущенной в 1914 году в Петрограде :

"На поверку вышло, что немецкие офицеры, в особенности цвет их - пруссаки, лишены нравственных понятий культурного человека, потому что только нравственный урод или половой психопат способен на глазах родителей убить их ребенка или изнасиловать их дочь, или в присутствии оскорбленной и униженной девушки расстрелять ее отца только за то, что несчастный осмелился протестовать против наглого и циничного обыска, произведенного немецким лейтенантом. Пусть об этой предсмертной пощечине, полученной прусским наглецом, помнят наши внуки и правнуки, чтобы они знали, какой зверь, похотливый и кровожадный, таится в немце, выжидая лишь момента, когда ему позволено будет дать волю своим низменным инстинктам... Военная гроза пройдет, заживут раны, но память о зверских выходках швабов не должна глохнуть, и пусть всеобщее презрение будет возмездием рыцарям немецкой доблести".

Уже тогда, в августе 1914 года, хорошо знали, что враг систематически нарушает законы и обычаи войны. Пытки и убийство пленных в руках германцев и австрийцев были не исключением, а правилом. В первые недели войны немцы стали применять разрывные пули дум-дум, запрещенные Гаагской конвенцией. Мирные города беспощадно обстреливались из тяжелых орудий. Тот же Калиш перед уходом немцев был разгромлен артиллерийским огнем, сотни жителей погибли...

Русские командующие, зная о происходящем, сжав зубы, методично готовили. общее наступление, отклоняя настойчивые просьбы выгнать врага из того или иного города. Когда и верховный главнокомандующий попытался побудить командующего 8-ой армией А.А. Брусилова выбить австрийцев из захваченного Каменец-Подольска, то получил отказ. "Разбрасывать свои силы перед самым началом боевых действий я не считаю возможным, — телеграфировал Брусилов. — Когда я перейду в наступление и вступлю на австрийскую территорию, то эта колонна, боясь быть отрезанной, сама побежит назад без всякого понукания".

Так и случилось. Стоило Юго-Западному фронту прийти в движение, писал Брусилов, австрийцы "спешно покинули Каменец-Подольск и полностью вернули контрибуцию, ко-

77

торую собрали с жителей города. Это было совершенно естественно» потому что они хорошо знали, что если они возьмут контрибуцию с жителей Каменец-Подольска, то я, в свою очередь, заняв Тарнополь, Трембовлю и Чортков, не пощажу этих городов и обложу их такой же, если не большей контрибуцией". Впрочем это были в основном угрозы: не в обычае русской: армии предавать разграблению занятые города. Брусилов после занятия Львова заверил явившуюся к нему депутацию от городского управления: "Никакой контрибуции на город, накладывать не буду ".

Хотя облик врага вырисовывался достаточно четко, русские войска придерживались рыцарского кодекса ведения войны. В традициях соблюдения его и был воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса, помимо прочего, считалось вредным для успеха на поле боя. Нарушители немедленно

призывались к порядку. Сплав этих соображений проявлялся даже по пустяковым поводам. Инспектор артиллерии Юго-Западного фронта во время Галицийской битвы делает замечание: "Командиру 3-го дивизиона 4-й арт. тяжелой бригады. Командир корпуса категорически запретил обстреливание города Ярослава. Вашу стрельбу по башне костела, где предполагался (?) неприятельский наблюдательный пункт, считаю бесцельным вандализмом и показывающую непонимание тактики, так как в Ярославе много крыш, могущих быть наблюдательными пунктами. Тратить на это дело 6 дм бомбы нельзя. Мне стыдно за эту стрельбу и за Вас". По понятиям русской армии, замечание генерала офицеру — серьезное взыскание.

Галицийская битва продолжалась месяц с небольшим (18 августа - 21 сентября 1914 года). Ставка требовала от Юго-Западного фронта вести не только "стремительное", но даже "непреклонное ураганное наступление". Терминология непривычная для штабных документов! "Такая спешка, - отмечал А А. Брусилов, — была вызвана необходимостью помочь англо-французам, которым приходилось плохо, чтобы нашими наступательными действиями оттянуть хотя бы часть вражеских сил с их Западного фронта на Восточный, против нас".

С потрясающей быстротой сражения в Галиции сменяли друг друга - у Красника и Томашува (Люблин- Холмская операция), на реках Золотой Липе и Гнилой Липе (Галич-Львовская операция) , бои у Городка. Русские войска с тяжелыми боями шли вперед, отбивая постоянные попытки австрийцев и немцев пе-

рейти в наступление. Поражение Самсонова побудило русские штабы быть осмотрительнее, и продвижение носило очень упорядоченный характер, даже с чрезмерной заботой о флангах. Но стратегически наступление было дерзким — командование фронтом презрительно игнорировало вполне реальную угрозу удара 8-й немецкой армии из Восточной Пруссии в свой тыл. Русские генералы признали тактическое умение немцев, но не верили в их стратегическое искусство. В этом они оказались правы.

В оперативно-стратегическом очерке советского военного историка Ф. Храмова "Восточно-Прусская операция 1914 г.", вышедшем в 1940 году, т. е. в самый канун Великой Отечественной, подчеркивалось: "До войны (1914 года - Н.Я.) германцы считали русские войска — в тактическом отношении слабо подготовленными. Однако ход всей операции показал обратное. Тактическая подготовка русских войск оказалась не ниже германской, а подготовленность русской артиллерии,бесспорно, стояла выше германской. Это подтверждается рядом замечательных тактических побед, одержанных русскими под Гумбинненом, у Орлау, в районе Ваплица и другие.

Германское, командование, ценою принесения в жертву своей союзницы Австро-Венгрии, оттеснило русских из Восточной Пруссии. Но это было достигнуто не столько мужеством и отвагой германских войск, сколько результатом ошибок, допущенных в этой операции русским командованием". Так отдались германские операции в Восточной Пруссии в Галиции.

Конрад 1 сентября умоляет Гинденбурга направить оба корпуса, прибывшие из Франции, в район сильнейшей австрийской крепости Перемышль. Несмотря на панику в Вене, тот отказался. Австрийское командование засыпало Мольтке

просьбами бросить высвободившуюся 8-ю немецкую армию в тыл русского Юго-Западного фронта в направлении на Седлец. В телеграмме верховного главнокомандующего Австро-Венгрии эрцгерцога Фридриха Вильгельму II от 3 сентября просматривалась глубокая обида на Германию: "Исполняя верно наши союзные условия, мы пожертвовали Восточной Галицией во имя успеха наших операций между Бугом и Вислой с целью притянуть на себя главные силы России. Нас беспокоит, что немцы отмахиваются от общего наступления на Седлец. Для поставленной нами великой цели низвержения России наступление немецких сил на Седлец имеет решающее значение и является неотложным". Безрезультатно!

79

Перехваленные Гинденбург и Людендорф просто не были способны на смелый удар прямо в тыл Юго-Западного фронта. В те недели, когда Австро-Венгрия терпела унизительные и тяжкие поражения, они, бросив союзницу на произвол судьбы, выталкивали русскую 1-ю армию из Восточной Пруссии. В крайне бесцветной операции "победители при Танненберге" выдающимся образом продемонстрировали свое скудоумие. Вверенные им войска, много сильнее 1-й армии, совершили массу бесполезных переходов, "охватывая" пустые места — русские генералы после неудачи Самсонова стали много осторожнее.

Заплатив чрезмерную цену за пренебрежение к русской пехоте под Гумбинненом, германцы теперь крайне неохотно атаковали в лоб русские позиции. Героическая 43-я пехотная дивизия отбила врага, превосходившего ее в четыре раза! Людендорф потом жаловался на "неприступность" русских оборонительных сооружений. На деле обороняющиеся здесь имели всего-навсего окопы полного профиля без искусственных препятствий. Темпы отхода определяли русские, а не германские войска. Генерал Франсуа разочарованно обнаружил: "Главные силы русских от преследования ускользнули. Корпуса (германские) двигались скученно на Гумбиннен. На пути следования происходили задержки и даже имели место случаи взаимного обстреливания".

К середине сентября немцы, восстановив границу Восточной Пруссии, уткнулись в прочный русский фронт на Немане. В совокупности поражение Самсонова и потери войск Ренненкампфа ослабили русскую армию примерно на 8%.

Тем временем Юго-Западный фронт поставил австрийскую армию перед лицом катастрофы. Немцам нужно было принимать срочные меры для ее спасения. О согласованных действиях не могло быть и речи, в затяжной склоке "терялось дорогое время в тяжелой для австро-германского командования обстановке. Оказывается, когда дело касалось персонального престижа, такие требования были не только в русской, но и в хваленой германской армии", - писал Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников, молодым офицером сражавшийся в Галицийской битве. Последовали неизбежные, безрезультатные импровизации, но положение осложнялось с каждым днем: русские шли к Верхней Силезии, району, куда более важному для Германии, чем Восточная Пруссия. Пришлось срочно тянуть германские резервы на австрийский фронт.

80

От вторжения русских войск Германию спасло не сопротивление австро-немецких войск, а нараставшая нехватка снарядов на Юго-Западном фронте, і С

первых же дней боевых действий выяснилось, что артиллерия начинала бой, вела его и решала исход. Противник называл русскую артиллерию "волшебной", своя пехота боготворила ее, именуя "спасительницей". В отчете в русский генеральный штаб в период Галицийской битвы подчеркивалось: "Блестящие, выше всяких похвал, действия артиллерии в техническом (стрелковом) отношении заслужили полное одобрение и восхищение, наша артиллерия стрелять умела, она не забыла уроков полигонных, и каждый раз, когда надо, она давала то, что может дать современная артиллерия в умелых руках". Ужасающий урок был преподан австро-германской пехоте. В первое время войны она наступала густыми цепями с интервалами между пехотинцами в метр, двигавшимися на 100-200 метров друг за другом. Советский специалист Е.З. Барсуков отмечает: "Шрапнель 76 мм пушек русской артиллерии находила себе обильную жатву в скоплении 3000-4000 человек открыто наступавшего неприятельского пехотного полка на площади до 2 км по фронту и не более 1000 шагов в глубину; не исключением бывало, что наступавшая таким образом австро-германская пехота, попадая под убийственный огонь шрапнели 76 мм полевых пушек, уничтожалась почти до последнего человека".

Австро-германская артиллерия в ходе Галицийской битвы была жестоко наказана за промахи предвоенной подготовки — стрельбе только с открытых или полузакрытых позиций. Классический пример дала русская гаубичная батарея мортирного дивизиона в бою под Тарнавкой 26 августа, сумевшая, выпустив всего 200 гранат, прекратить огонь шести немецких батарей. На вражеской позиции было захвачено 34 орудия, вокруг них лежали перебитые расчеты и лошади. Немцы сунулись было вывезти орудия из-под огня, но тем лишь умножили свои потери...

Пехота Юго-Западного фронта шла вперед под оглушительный грохот своей артиллерии. Стрелковые начальники требовали вести огонь не только по видимым целям, но и для поддержания морального духа, звукового и зрительного эффекта. При таком темпе стрельбы "случайно падавшая на тело орудия шапка орудийной прислуги загоралась, как в печке". И было от чего — инспектора без восторга отмечали частые случаи, когда орудийные стволы от продолжительной и скорой стрельбы разогрева-

лись "до красного накаливания". Отсюда чудовищный расход нарядов — батареи Юго-Западного фронта (имевшего свыше 2000 орудий) расстреляли за три недели по 1000 снарядов на орудие, т.е. запас, заготовленный на всю войну. Во всяком случае, так считало командование (к обоснованности этих расчетов мы еще вернемся), атаковавшее тыл категорическими требованиями подвести снарядов.

На ближайших тыловых складах их не оказалось, и 21 сентября фронт приостановил операции, прося Ставку "местные парки довести до 100 патронов на орудие", ибо с 15 сентября их было "всего лишь 25". Сведения о снарядном голоде молниеносно разнеслись по фронту, просочились в тыл и произвели гнетущее впечатление. Пришедшие по пятам за поражением армии Самсонова, они ставили под сомнение способность страны вести войну. Доморощенные стратеги сокрушенно качали головами, молниеносно распространялись дикие слухи. Подхватив и усилив их, буржуазия открывает злобную кампанию против "бездарных царских генералов".

Осенью 1914 года тяжелая клевета еще не смогла подавить здравый смысл - Юго-Западный фронт одержал блистательные победы. Австро-венгерская армия лишилась 45% своего состава - 400 тыс. человек, из них 100 тыс. пленными. Было брошено свыше 400 орудий! Австрийские дивизии, потерявшие в среднем по 7,5 тыс. человек, были обескровлены. Перемышль попал в осаду, открывалась дорога на Венгерскую равнину.

Юго-Западный фронт добился внушительных успехов относительно умеренной ценой, потеряв 230 тыс. человек, или по 4,5 тыс. человек в среднем на дивизию.

За тридцать три дня Галицийской битвы русские войска продвинулись на 200 км, в сражении на Марне немцев удалось отогнать на 50 км. Бои на Юго-Западном фронте изобиловали примерами не только умения, но и выдающейся доблести русских воинов. 8 сентября 1914 года у города Жолква штабс-капитан П.Н. Нестеров в воздушном бою таранил вражеский самолет с тремя летчиками. Легендарный русский военный летчик при этом погиб, а г. Жолква ныне носит название Нестеров.

Из Галицийской битвы Австро-Венгрия вышла с подорванными силами, отныне, вплоть до самого конца войны, ее армия, на Восточном фронте могла держаться только при прямой немецкой поддержке. В сентябре 1914 года русские войска, оставив

за собой Галицию, готовились нанести решающий удар по австрийцам, бежавшим за Карпаты и откатившимся к Кракову.

"Лодзинский слоеный пирог"

Германское командование, наконец, сообразило, что утрата времени смерти подобна: после оперативной паузы Юго-Западный фронт снова пойдет вперед. Последствия было нетрудно предвидеть — в Вене уже пошли разговоры о том, что нужно пойти на мир с Россией. Поступили еще более тревожные известия: русские собирают мощный кулак в районе Варшавы — Ивангорода определенно для наступления прямо на Запад, т.е. на Берлин. Хотя генерал Иванов, Главнокомандующий Юго-Западного фронта, и генерал Рузский, назначенный на Северо-Западный фронт вместо смещенного Жилинского, никак не могли договориться, куда именно бросить главные силы, русское командование стремилось перенести войну на территорию Германии.

Гинденбург, теперь командующий на Восточном фронте, решил упредить русское наступление, прикрыв границу Германии. Почти вся немецкая 8-я армия перебрасывается сюда из Восточной Пруссии, к ней добавляются новые войска, снятые с Западного фронта. Немцы вводят в заблуждение Конрада, заверяя, что явились помочь Австро-Венгрии, а на деле втягивают австрийцев в свою операцию — защищать Германию. Что бы не додумали позднее немецкие историки, точных планов у Гинденбурга не было. "В каком масштабе разовьется германское наступление, - писал Людендорф, - главным образом зависело от того, осведомлены или нет русские о новой перегруппировке германских сил".

28 сентября германо-австрийские армии перешли в наступление. Они имели неоспоримое превосходство в силах, бои охватили всю западную часть Польши.

К десятым числам октября германцы вышли к Варшаве, а австрийцы к Ивангороду. Попытка взять их штурмом не удалась - "в дни боев под Варшавой и Ивангородом приходилось целые ночи не смыкать глаз, а уцелевшие солдаты вспоминают о них с ужасом", — припомнил Людендорф. К этому времени закаленные дивизии Юго-Западного фронта, совершив беспримерный марш в сотни километров, об-- рушились на германско-австрийскую группировку. Сокрушен-
83
ный в сражении враг бежал. Людендорф записывал: "27 октября был отдан приказ об отступлении, которое, можно сказать, висело уже в воздухе. Положение было исключительно критическое... Теперь, казалось, должно произойти то, чему помешало наше развертывание в Верхней Силезии и последовавшее за ним наступление: вторжение превосходных сил русских в Познань, Силезию и Моравию".

Чтобы задержать преследовавших, немцы прибегли к широкому разрушению железных дорог. В осеннюю распутицу это снизило темпы преследования, и разбитым германским войскам удалось убраться на свою территорию, очистив все районы, занятые во время злополучного похода к Висле. В Варшаво-Ивангородской операции с обеих сторон сражалось шесть армий, почти миллион человек. Потери были велики, жесточайшему избиению подверглась 1-я австрийская армия, потерявшая 75 тыс. человек из 150 тыс. своего состава.

Русское командование, окрыленное новой, после Галицийской битвы, победой рвалось вступить на землю Германии. Несмотря на усталость, обнаружившуюся нехватку боеприпасов (впрочем, это было и по ту сторону фронта), боевой дух русских войск был исключительно высок. Ореол "победителей при Танненберге" померк, спины немцев, бежавших от самой Варшавы до границы, запомнились. Горя желанием отомстить за павших с Самсоновым, русские войска глубокой осенью снова вторглись в Восточную Пруссию, загнав врага за укрепления у Мазурских озер, а 2-я и 5-я русские армии получили приказ идти на Познань.

Положение для немцев сложилось критическое, и неизвестно, как бы повернулись дальнейшие события, если бы не старая ошибка русских штабов - систематическая передача приказов по радио простым кодом. Уже 1 ноября Гинденбург узнал, что русские пехотные дивизии "после 120-верстного преследования" от Варшавы остановились, чтобы привести себя в порядок перед вторжением в Германию. Начальник германского генерального штаба Фалькенгайн (назначенный вместо Мольтке) писал, что перехват радиограмм "давал нам возможность с начала войны на Востоке до половины 1915 года точно следить за движением неприятеля с недели на неделю и даже зачастую со дня на день и принимать соответствующие противомеры".

На этот раз немцы вознамерились, учитывая конфигурацию
84
фронта. - русский клин, устремленный к Германии, - ударом во фланг из Западной Пруссии (района Торна) отрезать русские 2-ю и 5-ю армии. Войска, недавно убежавшие от Варшавы, скрытно перевели на 300 км северо-восточнее и 11 ноября внезапно двинули на русских. Генерал Макензен, руководивший операцией, самоуверенно приступил к ее первой части — "сбить в кучу" русскую

армию. Не удалось! Хотя неожиданный удар от Торна создал громадные затруднения, русские войска, занимавшие исходное положение для наступления на запад, были вытянуты в линию и не имели фронтовых и армейских резервов, они без большого труда оправились. Лодзинская операция, в которой с обеих сторон сражалось 600 тыс. человек, быстро разгоралась. Клин, острием которого были пять дивизий генерала Шеффера, был, в свою очередь, охвачен русскими войсками в районе Лодзи. В мешке наступавшие!

В штабе Гинденбурга растерянность. Официальное немецкое описание войны говорит: "Командующий Восточным фронтом не имел никаких сил, чтобы помочь находившейся под Лодзью в тяжелом бою 9-ой армии, он был вынужден быть простым свидетелем готовившейся там драмы. Вряд ли можно было надеяться на освобождение отрезанных войск генерала Шеффера". Утром 24 ноября Людендорф пришел в неописуемый ужас. "В Познани, вдали от поля сражения, - писал он в мемуарах, —мы узнали из русских радиограмм, с какими надеждами они оценивали положение, как они готовились к решительному удару, как они радовались мысли о пленении нескольких корпусов. Были уже отданы приказы о сосредоточении железнодорожных эшелонов для отвоза немецких пленных. Я не могу передать, что перечувствовал, все повисло на волоске. Что угрожало? Вопрос шел не только о пленении стольких храбрых солдат и торжестве неприятеля, вопрос шел о проигрыше кампании. А каким был бы тогда конец 1914 года?"

Осведомленность о планах русского командования привела к понятным прискорбным последствиям. Это, а также ошибки Ренненкампфа (по злому стечению обстоятельств он оказался и здесь) дали возможность остаткам группировки Шеффера через Брезины унести ноги, потеряв 40 тыс. человек или 80% состава.

Мрачное время — глубокая осень с дождями, холодом и грязью; мрачные бои — затяжные, кровь, страдания, смерть. Рас-

сыпались надежды на то, что война будет короткой. К длительной борьбе не были готовы ни войска, ни интенданты. Окопы обживались с трудом, а в снабжении перебои — не только боеприпасами, но и продовольствием. Транспорт не справлялся с воинскими перевозками. Да и как было перевезти на миллионные массы людей то, что с началом, войны установили нормой довольствия для солдата, которая продержалась до весны 1916 года. В действующей армии в сутки полагалось: хлеба 1230 граммов, мяса 615, жиров 106, сахара 68, овощей 256 граммов на человека. Естественно, не всегда все достигало передовых линий, перебои неизбежно случались, хотя бы во время боев под Лодзью, в военном обиходе именовавшихся "лодзинский слоеный пирог". В войсках, естественно, ругали, и крепко, тыл,но понимали война есть война, врагу, как видели и знали, — не легче. По-иному реагировали ходоки от "общественности", всеми .правдами и неправдами пробивавшиеся в действующую армию. Непрошеные визитеры, болтавшиеся на фронте, ужасались. Не знавшие военной службы, выросшие в состоятельных буржуазных семьях, они не понимали, а главное,не хотели понимать тягот войны. Одним из самых красноречивых сплетников оставался А.И. Гучков. В начале января 1915 года генерал Куропаткин записывает в своем дневнике: "Приехал А.И. Гучков с передовых позиций. Очень мрачно настроен.

Виделся с ним сегодня. Много рассказывал. С продовольствием не справляются в армии. Люди голодают. Сапог у многих нет. Ноги завернуты полотенцами. А между тем, масса вагонов с сапогами стоят, затиснутые забитыми станциями. Вожди далеко за телефонами. Связи с войсками не имеют. Убыль в пехоте, в офицерах огромная. Есть полки, где несколько офицеров. Особенно тревожно состояние артиллерийских запасов. Читали мне приказ командира корпуса не расходовать более 3-5 снарядов в день на орудие. Пехоте, осыпаемой снарядами противника, наша артиллерия не помогает. Укомплектования не своевременны. Одна стрелковая бригада не получала укомплектования три месяца. Во время боев, когда германцы прорывались из мешка (через Брезины, те, что остались у Шеффнера. — Н.Я.), на правый фланг прислали укомплектование — 1400 солдат без ружей. Эта колонна подошла чуть ли не на боевую линию и очень стеснила войска. Один из корпусов не получал укомплектования полтора месяца". Слов нет, описанное в той или иной мере имело место, хотя приключения невооруженной "колонны" у передовой опреде-

86

пенно выдуманы. Должной распорядительности командование не проявляло. Это ясно, но очевидно и то, что рассказчик злоумышленно сгущал краски. Пессимистические рассуждения Гучкова, принадлежавшего к тем, кто претендовал на власть, охотно подхватывали слушатели не лучше — озлобленный генерал Куропаткин, виновный в поражениях во время войны с Японией в 1905 году. Упреки в адрес других генералов как бальзам,проливались на моральные раны этого бездарного военачальника;они не лучше! Но ведь по ту сторону фронта во главе немецких войск стояли полководцы, ничем не блиставшие, чаще, чем реже, уступавшие русскому генералитету.

Обозленные постыдными неудачами в Лодзинской операции Гинденбург и Людендорф втянулись в затяжные бои. Проученные авантюристы оставили охваты. Отложив в сторону ненужный инвентарь - шлиффеновские клещи и прочее, они занялись тем, чего раньше избегали, — стали бросать свои дивизии в лобовые атаки на русские позиции. Пошла война на истребление, в ходе которой русские войска несли значительные потери, но немецким доставалось больше.

Русские солдаты и офицеры столкнулись с поразившей их особенностью немцев - замордованные казарменной муштрой, они не умели наступать рассыпным строем. Вновь и вновь в открытом поле вырастали не только густые цепи, но и сомкнутые колонны немцев, обычно пьяных, пытавшихся пробить русский фронт.

"Эту колонну косят пулеметы, - записал очевидец, - ужасающие пулеметы, вырывающие буквально целый строй,- первая шеренга падает, выступает вторая и, отбивая такт кованным альпийскими гвоздями сапогом по лицам, по телам павших, наступает, как первая, и погибает. За ней третья, четвертая, а пулеметы трещат, особый, с характерным сухим звуком немецкий барабан рокочет в опьянении, и рожки, коротенькие медные германские рожки, пронзительно завывают - и люди падают горой трупов. Из тел образуется вал, - настоящий вал в рост человека,- но и это не останавливает упорного наступления; пьяные немецкие солдаты карабкаются по трупам, пулемет русских поднимает свой смертоносный хобот, и влезшие на груду павших раньше, венчают ее своими трупами".

Но откуда у врага новые войска, ведь люди тысячами бездумно расходуются каждый день. Пленные с готовностью поясняют:
87
"С французского фронта. Два месяца были там, потом посадили нас в вагоны и перевезли сюда. Оттуда все время берут - по восемьдесят поездов в день отправляют — и все сюда".

Принятое 20 ноября 1914 года решение о переброске на Восточный фронт еще пяти корпусов из Франции стратегически было сущей чепухой. Если бы оно было принято на две недели раньше, затеянный Шеффером охват 2-ой и 5-ой русских армий мог бы удасться. Теперь новые германские части, конечно, уплотнившие фронт, бессмысленно расточались в напрасной надежде хоть на какой-нибудь успех. Разумеется, в отличие от России, в Германии военная пропаганда, как тяжелый молот, вколачивала в сознание тыла: кайзеровские войска безупречны.

Обилие войск не давало покоя немецким генералам, у них чесались руки, они затевали большие и малые неизменно захлебывающиеся наступательные операции. Не помогала и тевтонская военная хитрость, которую в немецких штабах считали совершенно недоступной для низшей расы.

В католический сочельник 25 декабря 1914 года немцы вознамерились форсировать реку Бзуру и улучшить свои позиции. Дабы усыпить нашу бдительность, немецкие самолеты накануне забросали русские окопы вместо бомб листовками с сообщением, что стрельбы на следующий день не будет.

Со значительным чувством юмора русский журналист описал дальнейшее: "Сидевшие в укреплениях на правом берегу православные сначала так было и порешили:

- Оно известно тоже, чай, не без Бога живут... Конечно, тоже, как полагается, праздник свой имеют. Что ж, пущай себе, чего ж им мешать? Наше дело с уважением, чтобы, потому каждому своя вера дорога!..

Так рассуждал православный, всем своим существом воспринимавший право другого человека, против которого он "орудует винтовкой", на его праздник. Но другой православный, умудренный практикой этой войны, видевший своими глазами, как немцы палят в Красный Крест, как,спрятав у себя за спиной целый отряд стрелков, они поднимают руки и коварно заявляют о своем желании сдаться в плен, дабы приманить к себе доверчивых русских солдат и в самый последний момент открыть по ним огонь из винтовок, этот другой православный с обер-офицерскими и штаб-офицерскими погонами на плечах озабоченно хмурился и простуженным, охрипшим от командного крика, сырости и холода, голосом ворчал:
88
— Гм... конечно, само собой разумеется - праздник... Сами говорят, можно сказать, демонстративно заявляют!.. А все-таки... Кто его знает, народ лукавый, примеров тому не искать стать! Как бы чего не вышло, - на всякий случай... Эй, Воронков! Распорядись-ка, любезный, чтобы на флангах окопа пулеметы были в порядке, людям раздать патроны полным комплектом... Но... без приказания ни одного выстрела!!! Слышишь?

Ты отвечаешь, понимаешь? За ночь немецкие понтонеры подготовили у берега плоты,

которые с рассветом двинулись через студенную реку.

— "Ах, нехристи! - изумлялся засевший на правом берегу православный, осматривая затвор винтовки и вдавливая в магазин новую обойму. - Вот нехристи-то... Сами же заявление кидали, а гляди, что делают! Ладно же!

Плоты заняли соответствующее положение, и ... два полка двинулись встречать Рождество. Им дали дойти до половины реки. Они шли уверенные в своей безопасности, потому что они сделали заявление, чтобы не стрелять. К тому же эти дикари — русские,— называющие какие-то бумажонки международными договорами, эти сибирские медведи ведь совершенно не знают великого дела войны и не могут разгадать простой военной хитрости!"

Потом случилось то, что должно было случиться. Ударила русская артиллерия, включились пулеметы и винтовки. Темные воды Бзури закружили трупы — даже легкораненые моментально захлебывались в ледяной декабрьской реке. Более трех тысяч немцев погибли совершенно напрасно, немногие чудом выплыли на русский берег и, дрожа, как мокрые собаки, подползли к русским окопам, моля о пощаде. Их взяли в плен...

* * *

Снег укрыл траншеи, изуродовавшие Европу. Как мираж представало перед миллионами солдат по обе стороны фронта канувшее в Лету лето 1914 года - время несбывшихся прекрасных надежд. Теперь горизонт, видимый в прицелах и через узкие амбразуры блиндажей, сузился до минимума - свои и вражеские проволочные заграждения, клочок земли, искалеченный снарядами. Позиционная война стала суровой реальностью, конечный исход отныне зависел не столько от воинской доблести,

сколько от мощности заводов, дымивших в далеком тылу.

В 1914 году Россия в сражениях против Германии, Австро-Венгрии и Турции положила почти всех тех, кто мог бы быть костяком многомиллионных вооруженных сил военного времени— офицеров, унтер-офицеров и старослужащих солдат.

Генерал Н.Н. Головин с позиций эмигранта, натерпевшийся и намыкавшийся на Западе, настаивал: "Действия русских армии в конце 1914 года руководились той же резко и со страшнейшим напряжением проводимой идеей выручать наших союзников. Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич со свойственным ему рыцарством решает стратегические задачи, выпадающие на русский фронт,не с узкой точки зрения национальной выгоды, а с широкой, общесоюзнической точки зрения. Но эта жертвенная роль обходится России очень дорого. Русская армия теряет убитыми и ранеными около 1 000 000 людей, и что делает особо чувствительными эти потери - это то, что они почти всецело выпадают на долю кадрового состава".

Впоследствии указывали, что тем были спасены Франция и Англия, что совершенно верно. В коалиционной войне все взаимосвязано; и говоря словами виднейшего русского военачальника той войны генерала АЛ. Брусилова, "с начала войны, чтобы спасти Францию, Николай Николаевич совершенно правильно решил нарушить выработанный раньше план войны и быстро перейти в наступление, не ожидая окончания сосредоточения и развертывания армий. Потом это ставилось ему в вину, но в действительности это было единственное правильное решение. Немцы, действуя по внутренним операционным линиям,

естественно, должны были стараться бить врагов поочередно, пользуясь своей сетью развитых железных дорог. Мы же с союзниками, действуя по внешним линиям, должны были навалиться на врага сразу со всех сторон, чтобы не дать немцам, возможности уничтожить противников поочередно и перекидывать свои войска по собственному произволу... Францию же необходимо было спасти, иначе и мы, с выбытием ее из строя, сразу проиграли бы войну".

Английский премьер времен первой мировой войны Дэвид Ллойд Джордж в канун второй мировой войны, в апреле 1939 года; напомнил : "Идеалом Германии является и всегда была война, быстро доводимая до конца... В 1914 году планы были составлены точно с такой целью, и она чуть-чуть не была достигнута, если бы не Россия... Если бы не было жертв со стороны Рос-

90

сии в 1914 году, то немецкие войска не только захватили бы Париж, но их гарнизоны по сие время находились бы в Бельгии и Франции". "Мудрые слова", - писал У. Черчиль об этой речи Ллойд Джорджа в своих мемуарах в 1948 году...

Это было ясно в Париже и Лондоне в 1914 году, но вопрос о том, в какой мере Франция и Англия оплатят громадный долг России,оставался открытым.

1915-Й, ФАТАЛЬНЫЙ

Затишье на фронтах на рубеже 1914/1915 годов предвещало бурю. Германия, обманувшись в надеждах окончить войну до "осеннего листопада", лихорадочно изыскивала методы и средства ликвидировать тупик позиционной войны, сулившей ей конечное поражение. Рыбьи глаза немецких генштабистов не отрывались от карт. На Западе благополучно — кайзеровские войска глубоко вторглись на территорию Франции. Французы и англичане, опутавшись колючей проволокой, зализывают раны.

Непосредственная опасность — с Востока! Картина на русском театре для срединных империй удручающая. Кровопролитные беспросветные бои дали немцам крошечную часть Польши на левом берегу Вислы, которую по плану войны русская армия и не собиралась сохранять за собой. Россия завладела куда большим. В Восточной Пруссии - русские снова у Мазурских озер. На южное крыло фронта лучше не смотреть — русские армии, взяв Галицию, у Карпат. На Кавказком фронте — турок бьют. Они попытались было окружить русские войска у Сарыкамыша. Итог - в окружении оказались турки, потерявшие 70 тыс. человек против 20 тыс. у русских. В тяжелых горных условиях русские войска медленно продвигались по вражеской земле.

В отличие от Франции, Россия как начала, так и воюет в основном на чужой территории. В итоге 1914 года на Западе начертание фронта для нее улучшилось — сократилась глубина передового театра,или "Польского мешка".

Стают снега, просохнет земля и русская армия снова двинется на Запад на жизненные центры Германии, а Австро-Венгрия уже под ударом.

Германские штабы единодушны - решение искать на Востоке, сокрушив русский колосс. В противном случае неизбежен про-

91

рыв Юго-Западного фронта через Карпаты - и конец Австро-Венгрии не за горами. Вену уже опутали проволочные заграждения, прикрывавшие окопы,

блиндажи и столицу империи. Начальник германского генерального штаба Фалькенгайн считал: "Относительно состояния союзных войск возникли серьезные сомнения, насколько их фронт вообще может быть прочен без сильной немецкой поддержки.... Надо было переходить к немедленной и непосредственной поддержке Карпатского фронта... Вот почему с болью в сердце начальник генерального штаба должен был решиться на использование на Востоке молодых корпусов - единственного к тому моменту общего резерва... Такое решение знаменовало собой отказ, и притом уже на долгое время, от всяких активных предприятий крупного размаха на Западе".

Восточный фронт, отсасывавший войска с западного уже с августа 1914 года, с начала 1915 года превратился в исполинский магнит, притянувший к себе громадные силы. Против России в Восточную Пруссию ушел тот единственный резерв, о котором писал Фалькенгайн,— четыре новых корпуса. Поредел и Западный фронт, все новые и новые дивизии отправлялись на Восток. В конце 1914 года русский военный агент во Франции АЛ. Игнатьев сообщает особенно тревожную весть: идет "переброска сил на Восточный фронт. По многим признакам, немцы сняли с фронта большую часть тяжелой артиллерии".

Германские генералы не опасались за последствия на Западе. Спокойствие, воцарившееся там, замечает Н.И. Головин, "наводило немцев на мысль, что французское и британское главнокомандование окажутся более эгоистичными, чем русское, что армии наших союзников не проявят такого же жертвенного порыва для того, чтобы оттянуть на себя германские силы, как это сделала русская армия в кампанию 1914 года, что помощь союзников ограничится формулой "постольку поскольку", а при таких условиях немцы смогут спокойно навалиться всеми силами на Россию". Военные руководители Германии сочли, что в 1915 году они смогут выбить Россию из войны. "Поставить на колени", - процедил Гинденбург.

Было решено осуществить гигантский охват всего русского фронта от Балтийского моря до Карпат — ударные группировки сосредоточились в Восточной Пруссии и у Карпат. Отсюда и должны были последовать два сходящихся удара. Австрийцы

еще торопили побыстрее деблокировать Перемышль. Фалькенгайн с определенными опасениями смотрел в будущее. Что бы ни твердили Гинденбург и Людендорф, заручившиеся могущественными союзниками в Берлине, начальник германского генерального штаба полагал, что исход "оставался совершенно туманным. Опыт Наполеона не вызывал на подражание его примеру".

День и ночь в Восточной Германии и к востоку от Вены стучали колеса - сотни и сотни эшелонов везли к русскому фронту войска и боевую технику. Хотя точные намерения врага не могли быть известны, общий замысел сомнений не вызывал — Рос сию ожидал бешеный натиск. Размеры нависшей угрозы были реалистически оценены Верховным главнокомандующим, который в директиве фронтам в феврале 1915 года реалистически указал: "К сожалению, мы в настоящее время ни по средствам, ни по состоянию наших армий не можем предпринять решительного общего контрманевра, которым мы могли бы вырвать инициативу из рук противника и нанести ему поражение в одном из наиболее

выгодных для нас направлений. Единственным способом действий, подсказываемым обстановкой, является ослабление до крайнего предела войск левого берега р. Вислы с целью частыми контрманеврами на правом берегу Вислы и в Карпатах, по выборам главнокомандующих фронтами, остановить противника в развитии им наступательных действий и нанести ему хотя бы частичные поражения".

В высшей степени компетентное заключение, однако, не оказало надлежащего влияния ни на работу самой Ставки, ни на командование обоих русских фронтов. Как Иванов, так и Рузский давно разглядели, что за импозантной наружностью двухметрового великого князя и внешней жесткостью его обращения крылись нерешительность, вера в то, что некая высшая сила творит дела человеческие. Как замечал С.Ю. Витте, знавший Николая Николаевича еще до войны, он был "вообще мистически тронут... постоянно занимался шарлатанами мистицизма... Он натворил и, вероятно, еще натворит много бед России". Весной 1915 года случай для этого представился: великий князь не пресек стратегического праздномыслия как в собственной ставке, так и в штабах фронтов.

Генерал-квартирмейстер Ставки "черный" Данилов сочинил план — идти на Берлин. Хотя армия была потрепана, выявилась нехватка винтовок, снарядов, Данилов самоуверенно считал, что марш на Берлин в пределах возможности. Иванов и Рузский

горячо согласились с ним, но с не меньшим пылом, на котором лежала печать местничества, стали отстаивать собственные варианты. Упрямец Иванов, опираясь на советы своего начальника штаба, очень не глупого, хотя и склонного к колебаниям, Алексеева, доказывал - "путь на Берлин лежит через Вену". Громогласные настояния Иванова и заслуженная репутация Алексеева как стратега сделали свое дело -Ставка разрешила им, уже на целившимся на Карпаты, идти через горы на Венгерскую равнину. А пылкий Рузский, вызвав из небытия тени самсоновских солдат, добился согласия Ставки с тем, чтобы овладение Восточной Пруссией совершенно обязательно для обеспечения правого фланга победоносного шествия на Берлин.

Вместо того чтобы зарыться в землю, разумно использовать ресурсы для отражения германо-австрийского нашествия, русские генералы с величайшим воодушевлением окунулись в подготовку наступлений на флангах фронта, как раз в тех местах, где сосредоточивались ударные группировки врага. Вероятно, помимо прочего, им не. терпелось предстать героями в глазах любезного Парижа. Результаты безалаберщины предстояло исправить русскому солдату, который, проявив чудеса храбрости, оправдал самые черные опасения Фалькенгайна.

Пролог кампании 1915 года

7—8 февраля, Восточная Пруссия. Ревут орудия, немцы идут на двусторонний охват 10-й русской армии, стоявшей на 170 километровом фронте перед Мазурскими озерами. Гинденбург надеется развить его в глубокий прорыв. В занесенных снегами лесах, на безымянных высотах и глухих болотах вспыхнули жестокие бои. Армия в относительном порядке отошла, немцам удалось отрезать в Августовских лесах только XX-й русский корпус. Русское

командование попыталось вызволить попавшие в беду войска, но из-за ошибок в управлении это не удалось.

Воины XX корпуса десять дней бились в лесах. Они приковали к себе силы, которые немцы намечали для развития наступления, и своим стойким сопротивлением сорвали его. Корпусу пришлось испить горькую чашу до дна. Потеряв надежду на выручку извне, XX-ый корпус попытался вырваться из кольца и выйти к Гродно. Остатки корпуса, расстреляв все патроны и снаряды, 15 февраля 1915 года бросились в последнюю отчаян-

94

ную атаку буквально с голыми руками. Волна русских солдат сбив пехоту противника, докатилась до огневых позиций немецких батарей, стрелявших сначала беглым огнем, гранатой на удар и, наконец, картечью. Бойцы XX-го корпуса падали чуть ли не у колес вражеских орудий.

Корпус нашел гибель в Августовских лесах. Германский генерал, руководивший боем, обратился к кучке израненных и контуженных русских офицеров, затащенных в плен: "Все возможное в человеческих руках, вы, господа, сделали: ведь, несмотря на то, что вы были окружены (руками он показал полный охват), вы все-таки ринулись в атаку, навстречу смерти. Преклоняюсь, господа русские, перед вашим мужеством". И отдал честь.

Известный тогда немецкий военный корреспондент Р. Брандт писал 2 марта 1915 года в "Шлезише Фолькцайтунг": "Честь XX-го корпуса была спасена, и цена этого спасения — 7000 убитых, которые пали в атаке в один день битвы на пространстве 2-х километров, найдя здесь геройскую смерть! Попытка прорваться была полнейшее безумие, но святое безумие - геройство, которое показало русского воина в полном его свете, которого мы знаем со времен Скобелева, времен штурма Плевны, битв на Кавказе и штурма Варшавы! Русский солдат умеет сражаться очень хорошо, он переносит всякие лишения и способен быть стойким, даже если неминуема при этом и верная смерть!"

Бои в Восточной Пруссии с августа 1914 года до ранней весны 1915 года, когда русские войска были в третий и последний раз вытеснены отсюда, отличались невиданным упорством. Немцы ожесточенно дрались в обороне и не считались с потерями в наступлении. "Восточная Пруссия далась русскому солдату нелегко, — писал очевидец журналист В.В. Муйжель. — Если на войне каждая пядь пройденной земли полита кровью, то в Восточной Пруссии эта кровь лилась широкой и страшной рекой. Упорство врага — упорство, победа над которым венчает неувядаемой славой русское войско, — поставило вопрос о занятии Восточной Пруссии едва ли не на почву личного дела каждого участвовавшего в этом кровавом шествии".

Уходя в феврале — марте 1915 года из Восточной Пруссии, русские оставляли бесчисленные дорогие могилы. Струганные белые кресты, торопливые надписи химическим карандашом: "Здесь погребено столько-то нижних чинов и столько-то офицеров N-ского пехотного полка. До скорой встречи, товарищи!"

95

Писавшие трезво смотрели на свою судьбу - многие из них тоже отошли в братские могилы.

Восточная Пруссия познакомила русские войска с коварством врага. Вступив на территорию Германии, они расплачивались за все полноценной монетой —

никаких реквизиций. Публицист Муйжель рассказывал, как офицеры делали все возможное, чтобы не утеснить мирных жителей: "Понимаете, у них дети, сестры, все такое... Конечно, война,-я понимаю, а все-таки по-человечески... Они, дураки, думают, что пришла чуть не татарская орда, боятся, так, понимаете, такое дело...

Так шла армия восточных варваров, эта некультурная дикая орда, среди которой, как известно с детства каждому Фрицу, есть племена, питающиеся сырым мясом, а при случае не прочь полакомиться человечинкой, носящие общее название: солдат -казак", — саркастически заканчивает публицист.

Русские войска действовали в районах, где многие годы готовились к войне. Среди жителей была развернута агентурная сеть, устроены скрытые телефонные линии.

Эскадрон втянулся в деревушку, полуразрушенную снарядами. "Жителей не видно, - рассказывал русский офицер, - кто не убежал, отсиживался в подвалах. Спешились мы, ходим по этим подвалам, вытаскиваем засевших. Откровенно говоря, я немного опасался засады и осматривал лично сам. Вдруг вижу — старуха. Старая, как гриб сушеный, - юрк в какую-то дыру. Я за нею; что же вы думаете? Подвал уже разрушен. Вместо дома развалины, и пол провалился. Этакий немного фантастичный верхний свет. Гора мусора от разрушения. Слышу — старуха моя говорит с кем-то. Я ближе, но за мусором все же прячусь -черт его знает? Погибнуть так, зря, в каком-то подвале — обидно! Смотрю: что же вы думаете? Телефончик! Самый настоящий телефончик с черной трубкой и всем прочим. И моя старушка изволит сообщать о том, что вошла кавалерийская часть, очевидно, передовая, в количестве одного эскадрона и т.д. и т.д., словно она сама-была драгуном! Вот как у них дело обставлено!"

А когда русским приходилось отходить, в спину отступавшим били пулеметы, укрытые в домах "мирных" жителей, где задолго до войны были залиты цементные площадки. Восточная Пруссия вполне оправдала свою репутацию осиного гнезда военщины.

Русские уходили из Восточной Пруссии, подавленные превос

ходством врага, особенно в артиллерии. "На одну "очередь" нашей батареи, - писал офицер, участник тех трагических боев, -немцы отвечают десятью: шрапнелью и гранатами по нашим окопам, а "чемоданами"— по резервам и штабам. Но иногда тяжелый снаряд попадал и к нам... Я никогда в жизни не забуду впечатления от разрыва этих "чемоданов". Сидишь себе в грязном, холодном окопе. Слышишь где-то у немцев тупой звук далекого выстрела, потом ухо улавливает звук приближающегося снаряда, режущий воздух,и хрипящий звук "хрр-о-о" где-то высоко в небе, все увеличивающийся, ближе, ближе и все ниже!.. На мгновение этот звук замирает... с ним вместе замирают наш слух и наше дыхание... И затем: "Тра-а-ах!" - взрыв. Трясется земля! Дух захватывает от сотрясения воздуха! Видишь огромный столб земли, дыма и огня, высоко поднявшийся к небу, разрушивший все, что было живого и не живого на месте взрыва... Впечатление от рук, ног и прочих частей человеческого тела, разбросанных после взрыва этого снаряда,- невыносимо для человека, оставшегося в живых. Душу раздирающие крики и стоны тяжело раненных снарядом людей завершают его страшный эффект!"

Израсходовав людские резервы и материальные средства, германское командование было вынуждено констатировать, что его оперативные предположения сорваны в самом начале — русский фронт местами отодвинут, но нигде не прорван. Больше того, оправившись, Северо-Западный фронт контратаковал с величайшей энергией. Гвардия отбросила немцев к Августовским лесам, а у Нарева сибирские дивизии снова взяли Прасныш, захватив до десяти тысяч пленными.

Сильнейшие атаки врага против русской крепости Осовец, прикрывшей пятидесятикилометровый участок меду 12-й и 10-й русскими армиями, были отбиты с исключительно тяжелыми потерями блокадного германского корпуса. У Осовца германцы столкнулись с глубоким построением обороны — за предпольем следовали три оборонительных позиции: первая - на расстоянии около 10 километров от крепости. Дальше второй оборонительной позиции в четырех-пяти километрах от Осовца враг так и не прошел. Безрезультатные штурмы фортов Осовца посеяли в германских войсках глубокое уныние, опрокинув уже сложившееся представление о том, что крепости в эту войну берутся в несколько дней. Осовец несокрушимым бастионом стоял на пути врага более полугода. К концу 1915 года, имитируя русских,

стали применять глубокое построение обороны и на Западном фронте.

С глубоким отчаянием Фалькенгайн подводил итоги: "Немецкие силы дошли до пределов боеспособности. При своем состоянии... они не могли уже сломить сопротивления скоро и искусно брошенных им навстречу подкреплений". Фронт снова стабилизировался, Алексеев, назначенный сюда главнокомандующим вместо Рузского, деятельно крепил оборону. Как русское, так и германское командование были вынуждены признать, что их планы не удались. В результате этих боев, отмечает А. Зайончковский: "Больше всех оказались в выигрыше французы и англичане, так как отвлечение на Восточный фронт 4 германских корпусов явилось крайне благоприятным фактором для Антанты. Подготовлявшийся против нее удар был отведен на русскую сторону. Англичане получили время для работ по дальнейшему развитию своих вооруженных сил, а французы могли заняться накоплением крупных артиллерийских запасов для будущих операций".

В январе — марте австрийцы, кладя дивизию за дивизией, пытались снять блокаду с Перемышля. Наступая по пояс в снегу, враг нажимал от Карпат с яростью отчаявшегося — комендант Перемышля доносил по радио об истощении запасов в крепости. Все было тщетно. 8-я армия Брусилова, отбив натиск, в свою очередь перешла в наступление немедленно, но верно преодолевая чудовищные трудности, стала подниматься к перевалам.

22 марта 1915 года по всему миру разнеслась весть — Перемышль пал! В плен пошли 9 генералов, 2 500 офицеров, 120 тыс. солдат, было взято 900 орудий. Антанта еще не знала таких побед. Главнокомандующий французской армией Жоффр поспешил отпраздновать ее, распорядившись выдать всем чинам от солдата до генерала по стакану красного вина.

На русские обращения, когда же западные союзники помогут русской армии, Жоффр, как обычно насупив брови, изрек: "Мы их скоблим понемногу и тем препятствуем переброскам германских сил на ваш фронт. Поверьте, я чувствую,

сколь дорого обходится русскому народу эта война, но я опасаюсь, что вы не в состоянии оценить значение тех потерь, которые мы сами несем. Мы теряем в этих боях цвет нации, и я вижу, как после войны мы очутимся в отношении национальной культуры перед огромной пропастью (он подкрепил последние слова жестом своих толстых рук). И не знаю, чем эта пропасть будет восполнена.
98
Что будут представлять собой новые поколения?"

Посему Жоффр озаботился, чтобы тогдашнее поколение сначала как следует вооружилось и подготовилось и только потом ринулось на "гуннов"— немцев. Генерал Иванов думал не о будущем, а сразу хотел использовать победу у Перемышля. Осаждавшие крепость войска были брошены в Карпаты, дабы, наконец, выйти на Венгерскую равнину и устремиться к Будапешту. Далее рисовались самые заманчивые перспективы — обход всей линии Краков, Познань, Торн. Ставка, естественно, с радостью, согласилась.

Перевалить Карпаты русские войска могли. Понукаемые Ивановым, они к середине апреля овладели перевалами на Бескидском хребте. Чем дальше 8-я армия втягивалась в Карпаты, тем большая тревога охватывала Брусилова. Его сосед справа — 3-я армия уже с февраля сообщала о грозных признаках подготовки сильнейшего наступления врага. Разведка доносила о том, что против X корпуса 3-й армии у Горлице встают на позиции бесчисленные тяжелые батареи. Парки в тылу забиты снарядами. Враг боялся, не мог к не смел допустить русского прорыва крупными силами через Карпаты.

Болея за свою армию, Брусилов понимал, что случится с ней и соседом справа в результате неминуемого наступления врага у Горлице в тыл всему Карпатскому фронту: "Так как, невзирая

на его (командующего 3-й армией) требование, ему подкрепления не посылались, а у него резерва не было, то нетрудно было предвидеть, что его разобьют и моя армия, спустившись в Венгерскую равнину без огнестрельных припасов, должна будет положить оружие или погибнуть. Поэтому я только делал вид, что хочу перейти Карпаты... Я не стал добиваться дальнейших успехов на моем фронте, наблюдая лишь, за тем, чтобы держаться на своих местах с возможно меньшими потерями. Я об этом своем решении не доносил и войскам не объявлял, но выполнял этот план действий как наиболее целесообразный при данной обстановке".

Собиралась страшная гроза, а Ставка разбиралась в происходившем на горизонте не лучше, чем слепой в красках. Она пребывала в сладостном ожидании — вот-вот Брусилов доложит о том, что христолюбивое воинство за Карпатами!

Только истонченная линия X-го корпуса в несовершенных окопах отделяла их мечты от катастрофы.
99

Враг наседает

11-я германская армия под командованием Макензена была специально создана для прорыва у Горлице. В нее вошли три ударных германских корпуса, взятых с французского фронта, не считая австрийских частей. Фалькенгайн гордился тем, что в армию "назначены многочисленные офицеры, точно

усвоившие на Западном фронте наиболее яркие из новых приемов войны". План наступления, утвержденный кайзером, предусматривал таранный удар — задавить русских артиллерией и заставить уйти из Галиции. Только на фронте X корпуса, на который обрушился главный удар немцев, враг выставил 50 тяжелых батарей, не считая многих сотен полевых. А во всей третьей армии, состоящей из семи корпусов и державшей фронт в 200 километров, было четыре тяжелых орудия! 1 мая на тридцатикилометровом участке: прорыва у Горлице германская артиллерия открыла ураганный огонь.

Как исполинская гнусная тварь, германские войска наползали на русские позиции — "когтистыми лапами" была пехота, а "хвост" — тяжелая артиллерия - находился вне пределов огня нашей полковой и дивизионной артиллерии. Вражеские батареи с безопасной дистанции методически разрушали первые линии траншей. Когда воронки, перекрывая друг друга, превращали позиции в страшное месиво, громыхающая гадина трусливо вытягивала лапы — немецкая пехота совершала осторожный бросок и с лихорадочной поспешностью закреплялась. Следовала неизбежная русская контратака, ее отбивали сравнительно лег ко, с помощью уже выдвинувшейся немецкой легкой артиллерии, а тем временем подтягивался "хвост" — придвигался на несколько километров, и все начиналось с начала. Русские полки снова терзал огненный ураган.

Немецкие снаряды шипели в русской крови, а отвечать было нечем - у пушкарей третьей армии не больше 5 - 10 снарядов в день на орудие, которых было трагически мало. Кайзеровские генералы не жалели стали, русские - людей..

Случился горлицкнй прорыв - отвратительный зверь прогрыз окровавленную дыру в русском фронте. То были неописуемо тяжелые дни для нашей армии: массами гибли солдаты, надламывалась психика уцелевших. В кромешном аду безысходного отступления перед бездушной силой русская армия попятилась, но не дрогнула, управление не было утрачено. Войска безогово-

рочно повиновались боевым командирам, но поредевшие взводы, роты, а иногда и батальоны вели безусые прапорщики и подпоручики, уже в 1915 году заместившие выбитых кадровых офицеров; таких на полк теперь приходилось пять-шесть человек. Зеленая молодежь, вчерашние гимназисты, реалисты, семинаристы с бездумной отвагой стремились подражать павшим или искалеченным старшим товарищам.

Подчиненные... В ротах по четыре-шесть солдат старого состава, унтер-офицеры - зеленые выпускники полковых учебных команд. Юные командиры как могли организовывали контратаки. Они понаслышались, что в бой подобает идти с сигарой во рту, тупой шашкой, подозрительно смахивающей на театральный реквизит, если есть-в белых перчатках и только впереди нижних чинов.

В прекрасные дни мая, задыхаясь от отвратительной вони мелинита и дешевого табака, многие впервые взяли в рот папиросу на фронте, юноши в хаки вели толпы солдат в сплошную черную стену разрывов. Вытягивая мальчишечьи шеи, они что-то кричали, наверное очень воинственное, слова не были слышны в грохоте и визге снарядов. Роты и батальоны безвозвратно исчезали в кромешном мраке смертоносной стены.

Для глаза грамотною военного этот наивный героизм был сущей нелепицей. Сердца профессионалов закрыты эмоциям, их обескураживал не ужас происходившего, а понимание бессмыслицы массового избиения недостаточно обученного личного состава. Генерал А.Л. Брусилов, 8-я армия которого находилась южнее 3-й, во избежание окружения был вынужден отдать приказ на отход. Горлицкий прорыв заставил его оставить Карпаты.

Он пока не видел возможности остановить отступление перед лицом технически превосходящего врага, больше того, "за год войны обученная, регулярная армия исчезла; ее заменила армия, состоявшая из неучей. Только высокие боевые качества начальствующего персонала, личное самопожертвование и пример начальников могли заставить такие войска сражаться и жертвовать собой во имя любви к Родине и славы ее. Более чем в каких-либо других войсках в данном случае можно было сказать: "Каков поп, таков и приход". Впрочем в тех жутких контратаках среди солдатских гимнастерок мелькали черные фигуры — полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским сло

101

вом и поведением, достойным сану, молнии взрывов отражались в тусклой позолоте поднятых над головами крестов. Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой.

Ставка и командование фронтом приказывали ни в коем случае не отрываться от противника. В результате 15 дней по нашим войскам молотила тяжелая артиллерия. Неповоротливое русское командование, вместо того чтобы приказать отскочить от Горлице и планомерно занять подготовленный рубеж, стремилось подпирать трещавший и выгибавшийся фронт. Подкрепления давались по частям по мере подхода и расходовались в бессчетных контратаках. Даже не было сделано попытки нанести удары по флангам группировки Макензена, таранившей русский фронт.

При абсолютном превосходстве врага в тяжелой артиллерии и жесточайшем снарядном голоде у русских последствия было нетрудно предвидеть. Хотя и устилая путь трупами, немцы ползли на Восток. 3 июня оставлен Перемышль, 22 июня - Львов. Русские армии откатывались к границам России. Галиция эвакуирована за два месяца. Техническое превосходство врага подавляло. В разгар этого горестного сражения в русских войсках обнаружилась постыдная нехватка всего - винтовок, чтобы вооружить пополнение, сапог, чтобы обуть солдат.

Поражения оскорбили и ожесточили армию, виновников не надо было разыскивать, их имена были на устах — придворная камарилья, старший генералитет, оказавшиеся неспособными обеспечить войска. Благостная бездарность высшего командования била в глаза. Оставшиеся в живых рядовые и офицеры-фронтовики знали, что они до конца и даже больше исполнили свой долг. Людендорф сквозь зубы признал: "Фронтальное оттеснение русских в Галиции, как оно бы ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны... К тому же при этих фронтальных боях наши потери являлись немаловажными", точнее, тяжелыми. Младшие офицеры и солдаты, отражая атаки, все чаще использовали воронки от германских снарядов, особенно тяжелых. Они группами укрывались в них и частым огнем нередко отбивали

наседавшего врага. В тяжелых боях на кровавых полях Галиции в русских войсках родился групповой боевой порядок, пришедший на Западный фронт спустя почти два с половиной года, к концу 1917 года, в сражении при Камбре.

В эти тяжкие дни среди тех, кто готовился встать в ряды
102
действующей армии, все же оставалось немало молодежи, восторженно готовой отдать свою жизнь в схватках с врагом. Советский генерал-лейтенант М.Н. Герасимов (в Великую Отечественную - командарм) свои неоконченные мемуары "Пробуждение" начал с Года 1915, весной которого он на всю жизнь одел военный мундир. В шестьдесят с лишним лет боевой генерал восстановил на страницах книги первые месяцы военной службы в крепости Новогеоргиевск, где пробыл с полгода, его роту готовили стать артиллеристами.

Хотя""солдатский вестник" приносил жуткие слухи с фронта, молодые солдаты были полны боевого задора, прилежно изучая положенное им. "Сегодня, — писал М.Н. Герасимов в дневнике 30 мая, - мы, облаченные в черные штаны и такие же мундиры с красными кантами и с начищенными до блеска артиллерийскими пуговицами, в черных фуражках, высокая тулья которых тоже была оторочена красным кантом, принимали присягу. Лакированные козырьки фуражек придавали нам строгий и внушительный вид... Принятие присяги было обставлено и выполнено очень торжественно. Слова клятвы священник читал проникновенно, отлично пел хор, красиво стояли офицеры, держа фуражки перед собой на согнутой левой руке. В общем получалось, что принятие присяги не пустая формальность, а очень трогательный обряд. После принятия присяги священник произнес небольшое, но прочувствованное слово, обращенное к "защитникам нашей великой Родины, христолюбивому воинству"."

Марш "под звуки большого, хорошо слаженного оркестра" перед "бородатым стариком-генералом, стоявшим в окружении блестящей свиты" - комендантом крепости, генералом от кавалерии НЛ. Бобырем. Герасимов с товарищами взбудоражены: "солдатский вестник" передает — надвигается гроза на Варшаву и крепость. Немцы идут. Молодые солдаты видят, как с утра до темноты десятки вражеских самолетов ведут усиленную разведку крепости, иногда сбрасывают бомбы. "Огонь крепостных орудий не в состоянии не только поразить их, но и просто отогнать, хотя все небо усеяно белыми облачками от разрывов снарядов". Видимо, вблизи крепости орудуют и шпионы. Отправившись по делам в местечко неподалеку, молодые люди поспешили в лавчонку гостеприимного хозяина, у которого красавица дочь. Лавка закрыта, окна забиты. Старик полицейский сумрачно прогоняет их. Приятель Герасимова: "Шпионы, ясное дело.
103
Хорошо еще, что мы не втюрились. Вот вам и Берточка. Суламифь с Соломоном - он посмотрел на меня".

Слухи, слухи, слухи разбивают недавние иллюзии еще до встречи с врагом. Говорят, что "начальник обороны южного отдела крепости генерал-майор Кренке перешел к немцам, унося с собой массу сведений о крепости, планы, чертежи и прочее. Вот вам и высший офицер русской армии! А сколько еще немцев сидит у нас в армии!" Все не так. Начальник инженеров крепости полковник Короткевич с группой офицеров выехал на автомобиле осматривать передовые укрепления .Они напоролись на наступавшую немецкою роту. Короткевич убит, погиб еще

офицер, двое ранены, один попал в плен. Как молния по гарнизону слух — инженеры "изменили". Что до генерал-майора А.К. Кренке, то он отошел из крепости вместе с войсками. Но у почти стотысячного гарнизона Новогеоргиевска подорвано доверие к высшему командованию.

Подорвано стихийно в солдатской массе и по знанию фактов среди начальствующего состава действующей армии. Как заметил А.А. Брусилов в своих "Воспоминаниях" о событиях 1915 года: "Повторяю: я славы не искал, но проливая тогда солдатскую кровь во имя Родины, теперь я имею право желать, чтобы хотя бы история достойно оценила моих самоотверженных героев - солдат и офицеров. В память погибших воинов я пишу эти строки, а не для прославления своего имени. Мир праху дорогих усопших боевых товарищей! Мне было обидно за мою дорогую армию... Конечно, эти записки увидят свет, когда я уже сойду с арены, до славы земной мне будет весьма мало дело, но скрывать свои переживания от будущей России не считаю себя в праве ввиду того, что карьеризм, личные интересы, зависть, интриги загубили общее русское дело. Да не будет так в будущем!" Тягостные известия кругами расходились по необъятной стране. Вести из Галиции были вдвойне, втройне обидны: ведь именно здесь в 1914 году побеждал русский солдат. 11 июня 1915 года французский посол Палеолог записывает: "В течение последних нескольких дней Москва волновалась, серьезные беспорядки возникли вчера и продолжаются сегодня. Движение приняло такие размеры, что пришлось прибегнуть к вооруженной силе. На знаменитой Красной площади, видевшей столько исторических сцен, толпа бранила царских особ, требуя пострижения императрицы в монахини, отречения императора, повешения Распутина и пр.".
104

Описанное послом в Москве повторялось так или иначе во всех городах и городках России. Происходившее тогда очевидцам запомнилось на всю жизнь. Спустя сорок лет, советский генерал-лейтенант НЛ. Соколов-Соколенок писал о настроениях во Владимире: "В домах и на улицах города все более открыто и безбоязненно обсуждались причины неудач на фронте, и чаще всего говорящие связывали их с бездарностью руководства царских генералов, .не щадили несостоятельность и самой царской семьи. Людям было непонятно, как могло случиться, что считавшийся лучшим в мире суворовский русский солдат оказался вдруг без патронов, а передовая русская артиллерия — без снарядов".

Фронтовые неудачи больно ударили по моральному духу всей армии. Люди, еще вчера рвавшиеся в бой, начинали прозревать, понимая бессмысленность войны во имя царя и союзников. А.М. Василевский, к лету 1915 года получивший по собственному горячему желанию вместо рясы священника (он экстерном окончил семинарию) погоны прапорщика, находился в запасном батальоне в уездном городе Ростове Ярославской губернии. Он, стремившийся поскорее схватиться с врагом, был поражен настроениями офицеров, которых в батальоне насчитывалось около сотни.

Пришло предписание назначить командира маршевой роты. "Собрали всех офицеров, - пишет А.М. Василевский,- и предложил» всем желающим отправиться на фронт назвать свои фамилии. Я пылал от нетерпения сражаться, но претендовать на столь высокий пост не мог и молча ожидал, что вот сейчас в ответ на предложение поднимется лес рук, а прежде всего со стороны офицеров,

ранее нас прибывших в батальон. К великому моему удивлению, несмотря на неоднократные обращения командира батальона к "господам офицерам", ничего подобного не произошло. В зале воцарилась мертвая тишина. После довольно резких упреков в адрес подчиненных старик полковник сказал: "Ведь вы же офицеры русской армии. Кто же будет защищать Родину?" По-прежнему молчание. Со слезами на глазах комбат приказал адъютанту приступить к отбору командира роты путем жребия. Сгорая от стыда за себя и за находившихся в зале офицеров, я и еще несколько человек, имевших звание прапорщика, заявили о своей готовности".

Потрясение, которое испытал молодой А.М. Василевский, понятно: уже тогда "запали мне в сердце" теории Драгомирова,

учившего, как известно, что на войне главное человек и дух его, а материя и техника лишь нечто второстепенное. Теперь "решающее значение нравственного фактора", — пишет Василевский, — рассыпалось у него, прапорщика, на глазах. С сокрушенным сердцем он отправился на фронт, "однако верность этим принципам (Драгомирова) навсегда осталась у меня неизменной", рассказал маршал Советского Союза Василевский в воспоминаниях "Путь в Коммунистическую партию" ("Вопросы истории", 1968, № 8), в которую он вступил в 1938 году.

Козел отпущения найден

Снарядов! Снарядов!! Снарядов!!! — несся вопль с фронтов, гулко разносился по стране, лязгал в ушах обывателей.

"Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землей всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников землей. Они тратят металл, мы - человеческую жизнь! Они идут вперед, окрыленные успехом,и потому дерзают, мы, ценою тяжких потерь и пролитой крови, лишь отбиваемся и отходим. Это крайне неблагоприятно действует на состояние духа у всех", - сообщает военному министру командир XXIX корпуса блестящий русский генерал Д. П. Зуев.

На фронте по-прежнему бушевал огненный смерч германской артиллерии. Жуткие вести разносили те, кто испытал таран Макензена — дорогу его войскам прокладывали сотни орудий» в том числе 210 и 305 мм гаубицы. Тонные снаряды по мелким -окопам! С военной точки зрения - крупный "перебор"-вывезти в поле сверхтяжелые калибры. Совершенно не нужное и даже; глупое расточение ресурсов. Скрытый смысл заключался разве в том, что Фалькенгайн как мог берег ударные войска, наступали лучшие из лучших германских корпусов — Гвардейский, 10 армейский и 12 резервный, воспетые кайзеровской пропагандой за отличия на западном фронте.

Но почему русская армия вдруг оказалась без снарядов, не хватало, винтовок и сапог? Только недостатками в снабжении боевыми и иными видами довольствия фронты объясняли отступление. Выправить их, и тогда дело пойдет на лад — такая точка зрения господствовала в русских штабах. Царь выругал-

ся: "Все мерзавцы кругом! Сапог нет, ружей нет - наступать надо, а наступать нельзя".

В Могилеве, куда перебралась Ставка, Николай Николаевич бесновался. Вызвав к себе одного из руководителей министерства торговли и промышленности,он разложил перед ним огромную, занявшую весь стол, ведомость и заявил: "Здесь показано, что в таком-то месяце я должен получить столько-то снарядов, а в таком-то — столько-то. Расписано на целый год. На бумаге все хорошо, а на самом деле никаких снарядов я не получаю. Скажу вам откровенно, в этих расчетах я ничего не понимаю. Приказал подать объяснительную записку. Ну, написали, но я опять ничего не понял. Понял лишь следующее: они или сами ничего не знают, или нагло врут, обманывают... Разберитесь чем дело".

Тот разобрался, указав причину (как увидим дальше только одну), - с началом войны Сухомлинов заключил договор с американскими промышленниками о поставке снарядов. Установленные сроки они не выдержали, т.к. не учли, что до начала производства снарядов необходимо переоборудовать предприятия. "Тяжесть этого легкомыслия, если только можно назвать это легкомыслием, усугублялась тем, что одновременно с заключением договора Сухомлинов предоставил американцам огромный аванс в золоте. Благодаря этому, если бы мы стали нажимать на американских промышленников с целью ускорения поставки снарядов, то добились бы того только, что они разорвали бы договор, ибо золотой аванс с лихвой покрывал все их расходы".

На фронте гибли солдаты, а буржуазию охватила волна радости — режим предстанет виновником бед, обрушившихся на Россию, пора выкатываться на авансцену "спасительницей" Отчизны. Все яснее прорисовывается ее тактика — непомерного преувеличения несчастий на фронте и выпячивания собственной роли радетельницы народного блага. Нехватка всего в действующей армии служила удобнейшим поводом проливать крокодиловы слезы и выражать самые прекрасные намерения.

Председатель Думы Родзянко, прозванный за внешний вид "самоваром", а за зычный голос-"барабаном", отправился в Могилев, где обратился к Николаю Николаевичу:

— Ваше высочество, как же так, нельзя же палками драться!

Последовал ответ вполне в стиле великого князя: - Я должен сказать одно: я верующий человек, и мне остает

ся надеяться на милость божию. У меня нет винтовок, нет снарядов, нет сапог, и я к вам как Верховный Главнокомандующий предъявляю требование как к Председателю Государственной Думы - поезжайте в Петроград в обуйте мне армию, я не могу этого видеть; войска не могут сражаться босыми .

Родзянко заполучил письменную просьбу Ставки и поспешил в Петроград. "Свой план действий я расположил так, — говорил он, - что если удастся общественное мнение вытащить на сапогах, тогда половина дела сделана; к этому пристегнутся и винтовки, и снаряды". До обеспечения всем этим было еще далеко, но Родзянко получил возможность пока поднять страшный шум — армия пошла на поклон не к правительству, а к "общественности", т.е. к буржуазии.

В верхушке бюрократии без труда разглядели смысл стенаний Родзянко о босом воине. Он с близкими членами Думы порешил для начала обуть солдат созывом съезда председателей губернских земских управ для обсуждения сапожных дел. За разрешением Родзянко отправился к министру внутренних дел Маклакову.

- Да, да, то, что вы говорите, вполне совпадает с имеющимися агентурными сведениями, - объявил министр Родзянко.

- С какими сведениями?

- По моим агентурным сведениям под видом съезда для нужд армии будут обсуждать политическое положение в стране и требовать конституцию..

- Вы с ума сошли... - рявкнул Родзянко, подскочив в кресле.

- Какое право вы имеете так оскорблять меня. Что я, председатель Государственной Думы, прикрываясь в такое время нуждами войны, стал бы созывать съезд для поддержки каких-то революционных проявлений?! Кроме того, вы вообще ошибаетесь, потому что конституция у нас есть.

Министр устоял. "Общественные" организации принялись за сапоги без бюрократических согласований. Оборотистые промышленники, когда выяснилась нехватка дубильных веществ, послали ходока в Аргентину. "Сапожный" кризис к 1916 году, прошел. Казна очень неплохо платила.

Но нараставшую кампанию, сосредоточившуюся на Сухомлинове, двор не мог игнорировать. Определенно нужен был козел отпущения за поражения. Тот еще сделал фатальную ошибку, выразив недовольство Распутиным и обозвав его "скотиной". Распутин поклялся "сокрушить" военного министра.
108

25 июня 1915 года на заседании Совета Министров фельдъегерь вручил Сухомлинову личное письмо царя, повелевавшее министру сдать должность. Николай II присовокупил: "Сколько лет проработали мы вместе, никогда недоразумений у нас не было. Благодарю Вас сердечно за Вашу работу и те силы, которые вы положили на пользу и устройство русской армии. Беспристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников". Современники, собравшиеся в начале августа 1915 года на четвертую сессию Государственной Думы, жаждали министерской крови. В закрытом заседании 345 голосами из 375 Дума предложила правительству предать Сухомлинова суду. Пошло следствие, и в мае 1916 года Сухомлинов угодил в Петропавловскую крепость.

Уход министра не смягчил страстей. В.В. Шульгин, свидетель и участник происходившего, в глубокой старости попытался передать настроение того времени: "Ужасный счет, по которому каждый выведенный из строя противник обходился нам за счет гибели двух солдат, показывает, как щедро расходовалось русское пушечное мясо. Один этот счет - приговор правительству и его военному министру. Приговор в настоящем и будущем. Приговор всем нам, всему правящему и неправящему классу, всей интеллигенции, которая жила беспечно, не обращая внимания на то, как безнадежно, в смысле материальной культуры, Россия отстала от соседей.

То, что мы умели только петь, танцевать, писать стихи и бросать бомбы, теперь окупалось миллионами русских жизней. Мы не хотели и не могли быть "эдисонами", мы презирали материальную культуру. Гораздо веселее было

создавать мировую литературу, трансцендентальный балет и анархические теории. Но зато теперь пришла расплата. 'Ты все пела... Так поди же, попляши". И вот мы плясали "последнее танго" на гребне окопов, забитых трупами".

Статистика: в самой начале войны срединные империи выставили на русский фронт 42 пехотных и 13 кавалерийских дивизий. Против Франции-80 пехотных и 10 кавалерийских дивизий. К осени 1915 года на русском фронте было 116 пехотных и 24 кавалерийских дивизии, на Западе стояло 90 пехотных и 1 кавалерийская дивизия. Следовательно, если в начале войны против России действовал 31% всех вражеских сил, то, спустя год, более 50% всей вооруженной мощи Германии и Австро-Венгрии было сосредоточено на русском фронте. А еще Кавказский театр...

109

Великое отступление

Штаб Северо-Западного фронта. Главнокомандующий М.В. Алексеев в тяжелых раздумьях - перед его глазами катастрофа на Юге, Ударившийся в панику Иванов уже думает о сдаче Киева и отводе войск за Днепр. Что сулит завтрашний день Северо-Западному фронту, в который включена часть разбитых на Юге войск, среди них тяжко пострадавшая 3-я армия? Таран Макензена превратился в гигантскую клешню, охватывающую центральную Польшу с юга, вот-вот навстречу ей протянется из Восточной Пруссии вторая. Тогда судьба русских войск между Вислой и Бугом предрешена.

На всем Европейском фронте 108 пехотных дивизий, 16 стрелковых бригад и 35 кавалерийских дивизий. Но неполного состава. По штатам они должны были иметь 1,5 млн. человек, на деле в строю едва миллион бойцов. Что делать?

"Алексеев, - записывает 8 июня генерал Палицин, — чувствует и, скажу, видит, насколько положение наше при отсутствии средств к борьбе хрупко, он видит и необходимый в наших условиях исход. Гуляя вечером между хлебами, мы, в разговоре, часто к нему подходим и скоро от него отходим. Мы как-то боимся своих мыслей". Палицын, начальник генерального штаба в 1905— 1908 годах, следовательно в прошлом начальник Алексеева, теперь его желанный, уважаемый собеседник. Алексеев делится с ним самым сокровенным.

"7 июня, — Палицын продолжает свои записи, — вопросы эти требуют заблаговременного решения, они сложны, и последствия этого решения чрезвычайно важны. Дело не в Варшаве и Висле, даже не в Польше, а в армии. Противник знает, у нас нет патронов и снарядов, а мы должны знать, что не скоро их получим, а потому, чтобы сохранить России армию, должны ее вывести отсюда. Массы, к счастью, это не понимают, но в окружающем чувствуется, что назревает что-то неладное. Надежда удержаться нас не оставляет, ибо нет ясного сознания, что пассивное удержание нашего положения само по себе есть одно горе при отсутствии боевого снабжения. В таких тяжелых условиях протекает творческая работа Главнокомандующего, и помочь ему нельзя, ибо решения должны исходить от него".

Выбора, собственно, не было - нужно было отводить армию,

110

пока не потеряно время. Контуры катастрофы обозначались достаточно ясно, и она бы разразилась в полном объеме, если бы стратегический маразм не поразил

германское верховное командование, а штаб русского Северо-Западного фронта не сохранил присутствия духа и ясности мышления. Гинденбург, по всей вероятности остро переживая победы Макензена, задумал также отличиться - выдвинуть свою клешню в обход Ковно с севера на Вильно, а далее на Минск. Не вдаваясь в осуществимость этого замысла, все же нельзя не видеть, что планировался очень глубокий охват русского фронта. Фалькенгайн резонно указал, что это не скажется на исходе операции между Бугом и Вислой, т.е. не окажет содействия Макензену, который должен был теперь наступать на север. Фалькенгайн потребовал наступать с нижнего Нарева на юг, из района значительно западнее, чем предполагал Гинденбург.

2 июля на совещании в Познани Вильгельм II согласился с Фалькенгайном. Казалось, разногласия при постановке основной идеи операции были преодолены, но Гинденбург и Людендорф, скрепя сердце подчинившись кайзеру, все же не считали наревское направление главным. Они не оставили плана охватить русский фронт со стороны Немана. Отсюда распыление сил, облегчившее русской армии уход из-под удара.

В конце июня — начале июля немцы двинулись по всему фронту. Развернулось трехмесячное тяжелое сражение. Продвижение Макензена и группы Гальвица, созданной Гинденбургом для наступления с севера, проходило очень медленно, с частыми остановками. Русские войска везде оказывали самое упорное сопротивление, а штаб Северо-Западного фронта, не терявший управления, планомерно руководил отходом на восток.

В погоне за решающим успехом враг не останавливался перед нарушением законов и обычаев войны, широко пустив в дело отравляющие газы. Впервые в войне немцы применили химические снаряды на русском фронте еще в январе 1915 года. Командующие поставили вопрос о контрмерах. В начале марта ставка ответила: "Верховный Главнокомандующий относится к употреблению (химических) снарядов отрицательно". Положение изменилось к началу лета 1915 года: в апреле и мае получили известия о немецких газобаллонных атаках хлором на западном фронте - в районе Ипра, где погибло пять тысяч человек, и на участке 2-й русской армян, в результате которой умерло свыше тысячи отравленных.

111

В начале июня ставка обратилась к военному министру: "Верховный Главнокомандующий признает, что, ввиду полной неразборчивости нашего противника в средствах борьбы, единственной мерой воздействия на него является применение и нашей стороной всех средств, употребляемых противником". Хотя последствия газовых атак невероятно преувеличивались, нельзя было допустить, чтобы войска угнетались оружием, которое было только у врага. В России было стремительно развернуто около 200 химических заводов. С осени 1915 года химические команды для выполнения газобаллонных атак стали отправляться на фронт, а с 1916 года армия получает и химические снаряды. Для зашиты академик Н.Д. Зелинский создает эффективный угольный противогаз.

Путь германской и австрийской армий, вступивших на территорию России, отмечали повальные убийства мирных жителей и пленных, разнузданный грабеж. С фронта шли сообщения об истязаниях захваченных в плен, выставлении перед

собой под обстрел в качестве прикрытия мирных жителей. Даже Людендорф признавал, что германская солдатня отбирала у населения лошадей, скот, продовольствие, бралось все, что попадалось под руку. Население прифронтовой полосы знало, что его ждет, тысячи людей снимались с мест и уходили вместе с русскими войсками. Потоки беженцев запрудили дороги, осложняя воинские перевозки.

То была народная трагедия, названная современниками емкими, ныне напрочь забытыми словами, - Великое Отступление.

В начале августа оставлена Варшава. Без боев очищаются крепости Ивангород, Гродно, Осовец, Брест-Литовск. Алексеев с большим искусством выводит войска на восток. Во время Великого Отступления русское командование совершает, пожалуй, одну крупную ошибку — Алексеев преувеличил возможности сопротивления Новогеоргиевска. Он, видимо, не сообразил, что дружины ополчения, 58-я и 63-я сильно потрепанные пехотные дивизии, никак не компенсировали вывод из крепости накануне подхода германцев полнокровной 2-й пехотной дивизии.

Враг без больших усилий овладел всеми западными фортами крепости — Згрж, Дембе, Сероцк, Бельямин и обрушил огонь сверхтяжелых орудий на внутренние форты. Комендант Бобырь растерялся до такой степени что среди офицеров крепости получила поддержку мысль арестовать его и избрать другого руководителя обороны. Не успели. Немцы пошли на штурм.

112

В результате Новогеоргиевск продержался всего десять дней -от обложения крепости до сдачи ее 20 августа. В плен попало около 80 тыс. человек.

Прискорбной неожиданностью явилась необоснованная сдача крепости Ковно 22 августа. Виновником оказался трусливый комендант генерал Григорьев. Двинский военно-окружной суд, рассмотрев 19 - 26 сентября 1915 года дело Григорьева, признал: виновен в том, что не подготовил крепость к обороне, а когда неприятель уже ворвался в нее и крепостная артиллерия с частью пехоты "доблестно вела бой с германцами", комендант, "самовольно" покинул свой пост. Григорьева приговорили к 15 годам каторжных работ.

В результате этих непредвиденных событий Алексеев не смог осуществить подготовленный контрудар и был вынужден оттянуть правое крыло фронта. Вероятно, то был единственный случай непредусмотренного отхода за все Великое Отступление.

В кровопролитных схватках русские войска дрались превосходно, но мужество и жертвенность не могли компенсировать все возраставшей нехватки вооружения и боеприпасов. "Трудно на словах передать всю драматичность того положения, в котором оказалась русская армия в кампании 1915 года, - писал Н.Л. Головин. — Только часть бойцов, находящихся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы, в свою очередь, взять в руки винтовку. Высшие штабы изощрялись в изобретениях, подчас очень неудачных, только бы как-нибудь выкрутиться из катастрофы. Так, например, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии я помню полученную в августе 1915 года телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки, предполагалось, что эти роты могут быть употребляемы как прикрытие для артиллерии. Фантастичность этого

распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства. Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести "алебардистов" только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась русская армия в кампанию 1915 года".

Потери убитыми и ранеными России достигают рекорда -
113
в среднем 235 тыс. в месяц, против 140 тыс. за всю войну. Великое Отступление обошлось русской армии в 1.410 тыс. убитых и раненых. Учет тех, кто погиб, был труден, а зачастую, невозможен: тяжелораненые погибали на оставленных полях сражений или добивались неприятелем. При отступлении части торопливо хоронили "своих" и "чужих" убитых. Все чаще при отпевании у свежевыкопанных братских могил-рвов звучали скорбные слова священников: "Имена же их Ты, Господи, веси". А где-то в тылу многие годы все ждали весточки от давно ушедших в землю.

Когда бессчетные солдаты и офицеры гибли только потому что не были вооружены и обучены - о чем было слишком хорошо иэвестно,-это вызвало понятные горечь и гнев. Смерть настигала без разбора — нижних чинов и тех, кто мог бы рассчитывать на иную судьбу. "Во время Великого Отступления, - писал старик Милюков, — на этом страдальческом пути и я потерял дорогую мне могилу, которую никогда не пришлось увидеть. Около Холма был убит мой младший сын Сергей. Это был талантливый мальчик, подававший большие надежды... Вопреки моим настояниям он пошел добровольцем... Получил его первое письмо с фронта: он живо описывал свою первую атаку, восторгался солдатами, которые учили новоиспеченного начальника элементарным приемам борьбы. Тон письма был возбужденный и радостный. Немного спустя — получилось первое известие о его смерти. Генерал Ирманов был известен своей непреклонной суровостью. Этих новоиспеченных он посылал в опасные места в первую голову, охраняя свои кадры. Отряд сына отправлялся на отдых после отсиженного в окопах срока. Но австрийцы быстро наступали, и отряд был повернут в пути, чтобы остановить атаку. В этот день тринадцать таких же молоденьких офицеров погибли в импровизированной схватке. Но атаки не остановили наступление... Это была одна из тех ран, которые не заживают. Она и сейчас сочится. Извиняюсь перед будущим читателем за это отступление".

Ненависть к режиму за его ведение войны пронизывала все общество. Стоит ли вывешивать горе неграмотной русской женщины в глухой деревне, зашедшейся плачем, и сдержанную скорбь людей из "образованных" слоев, способных, как,например, Милюков, переложить груз пережитого на бумагу.

Скорбные вереницы санитарных поездов развозили по всей России раненых — живое доказательство происходившего на фронтах. "Надвигается на нас горе великое, — писала о тех днях
114
легендарная русская певица Н.В. Плевицкая. — Вот оно грянуло, содрогнулась земля, и полилась кровь. Не стану описывать того, что знает каждый, а я сбросила с себя шелка, наряды, надела серое ситцевое платье и белую косынку. Знаний у меня не было, и понесла я воину-страдальцу одну любовь... Лежит передо мной

изувеченный неизвестный человек, и никаких чинов-орденов у него нет. Он, видишь ты, не герой, а свою жизнь отдает отечеству одинаково со всеми главнокомандующими и героями. Только солдат отдает свою жизнь очень дешево, иногда и по ошибке то-то же главнокомандующего". Плевицкая не претендовала на обобщения. Несмотря на неслыханную славу в те годы, она осталась русской женщиной из курской губернии...

В годину тяжких испытаний взоры многих обратились к союзникам. В мае-июне русское Верховное Главнокомандование обратилось с официальными просьбами открыть наступление на Западе, чтобы снять невыносимое бремя на Восточном фронте. 7 июля 1915 года в Шантильи собрался первый за войну межсоюзнический военный совет, где совещались представители Франции, Англии, России, Бельгии, Сербии и Италии, вступившей в войну на стороне Антанты в мае 1915 года. Русский военный агент во Франции Игнатьев просил нанести "решительный удар" на Западе, пока Германия скована на Востоке. Услышав слово "решительный" Жоффр нахмурился и объяснил, что при обозначившемся размахе войны самые блестящие успехи не приводят к решительным результатам, размеры военных усилий зависят от итогов работы промышленности. На совете постановили, что на Западе будут предприниматься "локализованные действия", большое наступление откроется по накоплении запасов снарядов и пополнении артиллерии.

Частные наступательные операции на Западном фронте летом 1915 года немцы без труда отбили, справедливо расценивая их как отвлекающие. Обещанное большое наступление началось в самом конце сентября в Артуа и Шампани, где немцы были ближе всего к Парижу. В бой пошли 53 французских и 14 английских дивизий при поддержке 5 тысяч орудий. Только французы израсходовали на артиллерийскую подготовку три миллиона снарядов. Итог - продвижение за две недели на 10-15 километров, атакующие, понеся большие потери, уткнулись во вторую полосу германской обороны и остановились. Позиционное сидение на Западе возобновилось.

Игнатьев заметил: "Некоторым утешением для русской армии
115
могло явиться только обнаружение на французском фронте германских гвардейского и X корпусов, вернувшихся из России в самом плачевном, обтрепанном виде". Они были переброшены вместе с другими соединениями из Белостока в Шампань за трое с половиной суток. Но было уже поздно — уход германских войск на Запад совершился тогда, когда кампания 1915 года на Восточном фронте подошла к концу.

Доверие к союзникам рушилось. Крылатой в русской армии стала фраза: "Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата". Английский военный представитель генерал Нокс записывает разговор осенью 1915 года с генерал-квартирмейстером штаба Западного фронта Лебедевым: "Разговор коснулся доли тягот, выпавших на долю каждого из союзников, и маленький Лебедев, горячий патриот, увлекся во всю. Он сказал, что история осудит Англию и Францию за то, что они месяцами таились как зайцы в своих норах, свалив всю тяжесть на Россию. Я, конечно, спорил с ним... Лебедев ответил, ... что Англия делает много, но она не делает всего, что могла бы делать. Россия ничего не бережет и все отдает: что может быть дороже ей, чем жизнь ее

сынов? Но она широко ими жертвует. Англия же широко дает деньги, а людей своих бережет... Он сказал: "Мы же продолжаем войну. Мы отдаем все. Думаете ли Вы, что нам легко видеть длинные колонны населения, убегающего перед вторгающимися немцами? Мы прекрасно сознаем, что дети на этих повозках не доживут до весны". Что мог я ответить на это, ибо знал, что многое из сказанного Лебедевым правда. Я говорил, что мог. Я надеюсь только, что говорил не глупее, чем некоторые из наших государственных деятелей, на беседах которых я присутствовал".

Слов утешения и ободрения в то время со стороны союзников Россия слышала много. Цену их сами западные деятели указали, по понятным причинам, много спустя после окончания войны. В своих мемуарах Дэвид Ллойд Джордж задним числом написал: "Когда летом 1915 года русские армии были потрясены и сокрушены артиллерийским превосходством Германии и не были в состоянии оказывать какое-нибудь сопротивление вследствие недостатка винтовок и патронов, французы копили свои снаряды, как будто это были золотые франки, и с гордостью указывали на огромные запасы в резервных складах за линией фронта...

Когда Англия начала по-настоящему производить вооружение и стала давать сотни пушек большого и малого калибров и сот-

ни тысяч снарядов, британские генералы относились к этой продукции так, как если бы мы готовились к конкурсу или соревнованию, в котором все дело заключалось в том, чтобы британское оборудование было не хуже, а лучше оборудования любого из ее соперников, принимающих участие в этом конкурсе....

Военные руководители в обеих странах, по-видимому, так и не поняли того, что должно было быть их руководящей идеей, они участвуют в этом предприятии вместе с Россией и что для успеха этого предприятия нужно объединить все ресурсы так, чтобы каждый из участников был поставлен в наиболее благоприятные условия для содействия достижению общих целей...

На каждое предложение относительно вооружения России французские и британские генералы отвечали и в 1914 - 1915,и в 1916 годах, что им нечего дать и что если они дают что-либо России, то лишь за счет собственных насущных нужд...

Мы предоставили Россию ее собственной судьбе".

К исходу сентября 1915 года 1300-километровый Восточный фронт стабилизировался по линии Рига-Двинск-Пинск-Черновицы. Были оставлены Польша, часть Литвы, очищена Галиция. Враг, хотя и углубился в пределы России, был истощен. В сентябре попытка Гинденбурга пробить фронт и вывести в русский тыл большую массу конницы (Свенцянский прорыв) привела только к новым, неоправданным немецким потерям. На юге в самом конце сентября Брусилов внезапным ударом разгромил 4-ю австрийскую армию у Луцка.

Обозревая восточный театр осенью 1915 года Гинденбург с глубоким разочарованием писал: "Русские вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении". В свою очередь, Фалькенгайн мрачно констатировал: "Выполненные операции не достигли вполне своей цели".

Перед германской и австрийской армиями теперь стояли три русских фронта — Северный, Западный и Юго-Западный. Русские войска, хотя и потерпевшие большой урон, окапывались на новых позициях. Было очевидно, что предстоявшей зимой они смогут создать сильные оборонительные полосы, пополниться и привести себя в порядок.

Кайзеровская военная пропаганда прибегла к величайшим гиперболам, оценивая итоги года 1915 на Восточном фронте. В книжонке, вышедшей в 1917 году, "Поход Гинденбурга в Россию " немецкий писака Г. Ниманн утверждал: "Итак, после девятимесячной борьбы была достигнута великая цель — самая круп-

117

ная по численности боевая сила на земле была низвергнута, русская полевая армия разбита. Но в глазах наших врагов поражение потерпели мы, победила же Россия. Вот как выразился лорд Китченер в одной из своих "знаменитых" речей в палате лордов 15 сентября 1915 года. "В истории этой войны будет мало столь выдающихся эпизодов, как искусное отступление русских на очень длинном фронте во время постоянного бешеного натиска врага, который далеко превосходил не только в числе, но, главным образом, в артиллерии и огнестрельных припасах... Мы видим русскую армию еще и теперь вполне нетронутой".

Действительно, надо обладать английской меркой лжи и нахальства, чтобы утверждать подобное перевирание и искажение фактов. Правда, не все русское войско сдалось в один день и нельзя не признать его храбрости и отчасти искусного руководства, но все же неопровержимыми результатами немецко-австро-венгерского наступления 1915 года "были очищение Восточной Пруссии и Галиции, занятие ряда русских областей.

Безудержное бахвальство немецкого военного пропагандиста советские военные переводчики (книга Ниманна вышла на русском языке в 1920 году) прокомментировали: "... и потеря драгоценного 1915 года для решительных успехов на Западном фронте, которые тогда были еще возможны, так как английские армии находились еще в периоде строительства. Гигантская борьба и пятимесячное постепенное отступление русской армии в 1915 году на фронте в полторы тысячи верст потребовали от русской армии, конечно, громадных жертв, но, несомненно, эта борьба на русском фронте была не "великой победой" Гинденбурга, а одним из важнейших звеньев в той цепи событий, которая привела Германию к конечному разгрому. В этом, может быть, главная ошибка Гинденбурга. Его успехи на русском театре вызвали в германском общественном мнении поворот в сторону признания русского фронта — главным театром для действия германских резервов вопреки первоначальному правильному плану. Операции на французском фронте были прерваны, причем германцы не добились во Франции поставленных планом целей войны, и германские резервы были переброшены из Франции в Польшу не для защиты жизненных областей, а для погони за химерой уничтожения русского военного могущества". Подлинной стратегической хватки Гинденбург и Людендорф в кампании 1915 года на русском фронте не показали, если не счи-

тать, пожалуй, февральской операции, приведшей к гибели русского XX-го корпуса. Немецкие войска в основном атаковали в лоб, неуклюжие попытки повести наступление на уничтожение, как правило, срывались либо контрударами, либо своевременными отходами. Как подчеркивали современники кампании 1915 года, Гинденбург "довольствовался скромным, но обеспеченным успехом — процентом на имеющийся у него капитал в виде превосходного артиллерийского снабжения". Немцы захватили порядочные территории, но в выполнении основной цели -уничтожении русской армии - не преуспели, ибо не сумели расстроить Великое Отступление.

Прогрессивный блок. Интриги

То, что происходило на фронте, оказывало стремительное и все возрастающее влияние на всю страну. "Поражения, — отметил В.И. Ленин, — расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным"[5].

Верные слуги старого режима понимали, что его положение становится непрочным. В августе 1915 г. генерал Данилов, хорошо знавший по должности обстановку на фронте, меланхолически просвещает министра иностранных дел Сазонова, что возможность конечной победы в войне зависит от двух условий: "чтобы мы не отчаивались и бодро переносили испытания и чтобы у нас не было революции".

Летом 1915 года депутат Думы ярый монархист Шульгин, вернувшись с фронта в Петроград, поспешил к Милюкову. Шульгин был крайне обеспокоен и раздражен — он собственными глазами видел отступление в Галиции. Собеседники,отнюдь не еди-номышленники, теперь быстро нашли общий язык.

— Подъем прошел, — заметил Милюков. — Неудачи сделали свое дело. В особенности повлияла причина отступления. И про-

[5] Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 31, с. 15.

тив власти неумелой, не поднявшейся на высоту задачи, сильнейшее раздражение.

— Вы считаете дело серьезным?

— Считаю положение серьезным. И прежде всего надо дать выход этому раздражению. От Думы ждут, чтобы она заклеймила виновников национальной катастрофы. И если не открыть это

го клапана в Государственной Думе, раздражение вырвется другими путями...

— Я еще не говорил со своими. Но, весьма возможно, в этом вопросе мы будем единомышленниками. Мы, приехавшие с фронта, не намерены щадить правительство...

— Надо, чтобы те люди, которых страна считает виновниками, ушли. Надо, чтобы они были заменены другими.

— Вы хотите ответственного министерства?

— Нет... я бы затруднился формулировать эти требования выражением "ответственное министерство". Пожалуй, для этого мы еще не готовы. Но нечто вроде этого. Не может же, в самом деле, назначенный за полгода до войны совершенно крамольный Горемыкин оставаться главою правительства во время мировой войны. Не может, потому что Иван Логинович органически, и по старости своей, и по заскорузлости не может стать в уровень с необходимыми требованиями...

— А второе?

— А второе вот что... Если Россия победит, то, очевидно, победит не правительство. Победит вся нация... Поэтому необходимо, чтобы власть доказала, что она, обращаясь к нации за жертвами, в свою очередь, готова жертвовать частью своей власти и своих предрассудков.

— Какие же доказательства?

— Доказательства должны заключаться в известных шагах. Конечно, война не время для коренных реформ, но кое-что можно сделать и теперь. Должно быть как бы вступлене на путь свободы. Будем ли мы и в этом согласны?

Шульгин, подумав, согласился. "Этот разговор, - рассказывал он автору, - послужил прологом к тому, что впоследствии получило название "Прогрессивный блок"; объединению в рамках Думы представителей ряда буржуазных партий, заявивших о своей оппозиции правительству. Поводом для складывания блока были прежде всего поражения на фронтах.

По стечению обстоятельств на первых ролях оказался закля-

120

тый враг большевиков Милюков. Он достаточно отчетливо понимал опасность революционного взрыва и попытался отвести негодование в безопасные каналы. "Политический смысл (Прогрессивного блока), - отмечал Милюков в "Воспоминаниях", -заключается в последней попытке найти мирный исход из положения, которое становилось все более грозным". С одной стороны, вырисовывалась революция, с другой - самые рьяные представители буржуазии требовали немедленно взять власть в руки, создав явочным путем Думу.

На партийной конференции кадетов в июле 1915 года Милюков воззвал к своим единомышленникам: "Требование Государственной Думы должно быть поддержано властным требованием народных масс, другими словами, в защиту их необходимо революционное выступление... Неужели об этом не думают те, кто с таким легкомыслием бросает лозунг о какой-то явочной Думе?" Они "играют с огнем... (достаточно) неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар... Это не была бы революция, это был бы тот ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный, который приводил в трепет еще Пушкина . Это была бы... вакханалия черни... Какова бы ни была власть, - худа или хороша, но сейчас твердая власть необходима более, чем когда-либо".

Призрак революции был вызван Милюковым со знанием дела: "Я как раз в эти месяцы перечитывал Тэна... Опыт был достаточен, чтобы снять с "революции", как таковой, ее ореол и разрушить в моих глазах ее мистику. Я знал, что там — не мое место". Впечатлял, конечно опыт, а не слова Милюкова.

По компетентной оценке информаторов охранки действительными инициаторами "блока" были лидеры "прогрессистов" -И.Н. Ефремов и АЛ. Коновалов. Предоставив Милюкову красоваться на трибуне, они взяли на себя

организационную сторону дела. С ними трудился по существу второй человек в партии кадетов после Милюкова Н.В. Некрасов. Он смотрел в корень дела — кадеты должны "готовиться к тому, чтобы взять на себя всю власть и всю ответственность". Преждевременно, восклицали вслед за Милюковым кадеты. Лишь посвященные могли понять решительные настояния Некрасова в июле 1915 года - "Страна возбуждена безмерно, только совсем новая организация может нас спасти". Были склонны полагать, что речь идет о Прогрессивном блоке. Но никто, включая охранку, не знал, что все
121
трое главных архитекторов блока — Ефремов, Коновалов и Некрасов — были масонами. Они трудились, организуя верхушку буржуазных партий под вывеской блока. В конечном счете, в него вошли кадеты, "прогрессисты", октябристы, помещичьи фракции центра и "прогрессивные националисты". К блоку примкнула академическая (кадетско-прогрессистская) группа и группа центра (октябристы и правее их) Государственного Совета. Прогрессивный блок объединил около трехсот человек или более двух третей Государственной Думы.

Эти люди сошлись на отрицательном отношении к правительству и отнюдь не были сосредоточением "демократических сил". Блок, насмешливо отметили в охранке, далеко не "гражданская цитадель". Отсортировав крайние фланги в Думе, деятели блока выдвинули основное требование — создание правительства, которое должно обеспечить "единение со всей страной и пользоваться ее доверием". Куда же испарились программные требования кадетской партии, стоявшей за парламентарный строй, т.е. правительство, ответственное перед Думой, спрашивали Милюкова, указывая на очевидную бессмысленность выброшенного лозунга. Приват-доцент ответил недоумевавшим: "Кадеты вообще — это одно, а кадеты в блоке — другое. Как кадет, я стою за ответственное министерство, но, как первый шаг, мы по тактическим соображениям ныне выдвигаем формулу: министерство, ответственное перед народом. Пусть мы только получим такое министерство, и оно силою вещей скоро превратится в ответственное парламентское министерство".

Такое разъяснение и дал Московской профессуре — "мозговому тресту" кадетов, надувавшейся гордостью, что она сумела синтезировать свою общественную науку с политикой. Свет очей профессуры Милюков оказался на диво малопоследователен, если не считать очевидного - цель оправдывает средства. А цель состояла в том, что деятели '-'Прогрессивного блока" домогались власти, хотя и расходились в отношении методов достижения ее.

Блок сплачивался на бесконечных совещаниях, и намерения его руководителей не могли остаться в тайне от двора и правительства. Царь по наущению группы "либеральных" министров во главе с Кривошеиным решился в первой половине июля снять накал в отношениях с Думой. Вслед за Сухомлиновым уволили еще трех наиболее ненавистных министров. Но умиротворить Про-
122
грессивныи блок, было трудно, лидеры его требовали реальных. уступок в сфере управления, прежде всего военной экономикой.

Завязался тугой клубок интриг, захвативших Таврический дворец, правительства и Ставку. Те, кто хотел взять власть, действовали напористо,

прибегая к методам по плечу разве иезуитам. По необходимости можно только в самых общих чертах, рассказать о происходившем. Преемник Сухомлинова генерал А.А. Поливанов открыл наступление на Ставку. Чтобы должным образом оценить его роль, необходимо помнить — он был близким другом А.И. Гучкова, любимцем "общественности" и (крайности сходятся) клевретом царицы. Поливанов, вероятно, решил смертельно напугать кабинет. Записи помощника управляющего делами Совета Министров А.Н. Яхонтова ярко показывают, как военный министр нагнетал панику.

Он начал с торжественного заявления 29 июля: "Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету Министров, что Отечество в опасности". Министры притихли, в голосе Поливанова, — писал Яхонтов, — (предупредив, что записывал непоследовательно — "руки дрожали от нервного напряжения") "чувствовалось что-то повышенно резкое. Присущая ему некоторая театральность речи и обычно заметное стремление влиять на слушателя образностью выражений стушевывается на этот раз потрясающим значением произнесенных слов". Министры, помолчав, спросили, на чем Поливанов строит свое "мрачное заключение".

В ответ полился поток фраз о том, что отступление уже носит характер 'Чуть ли не панического бегства", "с каждым днем наш отпор слабеет, а вражеский натиск усиливается". Военному министру уже по должности подобало бы знать, что шло не беспорядочное бегство, а упорядоченный отход ради сохранения армии. Если и промахнулась Ставка, то приняв решение об отводе с запозданием по крайней мере на три месяца. Но Поливанов умышленно прибегал к величайшим преувеличениям, договорившись до того, что "где ждать остановки наступления - богу ведомо. Сейчас в движении неприятеля все более обнаруживается три главнейших направления: на Петербург, на Москву и на Киев. В слагающейся обстановке нельзя предвидеть, чем и как удастся нам противодействовать развитию этого движения. Войска утомлены бесконечными поражениями и отступлениями. Вера в конечный успех и вождей подорвана. Заметны все более гроз-

ные признаки надвигающейся деморализации. Учащаются случаи дезертирства и добровольной сдачи в плен. Да и трудно ждать порыва и самоотвержения от людей, вливаемых в боевую линию безоружными с приказом подбирать винтовки убитых товарищей".

Мрачное заключение Поливанов, несомненно, сделал из письма ему начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Обратив внимание министра на то, что нельзя присылать на фронт пополнение с 2 — 3-недельным обучением да еще с винтовкой на 3-4 человека, автор письма указывал, что царь уже одобрил две меры с целью предотвратить сдачу в плен, во-первых, семьи добровольно сдавшихся лишаются пайка, во-вторых, по окончании войны эти пленные будут высланы в Сибирь для колонизации. Министра просили: "Не желая обращаться по этому вопросу к Родзянко в обход правительства, великий князь поручил мне просить Вас, не найдете ли возможным использовать Ваш авторитет в сфере членов Думы, чтобы добиться соответствующего разрешения-хотя бы мимоходом в речи Родзянко или лидера центра-что, очевидно, те нижние чины, которые добровольно сдаются, забывая долг перед Родиной, ни в коем

случае не могут рассчитывать на одинаковое к ним отношение и что меры воздействия в виде лишения пайка и переселений их всех, после мира, в пустынные места Сибири вполне справедливы. Глубоко убежден, что это произведет огромный эффект".

Пока там до страны, а на кабинет министров Поливанов производил- "огромный эффект", все усиливавшимся паническим словоблудием. На заседании 12 августа он долбит: "На театре войны беспросветно. Отступление не прекращается", указующий перст министра по-прежнему в сторону виновников бед — руководства Ставки. Он сурово заключает: "Ставка, по-видимому, окончательно растерялась и ее распоряжения принимают какой-то истерический характер. Вопли оттуда о виновности тыла не прекращаются, а, напротив, усиливаются и являются водой на мельницу противоправительственной агитации". Искусный ход, затронувший министров за живое. Они загалдели и принялись хором поносить Ставку.

"В моих записях, — отмечал Яхонтов, — набросано лишь общее содержание этой беседы, без отметок,кто и что говорил. Ставка окончательно потеряла голову. Она не отдает себе отчета в том, что она делает, в какую пропасть затягивает Россию. Нельзя ссылаться на пример 1812 года и превращать в пустыню оставляе-

124

мые неприятелю земли. Сейчас условия, обстановка, самый размах событий не имеют ничего общего с тогдашним. В 12-м году маневрировали отдельные армии, причем район их действий ограничивался сравнительно небольшими площадями. Теперь же существует сплошной фронт от Балтийского чуть ли не до Черного моря, захватывающий огромные пространства на сотни верст. Опустошать десятки губерний и выгонять их население в глубь страны - равносильно осуждению России на страшные бедствия. Но логика и веление государственных интересов не в фаворе у Ставки. Штатские рассуждения должны умолкать перед "военной необходимостью", какие бы ужасы под ней ни скрывались. В конце концов внешний разгром России дополняется внутренним".

А.В. Кривошеин, тогда надежда либералов, а впоследствии глава правительства у Врангеля, взял такую пронзительную ноту, что Яхонтов выделил его: "Хороший способ борьбы! По всей России расходятся проклятия, болезни, бедность. Голодные и оборванные повсюду вселяют панику, угасаются последние остатки подъема первых месяцев войны. Идут они сплошной стеной, топчут хлеб, портят луга, леса. За ними остается чуть ли не пустыня, будто саранча прошла, либо Тамерлановы полчища. Железные дороги забиты, передвижение даже воинских грузов, подвоз продовольствия скоро станут невозможными. ... Впрочем, эти подробности не в моей компетенции. Очевидно, они были своевременно взвешены Ставкою и были тогда признаны несущественными. Но в моей компетенции как члена Совета Министров заявить, что устраиваемое Ставкой великое переселение народов влечет Россию в бездну, к революции и гибели".

Ни общая оценка министров, ни сардонический юмор Кривошеина не были уместны применительно к сложнейшим стратегическим операциям, проводившимся на фронте. У Ставки было немало ошибок, которые, однако, нужно соразмерить с масштабами Великого Отступления. Ошибки эти лежали

преимущественно в военной сфере, но не в той, в какой ее обвиняли тароватые на слова царские сановники. Тактики "выжженной земли", конечно, не было и в помине. Из 25 миллионов жителей в областях, охваченных эвакуациями, снялось с мест 3 миллиона. Они уходили не столько под давлением военных властей, сколько по собственному выбору, наслышавшись о немецких зверствах. Слов нет, эвакуация была организована из рук вон плохо,
125
но в тыл устремился лоток обездоленных, отнюдь не "тамерлановы полчища".

Заседания Совета Министров превратились в бедлам. Даже обычно сдержанный Сазонов кричит в адрес Ставки: "Это черт знает что такое!" Нарастающей паникой дирижирует Поливанов. "Я не доверяю ему, — пишет Яхонтов, — у него какие-то тайные мотивы и что-то на уме, за ним стоит тень Гучкова". Быть может, Яхонтов прикоснулся к истине?

19 августа Поливанов, как обычно дав алармистское описание военных дел, присовокупил: "Как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно гораздо более страшное событие, которое угрожает России. Я сознательно нарушу служебную тайну и данное мною слово до времени молчать. Я обязан предупредить правительство, что сегодня утром на докладе Его величество объявил мне о принятом им решении устранить Великого Князя и лично вступить в командование Армией". Кабинет сначала онемел, а потом буквально взвыл.

Эти люди не были отмечены великими интеллектуальными достоинствами. В империи не нужно было иметь ум, чтобы быть начальством, но нужен был ум, чтобы им стать. Со своей точки зрения тертые люди, какими были министры, связавшие собственное благополучие с троном, без труда усмотрели, что в результате решения монарха перед ними разверзнется пропасть. Конечно, они рационализировали личные судьбы в терминах исторического пути России. Сазонов воскликнул, услышав о намерении царя: "У меня какой-то хаос в голове делается... в какую бездну толкается Россия". Кривошеин завопил: "Надо протестовать, умолять, настаивать, просить, словом, — использовать все доступные нам способы, чтобы удержать Е.В. от бесповоротного шага... Народ давно... считает государя царем несчастливым, незадачливым".

Родзянко, прослышав о назревавших событиях, бросился в Мариинский дворец, вытащил с заседания Горемыкина и объявил, что уже написал царю: "Неужели государь, неясно, что Вы добровольно отдадите Вашу неприкосновенную Особу на суд народа, и это и есть гибель России". Родзянко кричал, и голос его гулко разносился по дворцу — правительство должно заставить царя отказаться от своего решения. Горемыкин заговорил о смирении. Родзянко не дослушал и бросился к выходу, возглашая во весь сверхмощный голос: "В России нет правительства!" Швейцар сунулся было к нему с забытой тростью, председатель Думы рык-
126
нул - "К черту трость!", прыгнул в автомобиль и был таков.

Родзянко блестяще оправдал характеристику, данную ему давно Витте — "все-таки главное качество Родзянки не в его уме, а в голосе — у него отличный бас". Впрочем, разобраться в происходившем было невозможно. "Не понимаю, чего добивается Поливанов, — писал Яхонтов. — Он всех науськивает и против

Великого Князя, и прошв принятия командования государем, и против Ивана Лог (Горемыкина)".

Нарастала кампания компрометации власти, выдвижение ничтожества, каким был Николай II, на первую линию огня критики было необходимым предварительным условием для ее успеха. Отсюда следовало, что взятие им функции Верховиого Главнокомандующего было совершенно обязательным с точки зрения тех, кто направлял эту кампанию. Они действовали осмотрительно, заметая следы, а, в сущности, не оставляли царю иного выхода. Заговорщики умело использовали и ревность Царского села к великому князю. Были распущены слухи, достигшие ушей царской четы, что Николай Николаевич вынашивает темные замыслы, а его сторонники уже де именуют его Николаем III.

А министры все продолжали нервно дебатировать вопрос, как отговорить царя от рокового шага. "Общественность" Не могла не внести свою лепту. Московская городская дума отправляет приветствие Николаю Николаевичу, уведомляя о своей резолюции с заверениями в непоколебимом доверии. Горемыкин изрекает на заседании кабинета: "Не отвечать всем этим болтунам и не обращать на них внимания". Поливанов вскинулся: нельзя проходить мимо и т.д. Обер-прокурор Святейшего Синода А.Д. Самарин мягко втолковывает: "Резолюцию думы было бы трудно квалифицировать как революционную. Не революция, а бесконечный страх за будущее. Нам нужно честно, без утайки и оговорок объяснить государю, что задуманный им шаг, помимо всего прочего, является величайшим риском для династии... увольнение Великого Князя недопустимо, что мы не отвечаем за порядок и безопасность в стране".

На заседании 2 сентября под председательством царя министры попросили его отступиться от решения сменить Верховного Главнокомандующего.

Коллективное всеподданнейшее письмо от всех министров (за исключением Горемыкина и министра юстиции А.А. Хвостова), поданное на следующий день, могло только укрепить Нико-

лая II в самых худших подозрениях. Министры просили его, дабы предотвратить "тяжелые последствия" для России и династии, отказаться от своего намерения, оставив Верховным Главнокомандующим Николая Николаевича.

Почти одновременно с письмом министров царю был вручен поразительный документ — доклад членов Военно-морской комиссии Государственной Думы. Подписанный председателем комиссии кадетом Шингаревым и восемью другими членами Думы, включая Шульгина и Ефремова, доклад был пронизан мыслью - "общественность" должна взять в свои руки обеспечение войны.

"Внимательно изучая доклад, — замечал Н.Н. Головин, — нельзя не заметить, что он весь представляет сложный переплет действительно серьезных обвинений Правительства и Главнокомандования с указанием на упущения более чем ничтожного характера. Таким прямо комическим моментом в трагическом тоне доклада является, например, упоминание о "потрясающей речи одного из членов Государственной Думы" о плохом укреплении Пскова... Насколько форма доклада не отвечает его содержанию, лучшим примером может служить его конец. Этот конец говорит о том, что "только непререкаемой Царской Властью можно установить согласие между Ставкой Великого Князя, Верховным Главнокомандованием и Правительством". Император Николай П, прочитав

доклад, имел полное право сделать логический вывод о том, что русские общественные круги желают, чтобы Монарх в своем лице совместил Управление страной и Верховное Главнокомандование". И еще одно: доклад был составлен и подан по наущению Поливанова.

Глупец Родзянко, устроивший истерику в Мариинском дворце, не понимал, что проделывали в Думе под самым его носом. Николай II легкомысленно вошел в подготовленную для него ловушку. Близкая к царской семье А. Вырубова со своего уровня понимания событий (наверное, Николай II не поднимался выше) оставила при ретроспективном взгляде трагикомическое описание, как он возглавил армию:

"Ясно помню вечер, когда был созван Совет Министров в Царском Селе. Я обедала у Их Величеств до заседания, которое назначено было на вечер. За обедом Государь волновался, говоря, что, какие бы доводы ему ни представляли, он останется непреклонен. Уходя, он сказал нам: "Ну, молитесь за меня!" Помню, я сняла образок и дала ему в руки... Уже подали чай, когда вошел

128

Государь, веселый, кинулся в свое кресло и, протянув нам руки, сказал: "Я был непреклонен, посмотрите, как я вспотел!" Передавая мне образок и смеясь, он продолжал: "Я все время сжимал его в левой руке. Выслушав все длинные, скучные роли министров, я сказал приблизительно так: "Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в Ставку через два дня!" Некоторые министры выглядели как в воду опущенные!"

В начале сентября Николая Николаевича отправили командовать на Кавказ против турок, а царь стал Верховным Главнокомандующим, что, помимо прочего, влекло необходимость быть при Ставке в Могилеве. Он описал в письме Александре Федороне прием в Ставке, там не смогли скрыть своего разочарования, "точно каждый из них намеревался управлять Россией". Современники отметили единодушную реакцию обывателя — "царь поехал на фронт - быть беде".

Исполнив, как ему представлялось, желание "общественности", Николай II взялся за "Прогрессивный блок". По всей вероятности, он заключил, что думские деятели спали и видели узреть его во главе армии, остальное пустяки. Пока шла шумиха вокруг командования, Прогрессивный блок официально оформился — 22 августа было подписано соглашение между входившими в него партиями и фракциями. Блок поддержали городские думы Москвы, Петрограда и ряда других городов.

Орган миллионера П.П. Рябушинского "Утро России", торопя события, напечатал список "Кабинета обороны", правительства которое было угодно видеть крупному капиталу. На пост премьера прочили М.В. Родзянко, министра иностранных дел— П.Н. Милюкова, внутренних дел - А.И. Гучкова, военного - А.А. Поливанова, финансов — А.И. Шингарева, путей сообщения — Н.В. Некрасова, торговли и промышленности - А.И. Коновалова, юстиции — В. А. Маклакова, главноуправляющего земледелия и землеустройства — А.В. Кривошеина и тд. Это было слишком для царской власти.

Претензии буржуазии взбесили Царское Село. Потуги царя дать по рукам обнаглевшим претендентам на власть подогрела царица. Она всерьез принимала сравнения придворных льстецов с Екатериной II и, почитая себя единственным

"мущиной в штанах" при дворе, советовала царю: "Россия, слава Богу, не конституционная страна, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться". Прослышав о том , что городские думы столкнулись с "Прогрессивным бло-
129
ком", она добавила: "Никому не нужно их мнение - пусть они лучше всего займутся канализацией". Горемыкин отправился в Ставку к царю за указаниями, и, как он сообщил по возвращении, "все получили нахлобучку за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса". Царь повелел не позднее 3 сентября закрыть Думу.

Из протокола заседания Государственной Думы от 3 сентября 1915 года: "Заседание открывается в 2 часа 51 минуту пополудни под председательством М.В. Родзянко.

Председатель: Объявляю заседание Государственной Думы открытым. Предлагаю Государственной Думе стоя выслушать высочайший указ. (Все встают).

Зачитывается указ о роспуске Думы.

Председатель: Государю императору "Ура!" (Долго несмолкаемые крики "ура"). Объявляю заседание Государственной Думы закрытым. (Заседание закрывается в 2 часа 53 минуты пополудни) ".

Две минуты потребовалось царизму, чтобы разогнать оппозицию. И трагикомическое — крики "Ура!" приглушили пинок императорского сапога.

На том практически прекратилась деятельность Прогрессивного блока, который, по мнению Шульгина, избрал путь парламентской борьбы вместо баррикад, путь "суда" вместо самосуда — "наша цель была, чтобы массы оставались покойными, так как за них говорит Дума". Подводя итоги случившегося, В.А. Маклаков заявил на заседании бюро Прогрессивного блока : "Если бы забастовала Россия, власть, может 6ыть,уступила бы, но этой победы я не хотел".

Правая печать радовалась необыкновенно разгону Думы. "Земщина" на другой день после роспуска говорильни восклицала: "Дума, становившаяся с каждым днем все наглее и крамольнее, временно закрыта. Все подлейшие происки желтого блока с предателями во главе разлетелись в прах..."

Несостоявшиеся "революционеры" забили отбой. Им было настоятельно необходимо заверить власть в своей благонадежности и в то же время не потерять лица, сказать стране, что они не оставили своих намерений. Герои словоблудия и коридорные; Робеспьеры в приступе отчаянной храбрости прибегли к эзоповскому языку. 27 сентября 1915 года '"Русские ведомости" напечатали фельетон-аллегорию 'Трагическое положение" В.А. Маклакова совсем недавно названного в органе Рябушинского буду-
130
щим министром юстиции (и, отмечает Г. Катков, "тесно связанного с масонами'"). "Вы несетесь на автомобиле по крутой и узкой дороге, - открылся Маклаков. — Один неверный шаг,и вы безвозвратно погибли. В автомобиле — близкие люди, родная мать ваша. И вдруг вы видите, что ваш шофер править не может... К счастью, в автомобиле есть люди, которые умеют править машиной, им надо поскорее взяться за руль. Но задача пересесть на полном ходу нелегка и опасна.

Одна секунда без управления — и автомобиль будет в пропасти. Однако выбора нет — вы идете на это, но сам шофер не идет. Оттого ли, что он ослеп и не видит, что слаб и не соображает, из профессионального самолюбия и упрямства, но он цепко ухватился за руль и никого не пускает. Что делать в такие минуты?

Заставить его насильно уступить его место? Как бы вы ни были ловки и сильны, в его руках фактически руль, и один неверный поворот или неловкое движение этой руки — и машина погибла. Вы знаете это, но и он тоже знает. И он смеется над вашей тревогой и вашим бессилием: "Не посмеете тронуть!" Он прав: вы не посмеете тронуть, если бы даже страх или негодование вас так охватили, что, забыв об опасности, забыв о себе, вы решились силой схватить руль - пусть оба погибнем,— вы остановитесь: речь идет не только о вас: вы везете свою мать... Ведь вы ее погубите вместе с собой; сами погубите. И вы себя держите, вы отложите счеты с шофером до того вожделенного времени, когда минует опасность... Вы оставите руль у шофера. Более того, вы постараетесь ему не помешать, будете даже советом, указанием содействовать.

Вы будете правы — так и нужно сделать. Но что вы будете испытывать при мысли, что ваша сдержанность может все-таки не привести ни к чему, что даже с вашей помощью шофер не управиться? Что вы будете переживать, если ваша мать, при виде опасности, будет просить вас о помощи и, не понимая вашего поведения, обвинит вас за бездействие и равнодушие?"

Статейка Маклакова нашумела и даже слишком. Аллегория была более чем прозрачна. Охранка совершенно правильно комментировала в сводке настроений: "живейший отклик" на нее в самых широких кругах говорит о росте "антидинастического настроения". Что до руководителей Прогрессивного блока, то они сделали надлежащие выводы. Оттеснить верхи не удалось Натиск в лоб не удался, необходимо прибегнуть к обходным пу-

1914pict/page132

1914pict/page133

тям. Для этого уже существовали сверхдостаточные возможности как и благовидный предлог - веление обеспечить эффективное ведение вооруженной борьбы.

Земгор, союзники и прочее

Еще до войны с Японией в 1904 — 1905 гг. возникла в основном благотворительная организация "Союз земств", во главе которой встал князь Г.Е. Львов. Из недр ее сущности вышел "кадетизм", хотя сам Львов настаивал, что его интересует только дело, а не политика. Царская бюрократия косо смотрела на "Союз", не без оснований усматривая в нем покушение на власть. Земцам удалось продлить свое существование до первой

мировой войны участием в борьбе с голодом, эпидемиями, помощью переселенцам на Дальний Восток.

Они воспрянули духом в августе 1914 года, учредив Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. Устоять перед инициативой земцев было нельзя, и царь высочайшим повелением разрешил существование "Союза" наряду с правительственным "Красным Крестом". Не отстал от новых веяний и городской "Союз", где заводилами были московские купцы, объединенные в городской думе (Милюков: "Первопрестольная была родиной кадетизма — и таковой оставалась после перехода центра политической деятельности в Петербург, вслед за Думами"). В "Союзе городов" верховодил М.В. Челноков.

Поражения 1915 года разомкнули уста буржуазии, принявшейся громогласно заявлять, что только она способна "спасти" Отчизну. Для указанного "спасения" в июле 1915 года обе организации слились, образовав "Союз земств и городов" ("Земгор"). Помимо уже проводившейся работы — создание и обслуживание госпиталей, эвакопоездов, бань и т.д. — "Земгор" с треском, шумом и похвальбой объявил, что он мобилизует на войну всю мелкую кустарно-ремесленную промышленность и завалит армию снаряжением — повозками, обмундированием, шанцевым инструментом, продовольствием и прочим, и прочим.

Невероятную суету и шумиху "Земгора" перекрыл густой голос крупного капитала. С мая 1915 года Рябушинский выступил за мобилизацию промышленности. На 9-ом съезде представителей промышленности и торговли в конце июня 1915 года в Петрограде он настоял принять решение о создании районных комитетов для объединения работы фабрик и заводов на войну. Общее руководство ими и согласование с деятельностью правительственных органов было возложено на Центральный военно-промышленный комитет, во главе которого встал Гучков. В ЦВПК вошли Рябушинский, Коновалов, Терещенко и другие воротилы монополистического капитала, представители "Земгора", городских дум и пр.

Деятели военно-промышленных комитетов прежде всего пеклись о том, чтобы "дисциплинировать" рабочих. При комитетах решили учредить "рабочие группы", что "горячо поддержали меньшевики. Большевики резко выступили против соглашательства с буржуазией. Массы прислушивались к голосу большевиков, и к глубочайшему разочарованию Гучкова затея провалилась. Только в 36 из 239 областных и местных ВПК удалось

учредить эти "рабочие группы".

Патриотические восторги буржуазии не могли ввести в заблуждение царскую бюрократию. Министр внутренних дел Маклаков, черпавший вдохновение из донесений разведывательной агентуры, завалил царя грудой докладных, основная мысль которых была предельно проста — "Родзянко — только исполнитель, напыщенный и неумный, а за ним стоят его руководители — г. г. гучковы, кн. Львов и другие, систематически идущие к своей цели". Впрочем, сами руководители "общественности" не очень придерживали языки. Пламенные призывы к мобилизации страны перемежались у них достаточно ясными заявлениями о дальнейших намерениях.. "Нам нечего бояться, — просвещал Рябушинский, — нам пойдут навстречу в силу необходимости, ибо наши армии

бегут перед неприятелем". На совещании промышленников в Москве в августе он позвал: необходимо "вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти". На съезде "Земгора" в сентябре Гучков без обиняков разъяснил: эта организация "нужна не только для борьбы с врагом внешним, но еще более — для борьбы с врагом внутренним, той анархией, которая вызвана деятельностью настоящего правительства".

Свалка в высших эшелонах власти и денег в Петрограде и Москве пробудила специфический интерес далеко за пределами русских границ. По осени 1915 года в Россию приехал из США таинственный визитер-профессор С. Харпер, считавшийся тогда ведущим американским экспертом по нашей стране. С начала века Харпер многократно бывал в России, завязал прочные связи в буржуазных кругах. Теперь встречи с давним знакомцем Львовым, "моими близкими друзьями" - секретарями князя Щепкиным и Алексеевым, а "в Москву я отправился, — продолжает Харпер, — главным образом для изучения "общественных организаций", ибо движение, как представлялось мне, предвещало возникновение либеральной (читай буржуазной - Н.Я.) России после войны".

Надо думать, эмиссар Вашингтона, а Харпер был вхож в окружение президента США В. Вильсона и государственный департамент, немало приободрил русских "общественных" деятелей. Он впоследствии писал: "Работая в земстве и других подобных организациях, в кооперативах и на распределительных пунктах вблизи фронта,тысячи русских либералов нашли, наконец, воз-

135

можность работать в интересах общественной пользы. Конечно,, многие у них занимались этими делами, чтобы избежать службы в армии, но эта практика в России была распространена не шире, чем в других странах. Новая работа оказалась суровым испытанием для тех интеллектуалов, которые постоянно критиковали бюрократические методы работы и требовали участия в государственных делах.

В целом они, казалось, справлялись с делом лучше, чем пресловутая безрукая бюрократия. Естественно, они вносили элемент политической борьбы в свою деятельность. Впоследствии многих наблюдателей ожидало разочарование в способности этого класса проводить практическую политику, когда после февральской революции 1917 года он нес полную ответственность за управление страной. Но в описываемое время на большинство из нас производило благоприятное впечатление, как интеллектуалы разрешали повседневные проблемы своей работы". Разумеется, дабы не обидеть собственных бизнесменов, Харпер везде заменяет термином "интеллектуал" слово, имевшее тогда широкое обращение — "буржуй".

Наверняка американского визитера очень обрадовала поездка на фронт (с разрешения генерала Алексеева). Гражданин нейтральной страны получил возможность побывать на передовой в компании генерала Куропаткина, встретиться с боевыми окопными офицерами. "Из долгих бесед с ними и другими я вынес впечатление — вооруженные силы тесно связаны с общественными организациями, и те и другие имеют общие причины для недовольства коррумпированной и неумелой бюрократией". Харпер определенно с

удовлетворением писал о непорядках в России, недовольстве режимом и т. д. Все же он попадал и не раз в неудобное положение, когда читал лекции для офицеров и произносил короткие речи перед солдатами. Проантантовскому благодетелю "было довольно трудно, — писал он, — объяснить позицию Америки в отношение войны. Для себя лично я решил проблему, объявив, что, как многие другие отдельные американцы, я не был нейтрален".

Хотя режим клонился к упадку — как иначе можно объяснить свободу, с которой американец вел описанные разговоры не только в тылу, но и на фронте, - власть еще не была настолько дряблой и дремлющей, чтобы выпустить окончательно бразды правления. Уже с ранней весны в пику "общественности" создаются различные правительственные комитеты для обеспечения

топливом, по военным перевозкам и другие. 20 июня царь утвердил "Положение об Особом Совещании для объединения мероприятий по обеспечению Действующей Армии предметами боевого и материального снабжения". Представительство в нем Думы было очень скромным. Поливанов, вступив на пост военного министра, а ему и надлежало быть председателем Совещания, переработал положение (увеличил представительство Думы, ввел членов от "Земгора" и Военно-промышленного комитета) и провел проект через Думу.

17 августа измененное положение было утверждено,и начало действовать "Особое Совещание для объединения мероприятий по обороне Государства". Было учреждено еще три "Особых Совещания" — по перевозкам, топливу и продовольствию. Все они обросли бесчисленными комитетами. Структура руководства военной экономикой оказалась необычно громоздкой. Ввиду упорядоченной неразберихи монополисты могли диктовать цены и, в сущности, были не очень стеснены в своих действиях. Итог — первоначальное намерение правительства возобладать над капиталом по мере развертывания деятельности этих органов, пожалуй, привело к обратным результатам.

В годы войны развитие государственно-монополистического капитализма в России пошло гигантскими темпами. Хотя в рамках Особых совещаний моголы финансового капитала с политической точки зрения были подчинены царской бюрократии, кучке помещиков, в области экономических отношений крупная буржуазия могла сказать и говорила веское слово. Было бы глубоко ошибочно утверждать о недоразвитости государственно-монополистического капитализма в России. В руках российской крупной буржуазии были все рычаги для постановки народного хозяйства на службу войне, если бы к тому было желание.

По общим экономическим показателям Россия отстала от передовых промышленных стран. Но в то же время российская буржуазия доказала свою оборотистость, умение налаживать производство, когда непосредственно затрагивались ее интересы. Примерно на протяжении тридцати лет до начала первой мировой войны (с 1885 года) Россия занимала первое место в мире по темпам экономического роста. Если в период 1885 - 1913 годов промышленное производство в Англии увеличивалось в год на 2,11%, в Германии - на 4,5, в США — на 5,2, то в России -на 5,72%.

Картина русской экономики была в высшей степени противо-

речивой. Во много раз, например, уступая США по общему объему производства, Россия в то же время далеко оставила их по концентрации производства. Если в России в 1910 году на предприятиях с числом рабочих более 500 было 54% всех занятых, то в США - 33%. Высокая степень концентрации в русской промышленности шла рука об руку с введением передовой технологии. По важнейшему признаку крупной промышленности — энерговооруженности рабочего Россия превосходила континентальную Западную Европу, хотя и уступала США и Англии. На 100 промышленных рабочих в России (без горной промышленности) приходилось 92 л. с, в Германии - 73 л. с, во Франции — 85 л.с., в Англии - 153 л.с. и в США - 282 л.с.

Когда в горячке Года 1915 Россия начала широко и бессистемно раскидывать заказы на вооружение и снаряжение в союзных и нейтральных странах, то это сначала вызвало величайшее изумление в западных деловых кругах, ибо марка, во всяком случае русской военной промышленности, стояла очень высоко. В начале 1915 года в Париже собрались представители французской артиллерии, частных металлургических и химических заводов для выяснения, чем Франция может помочь России. Некоторые из присутствовавших работали до войны в Донецком бассейне, других районах нашей страны.

— Мы удивляемся, — говорили участники совещания, — что вы обращаетесь к нам за содействием. Одни ваши петроградские заводы по своей мощности намного превосходят весь парижский район. Если бы вы приняли хоть какие-нибудь меры по использованию ваших промышленных ресурсов, вы бы нас оставили далеко позади .

В России, у знавших возможности отечественной промышленности, бездумное обращение за рубеж, влекшее за собой фантастические расходы, вызывало горечь. Из Франции, например, начали поступать снаряды... из чугуна! А.А. Маниковский в ответ на недоуменные вопросы с фронта пишет в Ставку "А что я могу поделать: ведь вопль был такой и гг. французы так сильны у нас, что в конце концов Особое совещание, несмотря на мои протесты, и дало заказы (хотя и немного) на это дерьмо. Ну, вот оно понемногу и начинает поступать. Я буду очень рад, если авторитетный голос Ставки прозвучит по этому поводу в виде внушительного свидетельства, что фронты не удовлетворены этим суррогатом..." [138]

Отвратительнейшая черта правящих классов России — преклонение перед иностранщиной — привела к тому, что началось лихорадочное размещение заказов в США. Американская реклама сделала свое дело: свято верили, что за океаном сотворят чудеса. Заказали 300 тыс. винтовок фирме Винчестер, 1,5 млн. - Ремингтон и 1,8 млн. — Вестингауз. Только первая из них выполнила заказ в установленный срок — к марту 1917 года, но, вероятно, под германским влиянием отказалась от продолжения работы. Что касается двух других, то к этому, обусловленному сроку они выполнили всего 10% заказа. Провалились первоклассные заводы США.

Если и удалось хоть что-то получить от этих фирм, то только усилиями русских инструкторов, посланных в США, носившихся со своим "нейтралитетом", под видом приемщиков. Был учрежден особый технический отдел во главе с выдающимся специалистом — конструктором Залюбовским. Он уехал в Америку ввиду срочности дела, бросив работу в России — строительство

нового оружейного завода. Профессор Артиллерийской академии Сапожников, помогавший на месте американским заводам, указывал, что причинами постоянных неудач медленного налаживания военного производства было "долгое упорство американских заводчиков в нежелании следовать указаниям опытных приемщиков в деле установления нового для завода производства. При этом сыграли немалую роль как ложно понимаемая коммерческая сторона дела (стремление к нецелесообразной экономии) , так и уязвленное самолюбие, а также несомненная доля германского влияния, искусно организованного и щедро оплачиваемого".

Еще большие разочарования постигли русские ведомства, попытавшиеся нападать в Соединенных Штатах производство артиллерийских орудий и снарядов.

"За эти три года войны, - писал Е.З. Барсуков, - Россия выдала заказов одной только Америке на 1 287 000 000 долларов.

Главную массу, до 70%, составляли артиллерийские заказы; по этим заказам Россия влила в американский рынок почти 1 800 000 000 золотых рублей и притом без достаточно положительных для себя результатов. Главным образом, за счет русского золота выросла в Америке военная промышленность громадного масштаба, тогда как до мировой войны американская военная индустрия была лишь в зачаточном состоянии.

Во время войны усилиями заказчиков, и в первую очередь
139
Россией, американской промышленности привит был ценный опыт в военных производствах и путем безвозмездного инструктажа со стороны русских инженеров созданы в Америке богатые кадры опытных специалистов по разным отраслям артиллерийской техники.

Теперь уже должно стать ясным, что контролирующие ведомства царской России, урезывая кредиты на развитие русской военной промышленности, экономили народное золото для иностранцев".

Тысячи русских инженеров и техников отправились в другие страны ставить военное производство. Только в американском штате Коннектикут их работало около двух тысяч человек. Всех их ждали самые срочные дела в самой России.

Ориентация на зарубежную промышленность не оправдала надежд скудных умом царских сановников, но она- была неизбежна. Отечественная буржуазия, кричавшая на всех перекрестках о своем патриотизме и никогда не забывавшая набивать карманы, отнюдь не употребляла сверхчеловеческих усилий для налаживания военного производства. Исполинская гора Военно-промышленных комитетов родила мышь. В середине ноября 1915 года Маниковский в письме в "Новое время" засвидетельствовал, что от Военно-промышленных комитетов не получено ни одного снаряда. Эти комитеты "мобилизовали" около 1300 предприятий средней и мелкой промышленности, которые выполнили за войну примерно половину полученных заказов, что составило 2—3% от общей стоимости заказов военного ведомства.

Военно-промышленные комитеты нужны были буржуазии не для налаживания военной экономики, а как форум для вторжения в политику.

Еще более плачевны итоги трудов "Земгора" по обеспечению армии. Даже очень скромные заказы "Земгору" на 74 млн.рублей ретивые "патриоты" сумели

выполнить только на 60%. А им поручались вещи самые простые — изготовить 31 тыс. кирок, получено 8 тыс., вместо 4,7 тыс. полевых кухонь сделано 1,1 тыс., проволоки требовалось 610 тыс. пудов,выработано 70 тыс. пудов. Высшее достижение земцев - поставка 100% заказанной рогожи.

Военное производство развивалось помимо, а иной раз, вопреки безмерно шумевшим Военно-промышленным комитетам и "Земгору". Тем не менее, их мифические достижения были на устах очень многих. Почему?

140

Буржуазия умело и назойливо пропагандировала усилия "Земгора" в санитарном и бытовом обслуживании армии. Складывалось твердое впечатления, что буржуа раздеваются до исподнего, дабы помочь страждущим и увечным воинам. Статистика безжалостно разрушает прекрасный мираж: по осень 1916 года "Земгор" собрал 12 млн. рублей на благороднейшие цели, а 560 млн. рублей ассигновало государственное казначейство. Сколько миллионов прилипло к рукам бескорыстных земцев сказать трудно, во всяком случае так и не удалось выяснить,во сколько раз увеличился числившийся за ними должок - около миллиона рублей государственных средств, в которых они не отчитались еще за русско-японскую войну.

Попытки довести эти данные до всеобщего сведения успеха не имели — ни одна буржуазная, а следовательно, имевшая тираж, газета не бралась их печатать. О чем хлопотал преимущественно "Земгор"? Секрета, правда, в основном для посвященных не составляло. Даже последний премьер маразматического царского правительства князь НД. Голицын высказывал уверенность, что "у союзов готов состав временного правительства, и отделы союзов соответствуют существующим министерствам". И еще одно обстоятельство - "Земгор" уподобляли окопам, в которых укрывались от войны сынки состоятельных классов. Нелепые и претенциозные трусы — "земгусары".

Как тогда с известным лозунгом буржуазии о войне "до победного конца? Он имел смысл для тех, кто выкинул его только в отношении такой России, где власть безраздельно принадлежит буржуазии. Победа императорской России, с точки зрения буржуазии и ее идеологов, создавала бы невероятные препятствия для оттеснения от власти царизма. Отсюда в высшей степени сложная тактика буржуазии и ее партий, имевшая в виду создать затруднения царизму в ведении войны. Расхожее положение "чем хуже, тем лучше" становилось рабочей доктриной буржуазии.

Мы видели ее применение на практике в сфере мобилизации ресурсов страны на войну. Хотя буржуазным партиям декларировать это положение в идеологии было по понятным причинам очень сложно, иные влиятельные кадеты считали возможным толковать о "патриотическом пораженчестве". Г. Катков, которого совершенно невозможно заподозрить в очернительстве противников большевиков, сквозь зубы признает: "В мировоззрении кадетов прослеживается направление, которое нельзя квали-

141

фицировать иначе, как "патриотическое пораженчество" в отличие от "революционного пораженчества" большевиков и некоторых других социалистов. Ощущение того, что поражение в войне очистит загнившую политическую атмосферу России,было очень сильным. Как иначе можно объяснить, что в

сборнике очерков профессора истории Московского университета видного кадета Кизеветтера, вышедшем в 1915 году, внутренняя обстановка в России в разгар Крымской войны в 1855 году характеризовалась следующим образом:

"С началом войны гипноз колосса на глиняных ногах быстро спал. Вся мыслящая Россия была как бы поражена электрическим ударом. Истинный патриотизм, которого боялись правители, далекие от народа, громко воззвал в душах лучших сынов нации. Севастопольская трагедия виделась им как искупительная жертва грехов прошлого и призывом к возрождению. Искренние патриоты связывали свои надежды с поражением России от внешнего врага. В августе 1855 года Грановский писал: "Известия о падении Севастополя заставили меня разрыдаться... Если бы я был здоров, я бы вступил в ополчение не потому,что я желаю победы России, а потому, что я жажду умереть за нее".

Любой читатель в 1915-1916 годах не мог не провести параллель между настроениями, господствовавшими в России в Крымскую войну, и чувствами интеллигенции в момент выхода очерков Кизеветтера.

Если иметь в виду все это, тогда понятна служебная роль самых, пессимистических оценок Года 1915 российской буржуазией. Конечно, нет никаких причин для радости по поводу того, что сделали с Россией враги и союзники в том году, но равным образом нет оснований утверждать, что реальные возможности страны успешно продолжать войну были подорваны и будущее уже утонуло в беспросветном мраке.

О снарядном "голоде" и "босоногом воине"

Все познается в сравнении. Из того, что в 1915 году русская армия теряла будто бы по два бойца на одного неприятельского, Шульгин, как мы видели, сделал далеко идущие выводы в отношении всей страны. Хотя эти цифры нуждаются в корректировке. Допустим, что дело обстояло именно так. В 1915 году русская армия потеряла 2,5 млн. убитыми, ранеными и пленными.
142
Враг не мог бы причинить таких потерь, страстно утверждали ораторы и публицисты буржуазии, если бы войска не страдали от острой нехватки вооружения и боеприпасов, армией не руководили бы бездарности, а страна в целом не была бы отсталой.

Взглянем на Западный фронт. Англия, о чем стонала российская "общественность", берегла де людей. Но в 1915 году ее потери составили 268 тыс. человек против ПО тыс. немцев, в 1916 году соотвественно 600тыс. и 297тыс, а в 1917году - 760тыс. и 448 тыс., и только в 1918 году потери поравнялись - 806 тыс. и 825 тыс. Иными словами, в 1915 году, чтобы вывести из строя одного немецкого солдата, англичане тратили 2,5 своих солдат, в 1916 — 1917 годах — по два. Так что английские, не говоря уже о французских, генералы недалеко ушли от своих российских коллег. Утрата в 1915 году 2,5 млн. человек для России драма, уверяет Шульгин. А как с потерей Англией, скажем, в 1916 году 600 тыс. человек? Ее тогдашнее население 45 млн., а России — 160 млн. человек.

Равный процент потерь к численности всего населения, но совершенно различные последствия кровопролития для внутренней жизни. В начале войны В.И. Ленин заметил: "Мы должны сказать, что если что может при известных

условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война"[6]. Русский народ, обладавший самым большим революционным потенциалом в мире, не желал мириться с империалистической бойней и реагировал на бессмысленную смерть и страдания соотечественников неизмеримо острее, чем страны Западной Европы, погрязшие в тупом шовинизме. Русские люди видели избавление - революционный выход из войны, в то время как для солдат в окопах по обе стороны Западного фронта цели не шли дальше инстинктов кровожадных зверей - прорваться через ржавую колючую проволоку и вцепиться в глотки друг другу. Только русские в массе своей сохранили рассудок в кровавой трясине мировой войны, в которую загнал империализм человечество.

Что касается рутины боевых действий, то русский солдат продемонстрировал свои несравненные качества. В боях с хуже вооруженной русской армией противник нес куда большие потери и относительно и абсолютно, чем на Западном фронте, который пи-

[6] Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 26, с. 18.

тала развитая промышленность Франции, Англии и во все возраставших размерах США. Но кто повинен в том, что Великое Отступление 1915 года представляют только как побоище чуть ли не безоружной русской армии, оставляя в тени ее воинскую доблесть и умелое ведение вооруженной борьбы?

Один из авторов легенды генерал А.И. Деникин. В "Очерках русской смуты" он написал о днях, когда был начальником 4-й стрелковой дивизии: "Весна 1915 года останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия Русской Армии — отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость — физическая и моральная, то робкие надежды, то беспросветная жуть.

Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-й стрелковой дивизии... одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали - нечем. Полки, истощенные до последней степени, отбивали одну атаку за другой, — штыками или стрельбой в упор, лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... два полка почти уничтожены одним огнем.

Господа французы и англичане! Вы, достигшие невероятных высот техники, вам небезынтересно будет услышать такой нелепый факт из русской действительности:

— Когда после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи, ей подвезли пятьдесят снарядов, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и стрелки вздохнули с радостью и облегчением".

Такие, как Деникин сеяли панику, распространяя настроения безысходности. Но нехватку снарядов, патронов, винтовок не он выдумал. Так было. Как же это случилось?

Никогда точно не было установлено, сколько снарядов было израсходовано на фронте и сколько их в действительности требовалось. Исходным пунктом рассуждений о снарядном голоде было заключение командующего Юго-

Западным фронтом по опыту первых боев в Галиции в августе - сентябре 1914 года. Были поданы сведения о том, что в месяц 76 мм пушка расходовала тысячу снарядов,и эту норму как потребную распространили на весь фронт.

Эти цифры, совершенно недостижимые при организации боевого снабжения русской артиллерии, поразили воображение начальника Главного артиллерийского управления генерала Кузь-

144

мина-Караваева. Английский представитель при русской армии генерал Нокс писал: "Спустя год (т.е. в конце 1915 года - Н.Я.) я узнал из достоверного источника, что в середине октября генерал Кузьмин-Караваев, старый и уважаемый человек, подавленный ответственностью, которую он нес как начальник ГАУ, на докладе у Сухомлинова расплакался, заявив, что Россия будет вынуждена закончить войну из-за недостатка в снарядах. Военный министр ответил ему: "Убирайтесь вон! Успокойтесь!" Генерала выгнали со службы. В ГАУ пришел АЛ. Маниковский.

Приняв дела от предшественника, он, далеко не сразу, обнаружил, что дела со снарядами обстояли не так безнадежно, как представлялось. Обратившись к норме снарядов на орудие, установленной по опыту боев в Галиции в 1914 году, Маниковский отметил в мемуарах: "Допустить же, что этот вывод сделан с грубой ошибкой, никто не смел. Обнаружить ее удалось только два с половиной года спустя, когда в Петрограде собралась межсоюзническая конференция. Так вот, в секретном официальном отчете этой конференции "расход за первые пять месяцев до 1 января 1915 года указывался в 464 тыс. выстрелов в месяц, а расход за пять летних месяцев 1915 года, т.е. в период Великого Отступления, по 811 тыс. выстрелов ежемесячно".

Следовательно, к 1 января 1915 года русская артиллерия расстреляла 2,3 млн. снарядов. С учетом неизрасходованного довоенного запаса и нового производства, Россия вступила в 1915 год, имея 4,5 млн. снарядов. "Всякий непредубежденный, хотя бы и очень строгий критик согласился, что кричать при таких условиях о катастрофе из-за недостатка выстрелов, когда их израсходовано было всего 37%, или немного более одной трети всего запаса, как будто не резон. И во всяком случае приостанавливать, а тем паче отказываться по этой якобы причине от выгодных стратегических операций достаточных оснований не было.

В чем же, однако, дело?

Во-первых, надо установить, что войска на фронте, особенно некоторые группы, несомненно испытывали недостаток в выстрелах с первого месяца войны. Им не было ни тепло, ни холодно от того, что где-то там в тылу имеются еще склады выстрелов. Им вынь да подай эти выстрелы в их возимый запас, в их летучие парки. А как только эти парки начинают пустеть, а на пополнение их выстрелы из тыла не прибывают, начинается тревога, переходящая в панику по мере того, как расход без пополнения продолжается и налицо остается только "батарейный" запас. Это-

145

го войска уже не выдерживали,и начиналась бомбардировка начальства нервными телеграммами, а когда и это не действовало, то, значит, "было написано недостаточно сильно; надо было сгущать краски, не стесняясь, конечно, истиной, ибо это были как раз те случаи, когда ложь во спасение, а потому надо

было бить в набат, употребляя при определении своего положения наиболее сильные выражения,вроде: роковое, критическое, трагическое, катастрофическое.

Так и пошло вранье, вранье самое беззастенчивое, сплошное, начиная от самых маленьких чинов и кончая самыми высоки-ми.

Советский генерал-полковник И.И. Волкотрубенко в капитальном труде "Служба боевого снабжения войск" (1966), обратившись к опыту первой мировой войны, писал: "Можно только пожалеть начальник ГАУ генерала Кузьмина-Караваева и войти в его тяжелое положение... Кто установил норму 1000 на орудие? Генштаб. Кто собирался за шесть месяцев закончить войну? Генштаб. Кто считал, что 1000 снарядов на орудие обеспечат кампанию в больше снарядов не потребуется? Так же генштаб.

И вот через три недели войны мы видим, как начальник генштаба, будучи в Ставке, задает истерику начальнику ГАУ.

Конечно, начальник ГАУ и его аппарат виноваты в том, что не оказались умнее генерального штаба, военного министра и других высших чинов империи. Но ведь известно, что не всегда можно показать себя умнее своего начальства даже сейчас, а в те времена это вообще исключалось!

Мы привели в качестве примера только несколько писем о недостатке снарядов, а их были сотни... В этих воплях высокопоставленных генералов русской армии было немало лжи и паникерства. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов и "уважаемый" начальник генерального штаба. Они тоже были не прочь свои промахи в войне свалить и на те же снаряды. Заданному тону высокого начальства вторили командующие армиями, начальники дивизий и все, кто имел к этому какое-либо отношение. Вопли и крики сделались своеобразной "эпидемией".

Что мог противопоставить этому начальник ГАУ? Ничего. Он не знал действительного положения на фронтах. Никаких донесений о расходе и наличии снарядов не было предусмотрено, и каждый врал, как хотел.

146

Начальник ГАУ генерал Кузьмин-Караваев вскоре был отстранен от должности, но в данном случае он оказался "козлом отпущения". Кстати, во время Великой Отечественной войны мы узнали, что престарелый бывший начальник ГАУ русской армии генерал Кузьмин-Караваев живет в городе Муроме и терпит большие лишения. Начальник ГАУ Красной Армии генерал-полковник Яковлев Н.Д. возбудил ходатайство перед членом ГКО тов. Микояном АЛ. о назначении Кузьмину-Караваеву пенсии. ГКО назначил ему персональную пенсию. Старик был тронут таким вниманием и прислал генерал-полковнику теплое патриотическое письмо...

Вся трагедия ГАУ заключалась в том, что оно не знало истинного положения, что и дало возможность врать всем, кому это было выгодно, употребляя страшные прилагательные: роковое, критическое, трагическое, катастрофическое и т л.

Всему этому способствовало отсутствие налаженной и организованной службы артснабжения в русской армии. ГАУ походило на голову, отрубленную от тела.

В этом отношении организация службы в русской армии в первую мировую войну является классическим примером своей порочности, которая привела ГАУ

к тяжким последствиям в начале войны. Великую Отечественную войну мы начали с неплохо организованной службой артснабжения, однако мы допустили ряд серьезных ошибок, которые в некоторой степени повторили историю начала первой мировой войны".

Применительно к первой мировой войне простой подсчет объясняет эмоциональный накал специалистов боевого снабжения. За пять месяцев Великого Отступления 76 мм "мотовки" снарядов израсходовали немногим более 4 млн. выстрелов. В 1915 году армия получила свыше 10 млн. снарядов отечественного производства, 1,2 млн. поступило из-за рубежа и перешел запас снарядов 1914 года - 4,5 млн. К этому нужно добавить 1,3 млн. снарядов к средним калибрам, поставленных в 1915 году русской промышленностью, и еще несколько сот тысяч таких снарядов, оставшихся от 1914 года. Грубо говоря, 18 млн. снарядов!

Сопоставление цифр поступления снарядов за год и расхода их - интригующая загадка. Можно было бы сослаться на то, что, скажем,поставки увеличились к концу года, а к лету была нехватка. Фактические данные не подтверждают этого - из 10 млн.снарядов для 76 мм пушек 4 млн. снарядов поступили в первой

147

половине года. Дело было в другом. Помимо психологических причин, образно описанных Маниковским, в деле артиллерийского снабжения хозяйничали чьи-то незримые руки. Кто-то был заинтересован в том, чтобы императорская армия терпела поражения из-за нехватки снарядов, в то время как тыловые склады забивались ими до предела. Не в ожидании ли того времени, когда в бой пойдет армия буржуазной России? Едва ли смелое допущение...

Недостаток винтовок в первую мировую войну выявился совершенно неожиданно для командования. Частично это было вызвано просчетами мирного времени, частично большими потерями винтовок в войну, в среднем по 200 тыс. в месяц. Несмотря на быстрое расширение производительности русских оружейных заводов, армия страдала от нехватки винтовок почти всю войну. Подача 900 тыс. винтовок только в 1915 году смягчила, но не исправила положения.

Трудности в известной степени были порождены и неудачами на фронтах. Война становилась все более непопулярной, падала дисциплина, и забота о сохранении оружия. Это совпало с изменением офицерского и унтер-офицерского состава. Пришли люди, наспех обученные, не обладавшие навыками кадровых военных поддерживать порядок во вверенных им частях.

Патронами армия была обеспечена в размерах, покрывавших разумные потребности. Россия вступила в войну, имея запас почти в три миллиарда патронов, свыше миллиарда заводы дали в 1915 году. Тем не менее в ходе боевых действий нередко возникали перебои в снабжении патронами. Часть из них можно отнести за счет таких же таинственных причин, как и нехватка снарядов на фронте. Сказалось и то, что пошатнулась дисциплина в войсках. Неопытные офицеры обременяли солдат, выдавая по 200 вместо положенных 135 патронов. При длительных утомительных переходах солдаты, подавленные отступлением, просто бросали их, иногда вместе с винтовками.

"Следует отметить, — писал Маниковский, — совершенно недопустимую, перешедшую всякие границы и явно преступную расточительность в расходовании, вернее, в расшвыривании ружейных патронов на фронте. Иного выражения, как расшвыривание; и подобрать нельзя для охарактеризования того безумного обращения с ружейными патронами, которое после первых же неудач на германском фронте стало наблюдаться в наших войсках. Из свидетельства участников, из донесений начальствующих лиц и
148
из отчетов заведующих артиллерийскими снабжениями ярко обрисовывается картина позорного распутства, допущенного в этом отношении командным составом, к тому времени, правда, очень ослабленным в своей кадровой части убылью убитыми и ранеными и сильно разбавленным разного рода скороспелыми пополнениями. Под впечатлением сокрушительного "завесного" огня, неизменно направляемого немцами в тыл наших позиций при каждой их атаке, у наших войск сложилось убеждение, что на своевременное пополнение патронов сквозь такие завесы даже в ночное время по ходам сообщения рассчитывать нельзя, а поэтому де, мол, это надо делать заблаговременно и притом с возможным избытком. Поэтому загодя забивались патронами не только назначенные для этого ниши и погребки, но самые окопы, блиндажи и ходы сообщения, патроны кучами сваливались за окопами, наконец, из ящиков с патронами сооружали траверсы и даже бруствера. Нечего и говорить, что о какой-либо экономии (хотя бы только разумной и целесообразной) при самой стрельбе уже не могло быть и речи, а чего стоила при таких условиях эта стрельба — больно и говорить.

При таком положении дела, естественно, всякое передвижение вызывало потерю всех этих патронных запасов, которые в случае отступления легко попадали в руки противника, в случаях же (редких) наступления оставлялись как были, на тех же местах, или терялись здесь, или попадали в руки разных темных спекулянтов... Так полевой генерал-инспектор артиллерии во время одной из своих поездок на фронт нашел на небольшом участке, недавно оставленной позиции около 8 миллионов вполне исправных патронов.

Такой разврат, естественно, передался с передовых позиций в тыловые части фронта, и повсюду началось безумное мотовство ружейных патронов".

Наконец, о босоногом воине,— сапожном" кризисе в войсках. За войну армия получила более 65 млн. пар сапог, причем на 1916 год пришлись 29 млн. пар. Износить такую прорву обуви было физически невозможно. Тогда, где причина? В своих мемуарах Брусилов дает ответ: это случилось не потому, что сапог было "слишком мало, а вследствие непорядка в тылу — чуть ли не все население России ходило в солдатских сапогах, и большая часть прибывавших на фронт людей продавала свои сапоги по дороге обывателям, часто за бесценок, и на фронте получала новые. Такую денежную операцию некоторые искусники умудря-
149
лись делать два-три раза. То же самое происходило и с одеждой, которую, не стесняясь,продавали, и зачастую солдаты, отправленные из тыла вполне снаряженными и отлично одетыми, обутыми, на фронт приходили голыми.

Против таких безобразий никаких мер не принималось, или же были меры недостаточные и не дававшие никаких благих результатов".

Брусилов в мемуарах не уточнил, что это за "недостаточные" меры. Его приказы в бытность командующим 8-й армией, а затем главнокомандующим Юго-Западным фронтом красноречивы - все чины маршевых рот, прибывшие в части с недостачей в выданном им вещевом довольстве, получают по 50 розог. В отличие от мемуаров, где упоминание об этих воспитательных мерах опущено, в приказах утверждалось, что порка давала отличные результаты, воин приобретал уставной вид.

Таковы при самом беглом рассмотрении причины важнейших нехваток в русской армии в 1914 - 1915 годах. Они случились не потому, что страна исчерпала ресурсы, а явились следствием нараставшего хаоса, создаваемого в определенной степени умышленно соперниками царизма в правящих кругах. Эта тактика совпала с усиливавшимся отвращением к войне самых широких народных масс. Недостаток и перебои в боевом снабжении, раздутые буржуазной печатью, служили острым оружием для компрометации существовавшего строя. То, что в результате этого армия несла неоправданные потери, не волновало толстосумов. Сотни тысяч жизней русских людей приносились в жертву своекорыстным интересам буржуазии.

ГАНГРЕНА САМОДЕРЖАВИЯ

История вынесла суровый приговор российскому самодержавию. Царизм душил свободу, сковывал великую страну, лишал Россию возможности занять подобающее ей место в мире. В невероятно тяжелой схватке с трехсотлетним чудовищем революционеры никогда не делали акцента только на личностях, а вели беспощадную войну против самого института самодержавия. Агитация и пропаганда, возьмем в пример большевиков, не имела ничего общего с тем представлением о троне, которое захлестнуло Россию в годы первой мировой войны, типа "Царь с Егорием, а царица с Григорием".

Скандальную славу двору создавали те, кто был заинтересо-

ван в отстранении от власти Николая II, и обязательном сохранении в стране эксплуататорского строя. То было дело рук противников самодержавия в самой верхушке российской буржуазии, домогавшейся полной и безраздельной власти. Эти люди имели широкие возможности и практически неограниченные средства для систематической компрометации династии и внешне убедительное объяснение своей деятельности — они де пекутся только и исключительно об интересах "народа". На деле, главным и единственным побудительным мотивом этой кампании была ненасытная жажда власти российского буржуа.

К войне они набили руку в этом деле, затеянном задолго до описываемых событий. С.Ю. Витте диагностировал цель этой кампании еще в зародыше. Сложились союзы, отмечал он, "общественных деятелей" типа Гучкова, Львова с "людьми большого таланта пера и слова и наивными политиками" — Милюковым, Набоковым и иными. "Все эти союзы различных оттенков, различных стремлений были единодушны в поставленной задаче — свалить существующий режим во что бы то ни стало, и для сего многие из этих союзов

признавали в своей тактике, что цель оправдывает средства, а потому для достижения поставленной цели не брезговали никакими приемами, в особенности же, заведомой ложью, распускаемой в прессе. Пресса совсем изолгалась...".

Фабрика слухов и сплетен, бесперебойно функционировавшая до 1914 года, усилила свою работу с началом войны. Поражения на фронтах подкидывали пищу чернильным генералам, обосновавшимся в редакциях буржуазных газет.

К 1916 году организаторы этой кампании добились значительных успехов, немало людей начали смотреть на происходившее в Петрограде, а, следовательно, на ход войны, из их рук.

Набор стандартных клише, изготовленных преимущественно кадетами, превращался в общепринятый стереотип мышления, особенно в провинциальной России. Одного примера достаточно, чтобы проиллюстрировать действие отработанного механизма пропаганды. Будущий маршал Советского Союза К.А. Мерецков в то время трудился на небольшом предприятии в глухом городишке Владимирской губернии. Что и откуда могли узнать обыватели о происходившем?

"Главным поставщиком новостей во Владимирской губернии, — писал он, — считалась газета "Старый владимирец". Она содержала сведения, несколько отличавшиеся от обычных, офи-

151

циальных. Это объяснялось тем, что ее издатели, связанные с партией кадетов, могли получать новости непосредственно из Питера и Москвы. Оторванные в своем лесном углу от российских центров и не всегда имея возможность побывать даже во Владимире, жители Судогды с нетерпением ожидали свежие газеты. Всех волновало, что происходило в столице. А судя по отрывочным сообщениям, надвигались грозные события. Газеты глухо писали о беспорядках и выстрелах на улицах Петрограда, об ожидаемых переменах. Ходили всевозможные слухи о генералах-изменниках, о том, что царица продает Россию немцам. Большое оживление вызвало известие об убийстве в конце 1916 года сибирского конокрада Г. Распутина, пользовавшегося неограниченным расположением царицы и распоряжавшегося в стране как в своей вотчине".

К.А. Мерецкову на всю жизнь запали в память основные обвинения в адрес трона руководителей буржуазии. Они сеяли недоверие к правительству, командованию армии с тем, чтобы волна всеобщего негодования вынесла их к министерским креслам. Не декларированные интересы народа, а достижение своих целей двигало эту кампанию. Напор ее можно сопоставить только с жестоким голодом по власти, терзавшим российский крупный капитал, колупаевы и разуваевы были готовы на все, чтобы удовлетворить его.

"Дело" Мясоедова и падение Сухомлинова

История дала тому немало примеров. Когда в войне случаются поражения, их легче и проще всего объяснять "изменой". А где свершается черное дело, там, конечно, должны кишеть "шпионы".

Мясоедовщина в годы той войны - символ измены, будто бы свившей свое гнездо в самых верхах Петрограда. Жандармский генерал А.И. Спиридович,

десять лет возглавлявший охрану дворца, считал, что "дело" Мясоедова сыграло не меньшую роль в падении царского режима, чем убийство Распутина.

Началось все это еще до войны. Полковник С.Н.Мясоедов был старшим жандармским офицером на пограничной станции Вержблово. Он исправно нес службу, ловил революционеров и умел угодить важным лицам, часто проезжавшим станцию. Его обласкал и одарил Николай II, другой император Вильгельм II, приг-
152
лашал русского полковника в охотничье имение, находившееся поблизости у русской границы, и даже подарил свой портрет с автографом. Потомственный дворянин Мясоедов, понятно, имел несравненные качества царедворца и, что удивительно, - страсть к наживе не очень респектабельными путями, особенно контрабанде.

Успехам Мясоедова на этом поприще позавидовали чины соперничающего ведомства — охранки. Они попытались подсидеть жандармского полковника, подсунув в партию контрабанды оружие и листовки. Предупрежденные пограничники задержали контрабандистов, их предали суду, надеясь взвалить вину на Мясоедова. Он, однако, явился в суд свидетелем и разоблачил провокаторов. Вышел изрядный скандал, запачкавший охранку и жандармерию. Подсудимых оправдали, а Мясоедова за неуместную правдивость выгнали со службы. Охранка затаила на него страшную злобу, ибо Мясоедов нарушил, как говорил глава департамента полиции С.П. Белецкий, железное правило: "Розыскные офицеры в смысле выдачи сотрудников были воспитаны в том, что эта тайна должна умереть вместе с ними, они не могли ее открыть. Они были наказаны примером" – судьбой Мясоедова.

Несмотря на заступничество высоких лиц, в том числе "вдовствующей императрицы" - матери Николая II, Мясоедов остался не у дел. Он безуспешно пытался заняться коммерцией, связавшись с группой дельцов с немецкими фамилиями. Тут отставному полковнику повезло: его жена познакомилась с супругой Сухомлинова, а затем военному министру представили экс-жандарма. Донельзя похожие — легкомысленные жено- и жизнелюбы - они понравились друг другу, и осенью 1911 года Сухомлинов добился у царя разрешения взять Мясоедова на службу. Полковник был восстановлен в корпусе жандармов, и министр поручил ему учредить нечто вроде личной контрразведки в армии.

Не прошло и полгода, как над Мясоедовым разразилась гроза. "Генерал Отлетаев", как звали Сухомлинова, случился в очередном отъезде, а в военное министерство пришло письмо от министра внутренних дел о Мясоедове, который через цепочку фирм будто бы связан с кем-то, замеченным в шпионаже. "Так впервые, — замечает Шацилло, — имя Мясоедова цепочкой из нескольких звеньев оказалось связанным со словом "шпион". Немецким агентом объявили не его, и не его знакомого, и даже не знакомого его знакомого. Но страшное слово было произнесено".
153

Письмо попало в руки помощника Сухомлинова Поливанова, уже тогда метившего на кресло своего шефа. Он помчался к Гучкову поделиться волнительным известием - есть материал против военного министра, а с ним лидер октябристов уже вел борьбу.

Типичный московский купчина-самодур Гучков всю жизнь искал сильных ощущений и нашел их в роли спасителя военной мощи России. Он почитал себя крупным стратегом, но, записал Вит те, "с военным делом встречался лишь как военный авантюрист". Во время англо-бурской войны его занесло в Африку, где он получил пулю в ногу. Прослышав о строительстве КВЖД, Гучков напросился туда ротмистром охранной стражи, но был уволен за вызов на дуэль. Витте не считал "возможным допускать, чтобы русские люди, приехавшие в Китай, чтобы делать государственное дело, давали китайцам своего рода представление в форме дуэли, по понятиям китайцев, просто представление самоуничтожения, а потому если кто-либо желает драться на дуэли, то пусть уезжают в пределы России и там, если хотят, дерутся и несут все последствия, с сим сопряжением... Вот и вся практика Гучкова в военном деле и вся его военная школа. Затем Гучков, принадлежа к купеческой семье, если чем-либо серьезно и занимался, то только высшей коммерцией в прямом смысле этого слова, т.е.- торговал".

Привычными методами купчины и начал действовать Гучков. Вместе с редактором "Вечернего Времени" Б. Сувориным он в апреле 1912 года пустил в русскую печать разоблачительные статьи под броскими заголовками: "Кошмар", "Кто заведует в России военной контрразведкой". Действительно, ужас - шпион во главе организации, созданной для борьбы со шпионами. Конечно, Мясоедов для Гучкова был поводом, он целил в военного министра, сделав 3 мая сенсационное заявление: "Циничная беспринципность, глубокое нравственное безразличие, ветреное легкомыслие, в связи с материальной стесненностью и необходимостью прибегать к нечистоплотным услугам разных проходимцев, и, наконец, женское влияние, которое цепко держало Сухомлинова в рабстве, — все это делало его легкой добычей ловких людей... Русский военный министр — в руках банды проходимцев и шпионов... Я решил бороться и довести дело до конца".

Решил довести депо до конца и Мясоедов. Он вызвал на дуэль Суворина, тот отказался. Полковник отпустил ему несколько

увесистых затрещин и с тем же предложением отправился к Гучкову. Купец не мог упустить случай прославиться. Они стрелялись. Гучков получил царапину и великую славу. Когда он с рукой на перевязи появился в Таврическом дворце, Дума устроила ему бурную овацию. Мясоедову пришлось уйти в отставку. Он взывал о справедливости, требовал отмести клевету, подал на Гучкова и Суворина в суд. Дело замяли, в газетах прошли опровержения а расследования военно-судного управления, военного министерства и министерства внутренних дел доказали, что на Мясоедова возведен поклеп. О чем официально объявили и в Думе. С Сухомлиновым Мясоедов рассорился, полагая, что министр, по горло сытый скандалами, не сделал всего для защиты душевного друга.

С началом войны Мясоедов обычным порядком (Сухомлинов здесь ни при чем) пошел в армию и оказался в знакомых местах - он занимался войсковой разведкой в Восточной Пруссии. Он работал очень хорошо, "ободрял примером" под огнем солдат и верный старой привычке, тащил из брошенных домов "трофеи", сущие пустяки. Но вокруг него снова завязался клубок интриг - приятель Гучкова Ранненкампф, подозревая в чем-то полковника, приставил к

нему агентов. В феврале 1915 года случилось несчастье - гибель XX корпуса в Августовских лесах, отход 10-й армии. Ставка разгневанно искала виновников.

В это время из немецкого плена явился некий подпоручик Колаковский. Он поведал удивительную историю - согласился де быть немецким шпионом, чтобы добиться освобождения. Подпоручик плел несуразицу, которой не придали бы значения, если бы в его показаниях не мелькнуло имя Мясоедова (по воле Конаковского или по внушению — неизвестно). Николаю Николаевичу доложил об этом, и он распорядился немедлено судить Мясоедова. Еще бы! Попался человек ненавистного Сухомлинова. Мясоедова схватили, арестовали еще 19 человек, не сделав изъятия для его жены, и стремительно раскрутили дело о "шпионаже", которое ничем не подтверждалось. Единственного "свидетеля" Колаковского надежно спрятали, и он нигде не появлялся.

Когда 18 марта 1915 года в Варшавской цитадели собрался суд, исход был предрешен - Верховный Главнокомандующий уже распорядился "повесить", не дожидаясь утверждения им приговора. Мясоедову голословно инкриминировалась передача в течение многих лет до войны "самых секретных сведений" гер

манским агентам. Судей не заботило, что не было названо ни одного имени как и то, что все это было признано клеветой еще до войны. На суде фигурировала справка о расположении частей 10-й армии в январе 1915 года. Она была дана Мясоедову официально перед поездкой по фронтовой линии, что он и объяснил. Подсудимый, естественно, не признал себя виновным в предъявленном обвинении в "шпионаже", согласившись только с одним пунктом обвинительного акта — мародерство, пояснив, брал с ведома начальства и не один — "все берут'.

Приговор — повесить - чудовищной горой свалился на пятидесятилетнего полковника. Он дико закричал, требуя фактов, уличающих его в шпионаже. Охрана уволокла его в одиночку, явился священник для совершения таинств исповеди и причастия. Мясоедов, человек опытный, только взглянув на кислую физиономию попа, понял, что петля уже намылена. (Было решено повесить его через два часа после вынесения приговора). Полковник, который при всех своих отрицательных качествах не был трусом, сохранил присутствие духа. Он набросал телеграмму жене и дочери: "Клянусь, что невиновен, умоляй Сухомлиновых спасти, просите государя императора помиловать" и попросился в туалет. Там, сломав пенсне, он нанес стеклом глубокий порез в области сонной артерии. Вероятно, он надеялся потянуть время.

Но палачи торопились. Нарушив элементарные законы в суде, они не стали возиться с раненым. Истекающего кровью Мясоедова на руках отнесли в камеру, кое-как перевязали, подтащили к виселице и вздернули. Приговор пошел по телеграфу на утверждение Николаю Николаевичу после казни.

По "делу" вздернули еще нескольких человек, кое-кто угодил на каторгу. В Ставке торжествовали - "шпионы" изобличены.

Генералы проявили поразительную близорукость — они не понимали, что казнью Мясоедова и других сами дали основания говорить о том, что в штабах окопались "изменники". Сплетни о "немецком золоте" получили реальное подтверждение - помни о судьбе Мясоедова! Преследуя свою узкую цель как-то оправдать поражения и нанести удар ненавистному Сухомлинову, генералитет

потряс самые основы доверия к режиму. Максимальную выгоду из случившегося извлекли Гучков и конечно, "общественность". Презренная буржуазия предстала в тоге честнейших патриотов. Гучков сдержанно торжествовал, скорбно закатывал глаза и внушал, что если он оказался прав в 1912 году, выйдя к барьеру против "шпиона", то вдвойне прав теперь, в
156
разгар войны, утверждая, что власти достойна только "общественность".

Круглым дураком во всей этой истории оказался Сухомлинов. Под прессом обвинений в срыве снабжения армии он не разглядел что "дело" Мясоедова - бомба замедленного действия, подложенная под него самого. Он пальцем не пошевелил, чтобы разобраться в обвинениях Мясоедову, а, узнав о его казни, с облегчением пометил в дневнике: "Бог наказал этого негодяя за шантаж и всякие гадости, которые он пытался мне устроить за то, что я его не поддержал". Старик не видел, что речь шла не о поддержке Мясоедова, а нужно было спасать собственную шкуру.

Верховная следственная комиссия, занявшаяся делами бывшего военного министра, была создана в августе 1915 года "для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снаряжения". Очень быстро политика вторглась в расследование, и формула обвинения Сухомлинова стала звучать так:"Противозаконное бездействие и превышение власти, подлоги по службе лихоимство и государственная измена". Последние два слова заслонили все, так только и говорили о заточенном в Петропавловской крепости бывшем военном министре. По стране поползли дикие и темные слухи о поголовном засилье "шпионов". Сухомлинову в первую очередь ставили в строку "дело" Мясоедова.

По ту сторону фронта истерическая кампания в России вызывала величайшее удовлетворение, на глазах подрывался моральный дух противника. Руководитель австрийской разведки М. Ронге много спустя окончания войны писал: "Русское шпиононскательство принимало своеобразные формы. Лица, которые были ими арестованы и осуждены, как, например, жандармский полковник Мясоедов, Альтшуллер, Розенберг, председатель ревельской военной судостроительной верфи статс-секретарь Шпан, военный министр Сухомлинов и др., не имели связи ни с нашей, ни с германской разведывательной службой. Чем хуже было положение русских на фронте, тем чаще и громче раздавался в армии крик — предательство!"

Руководитель германской разведки, пресловутый полковник В. Николаи называл в своей книге, вышедшей в 1925 г., "дело" Мясоедова и все сопряженное с ним "необъяснимым", ибо "Мясоедов никогда не оказывал никаких услуг Германии". Бывший
157
подчиненный Николаи лейтенант Бауермайстер, заочно приговоренный к смерти вместе с Мясоедовым, подтвердил, что обвинение в шпионаже жандармского полковника — выдумка. Хотя в делах такого рода возможна ложь, в данном случае трудно заподозрить в ней немецких разведчиков. Они писали в то время, когда Германия готовила реванш и все ее достижения в первую мировую войну поднимались на щит. Наконец в парижской эмигрантской газете "Последние новости" осенью 1936 г., сразу после смерти Гучкова, были опубликованы его

воспоминания. В них он именовал Мясоедова "шпионом", имея в виду, что в 1912 году Сухомлинов держал его, жандарма, для проверки благонадежности офицеров.

Но откуда узнавал враг военные тайны русской армии? Конечно, о "шпионах" где-то в правительстве говорить смешно, дело обстояло много проще. "Нашу осведомленность, — писал М. Ронге, — русские объясняли предательством высших офицеров, близко стоящих к царю и высшему армейскому командованию. Они не догадывались, что мы читали их шифры. В общей сложности нам пришлось раскрыть около 16 русских шифров. Когда русские догадались, что их радиограммы их предают, они подумали, что мы купили их шифры". Радиоболтовня штабов, стоившая России 2-й армии Самсонова, практически продолжалась всю войну...

В 1915 — 1916 годах вся читающая и думающая Россия ожидала процесса над Сухомлиновым, который поднимет занавес над ужасами, творящимися в Петрограде. С большим запозданием цепные псы престола стали доходить больше интуицией, что осуждение Сухомлинова бумерангом ударит по самодержавию. Но с его делом зашли слишком далеко. Стали искать выход, чтобы избежать гласного суда. В начале 1916 года начальник канцелярии министерства императорского двора А.Л. Мосолов предупреждал правительство: "Суд над Сухомлиновым неминуемо разрастется в суд над правительством. Эхо происходившего в суде раздастся преувеличенно в кулуарах Думы, откуда в чудовищных размерах разольется на улицу и проникнет в искаженном виде в народ и армию — пятная все, что ненавистно народу, - полагаю при этом, что правительство, несмотря на все принятые им меры, не будет иметь полной уверенности оградить верховную власть от брызг той грязи, которую взбаломутит этот суд. Наконец, является вопрос — допустимо ли признать гласно измену военного министра Российской империи".

158

Явилась мысль уничтожить гласность, предав Сухомлинова военно-полевому суду. Мосолов, не предрешая порядка привлечения его к ответственности, заключил: "Во всяком случае напряженность ожидания решения вопроса о Сухомлинове теперь так велика, что для правильного течения дел государственных необходимо возможно безотлагательно принять то или иное решение".

Муссирование в России "измены" Сухомлинова, бесконечные разговоры о ней в думской среде, злорадство буржуазных газет выглядели абсурдом с позиции тех, кто вел войну против Германии. Рафинированный аристократ, министр иностранных дел Англии лорд Грей брезгливо бросил думской делегации в Лондоне: "Ну и храброе у вас правительство, раз оно решается во время войны судить за измену военного министра".

Правительство нельзя было назвать храбрым, в конце 1916 года Сухомлинов разгуливал по Петрограду, с него взяли только подписку о невыезде. Лечение оказалось хуже болезни — вопли об "измене" удесятерились. Открыто говорили, что "немцы" добились своего, "изменник" на свободе. Твердили о загадочных интригах, а дело было куда как просто.

Энергичная Е.В. Сухомлинова оберегала своего драгоценного Азора. Она подняла на ноги правительство — в камере престарелого супруга в крепости

клопы! Его перевели в лучшее помещение. Вытащив престарелого супруга из клоповника, Екатерина Викторовна отправилась к Распутину и вступила с ним в "известные отношения" (так записывалось в официальных документах) . Преодолевая понятную брезгливость, она прошла через спальню Распутина, добралась до Вырубовой, а та свела ее с императрицей, и Сухомлинов увидел свободу .

С приходом к власти Временного правительства Сухомлинов был снова арестован. 27 сентября 1917 года он был приговорен к высшей мере наказания - бессрочной каторге. Представшая вместе с мужем перед судом Сухомлинова была оправдана. Ему вменялось в вину, помимо прочего, что он сообщал "Мясоедову, заведомо для него, Сухомлинова, состоявшему германским агентом", военные сведения, "оказал содействие к вступлению Мясоедова в действующую армию и продолжению его изменнической деятельности и тем заведомо благоприятствовал Германии в ее военных действиях против России". Таково было правосудие при буржуазном Временном правительстве, где Гучков был первым военным министром, а Поливанов председа-

159

тельствовал в комиссии по демократизации армии. По амнистии, объявленной Советской властью 1 мая 1918 года, Сухомлинов был освобожден и скрылся за границу. Он умер в 1926 году в эмиграции, Сухомлинова скончалась там же относительно молодой женщиной.

Все остались довольны. Екатерина Викторовна честно вынесла свою долю тягот, попутно сумев влюбить в себя Распутина. Он, стремившийся приобрести еще репутацию знатока и ценителя женщин, изрек: "Только две женщины в мире украли мое сердце — это Вырубова и Сухомлинова'".

Поразительно! "Ведь это не шутки, - говорил Шульгин, - выпустить из тюрьмы во время войны главного военного преступника обвинявшегося в измене, имя которого стало притчей во языцех. Дума по поводу этого бушевала. И можно себе представить, как реагировала на это армия, пережившая все ужасы позорного отступления по вине преступного министра".

Так что, Распутин был всемогущ?

Распутин при дворе!

Нет, конечно! Кто и что Распутин? Григорий Ефимович Распутин, 1872 года рождения, крестьянин села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии - козырной туз в крапленой колоде буржуазии, ведшей нечистую игру, где высшей ставкой была власть.Разница между тем,кем он был,как видел себя и как его представляли, точнее, представили России — неизмеримая.

Григорий Распутин в молодости примазался к племени юродивых и провидцев, ютившихся у монастырей и церквей. С его поразительным нахальством, завидной самоуверенностью и мужицкой сметкой "Гриша-провидец" нашел это ремесло куда доходнее и спокойнее, чем конокрадство, и пробрался из далекой Сибири в великосветские салоны Петербурга. А там свихнулись на православном язычестве, все искали "чуда" - и оно явилось прямо из Сибири в виде странника, косноязычного мужика, говорившего нечто таинственное, непонятное, а потому неотразимо притягательное.

В 1905 году Распутин объявился в Царском Селе. Путь в царские чертоги проложил ему великий князь Николай Николаевич. Длиннобородого Распутина в 33 года - возрасте Христа, почтительно именовали "старцем". Атмосфера жизни августей-
160
шей семьи была пропитана мистикой, по-видимому, по примеру ее главы — Николая II, который в этом отношении походил на Александра I. Но это не было спиритизмом, преклонением перед оккультными "науками", а темной верой в то, что со времен апостолов есть люди (не обязательно рукоположенные в сан), которые обладают благодатью божьей, и их молитвы доходят до всевышнего.

Императрица Александра Федоровна, истосковавшаяся в ожидании наследника, души не чаяла в родившемся наконец сыне и тряслась за его жизнь. Гемофилия (несвертываемость крови) ежедневно грозила отправить наследника российского престола на тот свет. Раскинув хитрым мужицким умом, разузнав судьбы предшествующих "провидцев" у трона хотя бы Папюса и других, предсказания которых не оправдались,и они были прогнаны, Распутин крепко запомнил известную тогда в высшем свете Петербурга историю. Некий доктор Филипп приехал из Франции служить медиком и "духовником" при дворе. Хотя по основной профессии бойкий француз на родине состоял в помощниках мясника, в Петербурге он прослыл ясновидцем. Случилось так, что Филипп тяжело заболел и на одре смерти пробормотал последнее предсказание: "Другой придет после меня советовать вам, он выше меня, он будет говорить голосом бога. Как вы любили меня любите его. Умоляю, слушайте его (пауза), слушайте (пауза) и следуйте за ним". И с тем испустил дух.

Странника из Сибири царская чета и признала "другим", пришедшим вслед за Филиппом Распутин сыграл на болезненной привязанности императрицы к наследнику. Он с подобающей серьезностью, показной искренностью внушительно предрек, что, пока грешный Григорий возносит молитвы у трона, "отрок" будет здравствовать. За справедливость удивительного сообщения поручилась та, кто почиталась высочайшим авторитетом при императрице — фрейлина Вырубова. Оборотистый Гришка мигом втерся в доверие к Вырубовой, карьера которой при дворе была головокружительной.

В 1904 году двадцатилетняя Аня Танеева из семьи, восходившей к М.И. Кутузову и А. И. Кутайсову, была фрейлиной. Отец, А.С. Танеев, занимал тот же пост, что ее дед и прадед, начиная с царствования Александра I,—статс-секретаря и главноуправляющего Его Величества канцелярией. Единственное отличие А.С. Танеева от титулованных предков - он был еще известным композитором. Между Аней и императрицей возникла какая-то сумас-
161
шедшая привязанность. Александра Федоровна решила облагодетельствовать командира Уланского полка беспробудного пьяницу генерала Орлова и, ядовито писал Витте, "пожелала его женить на своей фрейлине Анне Танеевой, самой обыкновенной глупой петербургской барышне, влюбившейся в императрицу и вечно смотревшей на нее влюбленными медовыми глазами со вздохами: "ах, ах!" Сама Аня Танеева некрасива, похожа на пузырь от сдобного теста.

Генерал Орлов от сего удовольствия устранился. Аню Танееву императрица выдала за лейтенанта Вырубова... Венчание Ани Танеевой с Вырубовым было

особенно торжественно в Царском Селе, с малым выходом и плачем. Неутешно плакала императрица, так плакала, как не плачет "купчиха напоказ, выдавая своих дочек. Казалось бы, могла Ее Величество удержать свои слезы для пролития в своих комнатах. За невестой в Петербург ездил царский поезд.

Года не прожил лейтенант с Аней, они развелись в 1908 году. Отныне фрейлина ни на шаг не отходила от императрицы, они вели бесконечные беседы, вместе- брали уроки пения у профессора консерватории Н.А. Ирецкой, пели дуэтом — царица контральто, Вырубова сопрано. Вместе ходили, ели и проливали слезы иногда почему-то над могилой Орлова, скончавшегося от горячительных напитков. Шла глупейшая придворная жизнь, которую немало оживил Распутин. Царь, надо думать, с облегчением вздохнул. "Лучше один Распутин, чем десять истерик в день", — неважно была ли сказана эта сентенция или нет, она разнеслась по России. А в царском дворце под взорами многих глаз Распутин вел рассудительные, душеспасительные беседы. Был он благообразен, светел, тих, демонстрировал знание священного писания и желание добра августейшей семье.

Даже иные знавшие Распутина пребывали о нем превратного мнения — владея мимикой, изменяя голос, он умел предстать прямодушным, открытым, абсолютно бескорыстным, вызывая на откровенность. В.Ф. Джунковский, одно время командовавший отдельным корпусом жандармов, свой человек при дворе, был убежден: "Императрица была настолько ослеплена, настолько у нее было заволочено, если так можно выразиться, влиянием Распутина, что она не сознавала, что делает. И, кроме того, у нее была твердая вера, что, если Распутина не будет, наследник умрет".

Внешне в отношениях Распутина к двору все было в высшей степени респектабельно. Вырубова отстаивала эту версию даже в 1917 году, когда давала показания в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Между ней и председателем происходили дивные диалоги:

"Председатель: Ведь вы не отрицаете того, что были его горячей поклонницей?

Вырубова: Вы сказали — горячей поклонницей, это слишком много. Во всяком случае, он умный человек, мне казалось, самородок, и я любила его слушать...

Председатель: Разве вы позволяли ему целовать себя?

Вырубова: Да, у него был такой обычай... он всех тогда целовал три раза, христосовался.

Председатель: А вы не замечали в этом страннике никаких особенностей, может быть, он целовался не три раза, а много больше, не только христосовался, а немного больше?

Вырубова: При мне - никогда, я ничего не видела. Он был стар и очень такой неаппетитный..."

На том и стояла бывшая фрейлина, защищая достоинство двора. Другим, допрошенным в той же комиссии, это было незачем, а потому они говорили. А.Н.Хвостов: "И на эту дураковатую истеричку он влиял поразительно: она целовала полы его кафтана!" Фантастический авантюрист И.Ф. Манасевич-Мануйлов: "Думаю, что это был половой психоз. По поводу Вырубовой я могу

сказать следующее: по воскресеньям у Распутина была так называемая "уха". Сидело за столом человек 20, по крайней мере. Так — сидит Распутин, так - Вырубова. Начинается о чем-то разговор, потом Распутин говорит: "Вот ты, Аннушка, само добро, от тебя добро идет". И начинает на эту тему говорить. Она смотрит на него совершенно дикими глазами, впивается в него и каждое слово его ловит, потом хватает его руку и при всех (тут были самые подозрительные дамы) целует ее".

Кто, кого, как и где целовал, для истории безразлично. Ход мыслей комиссии, занимавшейся этим, малопонятен, хотя надобно было бы ее членам принять во внимание результаты медицинского осмотра Вырубовой в камере Петропавловской крепости, где ее продержали летом 1917 года несколько месяцев. Вердикт - дама, разменявшая давно четвертый десяток,— девица. Важнее другое — понимали ли при дворе, что за человек Распутин. Монархисты до гроба были убеждены, что он сумел ввести в заблуждение обожаемую ими верховную власть. Шульгин сокрушался: "Царской семье он обернул свое лицо "старца",

глядя в которое, царице кажется, что дух божий почивает на святом человеке. А России он повернул развратную рожу, пьяную и похотливую рожу лешего-сатира из тобольской тайги. Ну, из этого — все.

Ропот идет по всей стране, негодующий на то, что Распутин в покоях царицы.

А в покоях царя и царицы — недоумение и горькая обида. Чего это люди беснуются? Что этот святой человек молится о несчастном наследнике? О тяжело больном ребенке, которому каждое неосторожное движение грозит смертью,— что их возмущает? За что? Почему?

Так этот посланец смерти, стал между троном и Россией. Он убивает, потому что он двуликий. Из-за двуличия его обе стороны не могут понять друг друга. Царь и Россия с каждым часом нарастающей обиды в сердце ведут друг друга за руку в пропасть".

Можно водить за нос год, другой, но не десять же с небольшим лет, а именно столько Распутин был при дворе. Художества Распутина происходили на глазах тайной полиции, охранявшей его. Между охранкой и Распутиным установились самые душевные отношения. Начальник личной охраны "старца" полковник жандармерии М.С. Комиссаров поначалу послушал было божественные поучения подопечного, но, по словам Белецкого, "отучил его от этого. Налив ему рюмку вина, Комиссаров сказал:"Брось, Григорий, эту божественность, лучше выпей и давай говорить попросту". Это даже понравилось Распутину, и с того времени Распутин совершенно не стеснялся нас", т.е. полиции, постоянно находившейся у него на квартире. Филеры сочетали полезное с приятным, парились со "старцем" в бане.

Полиция стремилась быть в курсе жизни Распутина. Вот он празднует день своего ангела. Из секретного фонда полиции отпускаются средства на покупку подарков имениннику - столовое серебро, золотые вещи для его жены и детей. Тем привели Распутина в доброе расположение духа, а филеры, сопровождавшие Распутина в церковь, попросились"доставить им особое удовольствие: полюбопытствовать, как в хороших домах веселятся господа, так как они этого ни разу не видели". Он разрешил.

С утра все было чинно и спокойно - поздравительные телеграммы от высочайших особ, завтрак с Вырубовой, поток посетителей и ливень подарков — золото, серебро, ковры, целые гарнитуры мебели, деньги. Затем именитые гости и семья уходят, и
164
к вечеру собирается интимный кружок, преимущественно жен шины. После падения царского режима филеры бросились объяснять, как они страдали, как попиралось их человеческое достоинство и как они возмущались нравами Распутина.

"Наконец,— докладывалось в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства,— самый разгар веселья начался с приездом цыган, прибывших его поздравлять с днем ангела. Все, кроме цыган, перепились; более благоразумные дамы поспешили уехать; те же, которые остались, были охвачены вместе с Распутиным, дошедшем и в пляске и в опьянении до полного безумия, такой разнузданностью, что хор цыган поспешил уехать, а оставшиеся посетители в большинстве остались ночевать у Распутина. На другой день мужья двух дам, оставшихся на ночь в квартире Распутина, ворвались к нему с обнаженным оружием в квартиру, и филерам стоило большого труда, заранее предупредив Распутина и этих дам, и тем дав им возможность скрыться из квартиры по черному ходу, успокоить мужей, проведя их по всей квартире и давши уверение, что их жен на вечере не было, а затем проследить за ними и выяснить их. По словам Комиссарова, филеры не могли, докладывая ему, без омерзения вспомнить виденные ими сцены в этот вечер". Вот оказывается какие чистые души и апостолы нравственности, правда только по их словам, ходили в те времена в гороховых пальто.

Развлечения Распутина самого дешевого трактирного пошиба служили предметом слухов и пересудов; из уст в уста передавались рассказы, в которых неизменно фигурировали дамы высшего света. Надо думать, что по крайней мере частично эти истории рождались в лакейских, где всегда приписывали "господам" всевозможные пороки. Вырубова в своих воспоминаниях предупредила: "Сколько написано книг, брошюр, статей о нем. Кажется, всякий, кто умел владеть пером, изливал свою ненависть против этого ужасного имени! Те, кто ожидают от меня секретных и интересных разоблачений, вероятно, будут глубоко разочарованы, потому что то, что я расскажу, даже малоинтерено. Да что могу сказать я, глупая женщина, когда весь мир осудил его, и все, кто писал, все видели своими глазами или знали из достоверных источников?" Она, например, объяснила: "Существует фотография, которая была воспроизведена в России, а также в Европе и Америке. Фотография эта представляет Распутина, сидящего в виде оракула среди дам-аристократок своего "гарема", и как бы подтверждает огромное влияние, которое будто
165
бы он имел в придворных кругах.Но я думаю, что никакая женщина, если бы даже и захотела, не могла бы им увлечся; ни я и никто , кто знал его близко, не слыхали о таковой, хотя его постоянно обвиняли в разврате. Странным кажется еще тот факт, что когда после революции начала действовать следственная комиссия, не оказалось ни одной женщины в Петрограде или в России, которая

выступила бы с обвинениями против него, сведения черпались из записей "охранников", которые были приставлены к нему".

Да и сам Распутин любил прихвастнуть. Газета "Новое Время" напечатала занятное интервью с Распутиным о том, как он "приобщал к богу" своих великосветских поклонниц, приехавших к нему в Сибирь, обуреваемых богоискательством. Как рассказывал "старец" (для газеты): "Приобщиться к богу можно только самоунижением. И вот я тогда повел всех великосветских дам — в бриллиантах, в дорогих платьях — повел их всех в баню (их было 7 женщин), всех их раздел и заставил себя мыть. Вот они унизились перед богом". Поучительное интервью перепечатала западноевропейская пресса как еще одно доказательство"дикости" России.

Самый желанный взгляд для обывателя — через замочную скважину. Распутин сполна и даже больше удовлетворял ненасытное желание такого рода. Столица жужжала слухами, они растекались по стране. Находились очевидцы, которые рассказывали примерно такие истории. Некая дочь сенатора "мне рассказывала про Распутина, что он совершенно особенный человек, что он дает ей такие ощущения...

— Что же она была с ним, как это сказать, в распутинских отношениях?

— Ну да, конечно. И вот она говорила, что все наши мужчины ничего не стоят.

— А она, что же, всех "наших мужчин" испытала?

— О, почти что. И она говорила, что Распутин — это нечто несравнимое".

Подобных историй о Распутине можно привести великое множество. Грязь в которой, как утверждали, он купался, пачкала двор. Как-то после очередного кутежа в "Яре" Распутина царь рассвирепел, "старца" даже изгнали. Николай II не желал слушать его оправданий, что он не святой, а грешный. Царь не мог не знать, что Распутин, твердивший на каждом шагу, что у него дырявые руки, на деле был изрядным плутом. Он сумел собрать

около 300 тыс. рублей. О чем громко шептались по углам, но Распутин-то оставил семью нищей.

Когда еще до войны о пагубном влиянии Распутина на царя открыто заговорили в стране, особенно зло с думской трибуны, монархисты всполошились. Они настойчиво обращались к царю — с просьбой отстранить Рапутина. Иные из них шли дальше. Ялтинский градоначальник генерал Думбадзе направил в департамент полиции шифрованную телеграмму: '"Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту". Телеграмму доложили министру внутренних дел, никаких распоряжений сверху не последовало. Распутин был неуязвим, хотя против него стала роптать и православная церковь. Кличка "святой черт" прочно прилипла к нему. Тогда в чем дело?

Бывший секретарь петербургского митрополита Питирима, доброго союзника и завистника Распутина. И.З. Осипенко рассказывал, что как бы ни ненавидели Распутина в душе эти люди, в свое время они пресмыкались перед ним. Осипенко знал очень много, он был в центре интриг распутинского кружка. Распутин именовал его "своим Ванькой". В материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства его имя мелькало десятки раз. А.Н. Хвостов,

делая большие глаза, внушал: "Не Питирим создал Осипенко, а Осипенко создал Питирима! Осипенко видел в Питириме фигуру очень ограниченную..." Через Осипенко совершались самые тайные дела.

"У меня сейчас такое сложилось впечатление, - говорил Осипенко, — врали все они до смерти, заврались и после смерти или вернее: врали,будучи у власти, врали и сойдя случайно с нее, а себя все выгораживали, унося в могилу ложь... Пишут ли они о себе, как они заискивали у Распутина и целовали руку святого черта? Думаю, что этого не написали и никому не сказали, а это несомненно было".

Вот и разгадка - дело было не в Распутине, а в распутинщине — нравах царского двора, прогнивших порядках высшего звена управления Российской империи. Питирим, ненавидевший Распутина, по словам Осипенко, отзывался о нем:"Богу молись, а черта не трогай, хоть нечистая, а все же сила". На этой удобной платформе иеромонахи православной церкви до поры до времени мирились с Распутиным, сектантом-"хлыстом".

Что касается личности Распутина, то Осипенко настаивал: "Сколько приходилось видеть Распутина в присутствии Вырубо-

167

вой он казался тихим, но без нее я видел чуть ли не всегда с кулаками, нервно подергивающимся и кричащим, пожалуй, побуйнее, чем в пьесе заговор... (Пьеса А.Н. Толстого "Заговор императрицы" — Н.Я.). Тогда было жутко даже подумать навлечь гнев Распутина".

Осипенко, естественно, не пожалел черной краски на Распутина, но и сам не был примером добродетели. В книге "Русский Рокамболь" (М., 1925 г.) коротко сказано: "При помощи Мануйлова и по уполномочию Питирима Осипенко для связи стал своим человеком у Распутина, а через Осипенко и по уполномочию Распутина Мануйлов сделался столь же своим в митрополичьих покоях, а помимо всего, Мануйлов оказался связанным с Осипенко и общностью основных природных вкусов и настроений: секретарь в митрополичьей опочивальне был, кажется, тем же, чем был Мануйлов в альковах Мосолова и кн. Мещерского". Добавим — двое последних были еще ярыми монархистами, опорой престола.

Председатель "Союза русского народа" доктор А .И. Дубровин (по основному роду занятий, как писал Витте,"сволочь" и "мазурик") утверждал, что черносотенцы смотрели на Распутина., "как на мерзавца, негодяя и сторонились от него". Суть рассуждений Дубровина состояла в том, что Распутин позорил монархию. Он описал пресловутую "уху" у Распутина. Собрались за. столом, говорили "на общие темы, не касались ничего и никого, а он разные поучительные фразы изрекал. Обед так был. Подают уху, он наливает тарелку, берет с блюдца кусок рыбы, кладет и подает... И все от него получали, и все смотрели на него, как через его грязные руки приходила к ним благодать, и старались все, что на тарелку положено,съесть. Вижу, что тут происходит какое-то священное действие. Он после обеда ушел в комнату рядом... Ушел с Вырубовой. Выходит оттуда грузная, вся красная... быстро прощается, во дворец ехать нужно: "Извините, государыня ждет"... Какие он там проделывал штуки, например с Тютчевой, которая должна была следить за его опрятностью, фрейлина государыни. Как-то раз вбегает к государыне в слезах и говорит: "Прошу меня уволить от должности фрейлины и этого назначения, которое я

несу. Он позволил себе черт знает что, он меня оскорбил так, что я не могу ему простить", он пытался ею воспользоваться, и будто бы государыня ответила так: "Помилуйте, вы должны были радоваться этому обстоятельству, через него на вас снизойдет дух святой, должны были снести".
168

Тут Дубровин блестяще оправдал характеристику Витте. Тютчева принадлежала к тем, кто взялся "спасать Россию", распространяя сплетни о дворе. "Я была огорошена рассказами моих родственников, князей Голицыных,— вздыхала Вырубова,— о царской семье, вроде того, что Распутин бывает чуть ли не ежедневно во дворце, купает великих княжен и т. д.", говоря, что слышала это от самой Тютчевой. Особую пикантность тютчевским сведениям придавало то, что. в описываемое время четыре дочери царской семьи были подростками, а "достоверность" их в обществе гарантировало должность фрейлины — Тютчева была взята к великим княжнам. Легко представить, как отнеслись бы в обычной семье к такой приятельнице, а августейший Николай II стыдил и корил фрейлину, та отпиралась. После многих увещеваний ее наконец удалили от двора. Фрейлина представлялась отныне "жертвой Распутина". Николай II, продолжал Дубровин, "бесхарактерный, безвольный. Но почему я против него не восставал, у нас были разговоры. Ко мне являлись люди, которые мне задавали вопрос: ты видишь, понимаешь, у нас большой недостаток в том, что у нас царь слабоват. Ты по принципам монархист. Да. Но ведь непременно для того, чтобы этот принцип существовал и действовал не нужно быть непременно верным Николаю II и т.д. Как бы ты посмотрел, если бы случился переворот и вместо Николая II стал кто-нибудь другой, и мог бы ты принять участие и пр. На это я отвечал: есть текст священного писания — "не касайся к помазаннику моему, он помазанник божий", и если мы терпим все то, что нам приходится от него терпеть, от его недостатков, отрицательных качеств, ты должен смотреть на это с религиозной точки зрения, как на наказание, как на явление временное, оно должно пройти, и не наше дело соваться туда.

Отсюда логический вывод по крайней мере, для "Союза русского народа", неприкосновенна монархия и все связанное с ней, т. е. Распутин. Нравственный ущерб, который он наносил самодержавию, нужно терпеть, как терпеть Николая П. Место, занимаемое Распутиным в высшей иерархии царской России, было строго очерчено - нести мистический вздор при дворе. Он, конечно, был вхож к императрице (отнюдь не часто!) и через него иногда можно было обстряпать те или иные делишки, получить тепленькое местечко, но представлять дело так, будто он верховодил в России - преувеличение. Сам Распутин таинственными намеками раздувал свою значимость. Его собственные неумерен-
169
ные, порой, высказанные в пьяном бреду амбициозные сентенции, буржуазия быстро использовала в своих целях.

Говорили, например, что безграмотной записки Распутина, начинавшейся стандартно: "Милай, помоги" достаточно для решения важнейших дел. Некий товарищ министра внутренних дел раскрыл Шульгину технику культа "старца" при дворе. Он говорил: "Правда вот в чем. Распутин прохвост и "каракули" пишет прохвостам. Есть всякая сволочь, которая его "каракули" принимает всерьез. Он тем и пишет. Он прекрасно знает, кому можно написать. Отчего он мне не

пишет? От того, что он отлично знает, что я его последними словами изругаю. И с лестницы он у меня заиграет, если придет. Нет Распутина, есть распутство. Дрянь мы, вот и все. А на порядочных людей он никакого влияния не имеет. Мне же известно, будто он влияет на назначение министров. Вздор. Дело совсем не в этом. Дело в том, что наследник смертельно болен. Вечная боязнь заставляет императрицу бросаться к этому человеку. Она верит, что наследник только им и живет. А вокруг этого и разыгрывается весь этот кабак. Я вам говорю, Шульгин, сволочь мы".

28 июня 1914 года, т.е. в день убийства в Сараево Франца-Фердинанда, Распутин был на родине, в далеком сибирском селе Покровском. На улице к "старцу" подошла скромная нищенка с протянутой рукой. Распутин остановился, шаря в карманах. Нищенка внезапно высвободила из-под шали другую руку и ткнула ножом в живот "старца". Она вытащила нож и попыталась еще раз ударить. Распутин оттолкнул ее и, согнувшись, держа руки на животе, поплелся домой. Нищенку, некую Гусеву, схватили, избили. Потом говорили, что ее подослали, религиозную фанатичку, чтобы убить "святого черта". Распутин выжил, но отныне до конца своих дней так и не оправился. Физически был не тот.

Резко ухудшились, быть может на время , отношения с царем. В роковые дни, когда решалось, воевать России или нет, Распутин слал телеграммы Николаю П : "Не затевать войны". То было не озарение, а уже известное мнение "божьего человека". Еще в 1912 году Распутин чуть не на коленях умолял царя не ввязываться в балканскую войну, за что стояли великий князь Николай Николаевич и его окружение. Безграмотный Распутин неизменно повторял — война положит конец России и династии. Распутинские настояния в 1912 году стоили ему добрых отношений с Николаем Николаевичем, а телеграммы в июле 1914 года рез-
170
ко ухудшили отношения с царем. Николай II раздраженно порвал их.

В январе 1915 года поезд, в котором Вырубова ехала из Царского Села в Петроград, потерпел крушение. Сложный перелом обеих ног уложил ее на полгода в постель. Когда Вырубова, наконец, встала, она могла передвигаться по большей части на костылях. Распутин навещал ее, молился, ибо фрейлина оставалась главной опорой "старца" при дворе. Он не мог не видеть, что постепенно вокруг него стягивается кольцо недоброжелателей. На предложение Распутина приехать на фронт молиться во славу русского оружия Николай Николаевич телеграфом ответил приглашением прибыть для повешения. Слухи о том, что Россией де правит Распутин, разрастались как снежный ком.

С отъездом царя с осени 1915 года в Ставку в Могилев версия о всевластии Распутина пышно расцвела — он де постоянно находился при императрице и наследнике в столице. В 1977 году престарелая дочь Распутина Мария, обитавшая в Калифорнии, в соавторстве с бойкой американской журналисткой П. Бэрхам тиснула книжку "Распутин: Человек за мифом". В "верхах" русского общества в то время, припоминала она, "слухи о царице распространялись с такой же скоростью, с какой их успевали фабриковать. Царица — немецкая шпионка, у нее тайный радиопередатчик в Царском Селе, через который она передает кайзеру шифром русские военные планы, Распутин — платный шпион

кайзера, царица и Анна Александровна, инвалид Аннушка,— обе любовницы Распутина. Они готовят победу немцев, а тем временем втроем устраивают оргии. Трудно представить более неправдоподобный заговор, "заговорщики" находились в жалком физическом состоянии. Распутин с трудом стоял и ходил, Анна Александровна мучилась от боли и передвигалась на костылях, а царица по большей части была прикована к инвалидному креслу на колесиках, страдая от болезни сердца". Если так, тогда что было?

Живя в постоянном страхе за жизнь наследника, царица по прежнему верила в то, что Распутин ниспослан от бога. Александра Федоровна именовала Распутина "нашим Другом", некоторые назначения, возможно, состоялись не без его влияния. Антипатии и симпатии императрицы в известной степени совпадали с мнением Распутина. Наверное он умел "подстраиваться" под ее настроение. Коль скоро она мнила себя руководительницей дел государственных, оставив царю военную стратегию,

171

1914pict/page172

Брусиловский прорыв.

172

1914pict/page173

складывалось впечатление, что над страной царит Распутин.

Снова преувеличение. Даже ничтожный царь в ответ на внушения царицы следовать указаниям "божьего человека" твердо отвечал (письма относятся к 1916 году): "Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными... поэтому нужно быть осторожным, особенно при назначении на высокие должности". И в другом письме: "Только прошу тебя, не вмешивай нашего Друга. Ответственность несу я и поэтому желаю быть свободным в своем выборе". Переписка августейшей четы, конечно, не предназначалась для посторонних глаз, а в стране усилиями буржуазии складывалось твердое убеждение, что царь — . марионетка в руках Распутина.

173

Был ли "Черный блок"?

С осени 1915 года, начав "новый курс", царь обрушился на министров, осмелившихся иметь свое мнение. Из восьми министров, подписавших августовское письмо, были уволены двое, вскоре та же судьба настигла остальных шесть. Вот и представляется случай определить размеры влияния Распутина Накануне заседания кабинета, когда началась министерская чехарда, а Совет Министров превратился в "кувырк-коллегию", императрица пишет Николаю II: "Не забудь подержать образок в твоей руке и несколько раз причесать волосы его гребенкой перед заседанием министров". Распутин телеграфирует царю: "Не опоздайте в испытаниях, прославит Господь своим явлением".

Столь уместными и эффективными мерами царь оборонялся против "общественности", донельзя разъяренной неудачей с правительством "доверия". В сентябре — октябре 1915 года буржуазия переставляет акценты в своей пропаганде. Если раньше утверждалось, что верховная власть не может вести войну без помощи "общественности", то теперь на первое место выдвигается обвинение — самодержавие и не помышляет о победе, а готовит постыдное предательство дела Антанты — сепаратный мир с врагом.

Накануне открытия земского съезда в Москве в сентябре 1915 года в доме Челнокова состоялось негласное сборище лидеров недавнего Прогрессивного блока, на котором присутствовали Львов, Гучков, Милюков, Шингарев, Коновалов и другие. На тайном толковище было сделано великое открытие — правительство де находится во власти "Черного блока"! Стоящие за ним "темные силы" спят и видят сепаратный мир с кайзером. За это Горемыкин и ряд членов кабинета. С великолепной последовательностью на совещании утверждалось, что отстранение великого. князя Николая Николаевича - доказательство дьявольских козней "Черного блока". Отсюда задача "общественности" — сохранять хладнокровие, избегать разногласий в своей среде, которые только помогут "Черному блоку" осуществить его сатанинские замыслы, на каждом шагу разоблачать намерения правительства. Отныне, вплоть до февральской революции, борьба против "Черного блока" и "темных сил" -знамя и боевой клич буржуазии.

Изо дня в день повторялись утверждения, что правые оказы-

вают сильнейшее давление на царя - пойти на "позорный мир" с Германией. Назывались "факты" - записка правых со 150 подписями в пользу мировой с Берлином. Говорили об этом официально в Думе, но без единой фамилии. Муссировали слухи о тайных переговорах с Вильгельмом II.

Но уже к 1915 году в Германии четко и внятно прокричали на весь мир о целях войны. Пангерманский союз, объединивший многие шовинистические организации, выдвинул программу сверханнексий. Президиум союза постановил в числе "военных целей" Германии - захват Польши, Литвы, Белоруссии, Прибалтики и Украины для поселения немецких крестьян. Обязательным условием аннексии земель в России — "очищение их от людей", т.к. Германии нужны свободные территории. 20 июня 1915 года на съезде ученых, дипломатов и высших чиновников в Доме искусства в Берлине принимается "меморандум профессоров", подписанный 1 347 участниками сборища, в котором подводилась "научная" база под грабительскую программу.

Вслед за горлицким прорывом канцлер Бетман-Гольвег выступил 28 мая 1915 года в рейхстаге с декларацией правительства о внешней политике. "Опираясь на нашу чистую совесть, на наше правое дело и на наш победоносный меч,— говорил он - ... мы должны оставаться твердыми до тех пор, пока мы не создадим все только мыслимые гарантии полной безопасности, чтобы никто из наших врагов - ни в отдельности, ни совместно - не осмелился опять начать вооруженный поход". Добрые немецкие историки тут же обосновали "право" Германии диктовать своим соседям. Всемирно известный профессор Берлинского университета Ф. Мейнеке в июле 1915 года звал "отбросить назад Россию и приобрести новые земли для заселения немецкими крестьянами" и т д. О каких

переговорах с врагом, преследующим такие цели, могла быть речь? Тем не менее как из рога изобилия сыпались сплетни и пересуды, каждая выдумка похлеще предыдущей. Обвинения сосредоточивались в основном на '"немке" - императрице. Слова думцев и инсинуации из земско-городской среды принимались на веру — разве не было Мясоедова? Дальше — больше. Жена Родзянко в письме Юсуповой со слов некоего офицера сообщает убийственные сведения: "На фронте говорят, что она (царица) поддерживает всех шпионов-немцев, которых, по ее приказанию начальники частей оставляют на свободе".

Генерал Селивачев (генерал!) пометил в дневнике сразу после

февральской революции: "Вчера одна сестра милосердия сообщила что есть слух, будто из Царскосельского дворца от государыни шел кабель для разговора с Берлином". Не только пометил, но и прокомментировал: "Страшно подумать о том, что это может быть правдой - ведь какими жертвами платит народ за подобное предательство!" Конечно, никогда не обходились без поминания Распутина. "Вечернее Время" таинственно сообщала, что "старец", окруженный немецкими шпионами, проповедует сепаратный мир.

Доказательства? Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, работавшая по горячим следам после крушения царского режима, домогалась их, дабы документально подтвердить недавние обвинения, исходившие от лиц, оказавшихся в 1917 году у власти. Вышел порядочный конфуз - существования "Черного блока", связанного с Германией, обнаружить не удалось. Блефом оказались и сведения о тайных переговорах с Германией. Документы внешнеполитического ведомства Германии, оказавшиеся доступными исследователям после второй мировой войны, не содержат каких-либо данных о серьезных связях царского режима с Германией в годы той войны. Берлин действительно пытался зондировать почву в направлении заключения мира с Россией, но, горестно комментировал Бетман-Гольвег в письме Фердинанду Баварскому в октябре 1916 года, все поползновения в этом направлении отозвались на берегах Невы "эхом насмешек".

Хотя в России были крайне правые элементы, сокрушавшиеся по поводу войны с Германией, как оплотом монархического принципа (существование их и воодушевляло Берлин на затеи в области тайной дипломатии), царизм всерьез не помышлял о сепаратном мире. Он не мог встать на этот путь, с достаточной проницательностью писал В.И. Ленин, "по соображению о том, что при теперешнем состоянии России ее правительством могли бы тогда оказаться Милюков с Гучковым или Милюков с Керенским"[7].

Лидеры российской буржуазии, поднявшие крик по поводу "Черного блока", конечно, не верили в его существование Они неплохо знали истинное положение вещей, хотя бы по личному опыту. И если уж говорить о том, кто был связан с Германией, то в первую голову представители торгово-промышлен-

[7] Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 30, с. 243.

ных кругов. Родзянко и Гучкова с достаточными основаниями обвиняли в покровительстве немецкой фирме "Проводник". За передачу сведений о русском военном флоте по обвинению в государственной измене было привлечено к

ответственности правление страхового общества "Россия", в котором заседал тот же Гучков...

За дымовой завесой инсинуаций в адрес "темных сил" буржуазия собирала собственные силы, в ее представлении светлые. Работа шла по многим направлениям, но, высказывает мнение Мельгунов, "масонская ячейка и была связующим как бы звеном между отдельными группами "заговорщиков" - той закулисной дирижерской палочкой, которая пыталась управлять событиями".

Масоны высоких степеней Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский, В.А. Оболенский широко раскидывают вербовочные сети, заманивая в них людей влиятельных, независимо от партийной принадлежности. Сверхидея такого подбора очевидна — быть "наверху" при любой раскладке сил. Больше того, как заметил Керенский, "острые столкновения мнений иногда наблюдались между членами одной и той же партии по таким жизненным проблемам, как национальный вопрос, форма правления и аграрная реформа. Но мы никогда не позволяли этим разногласиям подрывать нашу солидарность".

Неслыханную энергию развивает Н.В. Некрасов, который шныряет повсюду, убеждая создать некую национальную организацию для напора на правительство. В дополнение к земским и городским союзам, настаивает он, нужно учредить союзы рабочих, промышленников, крестьян, кооперативов. "Надо всю Россию покрыть всероссийскими союзами",- суммируют информаторы охранки сущность его горячих речей. Во главе организации должен встать, - говорил Некрасов, - "союз союзов".

Применительно к рабочему классу некрасовские планы оказались не больше, чем химерой, ибо авторитет революционеров неуклонно нарастал. Но в других направлениях Некрасов и работавшие с ним добивались некоторых сдвигов. Так по осени 1915 года усилиями С.Н.Прокоповича был учрежден Всероссийский кооперативный комитет. Были составлены внушительные планы его деятельности, пресеченные московским градоначальником в конце 1915 года, запретившим комитет. В потенции Прокопович и Ко , строившие комитет по эскизам Некрасова, видели в нем одно из средств осуществления сильной власти, разумеется, пос-

ле того, как ее бразды возьмет в руки буржуазия. Прокопович настаивал на огосударствлении кооперации во время империалистической войны, а после Октябрьской революции ополчился на самую идею этого. Оно и понятно, Некрасов и Прокопович стремились поставить кооперацию на службу буржуазии и не могли представить себе, чтобы она была одним из рычагов Советской власти.

Рука об руку с составлением далеко идущих планов шло выполнение неотложных задач, среди которых руководители буржуазии считали едва ли не самой важной установление контактов с командованием армии и обработку его в надлежащем духе. Инициатором этих начинаний в Ставке стал Гучков, который завязал самые тесные отношения с Алексеевым, занявшим в сентябре 1915 года пост начальника штаба Верховного Главнокомандующего. В Ставку зачастил и заместитель Гучкова по Центральному военно-промышленному комитету А.И. Коновалов. В Киеве глава местного ВПК М.И. Терещенко, другой заместитель Гучкова в том комитете, силился очаровать Брусилова, теперь

главнокомандующего Юго-Западным фронтом.Оба — Коновалов и Терещенко — активные масоны.

Уговаривать Алексеева в том, что правительство никуда не годится, не приходилось. Он сам заявил И.П. Демидову, приехавшему в Ставку по делам земского союза: "Это не люди — это сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают... Никогда не думал, чтобы такая страна, как Россия, могла бы иметь такое правительство, как министерство Горемыкина. А придворные сферы?"— генерал безнадежно махнул рукой". Царица как-то за официальным обедом в Ставке в Могилёве затеяла с ним разговор, убеждая, что приезд в штаб Распутина "принесет счастье" армии. Алексеев коротко ответил — для него этот вопрос решенный, если "божий человек" появится в Ставке, он немедленно оставит свой пост. Деликатнейший генерал! В отличие от Николая Николаевича не пообещал вздернуть Распутина при появлении на фронте. Разгневанная царица ушла не попрощавшись.

Он не был принципиальным противником визитов в Ставку разных темных лиц, генерал Алексеев. Но только нужных ему. Военный корреспондент при ставке М.К. Лемке, очень неплохо информированный, записывает в дневнике в середине ноября 1915 года: "Очевидно, что-то зреет... Недаром есть такие приезжающие, о целях появления которых ничего не удается

узнать, а часто даже и фамилию не установишь. Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли, что-то у него есть, связывающее с генералом Крымовым именно на почве политической, хотя и очень скрываемой деятельности". Несколько позднее Лемке добавляет: "Меня ужасно занимает вопрос о зреющем заговоре. Но узнать что-либо определенное не удается. По некоторым обмолвкам Пустовойтенко (генерал-квартирмейстер Ставки) видно, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд еще кто-то. Если так, то при такой разношерстной компании, кроме беды, для России ждать решительно нечего".

Хотя впоследствии Гучков и его единомышленники не очень охотно делились воспоминаниями о своей деятельности в армии на этом этапе, есть данные, позволяющие судить об их целях. Полковник царской армии Ф. И. Балабин рассказывал: "Объезжая в 1916 году войсковые части в качестве главноуполномоченного Красного Креста, Гучков в интимной беседе со мной в штабе дивизии высказывал мне серьезные опасения за исход войны. Мы единодушно приходили к выводу, что неумелое оперативное руководство армией, назначение на высшие командные должности бездарных царедворцев, наконец —двусмысленное поведение царицы Александры, направленное к сепаратному миру с Германией, может закончиться военной катастрофой и новой революцией, которая, на наш взгляд, грозила гибелью государству. Мы считали, что выходом из положения мог бы быть дворцовый переворот: у Николая нужно силой вырвать отречение от престола".

Учитывая дальнейшую судьбу Балабина (летом 1917 года при Временном правительстве он был начальником штаба Петроградского военного округа), это признание существенно.Полковник, несомненно, входил в ядро той заговорщической ячейки, которую создавали в армии Гучков и иные. Средством

убеждения и вербовки военных служили те самые слухи об "измене", "сепаратном мире" и прочем, которые фабриковала буржуазия. Вероятно, в командовании армии им верили очень широко. Даже "мой косоглазый друг", как именовал Алексеева Николай И , сделавший его генерал-адъютантом, заразился всеобщим поветрием. После февральской революции Деникин пристал к Алексееву с мучившим всех военных вопросом об "измене" императрицы. Алексеев ответил неопределенно и нехотя: "При разборе
179
бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах — для меня и государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею... Больше ни слова. Переменил разговор. Может быть, с запозданием прозрел, увидел плутни буржуазии?

Во всяком случае, в начале 1916 года страсти накалились. Горемыкин оказался под огнем сильнейшей критики. Царь решил сманеврировать - сменить неуступчивого к Думе премьера.

2 февраля 1916 года на этот пост был назначен 68-летний "святочный дед" гофмейстер Б.В. Штюрмер. Появление еще одного старца в кресле премьера вызвало всеобщее недоумение. Его назначение должно было умиротворить людей типа Милюкова, но именно Милюков заметил о Штюрмере: "Совершенно невежественный во всех областях, за которые брался, он не мог связать двух слов для выражения сколько-нибудь серьезной мысли — и принужден был записывать — или поручать записывать — для своих выступлений несколько слов или фраз на бумажке". Думские краснобаи смеялись в глаза премьеру, читавшему речи "по тетради". По большей части Штюрмер многозначительно помалкивал - но личные дела умел обделывать прекрасно с надлежащими "канцелярскими уловками".

Угодный императрице, Штюрмер, конечно, как мог угождал Распутину. "Божий человек", почувствовав слабинку в старом царедворце, покрикивал на него. Хвастаясь своей силой в кругу сотрапезников, Распутин заявлял: "Он, старикашка,должен ходить на веревочке а если это не так будет, то ему шея будет сломана". Несмотря на величественный и хладнокровный вид, Штюрмера так и прозвали "старикашка на веревочке". В тогдашней атмосфере все, что бы ни сказал подвыпивший Распутин, разносилось далеко.

Авторитет Совета Министров при Штюрмере упал еще больше. Бывший министр юстиции А.А. Хвостов говорил Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: "Из-за перемены одного лица на другое ничего нового не произошло, все, как катилось по наклонной плоскости, так и продолжало катиться... Я не помню, чтобы у Штюрмера было какое-нибудь чисто политическое совещание". Впрочем, видимость деятельности была налицо - в марте Штюрмер взял себе портфель министра внутренних дел, который продержал до июля. Освободившись от
180
него он подхватил портфель министра иностранных дел и не выпустил его до конца своего премьерства.

Вспыхнули новые скандалы, связанные с Распутиным. Штюрмер попытался обусловить созыв Думы в феврале обещанием ничего не говорить о "старце". Во время сессии Думы Распутина услали в Тобольск, ибо ее члены рвались снова

заклеймить "ужасную язву русской жизни". Тут выплыл эксцентричный план А.А.Хвостова избавиться от Распутина. По одному ему ведомой логике он решил, что в этом случае сам станет премьером, а устои империи необыкновенно укрепятся.

Хвостов доверился Белецкому и Комиссарову, которые сделали вид, что сочувствуют плану убийства Распутина. Министр решил действовать ядом, отравил пару кошек и смеялся, глядя, как они подыхают. Комиссаров весьма одобрил план Хвостова и съездил в Саратов, откуда привез, по его словам,сильнейшие яды. Белецкий рассказывал: "Я застал Комиссарова в кабинете сидящим на диване с Хвостовым и объясняющим, как профессор, свойство каждого яда, степень его действия и следы, оставленные в организме. При этом докладе Комиссарова у меня сложилось впечатление, что это действительно яды и что Комиссарову его агент дал подробные разъяснения по каждому флакону: только мое внимание остановило то, что во всех баночках находился одного вида и цвета порошок. В довершение всего Комиссаров рассказал А.А.Хвостову, что он перед тем, как идти к нему, сделал на конспиративной квартире в присутствии филера-лакея опыт действия одного из привезенных им ядов на приблудившемся к кухне коте и живо описал А.А.Хвостову, как этот кот крутился, а потом через несколько минут сдох. Этот рассказ доставил А.А.Хвостову, видимо, особое удовольствие, он несколько раз переспросил Комиссарова".

В намеченный роковой день Белецкий с содроганием смотрел, как Комиссаров налил Распутину любимой им мадеры из "отравленной" бутылки. Ничего не случилось. Белецкий припер Комиссарова к стенке, и тот признался, что в зловещих флаконах был какой-то безвредный порошок, а симптомы отравления, столь живо описанные им Хвостову, он узнал у знакомого студента-медика. Оба жандарма обманывали некоторое время министра, отнюдь не торопясь убивать Распутина, хотя Хвостов пообещал Комиссарову 200 тыс. рублей и даже показал деньги. Вероятно, они думали о себе : Хвостов со своими посулами никогда не внушал доверия. Тем временем афера вскрылась, и вся

троица лишилась своих постов. А.А.Хвостов, смещенный в начале 1916 года с поста министра внутренних дел, бросился в Москву и стал доказывать жадным слушателям, что уволен за попытку отделаться от германских шпионов, кишевших вокруг"божьего человека". Родзянко крепко запомнил это и в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства категорически заявлял, что Распутин действовал по директивам из Берлина,

А шла война, и как будто в столице не было важнее дел, чем сводить или не сводить счеты с Распутиным или менять министров. В середине марта 1916 года уволили близкого к Думе Поливанова. Назначенный на его место одряхлевший 62-летний генерал Д.С. Шуваев производил жалкое впечатление. Над всем невозмутимо председательствовал Штюрмер или "Бориска", как именовал его в кругу собутыльников Распутин. " Этот "дед" не только не принес порядка России, а унес последний престиж власти... Штюрмер маленький ничтожный человек, а Россия вела мировую войну. Дело было в том, что все державы мобилизовали свои лучшие силы, а у нас "святочный дед—премьером. Вот где ужас. Вот отчего страна была в бешенстве.

И кому охота, кому это нужно было доводить людей до исступления?! Что это, нарочно, что ли, делалось?!" — задавал риторический вопрос преданный трону Шульгин.

Союзники и Россия

Если русский генералитет принимал дикие слухи о положении в столице за чистую монету, то они не вызывали и тени сомнения у правительств — союзников России. То, что было просто следствием тупоумия царского режима, державы Антанты могли рассматривать как назревавшую измену делу противников Германии. Политические проходимцы, домогавшиеся власти и ради этого поливавшие без разбора грязью собственную страну, подрывали международное положение России. Отвратительная склока, раздиравшая правящий лагерь, отнюдь не содействовала равноправным отношениям России с союзниками.

В результате складывалось парадоксальное и трагическое положение: Россия, спасшая Антанту в 1914—1915 годах, внесшая самый большой вклад в коалиционную войну, третировалась Парижем и Лондоном. Малопродуманные заказы вооружения и снаряжения за рубежом, унизительные просьбы о займах

182

убеждали правителей Франции и Англии, что в России воцаряется хаос. До февральской революции Россия получила от союзников по военным займам 6,3 млрд. рублей, т.е. примерно столько, сколько составляла внешняя задолженность России на 1913 год. Кабальные условия займов (в Англию, например, было вывезено золота в обеспечение кредитов на 600 млн. рублей) могли ставиться только стране, которую не считали равноправным партнером. Военные расходы России за войну составили (по февраль

1917 года) 29,6 млрд. рублей, заказы за границей почти 8 млн. рублей. За внешне значительной суммой последних кроется очень небольшая отдача. Россия вела войну в подавляющей степени за счет собственного производства вооружения и снаряжения. По сравнению с тем, что было изготовлено в России, полученное из-за границы составляет по винтовкам 30%, патронам к ним — менее 1%, орудиям разных калибров — 23%, снарядов к ним — около 20% и т.д.

Малая эффективность помощи союзников объясняется прежде всего тем, что русские военные заказы рассматривались в странах Антанты и США как досадная помеха. Они выполнялись кое-как, сроки поставки не ^выдерживались, постоянно срывались обещания обеспечения перевозок тоннажем. Заказы на винтовки были выполнены только на 5%, на патроны - на 1%. Большинство заказов исполнено на 10—40%, Когда речь шла об уступке вооружения и снаряжения, то зачастую присылались неисправные или устаревшие предметы. Убийственную характеристику снабжения России предметами ведения войны дал Дэвид

Ллойд Джордж. В своих "Военных мемуарах" он, уничтожительно отозвавшись о стратегических талантах английских и французских генералов на Западном фронте, написал: "Если бы мы отправили в Россию половину тех снарядов, которые затем были попусту затрачены в этих плохо задуманных боях, и одну пятую пушек выпустивших эти снаряды, то не только удалось бы

предотвратить русское поражение, но немцы испытали бы отпор, по сравнению с которым захват нескольких обагренных кровью километров французской почвы казался бы насмешкой".

Западные промышленники рассматривали русские заказы как средство наживы. Цены на вооружение и снаряжение взвинчивались на 25- 30%, выше чем для покупателей в западных странах. Крупные авансы бездумно выданные еще при Сухомлинове,

183

связали русские ведомства, которые ничего не могли поделать со срывом сроков, поставкой некачественной продукции. Что до кредитов России, то, как повелось в ростовщической практике западных банков, с них снимались различные комиссионные, на них нагревали руки биржевики. А.А. Игнатьев, неплохо узнавший за годы войны финансовую кухню Франции, в двадцатые годы был свидетелем ажиотажа, поднятого на Западе по поводу отказа СССР платить по займам царского и Временного правительств . "Когда,— писал А.А. Игнатьев,— через десять лет после войны все тот же Мессими,с которым, в бытность его военным министром, я переживал первые дни мобилизации, старался взвалить на Советскую Россию всю тяжесть долгов царской России, я дал ему следующий простой ответ:

— Одолжите мне до следующего утра только двух ваших жандармов. Обойдя с ними четыре парижских банка, я потребую выписки из русского счета и принесу вам завтра добрую половину денег оставшихся во Франции от русских займов".

В 1922 году советская делегация на международной экономической конференции в Генуе оценила ущерб, понесенный Россией в результате невыполнения союзниками обязательств в области материально-технической помощи — в 3 млрд. рублей.

Осенью 1915 года, как будто русская армия недостаточно истекла кровью во время Великого Отступления, Франция стала настаивать на том, чтобы Россия направила на Западный фронт 300 тыс. своих солдат Их намеревались по 10—15 человек на роту распределить по французской армии. В конце 1915 года в Россию отправился заготовитель пушечного мяса, председатель военной комиссии французского сената П. Думер. Он привез требование — Россия отправляет на Западный фронт 400 тыс. солдат, по 40 тыс. человек ежемесячно.

В Париже президент Франции Пуанкаре принял в это время делегацию русских офицеров, фронтовиков, приехавших знакомиться с новейшими военно-техническими достижениями. "Все ожидали, — вспоминал Игнатьев, - что глава государства станет расспрашивать о положении на фронте русской армии, но Пуанкаре, забыв про офицеров, начал излагать мне мотивы поездки Думера в Россию. С логикой, граничившей в цинизмом, скандируя слова, этот бездушный адвокат объяснял, насколько справедливо компенсировать французскую материальную помощь России присылкой во Францию не только солдат, но даже рабочих...

184

— Какая мерзость, какая низость! — набросились на меня наши офицеры, выходя из дворца президента. — Что же, мы станем платить за снаряды кровью наших солдат?"

Думер не слишком преуспел в Ставке и Петрограде, с трудом ему удалось выбить согласие направить пока во Францию в виде эксперимента одну русскую бригаду.

На рубеже 1915 -1916 годов операции на русском фронте становятся производными от франко-английской стратегии. Настояния русской Ставки на действительно согласованных действиях — нанесении главного удара на Балканах (это потребовало бы направить туда не менее 10 французских и английских корпусов) , союзники отклонили. Жоффр не был заинтересован в наступлении в направлении Белград-Будапешт, а искал решения на французском фронте. На серии совещаний в Шантильи было решено, что союзники начнут наступательные операции по возможности согласованно не позднее 1 июля 1916 года. Антанта припоздала.

Германское Верховное командование видя, что время работает на противника, также хочет нанести решительный удар. Положение России, как виделось в кривом зеркале пропаганды русской буржуазии, всячески подчеркивавшей плачевное положение дел, убеждало немцев, что в 1916 году опасность с Востока не грозит. В результате, отмечает А. Зайончковский, "кроме причин оперативного характера на решение не развивать действия на русском театре оказала воздействие их уверенность в скором разложении русской армии, уверенность, которая все чаще входит в германские расчеты как определенная оперативная данная". Но даже при такой оценке, Германское Верховное командование, помня о годе 1915, не решалось планировать новое наступление на Востоке.

Дальнейшее продвижение лишило бы немцев и австрийцев их преимущества — развитой сети железных дорог. Фальгенгайн рассудил: "Удар на миллионный город Петроград, который при более счастливом ходе операций мы должны были бы осуществить из наших слабых ресурсов, не сулит решительного результата. Движение на Москву ведет нас в область безбрежного. Ни для одного из этих предприятий мы не располагаем достаточными силами".

Однако Германия, по мнению ее верховного командования, располагала достаточной мощью для того, чтобы вывести из войны Францию, после чего рассыпется вся вражеская коалиция.

185

Было решено оставить Восточный фронт как есть и атаковать французов у Вердена, имея в виду заставить Францию"истечь кровью". 21 февраля 1916 года завертелись крылья верденской мельницы — началась одна из самых жестоких битв первой мировой войны. Через эту мясорубку до конца 1916 года прошли 65 французских и 50 немецких дивизий. За девять месяцев боев потери сторон под Верденом составили около миллиона человек. (350 тыс. французов и 600 тыс. немцев). В конце сражения стороны оказались практически на исходных позициях.

С началом боев за Верден французское командование потребовало от русской Ставки немедленно открыть наступление или, как писал Жоффр, "оказать сильное давление с целью не дать врагу возможности увезти с фронта какие-нибудь части и лишить его свободы маневрирования". У русского командования не хватило характера противостоять французскому нажиму. Была поспешно подготовлена наступательная операция в районе Двинска и озера Нарочь, которую проводили русские армии левого фланга Северного фронта и правого

фланга Западного фронта. Несмотря на условия погоды, начинавшуюся распутицу, которые исключали возможность широкого маневра в этом лесисто-болотистом районе, 18 марта русские войска перешли в наступление.

Завязались очень тяжелые бои при небольшом перевесе в силах наступавших. Русским не удалось прорвать оборону врага. Как обычно, командование на уровне выше корпусов оказалось не на высоте. Но главное, ради чего была затеяна эта операция, было достигнуто. С 22 марта по 30 марта немцы совершенно прекратили атаки на Верден, выжидая исхода сражения на Востоке. У австрийцев перед русским Юго-Западным фронтом были сняты немецкие войска и переброшены в район боев, потянулись сюда и скудные резервы из Германии. "Всеми овладело напряженное беспокойство о дальнейшем... — писал Людендорф. — Русские одержали в озерной теснине успех, который для. нас был очень болезненным". Однако продвижение не превышало 2-3 километров, и наступавшие, потеряв до 80 тыс. человек, выдохлись.

"Кто же виноват в кровавой мартовской неудаче? — спрашивал Б.З.Барсуков и отвечал. - Повторяем: все, и чем выше, тем больше... Меньше всех виноваты войска... По телеграфу передается войскам категорический приказ: "Укрепиться, окопаться на захваченных участках и удержаться во что бы то ни стало". А

войска стоят под огнем по колено в воде и , чтобы хоть немного передохнуть, складывают трупы немцев и на них садятся, так как окопы полны воды. К вечеру войска начинают промерзать;вдобавок ко всему к ним заползают раненые, изуродованные, не перевязанные, страдающие, стонущие - эвакуация раненых была плохо организована, о них мало заботились.

И все это не один -два дня, а в течение 10 дней операции! Нужны были поистине исключительные качества русского солдата, чтобы, несмотря на такие тяжелые условия, продолжать бой". Безрезультатное мартовское наступление не подняло акции России в глазах союзников.

Представители держав Антанты в полном единодушии с русской буржуазией винили в неудачах, помимо прочего, царицу и, конечно, Распутина. Вырубова, все же немудрящая женщина,рассказывала спустя много лет, что, когда она попыталась открыть глаза обожаемой подруге Александре Федоровне на козни английского посла Дж. Бьюкенена (о которых, впрочем, и сама знала понаслышке, да и в меру своего понимания), "государыня и верить не захотела, она отвечала, что это сказки, так как Бьюкенен был доверенный посол короля английского, ее двоюродного брата и нашего союзника. В ужасе она оборвала разговор". Надо думать, пронырливый посол чувствовал себя свободнее в кругу "общественности". В мае 1916 года он демонстративно вручил в Москве городскому голове М.В. Челнокову высокий английский орден "За заслуги перед британской короной".

Не очень грамотно Вырубова описала поучительный эпизод в Ставке, когда царица приехала навестить Николая II: "Именитые иностранцы, проживавшие в Ставке, одинаково работали с сэром Бьюкененом. Их было множество: генерал Вильяме со штабом от Англии, генерал Жаннен от Франции, генерал Риккель — бельгиец, а также итальянские, сербские, японские генералы и офицеры. Как-то раз после завтрака все они и наши генералы и офицеры штаба толпились в саду, пока Их Величества совершали "серкль" (обходили по кругу - Н.Я.), разговаривая

с приглашенными. Сзади меня иностранные офицеры, громко разговаривая, обзывали государыню обидными словами и во всеуслышание делали замечания: "Вот она снова приехала к мужу передать последние приказания Распутина". "Свита,- говорит другой,- ненавидит, когда она приезжает, ее приезд означает перемену в правительстве" и т.д. Я отошла, мне стало почти
187
дурно. Но императрица не верила и приходила в раздражение, когда я ей повторяла слышанное".

Зная хорошо и даже слишком умонастроения лидеров буржуазии, в странах-союзницах России династию постепенно списывали со счетов. Но никак не Россию с ее, по мнению правительств Антанты, неисчерпаемыми людскими ресурсами.

В Париже, во всяком случае, укрепились в убеждении, что ими можно лучше распорядиться на Западном фронте. В апреле в Россию явились деятели II Интернационала - министр А.Тома и социал-шовинист Р. Вививани. Они завели старую песню -дать 400 тыс. русских солдат. Царское правительство согласилось до конца 1916 года отправить семь бригад и 10 тыс. пополнения. К концу года во Францию отправились две бригады — 20 тыс. солдат, и еще две бригады (около 22 тыс. личного состава) в Салоники. В обмен Тома обещал передать России часть новой продукции 105 мм орудий.

Французские "социалисты" взялись поучать, как налаживать военное производство. Тома заявил Штюрмеру: "Заводы ваши работают недостаточно напряженно, они могли бы производить в десять раз больше. Нужно было бы милитаризировать рабочих!" "Милитаризировать наших рабочих!— воскликнул Штюрмер. - Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас". Посетитель с Запада не усмотрел то, что было ясно как день даже "святочному деду" — опасность вызвать революционный взрыв.

Тома быстро нашел общий язык с российской буржуазией, ибо к этому стремились обе стороны. От имени Гучкова Коновалов потребовал у французского посла Палеолога свести его с Тома. Они встретились. Коновалов постарался "через Тома раскрыть глаза французскому правительству" на происходившее в России. Тома горячо заверил: "Ему лично это давно известно в подробностях, но французское правительство в целом только теперь начинает надлежащим образом понимать, к какой пропасти русское правительство ведет и Россию,и все дело союзников".

Тома встретился и с другими представителями "общественности". На просьбу Родзянко откровенно указать на больные места в области снабжения, он ответил: "Россия должна быть чрезвычайно богата и очень уверена в своих силах, чтобы позволить себе роскошь иметь правительство, подобное вашему, где премьер-министр является бедствием, а военный министр -катастрофой". Нет никакого сомнения в том, что сердечное
188
согласие Тома с точкой зрения буржуазии придало последней смелости и даже дерзости...

К 1916 году царизм и буржуазия, хотя и по диаметрально противоположным причинам, создали о России самое безотрадное представление во всем мире. Это испытали на себе русские солдаты, оказавшиеся на Западе. Когда русская бригада

попала на Центральный фронт под командованием Петена во Франции, он устроил ей смотр.

— Ну, посмотрим, — заявил он Игнатьеву —как ваши солдаты освоились с нашей винтовкой. Они ведь у вас сплошь безграмотные.

- Не совсем так, генерал,- ответил Игнатьев. - А что касается винтовки, то ваш устаревший "лебель" много проще нашей трехлинейки.

Петен провел смотр бригаде. "Из дальнейших вопросов стало ясно, что Петен принимал нас за дикарей, обнаруживал то, что сделало его впоследствии единомышленником нацизма", - заключает Игнатьев. Французский посол Палеолог набрался наглости говорить о русских солдатах как о "невежественной и бессознательной массе".

Если так относились к русскому народу союзные державы, то отношение врагов было неописуемым. Не считаясь с международными конвенциями, немцы и австрийцы установили бесчеловечный режим для русских военнопленных. Их положение в Германии и Австро-Венгрии было несравненно хуже, чем положение пленных из других стран. В сущности, они были париями среди миллионов этих несчастных.

А.В. Луначарский в июне 1916 года напечатал в русской газете "День" очерк "Наши в плену" на основании опроса французских и бельгийских пленных, отпущенных по болезни из Германии в Швейцарию. Из их рассказов вырисовывалась ужасающая картина издевательств и насилий над русскими во вражеском плену. "Русские страшно голодали, - говорил Луначарскому французский сержант. — Все. что получалось, было адресовано определенным пленным, либо пленным определенных наций. Среди французов и самый круглый сирота имел свои получки: хлеб, сахар, книги, табак, шоколад. У русских почти ни у кого ничего не было. Очень, очень голодают они. В каждом лагере есть как будто люди двух рас: русские и все остальные".

Французский офицер описал положение в лагере, где было семь тысяч пленных, из них три тысячи русских. Он подчеркивал

неизмеримую дистанцию, отделявшую русских пленных от пленных других национальностей, установленную немецкими властями.

Каторжный труд, издевательства., голод делали свое дело -русские пленные массами гибли. Советский писатель К. Левин, проведший несколько лет в плену, вспоминал об этих временах "Люди стали совсем непрочными, и жизнь так же легко покидала их, как рвется намокшая бумага". На неизменное кладбище около каждого лагеря постепенно "переселялись" его обитатель. Левин часто бродил по кладбищу, "останавливался над белыми солдатскими крестами и читал двузначные и трехзначные номера, узнавал по ним и вспоминал живых людей, от которых ничего не осталось". На чужбине, в плену погибло около двухсот тысяч русских людей.

За счет их главным образом так высоко поднялся процент погибших военнопленных держав Антанты — 9 процентов. Что касается военнопленных срединных империй (примерно три миллиона человек, из них свыше двух миллионов — в России), то их смертность не превышала 4 процентов.

Русские в плену отнюдь не безропотно склонялись перед ко сою смерти. Сколько было расстреляно немцами и австрийцами за сопротивление? Едва ли

это когда-либо станет известным.А бегство из лагерей! По немецким данным, бежало в общей сложности 260 тысяч русских пленных, из них 60 295 человек ускользнули от преследования и добрались до своих. Другими словами, из 2,6 миллиона русских пленных бежал каждый десятый Они не были "бессознательной массой", русские во вражеском плену.

Как бы ни позорили Россию царизм и буржуазия, на исход второго года войны русский солдат показал на фронте, на что он способен.

НАБАТ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА

Ранним теплым утром 4 июня 1916 года, 22 мая по старому стилю, австрийские войска, зарывшиеся перед русским Юго-Западным фронтом, не увидели восхода солнца. Вместо безмятежных солнечных лучей с Востока пришла смерть — тысячи снарядов превратили обжитые, сильно укрепленные позиции в ад. Разбуженные грохотом в блиндажах австрийские солдаты в ужасе

190

застыли. Земля ходила ходуном, в сплошном реве снарядов русской полевой артиллерии, сметавшей проволочные заграждения и брустверы, часто ухали леденящие кровь взрывы - тяжелые орудия и мортиры разрушали укрепления. Не погребенные за время артиллерийской подготовки, оглушенные, контуженные с готовностью поднимали руки стоило русскому гренадеру с гранатой встать у входа в убежище.

В то утро произошло неслыханное и невиданное в анналах унылой, кровопролитной позиционной войны. Почти на всем. протяжении Юго-Западного фронта атака удалась.Волны русской пехоты захлестнули вражеские траншеи и покатились дальше. Как и год назад в Галиции, пехота шла навстречу сплошной стене разрывов, но не к смерти, а к победе. Дорогу прокладывал огневой вал своей артиллерии, прижимаясь к которому, стрелки овладевали, как говорили тогда офицеры-фронтовики, "выбритой начисто" землей. Команды на батареях, прицел увеличивался на несколько делений, стена уходила вперед на 300—500 метров — и за ней на врага!

Поток телеграмм оповестил мир о дотоле небывалой победе — уже в первые сутки наступления взято в плен 900 офицеров и свыше 40 тыс. солдат, на пятый день это число возросло до 1 240 и 71 тысячи. Сотни орудий, громадное количество другого вооружения брошено австрийцами, снова покатившимися через Галицию на запад. Пришло возмездие за год 1915. По той же земле, где прошлым тягостным маем пятились озлобленные измученные русские солдаты, в пьянящий май года 1916 шли бравые полки Брусилова. Наступала отлично вооруженная и снаряженная армия, о нехватке снарядов забыли, командиры батарей заботились только о том, чтобы от частой стрельбы не перегревались орудия и не портились каналы стволов.

Когда свистки ротных и взводных поднимали в очередной бросок, в атаку шли цепи в касках. Приятная тяжесть стали на голове и противогаза на боку... Солдаты знали — они вооружены и снаряжены не хуже врагов

Совсем недавно в окопах проклинали германца, душившего газами, теперь рассчитывались с ним той же монетой, по полному счету. В передках и на позициях снаряды со зловещими красными ("удушающий") и синими

("ядовитый") поясками, которые начали поступать на фронт с февраля 1916 года. Командиры ловят только совпадение стоящей цели с определенными инструкцией условиями — теплая погода, безветрие твердый

грунт, лес или кустарник, где газовое облако более устойчиво.

В боях на подступах к Станиславу русский X LI-й корпус был Задержан контратакой. Всю ночь австрийцы вели беспокоящий огонь. Русские батареи не отвечали, но засекли вражеские точки. С утра 12 батарей (72 орудия) 74-ой русской пехотной дивизии и 3-й Заамурской бригады открыли частую стрельбу химическими снарядами. С шутками и смехом рослые батарейцы поддерживали максимальный темп огня, живо представляя, как шарахаются от смертоносного газового облака неприятельские солдаты. Они не ошиблись.

Потрясающий эффект — побежала пехота, прислуга бросила тяжелые орудия и разбежалась, куда глаза глядят . XLI корпус без боя взял Станислав. Полевой генерал-инспектор сообщает с Юго-Западного фронта, что результаты частого применения химических снарядов вполне удовлетворительные. Брусиловский прорыв подтолкнул их производство. Ежемесячно на фронт отправлялось по 150 тыс. химических снарядов.

Победная поступь войск Юго-Западного фронта, волнующие вести все из той же Галиции ошеломляли — русская армия неслыханно, невиданно воспрянула после поражений 1915 года. "Все это время - вспоминал АЛ. Брусилов, — я получал сотни поздравительных телеграмм от самых разнообразных кругов русских людей. Все всколыхнулось. Крестьяне, рабочие, аристократия, духовенство, интеллигенция, учащаяся молодежь -все бесконечной телеграфной лентой хотели мне сказать, что они - русские люди — и что сердца их бьются заодно с моей дорогой окровавленной во имя Родины, но победоносной армией. И это было мне поддержкой и великим утешением. Это были лучшие дни моей жизни, ибо я жил одной общей, радостью со всей Россией".

Как же это случилось? Откуда у России взялись силы потрясти мир на третьем году войны победой Брусилова? Тогда многие ожидали что наступление, начавшееся на его фронте, захватит остальные, как гигантский вал взметнется и обрушится на границы Германии и Австро-Венгрии. Победа над срединными империями придет с Востока.

Спустя четверть века советский писатель С. Сергеев-Ценский в тяжкое время Великой Отечественной в эвакуации в Куйбышеве, в апреле—мае 1942 года, написал первую книгу исторического романа "Брусиловский прорыв". Известный в те годы маститый писатель возвратил читателей в Год 1916. Разбивая наслоив-

шиеся стереотипы о первой мировой войне Сергеев-Ценский напоминал о высоком боевом духе брусиловских войск: "Маршевики в вагонах, уходящих от станции к западу, заливались гармониками-"ливенками", гремели песнями, — и никакого не чувствовалось в этом надрыва напротив: заливались и гремели от чистого сердца и не спьяну, водкой ведь их никто не поил тут на станции". Нетрудно понять, как звучал "Брусиловский прорыв" Сергеева-Ценского в годы Великой Отечественной. А в 1916 году!..

Подвиг Юго-Западного фронта

К наступлению Брусилова были самые скверные предзнаменования, прежде всего глубокий надлом духа высшего командования русской армии.

В конце марта 1916 года, как раз в тот день, когда, захлебываясь в грязи, русские солдаты гибли в болотах у озера Нарочь, генерал Алексеев дал волю обуревавшим его чувствам. Он не обладал могучим красноречием, начальник штаба Верховного Главнокомандующего, говорил среди нескольких подчиненных, кому он доверял.

"- Да, настоящее не весело... - начал Алексеев.

- Лучше ли будущее? - спросили его...

- Я вот счастлив, что верю и глубоко" верю в Бога, и именно в Бога, а не в какую-то слепую и безличную Судьбу. Вот вижу, знаю, что война кончится нашим поражением, что мы не можем кончить ее чем-нибудь другим... Страна должна испытать всю горечь своего падения и подняться из него рукой Божьей Помощи, чтобы потом встать во всем блеске своего богатейшего народного нутра.

- Вы верите также в это богатейшее нутро?

- Я не мог бы жить ни одной минуты без такой веры. Только она и поддерживает меня в моей роли и моем положении. Я человек простой, знаю жизнь низов гораздо. больше, чем генеральских верхов, к которым меня причисляют по положению. Я знаю, что низы ропщут...

- А вы не допускаете мысли о более благополучном выходе России из войны, особенно с помощью союзников, которым надо нас спасти для собственной пользы?

193

- Нет, союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош? Кому можно верить? Италии, Франции, Англии? Скорее Америке, которой до нас нет никакого дела. Нет, батюшка, вытерпеть все до конца—вот наше предназначение, вот что нам предопределено...

Армия наша - наша фотография. Да это так и должно быть. С такой армией в ее целом можно только погибать. И вся задача командования свести эту гибель к возможно меньшему позору. Россия кончит прахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломать. Вот тогда мы узнаем ее, поймем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое ценное и дорогое признается вздором и тряпками...

Вы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю?.."

Генерал-адъютанту М.В. Алексееву, фактически командующему русской армией, подобало бы пребывать в думах о своем прямом долге, а не витать в гнетущей стратосфере подавленности и мистицизма. При таком умонастроении, которое разделяло немало генералов, трудно было ожидать четкой проработки предстоявших операций. В начале года державы Антанты договорились начать

наступление на Западном фронте 1 июля, а на Восточном — на две недели раньше.

На совещании в русской Ставке 14 апреля Алексеев изложил свой план: главный удар наносит Западный фронт генерала Эверта в направлении на Вильно, Северный фронт (Куропаткин) и Юго-Западный (Брусилов) содействуют ему, причем последний переходит в наступление после первых двух. Эверт и Куропаткин, оробев, начали толковать о том, что шансы на успех невелики, нужно лучше подготовиться и т.д. Начался торг, когда и кому наступать, Алексеев, как обычно, колебался. Спор разрешил Брусилов, добившись разрешения для своего фронта нанести "вспомогательный, но сильный удар". У Брусилова было 512 тыс., на двух других русских фронтах — 1 220 тыс. войск.

Не успели договориться, как 15 апреля пришла срочная телеграмма от Жоффра: "Я просил бы наших русских союзников, согласно принятым на совещании в Шантильи решениям, перейти в наступление всеми свободными силами, как только климата-

ческие условия это позволят, пользуясь отвлечением сил, вызываемым Верденским сражением. Необходимо, следовательно, чтобы подготовка русского наступления продолжалась с крайним напряжением и чтобы она, насколько возможно полно, была закончена ко времени окончания таяния, дабы наступление могло начаться в этот момент". Как будто мало жертв понесла Россия для ослабления натиска на Верден в марте!

Только-только рассмотрели в Ставке обращение Жоффра. как посыпались просьбы из Италии: 15 мая австрийцы обрушились на итальянскую армию. Представители Италии в России соразмерно со скоростью бегства своих солдат умоляли о немедленном переходе в наступление. В панике они говорили о том, что Италию могут вообще вывести из войны. 23 мая в Ставке получили обращение итальянского командования: "Единственным средством для предотвращения этой опасности является производство сейчас же сильного давления на австрийцев войсками южных русских армий". Переговоры итальянцев с русской Ставкой происходили в обстановке большой нервозности. Причем итальянские военачальники взяли в них нетерпимо требовательный тон.

26 мая Алексеев доложил царю: "Содержание этих переговоров указывает на растерянность высшего итальянского командования и отсутствие готовности, прежде всего в своих средствах искать выхода из создавшегося положения, несмотря на то, что и в настоящее время превосходство сил остается на его стороне. Только немедленный переход в наступление русской армии считается единственным средством изменить положение". Алексеев сообщал, что он попросил командующих фронтами ускорить операцию. Брусилов согласился начать ее 4 июня. Алексеев добавил, что он одобрил намерение Брусилова, но "выполнение немедленной атаки, согласно настоянию итальянской главной квартиры, неподготовленное и, при неустранимой нашей бедности в снарядах тяжелой артиллерии, производимое только во имя отвлечения внимания и сил австрийцев от итальянкой армии, не обещает успеха. Такое действие поведет только к расстройству нашего плана во всем его объеме".

Николай II 31 мая телеграфирует итальянскому королю, что 4 июня Юго-Западный фронт ранее установленного срока двинется на австрийцев. "Я решил

предпринять это изолированное наступление с целью оказать помощь храбрым итальянским войскам и во внимание к твоей просьбе".
195
Подготовка наступления была неизбежно скомкана. Что мог противопоставить Брусилов пессимизму Ставки и одновременно требованиям быстрее атаковать австрийцев?

К началу июня он имел 40 пехотных и 15 кавалерийских дивизий (636 тыс. человек), австрийцы - 39 пехотных и 10 кавалерийских дивизий (478 тыс. человек), у русских было 1770 легких орудий против-1301 у австрийцев. Но противник располагал 545 тяжелыми орудиями, у русских их было 168. Австрийцы девять месяцев укрепляли свои позиции, состоявшие из двух-трех полос, удаленных друг от друга на пять и больше километров. В первой полосе — три линии окопов, прикрытых местами до 16 рядов проволочных заграждений. Было много бетонированных и блиндированных блиндажей, узлов сопротивления. В окопах установлена новинка — огнеметы. На отдельных участках через проволоку пропускался электрический ток, в предполье были заложены фугасы.

Для прорыва таких позиций в первую мировую войну избирался узкий участок, к которому стягивались крупные силы. Следовала многодневная артиллерийская подготовка, увы, предупреждавшая оборонявшегося, который стягивал к угрожаемому месту резервы. Когда, наконец, начиналось наступление, оно превращалось в массовое избиение с обеих сторон до полного истощения. Результаты продвижения, если оно было вообще, если дело не кончалось катастрофой, измерялись считанными километрами.

Брусилов учел отрицательный опыт фронта во Франции и выдвинул новую идею — наступать всем Юго-Западным фронтом, протянувшимся на 340 км , выделив, разумеется, ударные участки (их было четыре шириной в 15-20 км каждый), на них и взломать вражескую оборону. Аэрофотосъемкой и командирскими рекогносцировками тщательно разведали противника. Напряженными инженерными работами передовая линия окопов была подведена на 50-300 метров к переднему краю врага. Пехоте предписывалось наступать четырьмя волнами, "перекатами" - пока первые воины, ворвавшись во вражеские укрепления, добивают защитников, другие идут дальше. Было отработано взаимодействие артиллерии и пехоты, обученной идти за огневым валом. Грамотно подготовлены и проведены газобалонные атаки.

Широкий фронт, избранный для наступления, различное время артиллерийской подготовки в разных армиях от 6 до 45 часов не
196
позволили противнику выяснить, где именно будут нанесены решительные удары, что дало свои плоды — брусиловский прорыв был первым успешным наступлением целого фронта в условиях позиционной войны. Глубокое продвижение сначала четырех, а затем шести русских армий было неслыханным в ту войну. 8-я армия, например, за первые одиннадцать дней прошла 70-75 км, по 6,5 км в сутки!

Противник воздал должное новым методам наступления, введенным Брусиловым. В официальном "отчете" об участии Австро-Венгрии в войне 1914-1918 гг сказано, прорыв "стал эпидемическим. Если противник прорвался на

узком участке фронта, то части примыкавших участков откатывались назад, при этом противник не производил серьезного давления на эти участки, они отходили только потому, что теряли связь с соседями. Так же отдельные высшие командиры принимали преждевременные решения об отступлении, указывая при этом, что удерживать позиции при помощи потрясенных войск невозможно".

Успех, превзошедший все ожидания, нужно было развивать, давно, настало время вводить в дело Западный фронт. Брусилов шел вперед,не имея резервов, наращивать удар ему было в сущности нечем. Эверт и Куропаткин, однако, тянули. Только 3 июля войска Западного фронта зашевелились - пошли в атаку на Барановичском направлении. Последовали десятидневные безрезультативные бои стоившие русским 40 тыс. потерь. В середине июля неудачно атаковал на рижском плацдарме Северный фронт. После этого Ставка признала, что главную роль нужно возложить на Юго-Западный фронт, и потянула туда резервы, в том числе гвардию. Враг без труда сделал аналогичное заключение снимая войска из Италии, с западного фронта и с того же русского фронта севернее Полесья. Они прибыли много быстрее, чем русские корпуса, посланные на Юго-Западный фронт, двигавшиеся кружным путем по немногим перегруженным железным дорогам.

"Хотя и покинутые нашими боевыми товарищами, - писал Брусилов, - мы продолжали наше кровавое шествие вперед". К середине июля фронт потерял почти 500 тыс. человек, из них 62 тыс.убитыми. Этой ценой была возвращена значительная часть русской территории, вновь завоевана часть Восточной Галиции и вся Буковина. Войска Брусилова преодолевали все возраставшее сопротивление - перед ними появились даже турецкие дивизии! К участку прорыва противник перебросил 45 дивизий, не

считая дававшихся разрозненно пополнений.

Юго-Западный фронт далеко не получал той помощи, которой заслуживал и которой требовали интересы дела. Говорят, что Эверт в это время сказал: "С какой стати я буду работать во славу Брусилова". Поведение главнокомандующих Западным и Северным фронтами было просто непонятно. "Будь другой Верховный Главнокомандующий, — гневно писал Брусилов, — за подобную нерешительность Эверт был бы немедленно смещен и соответствующим образом заменен. Куропаткин же ни в коем случае в действующей армии никакой должности не получил бы. Но при том режиме, который существовал в то время в армии, безнаказанность была полная, и оба продолжали оставаться излюбленными военачальниками Ставки".

1 июля 1916 года началось, наконец, наступление на французско-германском фронте, на небольшой речке Сомме. Франко-английские войска превосходили немцев в начале боев по живой силе в 4 раза, по тяжелой артиллерии — более чем в 5 раз. В последовавшей пятимесячной битве, где впервые в истории появились танки, дрались 153 дивизии, из них - 67 немецких. Общие потери в сражении — 1,3 миллиона человек с обеих сторон. Итог - отбито у немцев 200 кв. км территории.

В результате Брусиловского прорыва к осени 1916 года, когда русские были остановлены на реке Стоход, было занято 25 000 кв. км. За пятимесячное движение в Галиции "Юго-Западным фронтом, — подводил итоги Брусилов, —

было взято в плен свыше 450 000 офицеров и солдат, то есть столько, сколько, по всем имеющимся довольно точным у нас сведениям, находилось передо мной неприятельских войск. За это же время противник потерял свыше 1 500 000 убитыми и ранеными. Тем не менее к ноябрю перед моим фронтом стояло свыше миллиона австро-германцев и турок. Следовательно, помимо 450 000 чело- -век, бывших в начале передо мной, против меня было перекинуто с других фронтов свыше 2 500 000 бойцов".

Нужно помнить и напоминать - отражая наступление русского Юго-Западного фронта в 1916 году, враг потерял примерно в два раза больше людей, чем в совокупности во время происходивших в том году сражений у Вердена и на Сомме. Причем была значительная разница между вооружением и оснащением войск западных союзников и русской армии. А. Зайончковский отметил. "И если мы сравним то, что одновременно происходило на западе Европы и на востоке, где русские корпуса пускались у

Риги, Барановичей и на Стоходе почти без помощи тяжелой артиллерии и при недостатке снарядов на вооруженных с ног до головы германцев, то неудачи русской армии примут иной колорит, который выделит русского бойца на высшую ступень по сравнению с его западными союзниками". Зайончковский, конечно, несколько сгущает краски - сказанное им верно для заключительных этапов операции Юго-Западного фронта, когда войска выдохлись и возникали трудности с «подвозом, а также для действий Эверта и Куропаткина.

Затяжка с началом операции на Сомме дорого обошлась русским. Как заметил Фалькенгайн, "в Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит, когда раздался первый выстрел на Сомме" — пережит, ибо немцы успели отправить подкрепление на Восток. Брусиловское наступление ограничило возможности Германии как под Верденом, так и на Сомме. Оценивая последнее сражение, Фалькенгайн настаивал: "Если оказалось невозможным положить конец натиску и превратить его при помощи контрудара в дело, выгодное немцам, то это приходится приписать исключительно ослаблению резервов на Западе, а оно явилось неизбежным из-за неожиданного разгрома австро-венгерского фронта в Галиции, когда верховное командование не успело своевременно опознать решительного перенесения центра тяжести русских из Литвы и Латвии в район Барановичей и Галицию".

Последствия Брусиловского прорыва были громадными. Расчеты Германии и ее союзников на то, что Россия не сможет оправиться от поражений 1915 года, рухнули. В 1916 году на полях сражений вновь появилась победоносная русская армия, достигшая таких успехов, которых не знали державы Антанты ни в 1915, ни в 1916, ни в 1917 годах. На Западе тут же нашлись имитаторы. Весной 1917 года английская армия попыталась, без большого успеха, организовать наступление пехоты брусиловскими "перекатами". Действия Брусилова, их внутреннее содержание — одновременное наступление на широком фронте, дававшее возможность запретить противнику свободный маневр резервами, — скопировал Фош в 1918 году, что принесло победу Антанте. Имитируя наступление русского Юго-Западного фронта куда большими средствами, Фош и сумел выползти из тупика позиционной войны.

Понятны переживания учителя (Брусилова), видевшего впоследствии, как в 1918 году не очень одаренный его ученик - Фош

199

- добился того, чего не мог сделать по независевшим от него причинам Брусилов в 1916 году .Напомнив в своих "Воспоминаниях" слова Людендорфа о положении германо-австрийских армий летом 1916 года на Востоке - "на весь фронт, чуть ли не в 1000 километров длины, мы имели в виде резерва одну кавалерийскую бригаду"—Брусилов обратился к пущенным по ветру возможностям: "При дружном воздействии на противника нашими тремя фронтами являлась полная возможность — даже при тех недостаточных технических средствах, которыми мы обладали по сравнению с австро-германцами, - отбросить все их армии далеко к западу. А всякому понятно, что войска, начавшие отступать, падают духом, расстраивается их дисциплина, и трудно сказать, где и как эти войска остановятся и в каком порядке будут находиться. Были все основания полагать, что решительный перелом в кампании на всем нашем фронте совершится в нашу пользу, что мы выйдем победителями, и была вероятность, что конец нашей войны значительно ускорится с меньшими жертвами. Не новость, что на войне упущенный момент более не возвращается, и на горьком опыте мы эту истину должны были пережить и перестрадать".

Хотя далеко идущие цели не были поставлены и не были достигнуты, стратегически Брусиловский прорыв принес неоценимые выгоды Антанте, в первую голову западным союзникам. Была спасена итальянская армия сразу после того как Юго-Западный фронт пришел в движение, Австро-Венгрия отказалась от наступления. Из Италии ушло на русский фронт 16 австрийских дивизий. С французского театра,несмотря на Верден и Сомму, против Брусилова было переброшено 18 немецких дивизий плюс четыре, вновь сформированные в Германии. С Салоникского фронта взято более трех немецких дивизий и две лучшие турецкие дивизии. Иными словами, чтобы парировать наступление армии Брусилова, ослаблялись все без изъятия фронты, на которых воевали Германия и ее союзники.

Ободренная наступлением Юго-западного фронта, Румыния преодолела длительные колебания и присоединилась к державам Антанты. "Окончательный переход Румынии на сторону Антанты, — констатировал Фалькенгайн, - был вызван событием, которое не было и не могло быть предвидено, а именно: разгром австро-венгерского фронта летом 1916 года со стороны противника, конечно не имевшего в обстановке Восточного фронта явного перевеса в силах". Однако вступление Румынии в войну

200

оказалось не благом, а новым значительным бременем для России. Осенью 1916 года румынская армия была быстро разбита, без боя оставлен Бухарест. России пришлось ввести в Румынию значительные силы, чтобы остановить германское продвижение. Фронт удлинился. По этой же причине участие Румынии в войне создало дополнительные трудности для центральных держав.

Бои летом и осенью 1916 года на южном крыле Восточного фронта восстановили репутацию русской армии. Они заняли должное место в истории.

Слава брусиловских солдат не померкла, как не смягчалась горечь бессмысленности для России понесенных жертв. Весной 1945 года перед началом

очередного тура наступления советских войск примерно в тех же местах, где проходили бои в 1915-1916 годах, в частях вспоминали о подвигах русской армии. На митинге перед началом наступления ефрейтор С.Т.Остапец рассказал, как воевали в ту войну в Карпатах. Он сказал: "В первую мировую войну мы дошли до высоты 710, но вернулись. Через тридцать лет мне довелось второй раз брать эту сопку. Теперь мы уже не остановимся, пока не покончим с гитлеровской Германией".

Сражения под знаменами Брусилова ветераны запомнили на всю жизнь. А.М. Василевский, командовавший в то время ротой в 409 Новохоперском полку, получал письма от участников боев 1916 года спустя десятилетия. В 1946 году ему прислал свои стихи бывший рядовой полка А.Т. Кизиченко. Они начинались так:

"Мне помнятся те дни невзгод, страданий
В ущельях вздыбленных Карпат:
Мильоны брошенных людских созданий,
Войной измученных солдат".

В 1956 году во время пребывания в Финляндии А.М. Василевский получил письмо от преподавателя в Турку (Або) А.Эйхвальда: "Осенью текущего года исполнится 40 лет со времени боев на высотах под Кирли-Бабой. Помните ли Вы еще Вашего финляндского младшего офицера первой роты славного 409 Новохоперского полка, участвовавшего в них?"

Победы русской армии летом 1916 года не изгладились из памяти людской. Величественный эпилог военных усилий России в коалиционной войне, новая громадная жертва, главным образом, на алтарь Антанты. Тяжесть ее страна ощутила, когда осенью 1916 года для пополнения понесенных потерь в России был объявлен новый призыв - около двух миллионов человек.
201

С громадной силой вставал вопрос, которым уже задавались, зачем? Размах успеха императорской армии можно сопоставить только с роковыми последствиями для правившей династии.

Буржуазия идет ва-банк

Изящный и моложавый в свои 63 года кавалерийский генерал Алексей Алексеевич Брусилов стал национальным героем. Под его предводительством армия показала на что она способна. Оборотная сторона командования Брусилова — он никогда не щадил солдатских жизней, причем искренне верил, что это не жестокость, а реализм. Для него главное был успех, людские издержки, как бы они ни были велики — обычная часть сурового ремесла войны.

Победы Юго-Западного фронта были подготовлены жесткими мерами. Офицеры, которые вели на запад войска брусиловского фронта, отлично помнили приказы высокочтимого генерала, за год до этого в бытность командующим восьмой армией. В одном из них, в июне 1915 года, Брусилов писал: "Пора остановиться и посчитаться,наконец,с врагом как следует, совершенно забыв жалкие слова о могуществе неприятельской артиллерии, превосходстве сил, неутомимости, непобедимости и тому подобное, а потому приказываю: для малодушных, оставляющих строй или сдающихся в плен, не должно быть

пощады; по сдающимся должен быть направлен и ружейный, и пулеметный, и орудийный огонь, хотя бы даже и с прекращением огня по неприятелю; на отходящих или бегущих действовать таким же способом, а при нужде не останавливаться также и перед поголовным расстрелом... Слабодушным нет места между нами, и они должны быть истреблены!" Хотя приказ не очень широко применялся, он нагнал страху в войсках.

Брусиловские победы подняли на ноги "общественность", обозначилась крайне тревожная для нее тенденция: скованная железной дисциплиной армия, а ее вводил твердой рукой Брусилов, может привести императорскую Россию к успешному завершению войны. Тогда прощай надежды на власть, победителей не судят. Отсюда задача, которую с величайшей энергией стала выполнять буржуазия с осени 1916 года, — потоком инсинуаций и прямых подрывных действий окончательно скомпрометировать режим. За это дело взялись решительно все руководители бур-

жуазии - от Родзянко до Гучкова. В этом они видели кратчайший путь к власти.

Все обвинения, обоснованные или чаще надуманные, в адрес режима предавались широчайшей огласке, на истеричной ноте, с запугиванием и прямым шантажом.

28 членов Думы и Государственного Совета, входившие в состав "Особого Совещания", подают в Ставку записку, в которой требуют "внушить всем начальствующим лицам, что легкое расходование людских жизней недопустимо. Принцип бережливости людской жизни, — писали они, — не был в должной степени воспринят нашей армией и не был в ней достаточно осуществлен. Многие офицеры не берегли себя; не берегли их, а вместе с тем и армию — и высшие начальники...

Широкое развитие и применение различных предохранительных средств, как-то касок, наплечников, более усовершенствованных укреплений и окопов, - вот к чему мы должны ныне прибегнуть, а в основу всех тактических мероприятий должно быть положено стремление заменить энергию, заключающуюся в человеческой крови, силою свинца, стали и взрывчатых веществ".

Завидная позиция с точки зрения абстрактного гуманизма, но чистейшая, маниловщина применительно к вооруженной борьбе. Экскурс думцев в военную сферу вызывал недоумение у главнокомандующих фронтами. А.А. Брусилов, ознакомившись с сочинением штатских на военную тему, заявил: "Наименее понятным считаю пункт, в котором выражено пожелание бережливого расходования человеческого материала в боях, при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара. Устроить наступление без потерь можно только на маневрах. Зря никаких предприятий и теперь не делается, а противник несет столь же тяжелые потери, как и мы...Что касается до технических средств, то мы пользуемся теми, которые у нас есть, чем их более тем более гарантирован успех, но,чтобы разгромить врага или отбиться от него,неминуемо потери будут — притом значительные".

В конце 1916 года Ставку взялся просвещать Родзянко. У него вылазки на фронт вошли в привычку и довольно скверную, ибо на основании голословного, - сам видел, - он вносит свою лепту в пропаганду будто бы плачевного состояния

военных дел. На этот раз председатель Думы не атаковал излюбленные объекты нападок "общественности" - нехватку вооружения и снаряже-
203
ния - армия снабжалась прилично. Родзянко избрал угол для нападения - непригодность всего высшего командования. В поданном им в Ставку документе черным по белому было написано: "Русское высшее командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо если их имеет, то их не выполняет. Высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию... не имеет единообразных методов обороны и нападения и не умеет подготовлять наступление... не считается с потерями живой силы и не проявляет достаточной заботливости о солдатах".

Нашелся радетель народного блага! Далее с величайшей самоуверенностью Родзянко заявлял: "Эти основные причины, повлекшие за собой остановку наступления генерал-адъютанта Брусилова, повлекли за собой наш разгром в Румынии. Те же причины, которые потушили величайший в истории этой войны прорыв войск в начале 1916 года, ликвидировали и наши румынские неудачи". Возмутительные рассуждения и чудовищные аналогии. Наступление войск Брусилова остановило бешеное сопротивление врага, а не "неумение" русского командования. Что могли поделать русские военачальники, если союзники России не пошевелили и пальцем, когда с их фронтов ушли немецкие, австрийские и турецкие войска на Восточный фронт. Они совершенно безразлично относились к тому, что России придется нести еще большее бремя.

Что до "разгрома" в Румынии, который Родзянко ставил на одну доску с остановкой брусиловского прорыва, то аналогия была совершенно несостоятельной. В августе 1916 года Румыния кинулась в водоворот войны, надеясь на легкий успех. В Трансильвании потерпели поражение румынские, а не наши войска, которых там просто не было. Остатки румынской армии отошли к русской границе. Итог: для России возник новый 500-километровый фронт, занявший 25 пехотных и 11 кавалерийских дивизий.

От филиппики в адрес командования Родзянко перешел к общей характеристике состояния вооруженной мощи России: "В армии проявляется вялое настроение, отсутствие инициативы, паралич храбрости и доблести. Если сейчас как можно скорее будут приняты меры, во-первых, к улучшению высшего командного состава, к принятию какого-либо определенного плана, к изменению взглядов командного состава на солдата и к подъему духа армии справедливым возмездием тем, которые неумелым
204
командованием губят плоды лучших подвигов, то время, пожалуй, не упущено. Если же обстановка сохранится до весны, когда все ожидают либо нашего наступления, либо наступления германцев, то успеха летом 1917 года, как и летом 1916 года, ожидать не приходится".

Председатель государственной Думы, носившийся со своим "патриотизмом", шельмовал нашу армию, одержавшую в1916 году победы, не имевшие себе равных в лагере Антанты за всю войну. Помимо Галиции русская армия провела блестящие операции на кавказском фронте. Наступая в тридцатиградусные морозы, наши войска 16 февраля овладели Эрзерумом, а 18 апреля) портом Трапезунд (Трабзон). При этом отличились и моряки черноморского флота.

В документе же проглядывается мысль — все будет хорошо только при иных у власти. А тех, кто не устраивает Родзянко и К°,— выгнать да еще воздать им "справедливое возмездие". От документа, официально направленного в Ставку, попахивало ультиматумом. Буржуазия стервенела на глазах, подстегнутая именно брусиловским прорывом.

Можно многое сказать о состоянии русской армии к исходу того года, но при всем разнобое в оценках пессимизм Родзянко был объективно неоправданным. Генерал Нокс, глава британской миссии в России, даже отдаленно не испытывал теплых чувств к нашей стране. Состояние русской армии его интересовало лишь с точки зрения ее вклада в коалиционную войну и соответственного облегчения бремени, лежавшего на Англии в борьбе против Германии. Он так оценивал русскую армию к исходу 1916 топа: перспективы "были более многообещающими, чем виды на кампанию 1916 года в марте того года... Русская пехота устала, но меньше, чем год назад... почти всех видов вооружения, боеприпасов и снаряжения было больше, чем когда-либо при мобилизации, весной 1915 или весной 1916 г.... Качество командования улучшалось с каждым днем... Нет никакого сомнения в том, что, если бы тыл не раздирался противоречиями... русская армия увенчала бы себя новыми лаврами... и, вне сомнений, нанесла бы такой удар, который сделал бы возможным победу союзников к исходу этого года".

Дистанция между взглядами "патриота" Родзянко и откровенного британского империалиста Нокса, никак не желавшего блага России, неизмерима.

Российская буржуазия работала в рамках понятной тактики:

205

способствовать поражениям Российской империи, а затем употребить все усилия на войну "до победного конца" под водительством крупного капитала. Поэтому, какие бы победы ни одерживала русская армия, пока политические противники были у власти, все признавалось скверным, независимо от того, были к этому основания или нет. В лихорадке политических наскоков буржуазия стала носительницей национального нигилизма, ибо предавала поношению и русского солдата. Буржуа уверяли, что они смогут делать все по-иному и много лучше. На деле они оказались способны только на разрушительную критику.

Под знаком этой неспособности развивались отношения верхушки буржуазии с командованием армии. С одной стороны, думцы и земцы на всех перекрестках кричали о бездарных генералах, с другой,— силились войти в союз с ними против монархии. Ключевой фигурой, на которую направил свои усилия Гучков, был генерал-адъютант Алексеев. Он вошел в какие-то сношения с гучковцами, но относился к ним в высшей степени осторожно. Вероятно, он не хотел оказаться пешкой в руках пронырливых политиканов. На информации департамента полиции о съездах "Земгора" в 1916 году Алексеев наложил резолюцию: "В различных организациях мы имеем не только сотрудников в ведении войны, но получающие нашими трудами и казенными деньгами внутреннюю спайку силы, преследующие весьма вредные для жизни государства цели. С этим нужно сообразовывать и наши отношения".

Алексеев вынашивал собственные планы. 28 июня 1916 года он подал Николаю II докладную записку с предложением назначить для общеимперского управления диктатора. Звучало соблазнительно, и написали даже проект царского

рескрипта о создании Совета Министров "из лиц, пользующихся общественным доверием". Но, по-видимому, Штюрмер поднял на ноги все и вся, и царь отшатнулся перед перспективой учреждения поста "Верховного министра государственной обороны". Инициативу Алексеева надолго запомнили руководители "общественности", ибо генерал не видел для них иной роли, кроме пропагандистского обеспечения коренной перестройки высшего управления страной.

Когда в первые дни после февральской революции встал вопрос о назначении Алексеева Верховным Главнокомандующим, Родзянко писал князю Львову: "Вспомните, что ген. Алексеев являлся постоянным противником мероприятий, которые ему

206

неоднократно предлагались из тыла как неотложные, дайте себе отчет в том, что ген. Алексеев всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волей народа и что армия должна как бы возглавить собой и правительство и все его мероприятия .. Не забудьте, что ген. Алексеев настаивал определенно на немедленном введении диктатуры".

В 1916 году Гучков не оставлял попыток связать генералов своими затеями. Его репутация отнюдь не содействовала успеху дела. На заседании Совета Министров в это время, когда зашел разговор о Гучкове,министры сошлись на том, что при "авантюристической натуре и непомерном честолюбии" он способен во главе батальона пойти на Царское Село. Александра Федоровна пылала ненавистью к Гучкову, в письмах к царю она заклинала: "Гучкова не следует пускать на фронт и позволять... говорить с войсками". В другом письме: "Все знают, что Гучков работает против нашей династии". Знал, конечно, и Алексеев.

Изворотливый Гучков решил не мытьем, так катаньем изобразить Алексеева если не соучастником деяний "общественности", то по крайней мере симпатизирующим ей. Еще до войны он отработал технику воздействия на умы — распространение машинописных копий своей переписки с различными важными лицами. В 1915 году он начал широко рассылать тексты речей в Думе без цензурных купюр. В конце лета 1916 года по всем доступным Гучкову каналам разнеслось его громовое письмо Алексееву от 28 августа, составленное таким образом, чтобы читающие могли сделать вывод - оно лишь одно из обширной корреспонденции:

"Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гибнет на корню. Ведь, как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью... А, если Вы подумаете, что вся власть возглавляется г. Штюрмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, — что в руках этого человека ход дипломатических отношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, — а, следовательно, и вся наша будущность — то Вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила и общественную мысль, и народные настроения.

207

Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается потоп, — и жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают галоши и открывают зонтик.

Можете ли Вы что-либо сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатию) грозит пересечь линии Вашей хорошей стратегии в настоящем и окончательно исказить ее плоды в будущем. История, и в частности наша отечественная, знает тому немало грозных примеров".

Когда в тысячах и тысячах экземпляров письмо Гучкова разлетелось по России, это вызвало величайшую сенсацию — что-то носится в воздухе, командование армии и Военно-промышленные комитеты, видимо, едины в отрицательном отношении к правительству. Царица немедленно переслала Николаю II документ, приписав: "Сурово предупреди старика (Алексеева) в отношении этой переписки, которая рассчитана на то, чтобы потрясти его... Очевидно, что паук Гучков и Поливанов оплетают паутиной Алексеева, нужно открыть ему глаза и освободить его. Ты можешь спасти его".

Алексеев далеко не был столь безгрешным, как полагали в Царском Селе. Когда император спросил его о переписке с Гучковым, он ответил, что не помнит, получал ли он такие письма. Спустя некоторое время Алексеев доложил царю, что, перерыв все ящики своего стола, он не обнаружил никаких писем Гучкова. Все это выглядело в высшей степени странным - Гучков, конечно, неоднократно писал Алексееву, хотя бы в силу служебного положения. Несущественно, получил или нет Алексеев личное письмо от 28 августа, много важнее другое - Гучков не без ловкости припер его к стене. Какие бы ни велись между ними разговоры, теперь Гучков потребовал от Алексеева определить свою позицию. Генерал-адъютанту пришлось лгать в лицо императору, отпираясь от любых связей с Гучковым. Это было слишком для 63-летнего генерала. В середине ноября Алексеев, сославшись на резкое ухудшение здоровья, уехал в длительный отпуск в Крым, где его и застала февральская революция.
208

К осени 1916 года кадеты и "прогрессисты" сочли, что тактика "параллельных действий", как называл ее Милюков, недостаточна. До тех пор они высказывались за то, чтобы сохранять к правительству "положение спутников, посаженных в одно и то же купе, но избегающих знакомства друг с другом". Это означало, что те, кто причислял себя к Прогрессивному блоку, не требуя отставки правительства Штюрмера, стремились проводить в Думе законы, намеченные в программе блока. Последовала неизбежная внутренняя грызня, блок заскрипел, а за кулисами шли негласные переговоры — кого включить в состав будущего правительства.

Еще 6 апреля 1916 года на квартире С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кусковой было проведено тайное совещание представителей кадетов, октябристов и "левых партий" — меньшевиков и эсеров. С изменениями (Родзянко заменен Львовым и выведены трое "либеральных" царских министров) был воспроизведен список,

опубликованный в органе Рябушинского в августе 1915 года. Планировалось правительство, поголовно состоявшее из кадетов и октябристов, что поддержали меньшевики и эсеры, сидевшие на сборище. "Ср. и сд. намечали "буржуазное министерство"!" — изумлялся Милюков. Еще больше удивило его, что в правительство планировалось ввести Терещенко. На взгляд профессиональных политиков обходительный молодой человек, театрал и меломан, никак не соответствовал намеченному для него министерству финансов. Но "кающийся капиталист" Терещенко после февраля 1917 г. стал министром...

Кабинет, определенный на совещании 6 апреля 1916 года за чаем у супругов Прокоповича и Кусковой, встал у власти после февральской революции, только пополненный от фракции трудовиков Керенским и меньшевиком Чхеидзе (отказался от министерского поста). Что же объединяло этих людей, принадлежавших к разным партиям? Высокомерный Милюков не разглядел и не понял, что перед ним были руководители масонской организации. Они собрали это совещание и наметили кандидатуры почти поголовно из своей среды. По этой линии шло поразившее Милюкова сотрудничество представителей меньшевиков и эсеров (принадлежавших к масонам) с буржуазными деятелями, которых они публично поносили, но втайне обнимали как "братьев".

Правительство было намечено, дело оставалось за малым -поставить его у власти. А для этого необходимо для начала

209

свалить Штюрмера, дальше видно будет. Милюкову, не посвященному в масонские тайны, выпала роль застрельщика новой вспышки кампании против режима.

Он дал не "штормовой сигнал" к революции (как рвали на себе волосы белоэмигранты в двадцатые годы), а преследовал противоположную цель — добиться смены людей у власти именно в интересах предотвращения социального взрыва. В статье 1921 г. "Как пришла революция" Милюков подчеркивал: "Мы не хотели этой революции. Мы особенно не хотели, чтобы она пришла, во время войны. И мы отчаянно боролись, чтобы она не случилась". Он всегда полностью оправдывал характеристику Сазонова: "Милюков — величайший буржуй и больше всего боится социальной революции".

1 ноября открывалась очередная сессия Думы. Накануне члены сеньор-конвента собрались, чтобы выработать формулу "перехода к очередным делам", которые заключала привычные три раздела: привет союзникам, призыв к армии не ослаблять усилий и критика правительства. Когда был прочитан ее проект, Шульгин заявил: "Обращаю внимание на слово "измена". Это страшное оружие. Включением его в резолюцию Дума нанесет смертельный удар правительству... Все то, что болтают по этому поводу, в конце кондов, только болтовня. Если у кого есть факты, то я попрошу их огласить. На такое обвинение идти с закрытыми глазами мы не можем".

Фактов, конечно, не было, сидели все "свои", которые и распускали эти слухи. После словесной перепалки все же смягчили резолюцию — действия правительства нелепы и привели к тому, что "роковое слово "измена"ходит из уст в уста".

1 ноября открылась сессия Думы. Появление Штюрмера с министрами вызвало оглушительные вопли: "Вон Штюрмера! Стыдно присутствовать!" У

него и министров хватило характера просидеть в правительственной ложе несколько минут. Они ушли, а на заседании огласили резолюцию с отчаянной критикой правительства и требованием его отставки. Один за другим на трибуну поднимались депутаты, поносившие Штюрмера и К0 . Керенский давно составил себе репутацию оратора, говорившего со скоростью "44 слов в минуту". 1 ноября он оправдал ее, протрещав с думской трибуны: "Правительство, не желая считаться с общественным мнением, задушив печать, задушив все общественные организации, презрительно относясь даже к большинству Го-
210
сударственной Думы, в то же время в своей деятельности руководствуется нашептываниями и указаниями безответственных кружков, руководимых презренным Гришкой Распутиным. Неужели, гг., все, что мы переживаем, не заставит нас единодушно сказать: главный и величайший враг страны не на фронте, он находится здесь, между нами, и нет спасения стране, прежде чем мы единодушным и единым усилием не заставим уйти тех, кто губит, презирает и издевается над страной".

В заключение заседания на думскую трибуну поднялся Милюков и произнес речь, в которой прямо обвинил правительство в измене, подготовке сепаратного мира с Германией. Для чего поработал клеем и ножницами, составив доказательства из вырезок из иностранной, прежде всего германской печати. Теперь, играя голосом, став в позу и актерствуя, Милюков вещал:

"С тяжелым чувством я вхожу на трибуну. Вы помните обстоятельства, при которых Дума собиралась больше года тому назад, 19 июля 1915 года. Все мы были под впечатлением наших военных неудач. Мы нашли причины этих неудач в недостатке военных припасов и указали, что виновато в этом поведение военного министра Сухомлинова... Был удален Сухомлинов, которого страна считала изменником. Вы помните, что была создана следственная комиссия и положено начало отдаче под суд бывшего военного министра. Общественный подъем не прошел тогда даром. Наша армия получила то, что ей было нужно. Теперь мы перед новыми трудностями, и трудности эти не менее сложны и серьезны, не менее глубоки, чем те, перед которыми мы стояли весной прошлого года. Но теперь есть разница в положении. Мы потеряли веру в то, что эта власть может привести к победе... Господа, год тому назад был отдан под следствие Сухомлинов. Теперь он освобожден".

Милюков перечислял деяние за деянием правительства, заключая каждый раз под рев Думы: "А это что — измена или глупость?" В связи со слухами о сепаратном мире оратор процитировал по-немецки газету "Нойе фрайе Цайтунг", где упоминалась императрица, и продолжал по-русски бичевать окружавшую ее камарилью - Распутина, Питирима, Штюрмера. Газета эта писала (25 июля 1916 года): "Как бы ни обрусел старик Штюрмер, все же довольно странно, что иностранной политикой в войне, которая вышла из панславистских идей, будет руководить немец". Он де является для срединных империй "оружием, которое можно употреблять по желанию".
211

Милюков выразил твердую уверенность в том, что курс на сепаратный мир взят. "Когда мы обвиняли Сухомлинова, мы ведь тоже не имели тех данных, которые следствие открыло. Мы имели то, что имеем теперь: инстинктивный

голос всей страны и ее субъективную уверенность". "В общем, - заключил Милюков, - Кабинет, не заслуживающий доверия Государственной Думы, должен уйти!".

Слово "измена" с молниеносной быстротой разнеслось по стране. В Петрограде за прочтение речи платили 3 рубля, ее моментально размножили, продавая по рублю, переписчики часто вставляли кое-что от себя, чтобы было "горячее". "Впечатление получилось, — писал впоследствии Милюков, — как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено на показ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения". В предисловии к отдельному изданию речи при Временном правительстве (конечно, не без ведома оратора) объяснялось: "С высоты думской трибуны было названо впервые имя царицы и предъявлено царскому правительству тяжкое обвинение в национальной измене. Испытанный вождь оппозиции П.Н. Милюков, тщательно подготовил материал для всенародного разоблачения закулисной работы партии царицы Александры и Штюрмера и перед лицом всего мира разорвал завесу, скрывавшую немецкую лабораторию сепаратного мира".

В обоснованность обвинений верили — связи Милюкова с иностранными посольствами были хорошо известны, он недавно вернулся из поездки с думской делегацией по союзным и нейтральным странам Европы. Естественно, полагали, что там Милюков почерпнул свою информацию, тем более что в речи он заметил: "Из уст британского посла сэра Джорджа Бьюкенена я выслушал тяжеловесное обвинение против известного круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру". Милюков действительно набрался соответствующих сведений за рубежом. В Швейцарии, по его же словам, он встретился "со старой русской эмиграцией. В этой среде все были уверены, что русское правительство сносится с Германией через своих специальных агентов. На меня посыпался целый букет фактов - достоверных, сомнительных и неправдоподобных: рассортировать их было не легко... Во всем этом в связи с данными, собранными мною в России, было, повторяю, нелегко разобраться. Часть материала из Швейцарии я все же использовал для своей речи 1 ноября".

Милюков связал слухи о сепаратном мире с А.Д. Протопопо-

вым, назначенным в сентябре управляющим Министерства внутренних дел. Дума в это время сосредоточила огонь, помимо Штюрмера, и на Протопопове, разъяренная тем, что он, выйдя из ее среды (октябрист Протопопов был товарищем председателя Думы, председателем Совета съездов металлообрабатывающей промышленности), "предал", перекинулся к распутинцам.Так оно и было — вероятно, психически неуравновешенный Протопопов, помогавший Распутину, уверовал в свою счастливую звезду и возомнил себя "спасителем" самодержавия.

Думцы еще в конце октября пригласили Протопопова, чтобы разъяснить, что нехорошо предавать. Он явился к сюртукам и фракам, облаченный в мундир шефа отдельного корпуса жандармов. Милюков и иные протирали глаза — ужели это тот Протопопов, который совсем недавно говорил о кабинете Штюрмера — "он остался позади жизни, как бы тормозом народному импульсу, каторгой духа и мозга". Почти министр чувствовал себя уверенно - гадатель Шарль Пирэн объяснил, что Юпитер, прошедший над Сатурном, благоприятствует ему, а

Распутин внушал: "Что скажет Протопопов, то пусть и будет, а вы его еще раз кашей покормите". Попытались допросить Протопопова - зачем взялся ревностно служить трону, он отрезал:

— Ты —граф, ты богат, у тебя деньги куры не клюют, тебе нечего искать и не к чему стремиться, а я в юности давал уроки по полтиннику за час, и для меня пост министра внутренних дел — то положение, в котором ты не нуждаешься.

Разговора не получилось, Протопопов гордо ушел, преисполненный решимости защищать мундир и царя, а Милюков в своей речи до отказа использовал случайную встречу Протопопова с германским банкиром Варбургом в Стокгольме во время той же поездки думской делегации в Европу.

Помимо нападок в Думе-за речью Милюкова последовали не менее ожесточенные выступления Шульгина и других—члены императорского дома высказали решительное недовольство царю сложившимся положением. Рев Думы при упоминании имени Штюрмера подействовал на нервы царицы. Она советует Николаю II дать Штюрмеру отпуск, ибо он "играет роль красной тряпки в этом доме умалишенных". Царь согласился: "Все эти дни я только и думал о старике Шт. Он, как ты верно заметила является красной тряпкой не только для Думы, но и для всей страны, увы".

Штюрмер попытался оборониться, подав на Милюкова в суд,

213

а Николаю II представив три всеподданнейших доклада. Напрасно. 9 ноября вызванный в Могилев Штюрмер выслушал царскую волю — в отставку. Премьером стал министр путей сообщения А.Ф.Трепов. Он попытался укрепить положение правительства, сделав уступки правому крылу оппозиции. Но в Думе уже связали себе руки: минимальное требование - отставка Протопопова. Маневр не удался — императрица горой встала за Протопопова, креатуру Распутина.

Она пишет царю: "Помни, что дело не в Протоп. или x.y. z. Это вопрос о монархии и твоем престиже, которые не должны быть поколеблены во время сессии Думы. Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих... Снова повторяю, что тут дело не в Протоп., а в том, чтоб ты был тверд и не уступал — царь правит, а не Дума". Источник вдохновения царица не скрыла она вразумляет супруга: "Ах, милый, я так горячо молю Бога, чтобы Он просветил тебя, что в Нем наше спасение: не будь Его здесь, не знаю, что бы было с нами. Он спасает нас своими молитвами, мудрыми советами. Он — наша опора и помощь". Тот, о котором упоминали с большой буквы, Распутин, телеграфирует в Ставку: "Ваш корабль, и никто не имеет власти на него сести" и т.д. Протопопов был утвержден министром внутренних дел.

Описанные мотивы, конечно, не могли быть широко известны, в продолжавшемся возвышении Протопопова усматривали одно - Россия на пороге сепаратного мира. Версия, сфабрикованная Милюковым, получила, казалось, новое подтверждение. Буржуазия положительно упивалась своими успехами в борьбе против "темных сил".

Если русская буржуазия превратила слухи о сепаратном мире в острое оружие борьбы против царизма, то В.И. Ленин подходит к этому вопросу, взволновавшему Россию, как ученый, тщательно взвешивая факты. В январе 1917 года выходит ленинская работа "Пацифизм буржуазный и пацифизм

социалистический". Отмечая несомненно сильное истощение обеих империалистических коалиций, Ленин отметил, что наступил или наступает поворот от империалистической войны к империалистическому миру Ленин не исключал, что между Германией и Россией могли вестись какие-то переговоры, но "смена Штюрмера Треповым, публичное заявление царизма, что "право" России на Константинополь признано всеми союзниками, создание Германией особого государства польского - эти признаки указывают как будто
214
на то, что переговоры о сепаратном мире кончились неудачей"[8]. 31 января 1917 года В.И. Ленин публикует статью "Поворот в мировой политике", в которой еще и еще оговаривает, что о существе дел "знать нельзя", но есть объективный фактор, который препятствует царизму подписать такой мир — царь может рассудить: "революция растет, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из бывших гимназистов"[9].

В.И. Ленин, говоря о повороте к империалистическому миру, исходил из общих тенденций, проявившихся в войне, отнюдь не выводя его из не поддающихся проверке слухов о сепаратном мире между Германией и Россией. Советский исследователь В.С. Дякин в 1967 г. отмечает: "Итак, нам представляется, что если в научный оборот не будут введены новые достоверные факты, нет оснований утверждать, будто царское правительство или придворная камарилья, помимо правительства, принимали реальные шаги для заключения сепаратного мира... Практически царизм, настолько мы можем судить на основании имеющихся фактов, не встал на путь сепаратного выхода из войны".

Начатая буржуазией кампания о сепаратном мире, как и другие надуманные утверждения, имела в виду не заботу о судьбах России, а диктовалась своекорыстными интересами капитала свалить соперников у власти, одновременно предотвратив революционный подъем масс.

ГАУ требует

В те самые дни, когда правительство забрасывалось увесистыми обвинениями с думской трибуны, а в стране все еще чествовали брусиловских героев, решительный и дерзкий демарш в отношении верховной власти предприняло Главное артиллерийское управление. Был ли он согласован с действиями руководителей "общественности" сказать наверняка нельзя, но дата многозначительна - 2 ноября 1916 года. Именно в этот день на стол военного министра лег доклад начальника ГАУ № 165392, посвященный, на первый взгляд,специальному вопросу,— программе заводского строительства. На деле то было ультимативное требование немедленной перестройки всей экономической жизни России.

[8] Ленин В-И. Поли. собр. соч., т. 30, с. 242.

[9] Там же, с. 341.

215
В докладе категорически высказалась та часть командования армии, которая, окрыленная брусиловским прорывом, считала, что, хотя впереди тяжелые бои, кризис миновал. На фронт идет могучий поток вооружения и боеприпасов, повторение года 1915 невозможно. Текущие задачи боевого обеспечения

действующей армии не волновали составителей, исходивших из того, что они в общем достигнуты. ГАУ заглянуло в будущее, настаивая на коренной перестройке народного хозяйства.

Конечно, "программа" была "привязана", хотя очень условно, к нуждам бушевавшей войны. В документе говорилось: "Неизвестно — когда кончится война. Все делавшиеся на этот счет предсказания до сих пор не оправдались. Враг еще не сломлен и не проявляет никаких признаков своего желания заключить мир на приемлемых для союзников условиях. Поэтому разговоры о том. что война скоро кончится, не могут иметь резонного значения. Она кончится лишь тогда, когда у нас окажется несомненный перевес в боевом снабжении, именно артиллерийском, так как только артиллерия решает ныне участь сражений, а это возможно лишь при наличии заводов, указанных в "Программе" ".

Последнее указание - не что иное, как словесное украшение документа чтобы отвести упреки, что составители его беспочвенные фантазеры. Больше того, в докладе указывалось, что ГАУ знает о возражении министерства финансов и государственного контроля против заводского строительства, а именно, что они "неизменно всякий раз при испрошении кредитов Главным артиллерийским управлением на постройку каждого нового завода выступали с категорическими протестами и исключительно во имя "государственной экономии", выставляя главнейшим аргументом единственное соображение, что данный завод для настоящей войны не поспеет... так как при самом ускоренном темпе стройки они, в условиях переживаемого времени, не поспеют ранее как через 2-3 года. Следовательно, пользы ожидать от этих сооружений для текущей войны нельзя, а вред обороне, в ее нынешнем положении, будет нанесен несомненный ибо отвлекутся ресурсы людские и материальные, необходимые для нынешних военных усилий".

Эти соображения в докладе признавались неосновательными: " постройку всех больших заводов, требующих солидных сооружений и такового же оборудования, предположено завершить действительно, в течение 2- 3 лет. Конечно, этот срок можно и

должно сократить по меньшей мере вдвое, если поставить это дело, как и подобает, на более коммерческую ногу и избавить строительные комиссии от многих бюрократических пут, пока этого нет — волей-неволей, приходится тянуть постройки 2—3 года. Но, когда обстановка повелительно потребует - эти путы, конечно, будут разорваны".

Утверждение не голословное — в докладе давались детальные расчеты количества материалов, необходимых для постройки заводов, и убедительно доказывалось, что Россия в состоянии выделить их, не нанося ущерба обеспечению фронта. С одним условием - установлением жесткого контроля над распределением металла, ибо "многие сотни тысяч пудов металла в сыром виде и в изделиях служат на рынке предметами самой бессовестной и открыто происходящей спекуляции". А как с транспортными возможностями, не сорвут ли поставки для новых заводов воинских перевозок? ГАУ, ссылаясь на данные министра путей сообщения, указывало: "Провозная способность отечественных железных дорог остается фактически и в значительной степени

неиспользованной, причем процент неиспользованнсти для различных районов Империи колеблется от 5 до 70%".

Наконец, о людских резервах. Нужны "самые заурядные строительные рабочие: каменщики и бетонщики, плотники, столяры и просто чернорабочие. Эти категории рабочих сколько-нибудь значительного участия в работах на предметы собственно обороны не принимают и теперь. Затем, число их, даже для очень больших построек, требуется ограниченное, и они легко могут быть пополнены из команд нижних чинов и из кадров военнопленных, которые на наши заводы и фабрики, работающие на оборону, допускаются ныне лишь в очень незначительном количестве".

Деловые расчеты специалистов ГАУ в строго секретном документе для обоснования конкретной программы развенчивают миф о том, что на третьем году войны Россия исчерпала свои ресурсы. Их было более чем достаточно. Вопрос шел о рациональном использовании имевшихся и возможностях стремительного развития потенциальных. Следовательно, дело упиралось в управление.

В этом отношении ГАУ всегда стояло за самые жесткие методы. На протяжении войны оно неоднократно входило в Совет Министров, требуя перевести казенные заводы на положение мобилизованных. Работа на них должна приравниваться к отбыва-

нию воинской повинности: "Целесообразно прикрепление рабочих к их заводам (во избежание крайне вредного факта сманивания рабочих другими заводами и оставления ими работы по политическим причинам и для полевых работ) и установление повышенного наказания за правонарушения промышленной жизни". Правительство отклонило эти предложения, сославшись на то, что претворение их в жизнь даст "повод к нежелательным толкам и волнениям". Даже царские сановники оробели перед решимостью технократов ГАУ» Конечно, это только часть объяснения — другая и, быть может, более существенная — ГАУ требовало ввести в определенные рамки и промышленников, которые не желали терпеть никаких стеснений. Как бы то ни было, не надо обладать большой долей воображения, чтобы представить себе, как собирались дисциплинировать рабочих"

Через весь доклад красной нитью проходит мысль — медлить нельзя: "Здесь, более чем где-либо, полезно помнить, что утрата времени — смерти подобна. Хотя осуществление программы потребует несомненных жертв финансовыми средствами, но эти жертвы не только будут в полном соответствии с высокой целью, ради которой они приносятся, но скоро и окупятся сторицей".

В чем же эта "высокая цепь"?

"Совершенно неизвестно, какова будет политическая конъюнктура по окончании войны,т.е. во время выработки условий мирного договора и в следующий затем период... В конечном результате каждый будет предоставлен своим собственным силам,и горе тому, у кого к тому времени не будут подготовлены боевые средства. Вот когда сослужат великую службу наши новые заводы, даже если к тому времени они не будут вполне закончены... Образование новых запасов военного времени при колоссальности сказавшегося уже масштаба настоящей войны и при безусловной необходимости значительного сокращения

мобилизационного периода армии также потребует громадной мощности заводов, именно в ближайшее время после войны, к каковому эти заводы и должны быть готовы...

По окончании войны у нас появятся опаснейшие конкуренты за границей, успевшие уже за войну развить у себя до крайности военную промышленность, не подлежит никакому сомнению, что тотчас же по окончании войны начнется общая экономическая борьба, и эта борьба будет беспощадна. Если мы не будем готовы к ней, то могучая техника и наших друзей, и наших вра-
218
гов раздавит нашу все еще слабую технику... И к новой войне Россия окажется отставшей от своих будущих противников еще в большей степени, чем теперь, т.к. эти противники уже успели так развить свою промышленность, что от них не потребуется впредь ни особых усилий, ни особых жертв.

Неизбежным выводом из всего приведенного выше является убеждение, что к выполнению намеченной Главным артиллерийским управлением программы военно-заводского строительства следует приступить немедлено, не теряя ни одной минуты".

Целью "Программы" было достижение Россией автаркии в сфере военного производства. ГАУ, накопившее внушительный отрицательный опыт ведения дел с иностранными фирмами, настаивало: "Ныне перед нами встает задача важности необыкновенной: хоть теперь встать на правильный путь, т.е. во что бы то ни стало избавиться по части боевого снабжения от иноземной зависимости и добиться того, чтобы наша армия все необходимое для себя получала бы у себя дома — внутри России... Без полной самостоятельности в этом отношении трудно остаться Великой Державой, несмотря ни на какие условия территории и внутренних богатств страны... Не надо терять ни одной минуты, и все, что можно сделать сегодня,- мы не имеем права откладывать на завтра. Только при полном напряжении всех сил в этом направлении возможно вывести Россию на новый путь — полной независимости по части боевого снабжения нашей армии от заграничных рынков".

Поддержание и расширение контактов с другими странами, с оттенком византийской хитрости указывалось в докладе, важно не столько для нужд бушевавшей войны, а в предвидении послевоенного периода. 'Теперь, во время войны, наши союзники дают нам и деньги (займы) и принимают наши заказы... Это им приходится делать, так как иначе мы воевать не можем. Но, по отношению к будущему нельзя предаваться опасным иллюзиям и считать, что все так сохранится и после войны. Напротив, более чем вероятно, что тогда заграничные займы для нас будут если не невозможны, то крайне обременительны". Итак, не упускать военной конъюнктуры, тем более, что "многие заграничные заводы кончают наши заказы и пока охотно по дешевой цене уступят нам свое оборудование, чему уже есть примеры (если мы не дадим новых заказов), получив его, мы скоро можем пустить в ход свои новые заводы. Если же мы захотим проделать
219
это после войны, то уже такой дешевки может и не быть".

Вопрос вопросов "Программы" упирался во взаимоотношения государства и частной промышленности. В этом отношении ГАУ требовало поломать

сложившийся порядок зависимости от произвола предпринимателей. Обязательным условием осуществления "Программы" считалось решительное укрепление того, что марксисты называют государственно-монополистическим капитализмом. ГАУ властно требовало положить конец лихоимству заводчиков, беспощадному грабежу казны, ограничить аппетиты алчной буржуазии в интересах государства в целом. Всю войну Маниковский бился за то. чтобы пресечь рост прибылей, не основывавшихся ни на чем, кроме страсти к наживе. Невероятный разгул спекуляции последовал, когда в снабжение армии, начиная с 1915 года включились поднимавшиеся как грибы "общественные организации". Дело неоднократно доводилось до царя и без всяких последствий В очередной прием начальника ГАУ Николаем II между ними состоялся примечательный диалог:

"Николай II: На вас жалуются, что вы стесняете самодеятельность общества при снабжении армии.

Маниковский: Ваше Величество, они и без этого наживаются на поставке на 300%, а бывали случаи что получали даже более 1000% барыша.

Николай II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

Маниковский: Ваше Величество, но это хуже воровства, это открытый грабеж.

Николай II: Все-таки не нужно раздражать общественное мнение".

Маниковский, конечно, не видел, что это было проявление рассчитанной тактики царизма - откупаться от буржуазии экономически, чтобы ослабить ее политическое давление. Он смотрел с точки зрения ущерба для концентрации усилий на ведении войны.

Теперь в докладе военному министру Маниковский во всеоружии опыта привел убийственные факты грабежа казны предпринимателями. В подробных таблицах показывалось сколько переплачивалось частной промышленности по сравнению с казенными заводами. Только по артиллерийским выстрелам переплата составила к исходу 1916 года 1094 млн. рублей. И было отчего - если на казенном заводе 122 мм гаубичная шрапнель обходилась в 15 рублей за снаряд то частный завод получал 35
220
рублей, 76 мм- соответственно 10 и 15 рублей,152 мм фугасный снаряд — 42 и 70 рублей и т.д. "Наша частная промышленность, особенно металлообрабатывающая, - говорилось в докладе, — взвинтила цены на все предметы боевого снабжения до степени ни с чем не сообразной... Хотя при сравнении заготовочных цен наших союзников с ценами нашей частной промышленности и выясняется, насколько дешевле им обходятся предметы боевого снабжения в сравнении с нами, но все же следует отметить что в общем гг. промышленники, и наши, и в союзных странах -проявили непомерные аппетиты к наживе".

Где выход? На время войны выборочное огосударствление предприятий - "как пример можно привести Путиловский завод, который до перехода в казенное управление почти не делал 6-дюймовых снарядов, с переходом же он стал подавать почти половину всего изготовляемого в России количества этих снарядов". Мощные казенные заводы должны быть эталоном цен на военную продукцию частной промышленности. "Все равно без частной промышленности

военному ведомству не обойтись, и действительность показала, что эта промышленность удовлетворяет потребности армии в гораздо большей степени, чем казенные заводы".

По мнению ГАУ, частная промышленность должна после войны заняться своим прямым делом —"работать на великий русский рынок, который до войны заполнялся в значительной степени заграничными фабриками... Вот поистине благородная задача для нашей частной промышленности - завоевать свой собственный рынок .. Если же отечественная частная промышленность будет рассчитывать только на казенные заказы, правда, чрезмерно обогатившие гг. банкиров и промышленников в самую черную годину России, то она не исполнит своего долга перед родиной. А чтобы в нужное время частные заводы смогли быстро "мобилизоваться", т.е. чтобы в них не вытравливалось налаженное дело, то для этого они должны сохранить под контролем Главного артиллерийского управления ячейки тех "военных производств", на оборудование коих эти заводы получили от казны колоссальные суммы. На поддержание же работы этих ячеек казенных заказов хватит и в мирное время".

Стройный и строгий документ .охватывающий проблемы далеко выходившие за непосредственную компетенцию ГАУ. Составители не ждали окончательного утверждения предложенного, а смело заявляли, что в пределах их сил "Программа" уже выполняет-
221
ся. Нужно было быть большими смельчаками, уверенными в успехе каких-то предприятий, чтобы вписать в доклад военному министру: "Эти меры ясны сами по себе, они частью уже принимаются и ныне, — необходимо только не затормозить их дальнейшего развития, — а именно: надо в самом спешном порядке развивать свою отечественную промышленность, и притом в расчете не только на потребности текущей войны, но и в предвидении будущей" (курсив в тексте документа - Н.Я.).

Остается добавить немногое — имя генерала А.А. Маниковского всегда открывало список военных, входивших в масонскую организацию. Изложенное, надо полагать, в той или иной мере отразило взгляды российского масонства на экономическое развитие страны. О них Маниковский счел необходимым оповестить тех, кто доживал последние месяцы у власти, хотя и не понимал этого. На смену им, как видно из доклада, шли люди решительные, конечно, не чета дряблой массе русской буржуазии. Но они не оценили вес той самой бесформенной, безмозглой массы, которую двигал примитивный инстинкт обогащения. Последний оказался сильнее, чем сложные планы, имевшие в виду конечное благо буржуазии и во имя его требовавшие немедленных жертв. Российские скопидомы, не пожелавшие поступиться полушкой, потеряли все.

В своей книге "Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.", увидевшей свет при жизни автора в 1920 году, Маниковский написал о дальнейшей судьбе "Программы"; усилия ГАУ "находили лишь слабый отклик в правительственных кругах, а, напротив, гг. промышленники пользовались там особым покровительством и всегда умели находить верный путь к осуществлению своих планов... Лучшей иллюстрацией к этому может служить то обстоятельство, что тотчас же после февральского переворота гг.

промышленники настояли на образовании особой комиссии с преобладанием их для уничтожения казенного строительства, что и было ими успешно выполнено".

Так, при Временном правительстве был определен предел идеям, высказанным Маниковским в тот самый краткий миг, когда он с "братьями" пребывал в эйфории в предвидении перемен.

Великий Октябрь открыл перед А .А .Маниковским иные перспективы. Он приложил свои способности к строительству новой страны, но трагически погиб в железнодорожной катастрофе в

222

1920 году. Обширное исследование генерала неоднократно переиздавалось, доработанное частично по сохранившимся наброскам, а главное, дополненное сухими фактологами. В предисловии к изданию 1930 года П.Е.Дыбенко написал: "Настоящая книга является необходимой настольной книгой не только для военных, но и для всех работников на хозяйственных предприятиях, связанных с задачами подготовки страны к обороне". Это правильно.

А.А. Маниковский,крупнейший знаток организации военного производства, и сказал об этом много поучительного. Что до его прогулки в страну высокой политики, монументальным памятником которой остался доклад 2 ноября 1916 года, то он сохранился почти полностью только в прижизненном издании первой части труда 1920 года. Автор, вероятно, придавал ему исключительное значение; обширные извлечения из документа взяли более 20 страниц из книги в 120 страниц. В последующих изданиях доклад решительно усечен. Экономической науке безразличны праздношатания пусть даже недюжинного ума.

Накануне

Выступать в ноябре 1916 года с теми предложениями, которые были выдвинуты в докладе ГАУ, было равносильно произнесению речей в вату. Военному министру Д.С. Шуваеву было не до них — он прослышал, что и его честят изменником. Старый служака обиделся, надулся и ходил, повторяя как помешанный:

"Я, может быть, дурак, но я - не изменник!"

Не исключение, а норма поведения министров в последние месяцы самодержавия, когда по выражению В.И. Ленина, правительство Николая Романова отличалось "беспомощностью", "дикой растерянностью" и "полной потерей головы"[10].

Действительно, в той обстановке, которая сложилась в верхах России к исходу 1916 года, было не мудрено потерять не только ощущение реальности, но просто рассудок. Сосредоточенные усилия буржуазии сделали свое дело — над страной довлело представление о происходившем на фронте, не соответствовавшее реальности, а созданное кадетами и их единомышленника-

[10] "Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 37, с. 152.

223

ми. Силы врага невероятно, фантастически преувеличивались, кайзеровские генералы наделялись сверхъестественными качествами. Рука об руку с этим шло поношение всего русского, возводилась в абсолют "отсталость" России. Господа, засевшие в редакторских кабинетах и не нюхавшие пороха имели смелость

рассуждать о боевых качествах русского солдата, всячески принижая его. Стремясь занять место царизма у руля правления Россией, руководители буржуазии не нашли более уместного способа расчистить для себя место, как со все возраставшей силой клеветать на великий русский народ. Они не видели, что эта кампания делает ее зачинщиков чуждыми для соотечественников в той же мере, в какой царизм был врагом народа.

И все же каково было военно-экономическое положение России на рубеже 1916-1917 годов? Не был же беспочвенным фантазером Маниковский! Ведь твердили об "измене", "отсталости" и прочем, а он только работал и считал - по масштабам как Западного, так и Восточного фронтов. Верденская битва, пожалуй, поставила рекорд по интенсивности артиллерийского огня. Маниковский исчислил: "Если взять расчет по той норме, сколько в течение пяти месяцев верденские орудия выпускали снарядов в сутки, и начать наступление по всему фронту, то есть от Балтийского моря до Персии, то мы могли на всем этом протяжении поддерживать из всех наших орудий верденский огонь в течение месяца. На складах у нас тогда имелось 30 миллионов полевых..."

Он, обладая избытком смелости и хитрости, умел предстать простаком перед сановниками . "Трудно, очень трудно, но на то война, чтобы преодолевать трудности. Ваше дело приказывать -мое исполнять". Исполнял, конечно, не столько по букве приказа, сколько по собственному разумению. "Таков был генерал,-любовался Шульгин, - заготовивший верденский огонь по всему фронту для спасения империи накануне революции. Но для спасения ее этого было уже мало. Не было власти..."

А какие были ресурсы? В ходе войны Россия утратила Польшу часть Прибалтики. Общие потери промышленности достигли 20% от довоенной, а в некоторых отраслях выше — по текстилю — 25%, химической промышленности 23%. Эвакуация промышленности из зоны военных действий прошла бессистемно, всего было вывезено свыше тысячи крупных предприятий. Владельцы, получив ссуды от правительства, не торопились налаживать производство на новом месте. Как так? Очень просто: они

были заняты главным образом выколачиванием новых миллионных авансов. Эвакуация на Восток существенным образом не усилила обороноспособности России.

В 1916 году добыли 2096 млн. пудов каменного угля против 2199 млн. пудов в 1913. Таким образом, не была полностью компенсирована утрата Домбровского каменноугольного бассейна, давшего в 1913 году 426 млн. пудов, хотя в Донбассе добыча значительно возросла. Выплавка чугуна с 257 млн. пудов в 1913 году уменьшилась до 232 млн. пудов в 1916, примерно так же упала выплавка стали.

По степени мобилизации промышленности (из 3,3 млн. рабочих в 1916 году 1,9 млн. рабочих, или 58% заняты в военном производстве) По этому показателю Россия находилась на уровне Германии и Франции, оставив позади Англию, где на войну работало 46% занятых. Основная группа обследованных предприятий (общее количество 2300) в России дала увеличение производства вооружения (1913 - 100%) в 1916 году до 230%, предметов снаряжения - 121%. Производительность труда на одного рабочего на заводах вооружения возросла за эти годы до 176%.

В непрекращавшихся боях летом 1916 года русская полевая артиллерия расходовала 2 млн. снарядов в месяц, именно такой ежемесячной производительности достигла отечественная промышленность к концу 1916 года. Другими словами, если в начале войны Россия, имевшая только два завода (Златоустовский и Ижевский), подготовленных для их производства, получала по 50 тыс. снарядов ежемесячно, то к концу 1916 года общее производство в стране увеличилось в 40 раз. В начале войны русская полевая артиллерия была обеспечена по 1000 снарядов на орудие, к 1917 году запас на орудие составлял 4000 снарядов - и это при ежедневной боевой работе.

В 1916 году армия получила 32 млн. снарядов, из них около 10 млн. по зарубежным заказам. Потребность в выстрелах для 76 мм орудий, по поводу чего били в набат в 1915 году, была с лихвой удовлетворена. Заводчики так "разогнали" их производство, что пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы заставить их взяться за изготовление более сложных снарядов для тяжелой артиллерии. О величине приложенных в этой связи усилий говорит тот факт, что если пересчитать все изготовленные русской промышленностью в 1916 году снаряды в снарядных единицах (считая за одну 76 мм снаряд), то общий объем производства был равен 50 млн. условных единиц.
225

Хотя текущие потребности фронта в артиллерийских выстрелах теперь удовлетворялись с лихвой, вопрос о снарядах продолжал оставаться предметом политических спекуляций, катившихся частично по колее, накатанной "общественностью" в 1914—

1915 годах. В 1916 году при ставке учредили Управление полевого генерал-инспектора артиллерии (УКАРТ), которым стал генерал Е.З. Барсуков. Главная задача управления — общее руководство снабжением, вооружением и боеприпасами, наблюдение за правильным использованием артиллерии в бою. Достижения УКАРТ'а безмерно превозносились в царской армии, советский генерал-полковник И.И.Волкотрубенко проницательно вскрыл неприглядную подоплеку неумеренных восторгов:

"Что касается расхода боеприпасов, то точных данных установить невозможно, так как ГАУ расход не учитывало, а УКАРТ начал свою деятельность только в начале 1916 года. Но истинных данных он не давал, чтобы не размагничивать тыл, т.е. фактически продолжал обманывать ГАУ. Известно, что в 1916 году было израсходовано около 18 миллионов снарядов, что составляло 1,5 миллиона снарядов в месяц. Однако это не мешало УКАРТ сделать заявку на подачу 4,5 миллиона снарядов (53 миллиона в год). Генерал Барсуков оправдывается, что этим они хотели напугать царя и установить в тылу твердую власть. Однако подобные трюки совершенно не давали возможности увеличить выпуск снарядов к тяжелой артиллерии, дезорганизовывали народное хозяйство, вносили хаос в снабжение". Возникал заколдованный круг — в тылу, ссылаясь на эту заявку, могли гнать "снарядный вал" в основном за счет 76 мм выстрелов!

Работа артиллерийских заводов превзошла самые смелые надежды. Если в 1914 году было выпущено 285 76 мм пушек, то в

1916 году фронт получил их 7238 плюс 220 по заграничным заказам. В войну было поставлено производство, которого не было до 1914 года: в 1915 году

фронтам подали 2004 бомбомета и 1454 миномета, в 1916 году - 11 222 бомбомета и 1974 миномета.

Ахиллесовой пятой России оставалась тяжелая артиллерия, по которой противник по-прежнему превосходил нашу армию. На 1000 штыков в русской армии к началу 1917 года приходилось 1,1 тяжелое орудие, в Германии - 3,9, Англии - 2,7, Франции -3,5. Однако за этими средними цифрами крылся большой рост в абсолютных цифрах. Если общее число орудий в строю русской армии: перевалило за войну за 10 тыс. стволов, т.е. увеличилось

226

на 45%, тяжелая артиллерия возросла в 7 раз. В начале 1917 года на русском фронте работало более 1400 таких орудий.

Несмотря на все усилия, нехватку винтовок преодолеть не удалось. Оружейная промышленность достигла пика в январе 1917 года - было изготовлено 130 тыс. винтовок при расчетной производительности русских оружейных заводов в 1914 году в 44 тыс. винтовок ежемесячно. Относительно хорошо обстояло дело с пулеметами, их производство увеличилось с 1200 в 1914 до 11 тыс. в 1916 году. Обеспечение патронами, которых было подано на фронт в 1916 году 1,5 млрд., было в общем достигнуто.

Тем не менее, даже в это время случались всплески "общественного" негодования по поводу патронного "голода". С большим пониманием дела генерал И.И.Волкотрубенко заметил: "Но патроны не делали особой погоды на фронтах. Только одна операция, предпринятая войсками Юго-Западного фронта и вошедшая в историю под названием Брусиловского прорыва потребовала большого количества патронов. Во всех остальных случаях их расход был небольшим. Все требования и вопли были отражением безответственных и порой преступных криков бездарных генералов, не хотевших воевать и отсиживавшихся в глубоком тылу".

Плюс так и не было устранено пренебрежительное отношение к разумному расходу патронов в войсках. "На них, - с сокрушенным сердцем констатировал Маниковский. - не смотрели, как на драгоценную часть боевого оружия, а как на какой-то ненужный и часто обременительный хлам; который можно и не очень беречь, а при случае, например при отступлении, и прямо бросить. Все протесты и обращения ГАУ к высшему командному составу армии и все грозные по этому поводу Приказания из Ставки особого действия не имели. А принятая потом мера в виде назначения денежных премий за доставленные патроны и гильзы, в расчете на поощрение к добросовестному сбору их, дала результаты неожиданные: начались хищения патронов со складов, парков, позиционных хранилищ и даже из своих носимых запасов самими бойцами ради получения за них обещанных денег". Этого, конечно никак нельзя было предусмотреть.

Подводя общий итог, И.И.Волкотрубенко в 1966 году писал: "Во втором периоде (1916 - 1917 годы - Н.Я.) боевое снабжение улучшилось и служба тыла сумела обеспечить такую блестя-

227

щую операцию, как Брусиловский прорыв, при бездействии остальных фронтов. Рядовые работники нашей службы (подчеркнуто мною - Н.Я.), не покладая рук работали, чтобы дать армии вооружение. Но прогнившая система самодержавия, как разлагающийся труп, катилась стремительно к своей неизбежной гибели".

По простейшим видам военно- технического снабжения фронт был удовлетворен. Так. при месячной потребности в колючей проволоке в 1,5 млн. пудов все тыловые склады были завалены ею, и Ставка просила прекратить дальнейшую доставку. К концу 1916 года на складах скопилось более 6 млн. пудов колючей проволоки. В 1916 году в армию поступило 1 8 млн. ручных ножниц для резки колючей проволоки, миллионы единиц шанцевого инструмента и прочего.

Однако размах и сложность войны выдвинули такие потребности, которые на русском фронте далеко не удовлетворялись. Так. на 1 января 1916 года в армии было 240 радиостанций и 4 тыс. телефонных аппаратов, за год поступило еще 802 радиостанции и 105 тыс. телефонных аппаратов. Этого все же было мало, не говоря уже о том, что они были преимущественно иностранного происхождения.

Русская армия вступила в войну слабо обеспеченной автомобильным транспортом, было всего 679 автомобилей. К началу 1916 года в армии уже было 5,3 тыс. автомобилей, за тот год прибыло, еще 6,8 тысяч. Абсолютные цифры внушительны, но для сопоставления можно указать что вдвое меньшая по численности французская армия имела к концу войны 90 тыс. автомашин.

В 1914 году Россия, имевшая около 300 самолетов, вероятно, занимала первое место среди воюющих держав по военной авиации. В 1916 году русская армия располагала более, чем 700 самолетами. Но этого было мало. В Германии, Франции, Англии самолеты выпускались тысячами, союзники отправляли в Россию только устаревшие образцы. Авиапромышленность России была слабой - к 1916 году она дала 1,1 тыс. самолетов против 4,6 тыс. в Германии. Развитие военной авиации как и расширение автопарка, Россия могла связывать главным образом с закупками за рубежом. Особое Совещание в 1916 году приняло решение о доведении русской военной авиации почти до двух тысяч самолетов, выполнение его зависело в основном от заграничных поставок. В начале 1917 года Россия просила союзников доставить в ближайшие 18 месяцев 5,2 тыс. самолетов.
228

За годы войны в России было мобилизовано в армию 15-16 млн. человек, что примерно составляло 9% населения. По степени использования людских ресурсов другие воюющие страны далеко ушли вперед в Германии было мобилизовано свыше 20%, во Франции - около 20%, и даже в Англии — почти 13% от населения.

В крестьянской стране, какой была Россия, мобилизация ударила по деревне. При преобладании на сельхозработах живой рабочей силы, уход миллионов здоровых мужчин в армию привел к сокращению посевных площадей в 1915 приблизительно на 20%. В результате упали валовые сборы всех хлебов и картофеля, исчислявшихся в 1909-1913 годах в среднем 7 млрд. пудов, до 5,1 млрд. пудов в 1916 году. Если принять индекс валовой продукции сельского хозяйства в 1913 году за 100, то в 1917 году она составила 88 (81 - по земледелию и 100 - по животноводству) .

Россия в канун первой мировой войны располагала третью мирового поголовья лошадей - 35,3 млн. из примерно 100 млн. В абсолютных цифрах за Россией следовали США 21 млн. лошадей. В европейских странах поголовье лошадей было относительно скромным: в Германии - 4,5 млн., в Австро-Венгрии

-4,2, Франции -3,2, Англии - 1 9 млн. лошадей. На 100 человек населения приходилось: в США - 22,3, в России - 20,7, Германии - 7, Франции - 8,2, Австрии - 6,3, Венгрии - 11,3 лошади. В 1916 году количество лошадей в России достигло 35,8 млн., т.е. увеличилось за годы войны на 500 тыс. голов

В выпущенной в СССР в 1933 году "Книге о лошади" под редакцией С.М.Буденного особо выделялось, что к 1914 году Россия имела "могучие ресурсы для ремонтирования (поставки лошадей - Н.Я.) армии". Кавалерия, артиллерия и пограничная стража забирали ежегодно несколько более 10 тыс. лошадей, четкая организация ремонта в войне, "потребовавшей уже в первый год ее ведения пополнения убыли лошадей почти в двойном размере против мирного времени, возвратило государству его затраты, обеспечив потребность армии в лошадях на весь период войны, хотя и с заметным ущербом для ресурсов". Ежегодные наряды по закупке лошадей выполнялись всего за 3-4 месяца. При изобилии конского состава легко обеспечивалась тяга для артиллерии, интендантские поставки и т д. русская армия оставалась достаточно мобильной. Лошадь была и основой ведения сельского хозяйства.
229

До войны 680 млн. пудов, или 15% валового сбора зерновых, шло на экспорт. В войну вывоз зерновых почти прекратился, и поэтому сокращение производства продовольственных зерновых хлебов с 1913 года по 1917 год с 23 до 2,2 млрд. пудов и кормовых зерновых с 2,1 до 1,1 млрд. пудов, казалось, не грозило серьезными последствиями. Армия в 1916 году забрала всего 212 млн. пудов муки и 295 млн. пудов овса и ячменя. Тем не менее на рубеже 1916—1917 годов страна столкнулась с острой нехваткой продовольствия. Почему?

Обнажилась прежде всего фальшь утверждений о том, что Россия необычайно богата хлебом. Довоенный экспорт диктовался не наличием излишков, а отнималось самое необходимое — расхожим лозунгом было "не доедим, а вывезем". Теперь производство продовольственных хлебов упало меньше, чем отбирал довоенный хлебный экспорт, и сложилось напряженное положение.

Обстановку усугубили достижения России в питании войны вооружением, боеприпасами и снаряжением. Перевод промышленности на военные рельсы резко сократил наступление на рынок потребительских товаров, сельскохозяйственного инвентаря и удобрений. Довольно хаотичное наращивание военной экономики разрушало ткань хозяйственной жизни страны. При свирепствовавшей инфляции деревня, переставая продавать свои продукты за деньги, стоимость которых постоянно падала, требовала товаров. Их не было. Отсюда нараставший кризис в снабжении продовольствием. Деревня, в первую голову кулаки, имевшие товарный хлеб, попросту стали придерживать его или продавать по бешеным ценам.

Анализируя причины голода в 1918 году,В.И. Ленин подчеркивал, что это результат отношения кулака к городу, сложившегося в годы первой мировой войны. "Тут говорим мы себе, — указывал Ленин в июле 1918 года, — как быть с хлебом, по-старому ли, по-капиталистически, когда крестьяне, пользуясь случаем, наживают тысячи рублей на хлебе, называя при этом себя трудовыми крестьянами... Они рассуждают так:если народ голодает, значит, цены на хлеб повышаются, если голод в городах, значит, у меня туга мошна, а если будут голодать еще больше, значит, я наживу еще лишние тысячи... Я прекрасно знаю,

что не вина отдельных лиц в этом рассуждении. Все старое гнусное наследие помещичьего и капиталистического общества научило людей так мыслить, так думать и жить, а переделать жизнь де-

230

сятков миллионов людей страшно трудно"[11]

Нарушение товарообмена между городом и деревней положило начало тому, что позднее получило название кулацкого саботажа. Царское правительство пыталось найти выход из положения тем, что "установило твердые цены и эти цены на хлеб повысило"[12]. Повышение цен было "нелепой мерой", указывал В.И. Ленин, ибо ход мысли кулака очевиден — '"нам повышают цены, проголодались, подождем, еще повысят. Это - дорога торная, дорога угождения кулакам и спекулянтам, на нее легко стать"[13].

По этой дороге самодержавие без большой задержки докатилось до продовольственного кризиса. В декабре 1916 года было разрешено приступить к принудительной хлебной разверстке, от которой ожидалось получить 722 млн. пудов. Заметных результатов не последовало.

Русский писатель И.А. Бунин в 1916 году долго жил в деревне Глотово в усадьбе семьи своего племянника. В этюдах "Последняя весна" и "Последняя осень" он с величайшей болью с натуры зафиксировал умонастроения деревни. Писатель заходит в избу, с ним здороваются, обращение - "господа хорошие".

"Машка покосилась на старика:

— А ты бы вот лучше спросил своих хороших господ, когда война кончится?

— А вот когда весь народ перебьют, тогда и кончится.— холодно и зло ответила ей мать из-за стана. - Когда мы все с голоду помрем.

— Эх, бабы, - сказал я, - как не грех и не стыдно! Кто же это из вас умирает. Сроду никогда не жили так сыто. Сколько теперь денег в каждом дворе? Курицы на всей деревне не купишь ни за какие деньги все сами едите. А уж про ваш двор и говорить нечего. Ну-ка,укажите, сколько у вас скотины?

Бабы не ответили...

Утром за гумном разговор с Мишкой.

Приехал с фронта на побывку.

Молодой малый, почти мальчишка, но удивительная русская черта: говорит всегда и обо всем совершенно безнадежно, не верит ни во что решительно ..

[11] Ленин В.И. Поли. собр. соч.,т. 36, с. 504-505.

[12] Там же, с. 401.

[13] Тамже, с. 411.

231

- Доброго здоровья. Все гуляете?

- Да нет, не все. А что?

- Да это все бабы на деревне. Все дивятся, что вот вас небось на войну не берут. Вы, мол, откупились. Господам, говорят, хорошо: посиживают, говорят, себе дома!

- Не все посиживают. И господ не меньше вашего перебили.

- Да, я-то знаю. Я-то там нагляделся... А войска наши какие? Легулярные войска, какие были настоящие, царские, все там остались а это ополчение - какие это войска? Привезут их на позицию, а они все и разбегутся. Подтягивай портки потуже,да драло. Все, как один.

- Ну, уж и все!

- Верное слово вам говорю. Да вы-то подумайте: чего ему умирать, когда он дома облопался? Теперь у каждой бабы по сто, по двести целковых спрятано Отроду так хорошо не жили. А вы говорите — умирать? Нет уж, куда нам теперь!"

И так по возрастающей целенаправленное озлобление, расчетливая ненависть. А чего жаждала деревня? Бунин присел в кружке мужиков у мельницы.

"— А мы вот о войне говорили, - сказал сквозь шум мельницы Петр Архипов. — Вот он ничему не верит, никакой нашей победы не чает.

Мужик поднял голову и ядовито усмехнулся.

- А как ты сам-то, Петр Архипович? Тоже не чаешь? Он холодно взглянул на меня.

- Я? А я не знаю. Пусть их воюют. Воюйте на здоровье. Это, господа дворяне, ваше дело.

- Это как же так?

- А так. Нам, мужикам, надо одно: ничего никому не давать, никого к себе с этими поборами и реквизициями не пускать. Чтобы никто к нам не ходил, ничего нашего не брал. Ни немец, ни свой. Да".

Бунинские разыскания в микромире русской деревни в последние весну и осень накануне 1917 года подтверждают величайшую точность ленинского социально-экономического анализа макромира тогдашнего состояния сельского хозяйства страны Хлеб в России был. Вскоре после Великого Октября Комиссия по внешней торговле при ВСНХ занялась разработкой плана развития экономических отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами. В тексте "плана", завершенного 12 мая 1918 года, подсчитывалось, что даст Россия в обмен за амери-

232

канские товары. В документе подчеркивалось: "Восстановление железнодорожного транспорта дает возможность освободить некоторые сибирские области от залежей хлеба, количество которого исчисляется Комиссариатом Земледелия в 500 миллионов пудов. Нужно сказать, что запасы хлеба в Сибири не ограничиваются только сбором последнего года, валовый сбор которого по последним данным Комиссариата Земледелия достигает (в 1917 г.) 599,1 миллиона пудов (на 58% больше сбора 1916 г. и на 101% больше среднего сбора с 1909 по 1913 г .г.). Нетронутыми остались еще запасы сбора прежних лет. Улучшение железнодорожного транспорта сделает возможным не только перевезти эти хлеба в местности потребляющие и несомненный излишек вывести за границу"

А откуда разруха на транспорте? В 1916 году паровозный парк уменьшился на 16%, а товарных вагонов на 14%. Бессистемно использовавшиеся железные дороги не справлялись с перевозками,в то время как протяженность путей возросла. За войну было построено 3,3 тыс. километров новых железнодорожных линий и 2,8 тыс. находились в постройке Для обслуживания непосредственно фронтов было сооружено 2,2 тыс. км полевых железных дорог облегченного типа и еще 600 км строилось. Тем не менее не доставлялись в срок не только военные грузы, но и продовольствие.

Один только пример — снабжение мясом армии и населения. Итак в 1916 году суточная дача мяса солдатам была уменьшена, а "действующая армия"

увеличилась к концу 1916 года до 7 млн. человек. Возросло и потребление мяса населением. А.Н. Наумов (министр земледелия с ноября 1915 года по 1 августа 1916 года) подсчитывал. "В нормальное время наша страна была бедна скотом по сравнению с другими государствами. На всю огромную территорию империи в 1913 году было всего 52 миллиона голов рогатого скота. Ежегодный естественный прирост достиг около 9 миллионов голов Этим же количеством измерялось, приблизительно обычное годовое потребление населения С начала войны питание армии требовало усиленного притока мяса, и в населении увеличилось потребление мяса, главным образом под влиянием прекращения пьянства.

В первый год войны на армию пошло 5 млн. голов, 9 млн. — на питание населения и 4 млн. голов потеряно в оставленных областях. Всего 18 млн. голов скота. Осенью 1915 года поголовье составило 44 млн. голов из них на следующий год требовалось

233

изъять опять 14 млн. голов. Выбор был ясен - либо уменьшить капитал основного стада на 7 млн. голов, либо сократить поставки мяса сначала тылу, а затем фронту. Естественно, пошли по второму пути, вернув армию к даче мяса по нормам мирного времени, т.е. по 200 с небольшим граммов на человека в сутки."

Разумеется, можно было бы ввести в дело другие резервы, по мимо говядины. "Уместным считаю здесь упомянуть,- сокрушался Наумов,— о той огромной подсобной роли в деле продовольственного снабжения страны, главным образом армии, которую могло бы сыграть консервное дело, если бы таковое было правильно и заблаговременно поставлено в России. Колоссальный запас рыбных богатств, изобилие плодов и овощей да, наконец, абсолютная масса мяса, включая сюда баранину и свинину, -все это материал, неистощимый для консервных заготовок". Практически ничего этого не было сделано, причины точно указал помощник главного интенданта генерал Богатко. Они лежали на стыке заготовок, закупки и транспортировки.

"Доставка мяса в виде живого скота, доступная во всякое время года, была весьма невыгодна для транспорта: вагон мог вместить лишь 120 пудов мяса; во время пути скот терял в весе; бывали случаи падежа от голода и жажды, так как вследствие движения поездов без правильного расписания задавать корм скоту и поить его не было возможности. Перевозка мороженого мяса по железным дорогам в большом количестве была удобна только зимой, хотя во время продолжительных оттепелей оно иногда и портилось. Для перевозки его летом требовались многочисленные холодильники для предварительного замораживания, вагоны-ледники для перевозки и запасы льда на станциях для пополнения растаявшего в вагонах. Постройка сети холодильников Министерству земледелия не удалась за недостатком машин для оборудования. Подача замороженного мяса не могла получить широкого применения. Приготовление и перевозка солонины требовали большого количества бочек; при погрузке и разгрузке в вагонах, от собственной тяжести рядов бочек, они давали течь, и солонина портилась без рассола. Изготовление мясных консервов для повседневного питания армии потребовало бы устройства большого числа заводов (работало 15 заводов, только один из них — казенный - Н.Я.) и жестяных банок, тогда как жести не хватало даже для ограниченного количества

готовившихся у нас консервов. Вообще подача мяса не была урегулирована до конца войны".
234
Все это фиксировалось не только в штабных документах, а было ясно любому, желавшему видеть. Родзянко так описывал положение в середине 1916 года. "Беспорядки в тылу приняли угрожающий характер В Петрограде уже чувствовался недостаток мясных продуктов. Между тем, проезжая по городу, можно было встретить вереницы подвод, нагруженных испорченными мясными тушами которые везли на мыловаренный завод. Подводы попадались прохожим среди белого дня, и приводили жителей столицы в негодование, на рынке нет мяса а на глазах у всех везут чуть ли не на свалку испорченные туши . По обыкновению, министерства не могли меж собой сговориться: интендантство заказывало, железные дороги привозили, а сохранять было негде, на рынок же выпускать не разрешалось Это было так же нелепо, как и многое другое точно сговорились все делать во вред России".

Тут, вероятно, Родзянко подошел к истине — одним головотяпством чиновников объяснить происходившее было невозможно. Буржуазия и ее агенты не дремали — словесные нападки на режим они подкрепляли делом, способствовали созданию к началу 1917 года серьезного продовольственного кризиса До ноября 1916 года фронты имели запас продовольствия на два месяца а к февралю 1917 года - всего на несколько дней. Разве могло это быть случайностью? Разве не прослеживается синхронность - с начала ноября резкие нападки в Думе, и тут же крах продовольственного снабжения На совещании в ставке командующий Северным фронтом генерал Рузский недоумевал: "Северный фронт не получает даже битого мяса. Общее мнение таково, что у нас все есть, только нельзя получить. В Петрограде, например, бедный стонет, а богатый все может иметь. У нас нет внутренней организации".

Генерал Богатко обобщал: "Вследствие нарушения правильного транспорта нельзя было подать топливо, сырье, вывезти заготовленные предметы снабжения и т. д. Все это вызывало недостаток предметов первой необходимости в стране, дороговизну... Вследствие этого нельзя было перебросить находившиеся в изобилии в Сибири запасы мяса, зерна и т. д. Богатые источники средств России не были исчерпаны до конца войны, но использовать их мы не умели". То, что царскому генералу представлялось нераспорядительностью, на деле было саботажем буржуазии, логическим продолжением ее тактики "чем хуже, тем лучше". Трудно сказать скорбел или в тайне торжествуя
235
подводил итоги проделанной в этом направлении работы первый министр земледелия Временного правительства кадет Шингарев, заявивший, что к началу марта 1917 года "были минуты, когда оставалось хлеба на несколько дней в Петрограде и Москве, и были участки фронта с сотнями тысяч солдат, где запасов хлеба оставалось на полдня".

Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства с особым сладострастием допрашивала А.З. Протопопова, пытаясь нажить политический капитал. Порядком струсивший бывший министр внутренних дел, однако, ввел комиссию в заметное смущение, когда зашел разговор о причинах нехватки продовольствия в самый канун февральской революции. Памятуя о своем

положении арестанта, он воздержался от резких обвинений, поделив ответственность за это наполовину — между правительством и буржуазией. "Кто должен был этим продовольствием ведать? — говорил Протопопов. — Должно было ведать правительство, а так как правительство само по себе уничтожалось, то, конечно, на его место стали общественные силы. Министерство осталось не причем, и его можно было уничтожить, и это было бы может быть рационально, а то получилось то, что Раттих (министр, ведавший сельским хозяйством — Н.Я.) назвал "бисерной забастовкой", потому что для революционных действий, идущих против старого строя, нет более удобных путей, как экономическая борьба, т. е. путь, чтобы еще более расстроить кровообращение страны, вселяя недовольство и доводя его до сильнейшего состояния, пока не произойдет взрыв. Это ужас. Правительственная система отвратительная, общественные организации не добились, и в итоге продовольствием в России никто не занимался".

Тайные зачинатели этого образа действия, преследовавшие узкую цель воцарения у власти, не видели, что сеяли бурю. Они поднимали самые широкие массы народа, измученного войной, не только против царизма, но и буржуазии. Безошибочный классовой инстинкт народа указывал в бедствиях, через которые проходит страна, виноват весь правящий класс. Без изъятия.

Распутин убит

Шло концентрированное наступление, а паралич власти прогрессировал. Все сыпалось. "Ведь только "видимость правительст-

ва" заседает у нас в Мариинском дворце",-пишет Маниковский осенью 1916 года. В январе 1917 года у него вырывается вопль отчаяния: "Условия работы боевых припасов все ухудшаются: заводы не получают металла, руды, угля, нефти, рабочие - продовольствия и одежды... Общее настроение здесь — задавленное, гнусное. А сильной власти — все нет как нет!"

"Власти нет", — пишет князь Львов. "Правительства нет", — соглашается Протопопов. "И оба признавали, - замечает Милюков, — с противоположных сторон: общественные организации хотят занять место власти".

А Николай II, когда почувствовал, что сгущаются тучи, прибег по совету Александры Федоровны к испытанному средству -в середине ноября 1916 года приказал Вырубовой устроить в ее доме в Царском селе встречу с Распутиным. Царь, явившийся с царицей, выглядел крайне озабоченным. Он, видимо, не понимал, что все новые трудности создает саботаж буржуазии,и был склонен относить их за счет природы. Обращаясь к Распутину, самодержец сказал: "Ну, Григорий, помолись хорошенько; мне кажется, что сама природа идет против нас сейчас". Он объяснил, что снежные заносы мешают подвозу хлеба в Петроград. "Старец" ободрил царя, умоляя только не думать о мире, ибо победит тот, у кого больше "стойкости и терпения". С чем Николай II согласился, заметив, что, по имеющимся сведениям, и в Германии "плохо с продовольствием". Он бездумно ставил знак равенства между Россией и голодающей Германией!

Прощаясь с Распутиным, царь,как обычно,сказал: "Григорий, перекрести нас всех". На что "старец" ответил просьбой: "Сегодня ты благослови меня", что царь

и сделал. То была последняя встреча царской четы с Распутиным. "Чувствовал ли Распутин, что он видит их в последний раз, не знаю; утверждать, что он предчувствовал события, не могу, хотя то, что он говорил, сбылось. Со своей смертью Распутин ставил в связь большие бедствия для Их Величеств. Последние месяцы он все ожидал, что его скоро убьют", — записала присутствовавшая при встрече Вырубова.

Российские правые экстремисты попытались подставить плечи под рушившийся, опостылевший стране трон. Спектр совершенных ими деяний на закате самодержавия широк — от комических до трагических, объединенных, однако, одним — полным бессилием остановить назревшие события. Не сумели не только они, революция была неизбежна,и перед ней оказались бессиль-

ны ухищрения всех тех, кто думал сохранить в России эксплуататорский строй.

Никто иной как А.Ф. Керенский в статье " Короткая память" еще в 1920 году признал: "Да, цензовая Россия опоздала своевременным переворотом сверху (о котором так много говорили и к которому так много готовились), — опоздала предотвратить стихийный взрыв государства, не царизма только, а именно всего государственного механизма. И нам всем вместе — демократии и буржуазии — пришлось наспех, среди дьявольского урагана войны и анархии налаживать кой-какой самый первобытный аппарат власти".

Усилия правых удержать уже утраченные позиции были подобны попыткам взмахами метлы остановить грозное половодье народного гнева. Они замахивались без разбора, в ослеплении не видя, что нередко бьют соратников по классу. В начале декабря 1916 года петроградские газеты занялись загадочной историей С. Прохожего (С.Н. Гуцулло), члена Союза русского народа . Он явился в редакцию газеты "Русское слово" и рассказал, что Дубровин поручил ему убить Милюкова, вручив аванс 300 рублей. По словам Прохожего, он должен был поразить лидера кадетов выстрелом из чайной, что была напротив дома Милюкова. "Дубровин мне заявил, — рассказывал Прохожий, - надо кому-нибудь убить Милюкова, и это должен сделать именно ты, как мобилизованный и призванный отбывать воинскую повинность. -Это убийство, - продолжал Дубровин, - должно быть ответом русской армии на последнюю речь, произнесенную Милюковым в Думе. Военный министр пожал Милюкову руку, а ты, представитель армии, накажешь изменника и крамольника".

Прохожий заверял газетчиков, что убивать он не намерен, ибо "это дело нужно только одному г. Дубровину. Союзу выступать с таким делом было бы нельзя по чисто тактическим соображениям. Да и существование самого Союза — это, пожалуй, голая ложь г. Дубровина, ибо он не может даже сотню собрать вокруг себя русского народа" ("Речь" 1916, 4 декабря). В редакции "Журнала журналов" несостоявшийся убийца добавил: "Ведь не время теперь. И мы, союзники, стали понимать. Вот посмотрите — Пуришкевич. Ведь какой карьерист, а все же понял, где теперь сила". Проворные журналисты бросились к Милюкову выяснить, как он относится к планам злоумышлявших на его жизнь. Он заявил, что все это его не удивляет, ибо в последнее время, "где я ни появлюсь, меня сопровождают какие-то подоз-

рительные личности". Но, стоически напомнил Милюков, "в этом отношении у меня выработался даже известный опыт. Когда в третьей Думе я произнес речь, в которой разоблачил Союз русского народа, на улице меня обступило несколько подозрительных личностей, набросились на меня, сломали пенсне и выбили зуб".

Милюков приобрел славу мученика, и Союз русского народа не мог сдержаться. В передовице органа Союза "Русское знамя" 8 декабря 1916 года сообщили: цель всей кампании "поднять упавший престиж" сего "видного" пораженца. "Кому и для чего, собственно, понадобилось организовывать на Милюкова какое-то "покушение"? — Вопрошала достойная газета. — Бить его, как известно, действительно многие били: били по физиономии рукой, облаченной в плотную перчатку, били хлыстом- но другому месту, без перчаток, били, кажется, палкой по спине били... Да мало ли чем и по чему его били? Все это лишь доказывает, что если так доступны для битья физиономия и "другие места", принадлежащие Милюкову, то и весь он был столь же доступен битью... Отхлестали — и ступай с богом, да не греши больше, а будешь грешить - опять вздуют".

Все это носило анекдотический характер - потуги правых не только на страницах газет, но и на общественном "форуме" в Думе. Страсти накалились до предела.

Недавние соратники Дубровина В.М. Пуришкевич и Н.Е. Марков 2-й, уже рассорившиеся с ним, чуть не передрались в Думе друг с другом. Пуришкевич в декабрьскую сессию Думы выступил с обличительными речами против Распутина. "Ночи последние не могу спать, даю вам честное слово, — клялся он с трибуны, — лежу с открытыми глазами, и мне представляется целый ряд телеграмм, сведений, записок, которые пишет этот безграмотный мужик то одному, то другому министру, чаще всех, говорят, Александру Дмитриевичу Протопопову, и просит исполнить. И были примеры, мы знаем, что исполнение этих требований влекло к тому, что эти господа, сильные и властные, слетели...

Председатель: Член Государственной Думы Пуришкевич, прошу вас не идти слишком далеко в этой области.

Пуришкевич: Да не будут вершителями исторических судеб России люди, выпестованные на немецкие деньги, предающие Россию...

Председатель: Прошу вас, член Государственной Думы Пуриш-

кевич, помнить о предмете, о котором вы говорите...

Пуришкевич: В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева... Да не будет Гришка Распутин руководителем русской внутренней, общественной жизни!"

Марков 2-й наливался яростью, слушая вчерашнего единомышленника. Он ринулся на трибуну защищать трон, крича, что Пуришкевич "очень пристрастно" нападает на правительство. Марков 2-й понес несуразицу, прерываемый с мест: "А Распутин?" Но этого сюжета он боялся как огня, в нараставшей сумятице оратор утратил самообладание и окрысился на председательствовавшего Родзянко, заорав:

— А вы не кричите! Родзянко пробасил:

— Потрудитесь сойти!

Марков подскочил к кафедре Родзянко, замахнулся на него кулаком и взвизгнул:

— Болван! Мерзавец!

Родзянко впоследствии так описал свои переживания: "Очевидно, ему был дан известный план. Он рассчитывал, что я не сумею сдержаться, пущу в него графином и по поводу этого скандала можно будет сказать, что Государственную Думу держать нельзя и надо ее распустить... У меня было побуждение — графин такой славный был, полный воды, но я сдержался". В обстановке неописуемого хаоса Дума постановила исключить на пятнадцать заседаний хулигана, лидера правой фракции Н.Е. Маркова.

Пока шла перепалка, председательствовал невозмутимый, розовощекий Н.В. Некрасов, бросавший брезгливые взгляды на бесновавшихся депутатов. Выходка Маркова 2-го практически привела к распаду правой фракции в Думе. Защитники престола поредели и здесь.

16 декабря 1916 года Дума собралась на заключительное заседание сессии. Милюков снова на трибуне: "Господа, в этой картине закулисных влияний, которую я рисовал здесь 1 ноября, ничего не изменилось ни на йоту. Мало того, от оборонительного положения, в которое темные силы стали было после 1 ноября, они снова перешли в наступление.

Синдикат Распутин и Ко ныне восстановил свои пострадавшие части и выступает с такой откровенностью и наглостью, как никогда не выступал прежде".

240

Когда произносились эти слова, Распутин доживал последние часы своей бесславной жизни.

Участь его, по всеобщему мнению, была предрешена, об этом говорили не стесняясь. В самом конце ноября 1916 года профессор-протоиерей Т.И.Буткевич выступил в Государственном совете, где он был членом, с филиппикой против Распутина, перед которой бледнели обличительные речи в Думе. Представитель православной церкви в подобающих терминах выразил надежду: "Бог спасет Россию, хотя бы то и таким средством, каким Георгий Победоносец спас свою страну от сатаны, действовавшего в виде страшного чудовища".

А к древку копья - прославленному оружию того христианнейшего Георгия - уже прилаживали руки тридцатилетний князь Ф. Юсупов, Пуришкевич и Великий князь Дмитрий Павлович, составившие заговор убить Распутина. Они обсуждали детали и не делали больше секрета из своих намерений.

Пуришкевич, ходивший гоголем после своих речей в Думе, поймал за пуговицу Шульгина и попросил запомнить 16 декабря.

"— Зачем? - пожал плечами Шульгин.

— Я вам скажу, вам можно, мы его убьем.

— Кого?

— Гришку.

— Не делайте.

— Вы белоручка, Шульгин.

— Может быть, но может быть и другое. Я не верю во влияние Распутина.

— Как?

— Да так. Все это вздор. Он просто молится за наследника. На назначение министров не влияет. Он хитрый мужик. Убив его,вы ничему не поможете. Будет все по-старому. Та же "чехарда министров". А другая сторона - это то, чем Распутин убивает: этого вы не можете убить, убив его. Поздно!

— Подождите. Я знаю, что вы скажете, что это все неправда, про царицу и Распутина. Знаю, знаю, знаю. Неправда, неправда? Но не все ли равно? Все равно. Мы идем к концу. Хуже не будет. Убью его как собаку. Прощайте".

"Что толку убивать змею, когда она уже ужалила", - размышлял Шульгин, глядя вслед Пуришкевичу.

Эта точка зрения была не личным достоянием Шульгина, а отражала установившийся взгляд на роль Распутина даже в тех

кругах, которые традиционно считались опорой трона. Спустя каких-нибудь полгода то, о чем говорилось вполголоса, выплеснулось на страницы печати. В передовой статье "Церковного Вестника" в апрельско-майском номере 1917 года, первом после свержения самодержавия, подчеркивалось: "Теперь режим самодержавия пал и пал, конечно, навсегда и безвозвратно. Сожалеть о нем православная церковь не имеет оснований". Журнал задним числом предъявлял царю претензии, которые шли, разумеется, по линии Распутина.

В декабре 1916 года Юсупов с единомышленниками мог быть заранее уверен, что уж церковь, во всяком случае, отпустит им грех.

Несметно богатый князь Юсупов страстно ненавидел Распутина по причинам, которые тогда не могли знать. Развращенный до мозга костей, Юсупов накопил определенную скандальную известность, появляясь на людях в женском платье, и соответственно вел себя. Великий князь Дмитрий Павлович, года на три моложе его, обожал приятеля. Они нередко устраивали невероятные оргии. Прослышав от петербургских великосветских сплетниц о том, что Распутин де не имеет равных как любовник, голый Юсупов как-то раскинулся в кабинете "божьего человека" на диване. Вошедший хозяин - Распутин - однако, не уважил князя, а задал ему трепку. Торопливо одевшись, князь удалился в холодном гневе на бесчувственного "мужика", не оценившего милость аристократа.

Но их знакомство не прервалось. Распутин знал, что мать Феликса, княгиня З.Н. Юсупова, была близка с сестрой царицы великой княгиней Елизаветой Федоровной. Они возглавляли один из влиятельнейших кружков ненавистников царской семьи. "Старец" уверовал, что, поддерживая отношения с Феликсом, наставляя его в нравах, подобающих мужчине, он заслужит понятную благодарность матери, а, следственно, сможет по вернуть сердца кружка и сделать его по крайней мере нейтральным к царской чете. Лукавый шалопай Феликс пошел навстречу, обсуждая со "старцем" самые интимные стороны отношений с женой, красавицей Ириной, проса наставить в подобающих добродетелях и т д.

Этим воспользовались убийцы, чтобы заманить Распутина в ночь с 16 на 17 декабря во дворец Юсупова. Там для подвига спасения монархии и отмщения его неоцененных Распутиным чувств князь приказал оборудовать в подвальном этаже гос-

тиную, имевшую то неоспоримое преимущество, что никакой шум не мог проникнуть за толстые стены. В помещении до этого был винный погреб. 44-летний "старец" отправился к Юсуповым, обуреваемый привычными чувствами,— он страсть как хотел поближе познакомиться с княгиней Ириной. Они приехали во дворец около часа ночи, молчаливый, напряженный Феликс и Распутин, тщательно одетый, в лучшей рубашке, подарок царицы, на которой она сама вышила подсолнухи.

В комнате, куда Юсупов привел Распутина, был создан намеренный беспорядок, как будто из-за стола только что встали да мы — раскупоренные бутылки, надкусанные пирожные. В пирожные был заложен цианистый калий в кристаллах, а в рюмку, приготовленную для Распутина, налит цианистый калий в растворе. Пуришкевич, Дмитрий Павлович, зловещий отравитель доктор Станислав Лазаверт, капитан Сухотин притаились в комнате наверху, которая сообщалась с бывшим винным погребом винтовой лестницей, сжимая револьверы, кинжалы, кастеты и прочую снасть, припасенную для убийства. На столе перед ними надрывался граммофон: звучала в ритме марша американская песня"Янки дудль". Отдаленные звуки песни, по замыслу Феликса и других, должны были успокоить Распутина — наверху продолжалась вечеринка.

Ожидалось, что Распутин, отведав вина и пирожных, падет мертвым. Так и будет, клялся Лазаверт. Тогда в узел его — и под лед в реку, где заговорщики еще днем присмотрели уютную прорубь. Гость все спрашивал, где же дамы, порывался пойти к ним. Юсупову с большим трудом удалось удержать его, — гости вот-вот разойдутся и княгиня пожалует, — а тем временем уговорил отведать отравленных пирожных и вина. Через несколько минут князь поднялся к соучастникам бледный как полотно — яд не действовал! Пошептались, и Юсупов бросился вниз с пистолетом. Заговорщики кубарем скатились с лестницы за ним.

Худшие опасения подтвердились — совершенно спокойный Распутин созерцал великолепное хрустальное распятие старинной работы.

" Григорий, — взвизгнул Феликс, — смотри на распятие и молись!

"Старец" оглянулся, к нему подступали несколько мужчин. Он замер, собираясь с мыслями.

— Что? Струсил, боишься позабавиться? — сказал кто-то, делая непристойный жест.

243

— Пресвятая богородица! - перекрестился отшатнувшийся Распутин. Но было поздно. На него навалились, сбили с ног. Последнее, что, видимо, ясно видел Распутин-стеклянные, остановившиеся глаза нагнувшегося Феликса, который шарил под одеждой "старца". Запыхавшиеся заговорщики крепко держали Распутина, пока Феликс не "отомстил" на свой лад распятому на полу "божьему человеку". Наконец, Феликс отскочил, дал знак и Распутина отпустили. Он попытался встать, но в этот момент получил пулю в голову. Стрелял князь. Распутин упал, кровь хлынула на шкуру белого медведя, лежавшую на полу.

- Что им надо от меня? - вдруг пробормотал Распутин. - Что им надо?

Ответил град тяжелых ударов — ногами, руками, чем попало. Вдруг, не сговариваясь, они снова навалились на Распутина. Появился кинжал, кажется им орудовал Феликс. Затрещала ткань уже порванных брюк. Кто-то быстро, как хирург (Лазаверт?) оскопил Распутина.

Они замерли над ним. Пуришкевич, по его словам, испытал "чувство глубочайшего изумления перед тем, как мог такой, на вид совершенно обыденный, типа Силена или Сатира, мужик влиять на судьбы России... Он не был еще мертв: он дышал, он агонизировал. Правой рукой своею прикрывал он оба глаза и до половины свой длинный ноздреватый нос... Он был шикарно, но по-мужицки одет: в прекрасных сапогах, в бархатных на выпуск брюках, в шелковой, богато расшитой шелками цвета крем, рубахе, подпоясанной малиновым с кистями толстым шелковым шнурком. Длинная черная борода его была тщательно расчесана и как будто блестела".

Убийцы поздравили друг друга с успешным завершением дела и заторопились — готовить автомобиль, заметать следы. Вдруг из столовой раздался нечеловеческий вопль Юсупова: "Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив. Он убегает!" Распутин, которого только что видели мертвым, резко вскочил, обливаясь кровью, набросился на Юсупова, поборол его, выскочил во двор и, переваливаясь с боку на бок, бежал к воротам. Пуришкевич несколькими выстрелами вслед покончил с ним.

Распутина втащили во дворец, Юсупов набросился на него, с остервенением нанося удары гирей в висок... Безумный, окровавленный он повторял: "Феликс, Феликс, Феликс..." Князя оттащили от тела, он твердил: 'Теперь я знаю, кто Распутин, —

воплощение самого сатаны. Он схватил меня своими лапами и не отпустит до моего смертного часа".

Труп Распутина завернули, погрузили в автомобиль, вывезли и спустили под лед.

Конечно, кто, где и как убил, стало широко известно. Великого князя посадили под домашний арест, Пуришкевич отправился на фронт со своим санитарным поездом, с ним уехал Лазаверт, Юсупов ходил гордый, на светском рауте его чествовали как исполнителя цыганских романсов, засыпали цветами и качали. По столице ползли слухи - есть "проскрипционный" список, под № 1 значился Распутин, под № 2 — царица и т.д.

Водолазы, по указке полиции, нашли и выудили труп Распутина из реки. Протопопов пригласил для формального опознания дочерей Распутина. Они засвидетельствовали, что изуродованный труп — Г.Е. Распутин. При вскрытии выяснилось, что легкие убитого были заполнены водой. Он умер от утопления, а не от ран, которые, в конечном счете, были также смертельными. По всей вероятности, Лазаверт обманул соучастников — Распутин получил не цианистый калий, а опий.

21 декабря Николай II со всей семьей хоронил убиенного "старца" в Царском Селе. По привычке в конце дня он записал в дневнике: "Гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря извергами в доме Ф. Юсупова, стоял уже опущенным в могилу. Отец Александр Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12о мороза. Погулял до докладов...".

В бюваре императрицы после февральской революции нашли скверные вирши, написанные кем-то на смерть Распутина, где были такие строки:

"Гонимый пошлою и дикою толпой

И жадной сворой, ползающей у трона,
Поник навек седеющей главой
От рук орудия невидимого масона".

В Петрограде по рукам ходил в рукописных копиях "Загробный Гришки Распутина высочайший манифест". Написанный неизвестным автором листок в грубо-сатирической форме сфокусировал все обвинения "общественности" в адрес Распутина, накопившиеся за многие годы. Копия, хранящаяся в архиве Ленинградского музея революции, с некоторыми сокращениями звучит так:

"Мы, Григорий Первый и последний, конокрад и бывший са-

245

модержец всероссийский, царь банный, великий князь драный и проч., объявляем всем нашим распутницам, министрам-карманникам, жандармам-охранникам и прочей нашей своре: пребываем мы сейчас в аду и каждый день с сатанинского благословения в жаркой бане паримся, приобщив к сему адских блудниц, давно сгнивших Елисавет и Екатерин, но только не умеют они нам услугу оказать, не умеют раболепье показать, как показывали нам в Царском селе, когда были мы навеселе и соскучиться мы изволили без немки Сашки, без Николки Ромашки, без Вырубовой Анны... Призываем всех наших скверных распутниц... а также немецких шпионов и шпионок, что на Руси при мне высшие места занимали и ради Вильгельма с русским народом воевали, призываем их всех, чтобы они поторопились и поскорей в ад ко мне явились. Дан в аду, в день сороковой нашей собачьей кончины".

Бойкий, дробный стиль "манифеста" вызывал восторг и нескончаемый поток злых шуток по поводу того, как жилось в аду пресловутому Распутину. Что делалось на том свете, рисовалось натурально, в самых фантастических красках, а на этом очень скоро после "сорока дней" с убийства Распутина были предприняты серьезные усилия конкретизировать слухи о Распутине и царице.

Уже в первые дни пребывания у власти Временного правительства обе дочери Распутина были арестованы. Мария припоминала в мемуарах, как ее вытащили из толпы задержанных "аристократов" и пинками погнали на допрос. Молодая девушка предстала перед двумя людьми; перелистывавшими толстенное досье. Выдержав зловещую паузу, один из них, по словам Марии, спросил:

"Сколько раз Александра Федоровна Романова, в прошлом царица — он почти выплюнул титул,— спала в вашей квартире, которая находилась — он перебирал бумаги не меньше минуты — да, в доме № 64 по Гороховой.

— Она никогда не спала у нас. Она никогда не посещала нас.

— Не смей лгать мне. Ее много раз видели входившей в ваш дом.

— Не было этого.

— Ты хочешь сказать, что эти бумаги лгут?

Я пришла в бешенство, глупец довел меня до белого каления.

— Если в ваших дурацких бумагах говорится об этом, тогда они бесполезны.

246

Другой человек, молчавший до тех пор, продолжил допрос: .

— Разве ты не видела, как твой отец целовал эту женщину?

— Если вы имеете в виду царицу, то он целовал ее при встрече, как и всех других.

— У нас есть донесение, что она провела ночь с твоим отцом в его постели, а когда ты утром их застала, так называемая царица дала тебе браслет, чтобы ты молчала.

Это было слишком. Мои нервы были натянуты как струна,и я истерически расхохоталась. Подумать только — узкая кровать, на которой едва помещался грузный отец,- гнездышко двух любовников! При этой мысли я вместо ответов корчилась от смеха. Видимо, тем я и ответила инквизиторам, они пришли в замешательство, почувствовав себя смешными,и отпустили меня"... Не преуспели любопытствовавшие и с младшей дочерью Распутина Варей и отпустили обеих. Они убедились, что квартира разгромлена. Сестры вернулись на родину, в Сибирь, и скоро сбежали за границу.

Буржуазия кралась к власти

Убийство Распутина, с отвращением писал Милюков, было попыткой устранить опасность "по-византийски, а не по-европейски". В том же духе, настаивала царица, должен действовать Николай II. Она всячески внушает супругу — необходимо обезглавить противников.

В одном письме - "Гучкову — место на высоком дереве". 14 декабря она объясняет царю: "Я бы спокойно, с чистой совестью перед всей Россией отправила бы Львова в Сибирь... Милюкова, Гучкова и Поливанова - тоже в Сибирь. Теперь война, и такое время внутренняя война есть высшая измена. Отчего ты на это дело не смотришь так, как я, я, право, не могу понять. Я только женщина, но моя душа и мозг говорят мне, что это было бы спасением России". Она буквально заклинает: "Мы Богом возведены на престол и должны твердо охранять его и передать его неприкосновенным нашему сыну. Если ты будешь держать это в памяти, то не забудешь быть государем... Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом. Сокруши их всех. Не смейся, гадкий, я страстно желала бы видеть тебя таким по отношению к этим людям, которые пытаются управлять тобой, тогда как должно быть наоборот".

Отсюда соблазнительно сделать далеко идущие выводы, но

сильные слова не выходили за пределы семейной перепалки. На кровожадные советы супруги, дичавшей в Царском Селе, Николай. II отвечает бессодержательными посланиями, подписываясь: "Бедный старый муженек - без воли". В великосветских кругах столицы - вакуум, образовавшийся с убийством Распутина, пытаются заполнить — снова бормочет безумный "Вася-босоножка" Косноязычный старец Коляба (Митя из Козельска), оттесненный было Распутиным, спешно выписывается из Калужской губернии. Протопопов ради душевного ободрения скорбящей императрицы хлопочет о приглашении из-за рубежа собственного ясновидца — Шарля Перрена. Все, как обычно, только температура страны ползет вверх.

Правящая верхушка занята своими делами, погрязла в интригах, склоках и мелочных расчетах. Обитатели петроградских дворцов и особняков не чувствуют, что доживают в них последние месяцы, не понимают, что они - инородцы в собственной стране.

А царь,что он? Почему не следует советам императрицы да не ее одной? Что, он так "кроток"? Да нет же! Суровые, трезвые и беспощадные люди-революционеры, находившиеся в постоянном соприкосновении с карательной машиной царизма, давно говорили о нем — Николай Кровавый. По тем временам отнюдь не преувеличение. Был памятен 1905 год. Сколько прекрасных жизней загубил царизм. Тогда почему он медлил на рубеже 1916-1917 годов?

Частично, вероятно, потому, что он не верил в близкую революцию, да и не ставил высоко "революционеров" поневоле, типа Милюкова, с которыми звала расправиться царица. Главное заключалось в том, что самодержец полагал, - время подтвердить его волю еще не настало. Он видел, что столкновение с оппозицией неизбежно, знал о ее настроениях (служба охранки не давала осечки и подробно информировала царя), но ожидал того момента, когда схватка с лидерами буржуазии произойдет в иных, более благоприятных условиях для царизма. Николай II открылся перед доверенными людьми - бывшим губернатором Могилева (где была Ставка) Пильцем и Щегловитым: нужно повременить до начала весеннего наступления русских армий. Новые победы на фронтах немедленно изменят соотношение сил внутри страны и оппозицию можно будет сокрушить без труда. С чисто военной точки зрения надежды царя не были необос-

нованными. То, что вынесла кайзеровская Германия от русской армии, германский генералитет запомнил крепко. В середине XX века битые в Великую Отечественную войну советским народом кадровые немецкие военные не забывали и о 1914—1916 годах на Восточном фронте.

Генерал Г. Гудериан, звезда и надежда вермахта в 1939— 1945 годах, писал по завершении второй мировой войны: "Даже в первую мировую войну победоносные немецкие армии и союзные с ними австрийцы и венгры вели войну в России с предельной осторожностью, в результате чего они и избежали катастрофы". Другой немецкий генерал Г. Блюментрит припоминал после 1945 года: "Во время первой мировой войны мы близко познакомились с русской царской армией. Я приведу малоизвестный, но знаменательный факт: наши потери на Восточном фронте были значительно больше потерь, понесенных нами на Западном фронте с 1914 по 1918 год... Русская армия отличалась замечательной стойкостью... Способность (русского солдата), не дрогнув, выносить лишения, вызывает удивление. Таков русский солдат, которого мы узнали и к которому прониклись уважением еще четверть века назад".

Как боевой инструмент русская армия не имела себе равных, Брусиловский прорыв мог рассматриваться как пролог к победоносному 1917 году. Не были в неведении о способности сражаться русского солдата и лидеры буржуазии. Милюков с содроганием думал о надвигавшейся весне и неизбежном наступлении, ибо оно принесло бы новые успехи, что "сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство". Но как царь, так и оппозиция делали раскладку карт без хозяина - русского народа. Поглощенные изучением сильных и слабых сторон друг друга, они упускали из виду, что партия большевиков открывала перед страной и армией третий путь - революционного выхода из войны. Им и в голову не приходило, что великолепный боевой инструмент -

армия — обратит свою волю и энергию на освобождение от всех и всяческих эксплуататоров.

Но чтобы понять это, нужно было обладать политической прозорливостью, которой и в помине не было у российских буржуа. Они усматривали свою непосредственную задачу в том, чтобы царь не удержался до новых побед, плодами которых воспользуется буржуазия. Буржуазные оппозиционеры всех мастей и оттенков и помыслить не могли, что побед этих на фронтах империалистической войны больше не будет.

249

В те месяцы русские окопы буквально затопляла ненависть к империализму, и в солдатской массе зрело убеждение, что пора повернуть штыки против тех, кто бросил народ в бессмысленную бойню. Русский солдат в огне войны быстро мужал в политическом отношении, росло его классовое сознание. В то же время официальная пропаганда прилагала много усилий, чтобы поднять боевой дух армии. Поучительный пример дает брошюра подполковника Старосельского, изданная штабом армии в самом конце 1916 года и предназначенная для распространения в войсках.

Пытаясь противодействовать антивоенным настроениям, брошюра уже заголовком своим кричала: "Не время еще для мирных переговоров!" И далее разъясняла: "Весь 1916 год доказал героизм русского солдата и офицера, который в соединении с английской, французской и развившейся, слава богу, русской техникой одолевает немецкое искусство и их когда-то недосягаемую для нас технику". Героизм русского солдата сомнений не вызывал, но очень сомнительными выглядели цели, за которые предлагалось продолжать проливать кровь, если не иметь в виду, что автор призывал бороться не только с внешним, но и с внутренним врагом, подразумевая под этим царский двор и зачастую отождествляя его с "германизмом".

"Нынешняя война, — поучал Старосельский, — должна окончиться не только победой над внешним, но и над внутренним врагом. За много лет германизм въелся в плоть и кровь российского государства... Война открыла нам глаза, и мы впервые ясно осознали весь тот гнет, который душит и губит русскую жизнь во всех ее проявлениях... Одна из непременнейших лежащих перед Россией задач ко времени возникновения нормальных условий мирного времени - это твердо и решительно стать на путь самобытности и самосознания".

На рубеже 1916—1917 годов противники самодержавия в правящем классе сочиняют множество прожектов положить конец царствованию Николая II. Князь Львов вынашивает идею арестовать и выслать царицу в Крым и заставить царя пойти на министерство "доверия" во главе с тем же Львовым. Вероятно, в какой-то мере в этом плане был замешан генерал Алексеев. Смещение Николая II в той или иной форме обсуждалось в придворных кругах, в том числе среди 16 великих князей. Один из вариантов отстранения Николая II вошел в стадию практических дел.

250

В начале декабря 1916 года на тайном совещании на московской квартире Львова было решено предложить Николаю Николаевичу, находившемуся на Кавказе, "воцариться" вместо Николая II, разумеется, со Львовым в качестве премьера. К Николаю Николаевичу с соответствующим поручением был

отправлен тифлисский городской голова Хатисов. Львов поручил ему доверительно сообщить великому князю, что генерал Маниковский заверил - армия поддержит переворот: ссылку царя и заточение царицы в монастырь. Такое будущее готовил августейшей чете "славный", по выражению царицы, Маниковский, умевший в ставке и Царском селе предстать слугой престола.

Напрасно заговорщики ожидали из Тифлиса условной телеграммы от Хатисова: "Госпиталь открыт, приезжайте", после которой в дело пригласят Гучкова с его связями в армии. Николай Николаевич отклонил лестное предложение, о чем впоследствии сожалел.

Гучков утверждал, что о затеях Львова он узнал после февральской революции. В последние месяцы царствования он был по уши занят, строя собственный заговор. Он работал с военными, но хотел, естественно, иметь дело "не со всей армией, а с очень небольшой ее частью". По словам Гучкова, "дело оказалось бы чрезвычайно легким", если бы вопрос шел о том, чтобы "поднять военное восстание, будь то на Северном или румынском фронтах", но "мы не желали касаться солдатских масс". Он, по всей видимости, помимо Алексеева, договорился о чем-то с генералами Рузским, Крымовым и даже Брусиловым. Последний будто бы сказал: "Если придется выбирать между царем и Россией — я пойду с Россией".

На бесконечных очень тайных и крайне бессодержательных со вещаниях штатских заговорщиков, в подавляющем кадетов, Гучков значительно молчал. Он разомкнул уста в этом обществе разве на сборище в ноябре 1916 года у М.М. Федорова, заметив -кто совершит переворот, тот и будет иметь силу. Гучков бросил эти слова в подобающей обстановке — кадетские государствоведы притащили на совещание толстые тома свода законов Российской Империи и, справляясь в них, рассуждали, как составить регентский совет после отстранения Николая II. Думцы стояли за передачу власти наследнику Алексею при регенте до его совершеннолетия великом князе Михаиле Александровиче. "Мягкий характер великого князя и малолетнего наследника каза-

лись лучшей гарантией перехода к конституционному строю", -поясняет Милюков.

Гучков помалкивал о форме будущей власти, занимаясь текущими делами. Он как будто надеялся вместе с группой заговорщиков перехватить царский поезд на глухой станции в Новгородской губернии и заставить царя отречься от престола. Были и другие варианты — совершить дворцовый переворот при помощи кавалергардов. Или "морской план" — силами гвардейского экипажа, охранявшего Ставку, принудить Николая II отказаться от власти, а царицу заманить на военный корабль и. вывезти из России. Был выдвинут и другой проект — усадить царя в самолет, увезти в лес и там пусть он подпишет отречение, или, по словам Керенского, — разбомбить с воздуха царский! автомобиль при проезде его по дороге на фронт.

В общем,наговорено было много вздора. Дело упиралось в исполнителя. Челноков в беседе с Милюковым довольно метко охарактеризовал практическую сторону заговоров: "Никто об этом серьезно не думал, а шла болтовня о том, что хорошо бы,. если бы кто- нибудь это устроил". Но все же склонялись к мысли о том, что единственный человек — Гучков.

Хотя многое точно установить невозможно, главное ясно — в последние недели самодержавия на Гучкова сделали ставку масоны. По их линии несомненно были объединены оба заговора—гучковский и львовский. Было отдано предпочтение первому. Об разевались конспиративные комитеты. Когда в эмиграции в двадцатые годы Милюков узнал об этом, он написал: это сообщение "является для меня, к моему стыду как историка революции, совершенно неожиданным. Впредь до более авторитетного подтверждения я остерегусь вносить этот факт в текст моей истории".

Сам Гучков впоследствии признавал, что он подыскивал нужную для переворота воинскую часть, работая в составе "комитета трех" с Некрасовым и Терещенко. Они предложили ему как создать этот комитет, так и войти в него. Параллельно с этим комитетом существовали другие, о которых стало известно от лиц, отказавшихся войти в них. Так, Н.П. Астров рассказывал, что Некрасов упорно, но безуспешно вербовал его дополнить до "пятерки", в которой уже состояли Керенский, Терещенко, Коновалов и сам Некрасов.

Шульгин в двадцатые годы рассказал, как в январе 1917 года некто Н. начал его вербовать в некую организацию. Шульгин не

назвал тогда имени вербовавшего, но из описания ясно, о ком шла речь, — "у него на моложавом лице всегда были большие розовые пятна — не знаю - от чахотки или от здоровья". То был, конечно, Н.В.Некрасов. "Он начал издалека, - вспоминал Шульгин, - и, так сказать, экивоками. Но я его понял. Он зондировал меня насчет того, о чем воробьи чирикали за кофе в каждой гостиной, т.е. о дворцовом перевороте... Н. говорил о том, что государственный корабль в опасности... и поэтому требуются особые, исключительные меры для спасения экипажа и драгоценного груза". Шульгин, развивая аналогию, сказал, что принадлежит не к "шлюпочникам", а к "суденщикам". Первые при корабле крушении зовут в шлюпки, вторые предлагают остаться на корабле, указывая, что в девяти случаях из десяти шлюпки гибнут, остается один шанс, такой же, как на гибнущем корабле. Шульгин еще раз подчеркнул, что он "суденщик", и собеседники решили о разговоре забыть.

Те, кто входил в масонскую организацию, горой стали за дворцовый переворот. Они двигали заговор только в этом направнении. Меньшевики Н.С.Чхеидзе, А.И.Чхенкелия, М.Д.Скобелев, а также А.Ф. Керенский, все масоны, одобрили этот образ действия и ради его успеха делали все, зависевшее от них, чтобы парализовать развитие массового движения в стране. Хатисов перед поездкой на Кавказ к Николаю Николаевичу получил наказ еще от Чхеидзе — передать Джордании и другим грузинским меньшевикам — всеми силами удерживать рабочих от выступлений. Вероятно, в этом разгадка испуга Чхеидзе, подмеченного Милюковым перед "солдатским бунтом" в первые дни февральской революции. Для Чхеидзе, сжившегося с мыслью, что все решит дворцовый переворот, приход революции был крушением сокровенных надежд.

Методы, которые масоны хотели применить при управлении страной, произвели впечатление на В.Б. Станкевича (впоследствии комиссар Временного правительства при Ставке): "В конце января месяца, — говорил он, - мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного выступления

все относились определенно отрицательно, боясь, что раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левое русло, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны. Даже вопрос о переходе к конституционному режиму вызывал серьезные опасения и убеждение, что новой власти нель-
253
зя будет обойтись без суровых мер для поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды".

О суровых мерах стало подумывать и царское правительство. В последние месяцы царствования Николая II ясно обозначился курс вправо. Дело оставалось за малым — подыскать человека, который выполнил бы предначертания монарха, обуздав нараставшее возмущение в стране. Царю представлялось, что дело в людях. Только что назначенный премьер уже не устраивал его. В середине декабря 1916 года Николай II пишет: "Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и которому не доверяешь, как Треп(ову). Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом вытолкать его, — после того как он сделает грязную работу. Я подразумеваю - дать ему отставку, - когда он закроет Думу. Пусть вся ответственность и все затруднения падут на его плечи, а не на плечи того, который займет его место".

И тут же монарх перечеркнул собственный августейший план, назначив на рубеже 1916 — 1917 гг. премьером князя Н.Д. Голицына. Князь, вызванный на аудиенцию к императору, опешил — он не знал за собой тяги к высокой государственной деятельности. Голицын молил Николая II только об отставке, ибо полагал, что уже надорвался на поприще служения престолу - с 1915 года он ведал Комитетом помощи русским военнопленным. Но царь не слушал, он легкомысленно верил, что, прикрываясь импозантной фигурой старого вельможи, шустрый Протопопов справится с "революционерами", то есть думцами.

Протопопов действительно развил бурную деятельность, частично карательную. Он добился выведения Петроградского округа из подчинения Северному фронту. Протопопов не доверял командующему фронтом Рузскому и считал, что в случае революционных выступлений в столице их легче подавить,если округ будет независим от фронта. Министерство внутренних дел потребовало от властей на местах пресекать постановку политических вопросов на земских собраниях и в городских думах. Полиция стала арестовывать членов рабочих групп военно-промышленных комитетов.

Но правительство не могло никак выработать четкого курса в отношении оппозиции в правящих кругах. Николай II распорядился заготовить "на всякий случай" манифест о роспуске Думы, а тем временем государственный механизм разлаживался на глазах. В самом Министерстве внутренних дел ушли в отставку два товарища министра, не желавшие больше работать с Прото-
254
поповым. 5 января 1917 года "Русские ведомости", внешне скорбно, но внутренне торжествуя, сообщили: "Бюрократия теряет то единственное, чем она гордилась и чем старалась найти искупление своим грехам, — внешний порядок и формальную работоспособность".

Растерянность овладела и широкой буржуазной оппозицией. В стране определенно нарастали грозные события. А кто охранит власть имущих?

Шульгин попал на совещание, где "были все" — видные деятели Думы, земцы. Мелькали лица Гучкова, Некрасова, князя Львова, но было множество других, собрание никак не носило узкого характера.

"Сначала разговаривали "так", потом сели за стол. Чувствовалось что-то необычное, что-то таинственное и важное... Я не понял в точности. Но можно было догадываться. Может быть, инициаторы хотели говорить о перевороте сверху, чтобы не было переворота снизу. А может быть, совсем другое. Во всяком случае, не решились. И, поговорив, разъехались. У меня было смутное ощущение, что грозное близко. А эти попытки отбить это огромное были жалки. Бессилие людей, меня окружавших, и свое собственное в первый раз заглянуло мне в глаза. И был этот взгляд презрителен и страшен... Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересесть с депутатских скамей в министерские кресла при условии, чтобы императорский караул охранял нас...

Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце".

Вероятно, так представлялось дело непосвященным, но бок о бок с ними были те, кто знал, — российские масоны. Они отделывались общими фразами на многолюдных сборищах и неукоснительно хранили тайну своих планов. Нет сомнения, что только они в правящей верхушке России выступали сплоченной ячейкой, имея достаточно четко проработанный замысел.

Что могло противопоставить самодержавие? 14 февраля Дума возобновила свои заседания. Первый день работы ознаменовался выступлениями, острие которых было направлено против власти. На трибуне побывал Пуришкевич, всем известный участник убийства Распутина. Он прокричал обвинения лично против Протопопова, который ставит выбор: либо Дума должна стать "лакейской министра внутренних дел", либо ее роспуск. То, что Пуришкевич вообще получил слово,— критерий бессилия правительства.
255
На следующий день Милюков сообщил, что власть вернулась к курсу, который проводился до 17 октября 1905 года. Указывая театральным жестом на министерские скамьи, Милюков открыл "Там нет народа, там нет никого, кроме вот этих бледных теней, которые приходят сюда и уходят молча, не решаясь вступить с нами не только в сотрудничество,но даже и в разговор,и удивляли нас по временам какими-то обрывками фраз на непонятном языке, который принадлежит не нашему столетию". Милюков закончил: в этой войне Россия "победит вопреки своему правительству, но она победит!" Вслед за Милюковым ораторствовал Керенский, обругавший правительство и предложивший быть готовым "к великим событиям лета", т.е. к новому наступлению русской армии.

На следующих заседаниях Думы выпады против власти продолжались, но кроме битых разговоров об "ответственном"министерстве ничего нового не прозвучало. Николай II, которому докладывали о брани думцев, решил было явиться в Думу и объявить о даровании такого министерства, но в последний момент передумал и 22 февраля поспешно уехал в ставку в Моги лев. Почему? По всей вероятности, поддался настояниям великого князя Михаила Александровича, который скорее не по своей инициативе, а по поручению противников Николая II запугивал царя "недовольством армии". Он де Верховный Главнокомандующий и не в Ставке.

Это казалось ему важнее других известий, по словам Вырубовой, "глубоко возмутивших их и которые их сильно обеспокоили. Государь заявил мне, что он знает из верного источника, что английский посол сэр Бьюкенен принимает деятельное участие в интригах против Их Величеств и что у него в посольстве чуть ли не заседания с великими князьями по этому случаю. Государь добавил, что он намерен послать телеграмму королю Георгу с просьбой воспретить английскому послу вмешиваться во внутреннюю политику России, усматривая в этом желание Англии устроить у нас революцию и тем ослабить страну к времени мирных переговоров". Просить же об отозвании Бьюкенена государь находил неудобным: "это слишком резко", как выразился царь. Хотя до конца царствования оставалась неделя, самодержец так и не понял, что союзники России уже сделали выбор в пользу буржуазии, языкатые представители которой заверяли, кого, могли, и говорили, где могли, что они лучше и надежнее поведут войну, чем царизм.

256

В купе по дороге в Могилев царь прочитал прощальное письмо Александры Федоровны, радовавшей достоверно известным ей: "Наш Друг (Распутин - Н.Я.) в ином мире тоже молится о тебе". От себя царица добавила: "Кажется, дела поправляются. Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским... дай им теперь порой почувствовать твой кулак. Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: "Нам нужен кнут!" Это странно, но такова славянская натура".

Царь не задержал с ответом, написав 23 февраля: "Ты пишешь о том, чтобы быть твердым повелителем, это совершенно верно. Будь уверена, я не забываю, но вовсе не нужно ежеминутно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного, резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место". Это писалось в тот день, когда Петроград был охвачен революцией!' Самодержец всероссийский не слышал ее грозной поступи.

Впрочем, недалеко ушли от него те, кто убеждали себя, что держат руку на общественном пульсе страны и даже будто бы способны управлять событиями, — масоны. Отбросив партийные и межпартийные распри, они вели дело к "упорядоченному", в их понимании, переходу власти в руки буржуазии, в форме только военной диктатуры или, если угодно, хунты, естественно, не связанной никакими законами. Кого же планировали масоны поставить во главе хунты? "Вспомним, — писал Мельгунов, -что Хатисов должен был указать на сочувствие заговору ген. Маниковского. И со стороны именно Некрасова, несколько неожиданно для "левого" кадета, в частном заседании Государственной Думы, в полуциркульном зале, 27 февраля было сделано, по свидетельству Шидловского, предложение о военной диктатуре и вручении власти популярному генералу, имя которого и назвал Некрасов. Это был генерал Маниковский".

Хунте не было суждено утвердиться у власти, а товарищ военного министра А А. Маниковский не сел в кресло или седло "военного диктатора", уготованные ему той частью правящих Деятелей, которые именовали себя масонами. Революционный взрыв обогнал график их тайной работы. В тот день, 27 февраля, когда Петроград был в руках восставших масс, предложение Некрасова о

введении военной диктатуры, по словам Милюкова, было "неудобным". В переводе с думского жаргона это означа-
257
ло новое обострение революционной борьбы, острие которой неизбежно обратится против буржуазии, прокрадывавшейся к власти.

В дни, когда героический рабочий класс штурмовал цитадель царизма, Гучков мрачно вещал: "Революция, к сожалению, произошла слишком рано". Дворцовый переворот, который должен был опередить весеннее наступление русской армии, был спланирован гучковцами на середину марта. В эмиграции, в вихре обвинений и контробвинений экс-политиков, Гучков утверждал: "Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось". Это, конечно, неверно. А Маниковский? Другое дело, что генералы не рвались в первые ряды заговорщиков, а предпочитали выждать исхода схватки политиков.

Размышляя на склоне лет о причинах провала планов контрреволюции в 1917 году, Милюков писал о положении царизма и буржуазии в канун февральской революции: "Обе стороны, вступившие в открытую борьбу, к чему-то готовились. Но это "что-то" оставалось где-то за спущенной завесой истории, и ни одна сторона не проявила достаточно организованности и воли, чтобы первой поднять завесу. В результате случилось что-то третье, чего — именно в этой определенной форме — не ожидал никто, что... получило немедленно название начала великой русской революции".

В то время, когда буржуазия обсуждала способы и методы взятия власти, в стране стремительно нарастал кризис, по рожденный войной, все тяготы которой правящие классы свалили на народ. Последствия были очевидны для знавших истинное положение в стране. В самом конце 1916 года руководство полиции представило "наверх" доклад, в котором о положении в Петрограде говорилось в недвусмысленных выражениях и, пожалуй, пророчески:

"Рабочий пролетариат здесь близок к отчаянию, и достаточно какого-нибудь одного даже провокационного сигнала, что бы в столице разразились стихийные беспорядки с тысячами десятками тысяч жертв... Даже в том случае, если принят что рабочий заработок повысился на 100%, все же продукты повысились в цене на 300% в среднем. Невозможность до быть даже за деньги многие продукты питания и предметы первой необходимости, трата времени на стояние в очередях
258
при получении товаров, усилившиеся заболевания на почве скверного питания и антисанитарных жилищ... и пр. сделали то, что рабочие уже в массе готовы на самые дикие эксцессы "голодного бунта"... Запрещение рабочих собраний — даже в целях устройства лавочек в столовых, — закрытие профессиональных организаций..: заставляют рабочие массы... резко отрицательно относиться к правительственной власти и протестовать всеми мерами и средствами против дальнейшего продолжения войны". Невиданными темпами развивалось стачечное движение боевого российского рабочего класса. Если в 1915 году в забастовках приняли участие 571 тысяча рабочих, то в 1916 году вышли на улицу 1172 тысячи рабочих. Начало 1917 года ознаменовалось мощными забастовками, в первую очередь, рабочих Петрограда. Они шли под лозунгами большевистской партии, требовавшей положить конец самодержавию, бессмысленному избиению

миллионов людей в империалистической войне. Революционная Россия видела в шествии масс пролог светлого будущего, в Берлине в правительственных канцеляриях чиновники потирали руки, усматривая в этом начало конца великой страны.

И немец крался...

Крупным элементом большой стратегии Срединных империй были упования на принцип "разделяй и властвуй". В самом грубом приближении речь шла об упорных попытках внести раздор среди держав Антанты и примыкавших к ним США. Одновременно, хотя это меньше бросалось в глаза, Берлин и Вена работали внутри государств антигерманской коалиции, методами, в наше время названными психологической войной, сея раздоры, поддерживая и провоцируя выступления нацменьшинств, обостряя неизбежные классовые противоречия и прочее в том же духе. Тогдашняя Россия с множеством запушенных социальных и политических проблем оказалась особенно уязвимой для происков австрийской и германской агентуры. Активность ее росла соразмерно тому, как тускнели надежды на победу чисто военными средствами, и глухое отчаяние заползало в резиденции сильных в этих странах.

Исполинский вал Восточного фронта нависал над Срединными империями. Даже в залитых кровью траншеях на Запа
259
де немецкая солдатная с ужасом и страхом говорила о ярости схваток на русском фронте. В "Моей борьбе" А.Гитлер, солдат западного фронта, вернувшись к году 1916, сказал: "Победу России можно было оттянуть - но по всем человеческим предвидениям она была неотвратима". Он понимал — погибель шла с Востока. В другом лагере, держав Согласия, видный военный лидер той войны У.Черчилль имел возможность анализировать происходившее на высшем уровне и из первых рук. "По тем ударам, которые Российская империя пережила, по катастрофам, которые на нее свалились, мы можем судить о ее силе.., — писал он в книге "Мировой кризис" в начале тридцатых. — Жертвенное наступление русских армий в 1914 году, которое спасло Париж, упорядоченный отход, без снарядов и снова медленное нарастание мощи. Победы Брусилова — пролог нового русского наступления 1917 года, более мощного и непобедимого, чем когда бы то ни было. Не смотря на большие и страшные ошибки существовавший в ней строй к этому времени уже выиграл войну для России... Но никто не смог ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависели жизнь и слава России. На пороге победы она рухнула на землю, заживо пожираемая червями". Ре жим подтачивался изнутри, а война неизмеримо усилила этот процесс.

Еще до начала войны австрийские разведчики вели не очень заметную сепаратистскую пропаганду на Украине, частично в отместку за панславистскую пропаганду российского "Нового времени". Запутанные ходы австрийских подстрекателей украинских националистов после августа 1914 года привлек ли внимание политического отдела германского генерального штаба и иных кайзеровских организаторов тайной войны против Российской империи. Постепенно Германия переманила к себе австрийскую агентуру. Берлин превратился в неоспоримый центр этой деятельности, а методы раздувания

националистических устремлений немцы частично опробовали и наработали на военнопленных русской армии. Политический отдел кайзеровского генштаба издавал для пленных русской национальности газету "На чужбине", но использовал куда большие силы и средства для обработки украинцев, белорусов и финнов. Когда по завершении войны тайное стало явным, князь А.М.Волконский в книге "Историческая правда и украинофильская пропаганда" (Турин, 1920) написал:

260

"Когда-нибудь будут напечатаны данные опросов наших солдат, прошедших через австро-германский плен; тогда русское общество узнает, как в специальных школах пропаганды наши враги прививали десяткам тысяч наших темных "малых сих" мысль, будто они не русские, а отдельный украинский народ, не белорусы, а рутены, и как с истинно дьявольским искусством и сатанинской злобой внедряли в их души ненависть к братьям и к матери Родине. Цель врагов ясна, но каково должно быть партийное ослепление, чтобы спешить навстречу их желанию раздробить Россию и тем обеспечить порабощение германцами и Великой, и Малой, и Белой ее частей. Братья, опомнитесь, покуда не поздно!" Писал Волконский на излете гражданской войны, когда воочию увидели, к чему привели процессы, обозначившиеся, помимо прочего, уже в германском плену.

Исполнителей предначертаний политического отдела немецкого генштаба среди националистов всех мастей было более чем достаточно. Не только между пленными. "Германские посольства в нейтральных странах, - эпически повествует Г.Катков, - держали в постоянной осаде финские националисты, польские дворяне, украинские клирики, кавказские князья и разбойники с большой дороги, революционные интеллигенты всех направлений, все они хотели основывать освободительные комитеты, печатать националистические пропагандистские листки и создавать какие-нибудь независимые и свободные национальные государства в результате раздела Российской империи. Сначала среди тех, кто брался добровольно помогать немцам, не было представителей сложившихся русских революционных партий - обеих социал-демократических и эсеров". В интересах придания большей эффективности тайной войне, накал которой со стороны Германии усиливался, нужно было всеми силами исправить этот дефект, ибо националисты, полезные для растаскивания Российской империи, были бессильны затронуть становой хребет мощи нашей страны — русского народа. Немецкие эксперты обратились к спекуляции на социальных проблемах. Благо Германия тогда слыла родиной моднейшего социализма.

По весне 1915 года обнадеживающие вести пришли в Берлин из Константинополя. К германскому послу в Турции Вагенхейму явился некий Парвус (А.Л.Гельфанд), меньшевик, близкий к Л.Д.Троцкому. Он развил перед немецким дипломатом

261

честолюбивый план организации "революции" в России. Кайзеровских дипломатов мало трогало, что красноречивый визитер исповедовал кредо перманентной революции, опасной для любой династии, включая Гогенцоллернов, их взволновали соблазнительные перспективы очень скоро свалить Романовых. Верительные грамоты Первуса, как революционера, следовательно, знавшего дело, были аутентичными, посему его в марте приняли в

Берлине на самом высшем уровне. Сладкой музыкой в ушах канцлера Бетман-Гольвега и самого императора прозвучали посулы Парвуса еще поднять сепаратисткие движения в Финляндии и на Украине. По, распоряжению Вильгельма II Парвуса вознаградили германским гражданством и вручили 2 миллиона марок — деньги на поддержку украинских и финских сепаратистов, а также большевиков, обосновавшихся в Швейцарии во главе с В.И.Лениным, звавших к поражению своего правительства в войне и уже по одной этой причине заслуживавших благоволение немецких милитаристов, испытавших все новые неудачи на фронтах.

Парвус вступил в контакт с Лениным, который довольно уклончиво реагировал на его внушения. Владимир Ильич хорошо знал этого Гельфанда, склонного к авантюрам. Парвус, обосновался в Копенгагене, где занялся сомнительными финансовыми операциями в интересах сбора сумм, потребных для "революции". Немецкое участие в его делах сомнений не вызывало, но русские революционеры, особенно большевики, отчаянно нуждались. Еще в марте 1915 года он получил в Берлине на "революцию" в России миллион марок, в декабре того же года еще миллион рублей.

Гельфанд утверждал, что сумеет вывести на улицы в Петрограде в годовщину "кровавого воскресенья" 9 января 1916 года не менее 100000 демонстрантов. Обещания Парвуса немецким разведчикам далеко не оправдались, однако Берлин в июле 1916 года ассигновал на описанные цели еще 5 миллионов марок. Вильгельм II, как и подобало кайзеру, излил монарший гнев на нерасторопность, а коль скоро по понятным причинам не был склонен полагаться на "чернь" в России", то он потребовал от Бетмана-Гольвега утроить усилия через людей приметных - "банкиров, евреев и прочих". Это перенесло центр тяжести подрывных действий в высшие сферы Петрограда. Агентура Парвуса в России выбивалась из сил, пытаясь

выполнить немецкие предначертания, подкармливая тех, кого Черчилль уместно назвал "червями", заживо пожиравшими Россию.

Граф Брокдорф-Ранцау, оставивший заметный след в истории германской дипломатии, а тогда посол в Дании, не мог нахвалиться Парвусом. В одном из донесений в Берлин, выдав аттестат Парвусу как "блестящему" человеку, "разработавшему замечательный план по организации в России революции", заключал: "Победа и, следовательно, мировое Господство за нами, если вовремя удастся революционизировать Россию и тем самым развалить коалицию". Увы, Парвус и его люди не были одиноки в этих усилиях.

В Швейцарии, не покладая рук, трудился за отделение Эстонии от Российской империи член эстонского национального комитета Кескюла, обслуживающий не только немецкую миссию в Берне, но и политический отдел кайзеровского генштаба. Он протоптал дорожку и к В.И.Ленину. Посланник Германии в Берне Ромберг депешировал Бетману-Гольвегу 30 сентября 1915 года о том, что Кескюле "удалось договориться об условиях, на которых русские революционеры готовы заключить с нами мир в случае успешного завершения революции". В изложении Ромберга ленинская программа помимо реализации известных социалистических требований (установление республики, конфискация крупной земельной собственности и пр.) содержала положения, которые "не исключают

возможности отделения от России тех национальных государств, которые могут стать буферными".

Ромберг рекомендовал правительству:"Программу Ленина не следует, конечно, предавать гласности... Обсуждение этой программы в печати лишит ее всякой ценности". Еще посланник присовокупил: "По мнению Кескюла, было бы важно, чтобы мы немедленно оказали помощь движению ленинских революционеров в России. Он лично доложит об этом в Берлин". Доложил, конечно, и обивал пороги генштаба и министерства иностранных дел, домогаясь немецкой помощи "революции" в громадной России в интересах эстонских сепаратистов, стремившихся сорвать куш пожирнее с русского народа.

В острой партийной борьбе тогда и впоследствии подчеркнуто выпячивалась проблема "немецкого золота", на которое-де была совершена революция в России. А.Ф.Керенский в

263

своих мемуарах "Россия на историческом повороте" относил за счет этих средств многое в поражении Временного правительства. Ссылаясь на труд немецкого профессора Ф.Фишера, он определял субсидии немцев большевикам в 80 миллионов марок золотом. Но тот же Фишер в использованной Керенским книге "Внешняя политика кайзеровской Германии 1914-1918 гг." (1961) предостерег - эти суммы нужно рассматривать в правильном контексте. На 30 января 1918 года специальный фонд на пропаганду и особые цели составлял 382 миллиона марок, на Россию из него пошло 40580997 марок или около 10%. На поддержку любых противников тогдашнего строя в России. Результаты? Расхожее утверждение антикоммунистов — большевики-де были платными, а следовательно, послушными агентами Вильгельма II. Заглянем на год вперед — к исходу 1918 года. Гогенцоллерны и Габсбурги лишились короны, а Советское правительство во главе с В.И.Лениным отпраздновало первый год существования.

Схватки различных спецслужб в нейтральной Швейцарии в годы первой мировой войны дело заурядное, и дивятся этому разве неофиты-историки. Естественно, политэмигранты пользовались повышенным вниманием разведок, сцепившихся в смертельной схватке коалиций, а изгнанники стремились использовать это в своих целях По личным склонностям и вкусам разведчик А Даллес (основоположник и директор ЦРУ в 1953—1961 гг.) в беседах с подрастающей порослью рыцарей плаща и кинжала любил возвращаться к временам той войны, когда он но собственному признанию совершил жуткий промах. Его, резидента американской разведки в Швейцарии, одолевали политэмигранты из различных стран.

Даллес, естественно, устал от странных, часто дурно одетых и голодных посетителей, развивавших по большей части безумные планы и почти всегда венчавших свои рассуждения просьбой дать денег Среди прочих приема у Даллеса на исходе 1916 года добивался и очень настойчиво некий русский Как-то он снова пришел в приемную Даллеса. Слегка приоткрыв дверь, американец в щель увидел крепкого лысого человека с рыжеватой бородкой, нетерпеливо мерившего шагами комнату Даллес поежился: снова разговор о деньгах, скучно А молодость брала свое, наставительно оканчивал рассказ Дал лес в пятидесятые, "меня ждала партия в теннис с прекрас-

264

ной дамой". Он решительно предпочел ее общество общению с плешивым русским, прикрыл дверь и отправился на корт, навсегда утратив возможность лично познакомиться с В. И.Лениным. Мораль, подчеркивал Даллес, никогда не отказывать в таких обстоятельствах никому в приеме. Историки ЦРУ вычислили: Ленин зашел к Даллесу незадолго до отъезда в Россию, по всей вероятности, посоветоваться о немецких субсидиях большевикам.

В наши дни в западной литературе сказано все и даже с лихвой об этой скандальной тайне тех лет. Впрочем, такой уж большой? Обратимся к "Воспоминаниям" министра иностранных дел России С.Д.Сазонова, простоявшего на своем посту почти всю великую войну. Он указал в 1927 году, когда вышли его мемуары: "По уверениям немецкого социалиста Берн штейна, никем не опровергнутым, германское правительство отпустило на нужды русской революции семьдесят миллионов марок". Так что никаких секретов нет.

"Главным козырем германской политики, — заканчивает Сазонов, - оказалось удачное объединение ее усилий с усилиями революции, разложившей военные силы России. Благодаря этому, час германского поражения был отсрочен на полтора года. Слепота русских правящих кругов, в которые в период бездержавия пробралось с заднего крыльца немало недостойных лиц, сделала возможным успех заговора против чести и целости России и затем в скором времени поста вила ее па край гибели".

Буржуазия и царизм выстроились друг против друга, каждая сторона не отрывала глаз от ненавистного противника, подстерегая каждое его движение. Они и были на деле пресловутыми черчиллевскими "червями", которые как известно лишены зрения. Где им было увидеть исполина, вставшего на пороге политической арены — народ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: РАЗВЯЗЫВАЮТСЯ НЕКОТОРЫЕ УЗЛЫ

Наступали великие и страшные времена. Оценка в зависимости от классовой точки зрения. Грянул 1917, год революций. К исходу его те, кто совсем недавно горели желанием рассесться хозяевами земли русской, оказались у разбитого корыта Могучее половодье силы и воли народной, как карточные

домики, снесло хитроумные планы буржуазии, а в ожесточенном огне и муках гражданской войны рождалась новая страна

Под руководством В.ИЛенина партия большевиков вывела Россию из войны. Наша страна заплатила страшную цену за антинародную политику царизма и Временного правительства — 1,8 миллиона убитых на фронтах и умерших от ран соотечественников. По абсолютным потерям Россия не имела равных в лагере Антанты Но если бы наша страна продолжала воевать, этот кровавый счет неизбежно катастрофически возрос бы.

Западные союзники взвалили на Россию в 1914—1916 годах главную тяжесть вооруженной борьбы Партия большевиков провела титаническую работу, чтобы покончить с империалистической войной. Зов партии был услышан и понят в России, решающее большинство населения страны пошло за большевиками к миру. На Западе же призывы большевиков, отвечавшие коренным интересам всего человечества, были объявлены "предательством" дела Антанты За безумие

правителей пришлось дорого заплатить солдатам Западного фронта, многие из которых продолжали верить империалистической пропаганде Некоторые из них прозрели, лишь пройдя кровопролитные кампании 1917—1918 годов

Мудрость ленинского руководства избавила русский народ от этих испытаний, сохранила жизнь миллионам людей

Партия большевиков победила в революции и в войне, что оказалось по плечу только великой России Опозоренная царизмом, оплеванная отечественной буржуазией, восстав как Феникс из пепла, держава расправила исполинские крылья

Исторический поворот, поражающий воображение и в наши дни через много десятилетий после российского Октября создал своеобразную инерцию. Мы иной раз склонны упускать из виду ту страшную опасность, которую представляли для судеб Отчизны замыслы буржуазии, задушенные в зародыше революцией Победили, мол, и все тут Но претенденты на опустевший престол были много опаснее даже царизма как молодой хищник куда кровожаднее одряхлевшего льва Всемирно-историческое значение Октября, помимо прочего, в величайшей своевременности — меч революции поразил гадину в тот самый момент, когда она только-только становилась на ноги и не успела окрепнуть

266

Ныне носителей чудовищных планов, пожалуй, почти не осталось в живых. Иные погибли с оружием в руках, сражаясь против народа в те годы, другие бесславно угасли в эмиграции, унеся в могилу неосуществленные тайные замыслы. Задним числом люди с короткой памятью стараются изобразить их некими рыцарями, бескорыстными служителями "демократии". Антикоммунисты нагромоздили горы книг о славных надеждах февраля 1917 года, будто бы увядших в Октябре того же года.

Работающие в этом ключе всеми силами и средствами до отказа используют внешнюю сторону событий, полагая, что пружины действий буржуазии надежно скрыты. Нет! Стоит пролить свет на значение сверхорганизации русского масонства и те изощренные методы, которыми они попытались замаскировать свои следы на магистральной дороге истории нашей Родины.

...Он был умным и даже талантливым человеком, Николай Виссарионович Некрасов, только отдал свои незаурядные способности служению Злу. В десятилетие, предшествовавшее 1917 году, а на него и падает вся политическая деятельность Некрасова, незримая рука высоко вознесла его по причинам, которые не понимали даже те, чье дело он отстаивал. 28-летний профессор кафедры статики мостов и сооружений Томского политехнического института, Некрасов в 1908 году прошел депутатом в Государственную Думу от кадетов. Он встретил Февраль 1917года товарищем Председателя Думы, был последовательно министром путей сообщения, министром финансов, заместителем премьера Керенского во Временном правительстве, разошелся с ним во время корниловского мятежа и был отправлен в почетную ссылку генерал-губернатором Финляндии, где его застала Октябрьская революция.

Милюков даже в глубокой старости не мог без содрогания слышать имя ближайшего коллеги по кадетской партии Некрасова. "В дни Временного правительства, — писал Милюков в "Воспоминаниях", — я тогда уже имел основание считать Н.В.Некрасова попросту предателем, хотя формального

разрыва у нас еще не было. Я не мог бы выразиться так сильно, если бы речь шла только о политических разногласиях .. Хуже было то, что Некрасов, видя быстрый рост влияния Керенского, переметнулся к нему явно из личных расчетов Он был, конечно, умнее Керенского и. так сказать, обрабатывал

267

его в свою пользу. По впечатлению Набокова, мало его знавшего вначале, "его внешние приемы подкупали своим видимым добродушием", "он умел казаться искренним и просто душным", но "оставлял впечатление двуличности, — маски скрывающей подлинное лицо". Вопреки Набокову, "первой роли играть" он не мог и даже, не желая рисковать, к ней и не "стремился". Он более способен был играть роль наушника тайного советчика, какого-нибудь "серого преосвященства" Он слишком долго цеплялся за колесницу временного победителя, и сам свел на нет свою политическую карьеру, когда пришлось прятаться от достигнутого успеха"

Милюков, почитавший себя проницательным человеком ушел из жизни, так и не поняв, кто стоял рядом с ним. Некрасов обладал поразительным даром мимикрии и необъяснимым желанием держаться в тени.

Неоспоримый ум Некрасова проявился в том, что он увидел необоримость Октябрьской революции, перевернувшей страну. Конечно, он не мог не сделать личного вклада в борьбу с большевиками (о чем дальше). Но не преуспел. И если тысячи и тысячи контрреволюционеров сбегались под знамена пропащего дела, то Некрасов затаился в ожидании лучших времен. В начале 1918 года он сменил фамилию, стал Голгофским, отправился в Уфу, освобожденную Красной Армией и затесался в ряды советских кооператоров. В провинциальной Уфе, а затем в Казани толковый и знающий работник быстро обратил на себя внимание. Он на виду - вошел в правление Татсоюза Завидная деловитость оказала ему дурную услугу, звонкая слава привела к разоблачению — в Голгофском опознали министра Временного правительства Н.В.Некрасова.

30 марта 1921 года он был арестован ЧК в Казани. В заключении в Уфе, а затем в ВЧК в Москве Некрасов повел душевные беседы со следователем, повествуя о муках "странствий" под чужой, но собственного изобретения фамилией. Разве странник не подобен Иисусу, проделавшему скорбный путь на Голгофу? Он обнажил на допросах белоснежную душу, во что уверовали по ту сторону стола. Следователи не стали досаждать узнику бестактными вопросами, а поручили самому описать свою жизнь человека, исковерканного проклятым прошлым. Автор нарек труд "Краткий очерк жизни Николая Виссарионовича Некрасова за время с начала империалисти-

268

ческой войны до ареста 30 марта 1921 года", в котором среди многих красот эпистолярного жанра значилось:

"С первых дней войны я оказался в разногласии с большинством партии, руководимой Милюковым, по вопросу о гражданском мире с царским правительством, я настаивал на продолжении оппозиционной тактики, а Милюков на примирении с властью. ...В Думе мои разногласия с соглашательской политикой Милюкова увеличились настолько, что я вышел из Президиума фракции, вообще отошел от работы в Думе и отдался работе в "Земгоре". Это продолжалось больше года. Только в конце 1916 года, когда

отношения Думы с правительством Николая II обострились, моя кандидатура, как резко оппозиционная, была выдвинута на место товарища председателя Думы. В этой роли меня и застала февральская революция.

Рост революционного движения в стране заставил в конце 1916 года призадуматься даже таких защитников "гражданского мира", как Милюков и других вождей, думского блока. Под давлением земских и городских организаций произошел сдвиг влево. Еще недавно мои требования в ЦК к.д. партии "ориентироваться на революцию" встречались ироническим смехом — теперь дело дошло до прямых переговоров земско-городской группы и лидеров думского блока о возможном составе власти "на всякий случай". Впрочем, предствления об этом "случае" не шли дальше переворота, которым в связи с Распутиным открыто грозили некоторые великие князья и связанные с ними круги. В этом расчете предполагалось, что царем будет провозглашен Алексей, регентом - Михаил, министром-председателем - князь Львов, а министром иностранных дел - Милюков.

Единодушно все сходились на том, чтобы устранить Родзянко от всякой активной роли.

Рядом с этими верхами буржуазного общества шла оживленная работа и в кругах, веривших и жаждущих настоящей революции. В Москве и Петрограде встречи деятелей с.д. и с.р. партий с представителями левых к. д. и прогрессистов стали за последние перед революцией годы постоянным правилом. Здесь основным лозунгом была республика, а важнейшим практическим лозунгом - "не повторять ошибок 1905 года", когда разбитая на отдельные группы революция была по частям разбита царским правительством. Большинство

269

участников этих встреч (о них есть упоминания в книге Суханова) оказались важнейшими деятелями февральской революции, а их предварительный сговор сыграл, по моему глубокому убеждению, видную роль в успехе февральской революции".

Рассказы Некрасова полностью укладывались в известную схему предыстории событий, приведших к революции. В сущности, то, о чем тогда говорил Некрасов, являлось перефразом самых популярных с о России тех лет. Причем он правильно расставлял акценты, поносил Милюкова и не уставал подчеркивать, что сам, во всяком случае, имеет революционные заслуги — боролся с монархией. Образно говоря, он описал верхушку айсберга политической деятельности своих единомышленников, остальное пока оставалось скрытым.

Показания Некрасова сомнения не вызывали, а он сам завоевал растущие симпатии и тех в ВЧК, кто вели его дело. Они не усмотрели ничего необычного как в его дореволюционных деяниях, так и в "странствованиях" после революции под чужой фамилией. "Заключение по делу Некрасова", составленное следователем ВЧК 23 мая 1921 года, проникнуто глубоким лиризмом. Скользкий период жизни подследственного — пребывание в Казани — рисовался в пастельных тонах.

"Все больше и больше проявляя себя как крупного экономиста, кооператора и общественного деятеля... — говорилось в документе, - Голгофский постепенно завоевывал все больше и больше обожателей в правящих г.Казани сферах, с

другой, обнаруживая свою незаурядность и проявляясь, невольно раскрыл свое инкогнито, а в товарищеской попойке открыл однажды свой псевдоним.

В результате целый ряд коммунистов г. Казани, равно как и много обывателей, узнали, что представляет собой фигура Голгофского, и в то время как одни из знавших, считая деятельность его, Некрасова (Голгофского), положительной для Советвласти, молчали о том, что знали, другие частью из зависти к его успехам, частью из злобы личной или к прошлому подготовили роковой донос, и деятельность Голгофского в Казани на этом прервалась.

Принимая во внимание, что деятельность Некрасова Н.В. в Казани, по очевидному мнению целого ряда ответственных партийных товарищей Казани и центра, не поддается никакому сомнению в смысле положительного отношения к Совет-
270
ской власти... что за исключением некоторых, весьма незначительных мест в его показаниях (нежелание называть фамилии лиц, связанных с ним знакомством в целях ограждения их от неприятностей допросов и пр.), последние носят характер раскаяния бывшего кадета, убедившегося, что нет ничего среднего между реакцией и советвластью и признавшего последнюю, полагал бы настоящее дело представить на распоряжение тов.Дзержинского".

Казалось, трудно превзойти душевный подход следователя, но уполномоченный президиума ВЧК, под наблюдением которого велось дело, оказался способным на это. К "заключению" он приписал: "Я вел с Голгофским-Некрасовым ряд бесед не записанных. На основании всего материала по делу прихожу к убеждению в политической и общей целесообразности полного прекращения дела Голгофского-Некрасова, легализации б.министра путей сообщения Некрасова, освобождения его и использования его на хозяйственной работе".

Перед натиском взрыва добрых чувств руководства ВЧК устоять было невозможно, и 24 мая 1921 г. Ф.Э.Дзержинский наложил резолюцию "Дело прекратить". Некрасов обрел свободу.

Что меч революции притупился и весной 1921 г. ВЧК превратилась в инстанцию всепрощения? Вовсе нет. По-прежнему применялись жесткие репрессивные меры. Как раз в те дни, когда решалась судьба Некрасова, в апреле 1921 г. было закончено следствие по делу пресловутого доктора А.И.Дубровина, до революции председателя "Союза русского народа". Начальник следчасти президиума ВЧК, вынося его дело на решение президиума ВЧК, писал: "Считаю нужным предать Ревтрибуналу и расстрелять его. Если Западная Европа когда-либо оправдывала наш красный террор, то Дубровин один из таких. Все еврейство всего земного шара будет безусловно благославлять этот расстрел". Дубровина без проволочек казнили.

Около десяти последующих лет Некрасов занимал руководящие посты в строительных организациях, профессорствовал. А затем за него взялись, привлекая по дутым делам. В 1930 году Некрасова арестовали по делу "Союзного бюро" ЦК РСДРП (меньшевиков) и осудили на 10 лет исправительно-трудовых работ. Но накопив опыт отношений с карательными органами, Некрасов в 1933 г. был досрочно освобожден, а в 1937 г.
271

награжден орденом Трудового Красного Знамени за участие в строительстве канала Москва-Волга

Вскоре после этого Некрасов в третий раз попал в поле зрения следственных органов. Сначала как "вредитель" на канале, а затем поставили в вину покушение на В.И.Ленина 1 января 1918 года. Тогда автомобиль Ленина был изрешечен пулями террористов и только находчивость Ф.Платтена, пригнувшего голову Ленина, спасла ему жизнь Теперь предводителем террористов объявили Некрасова

В третий раз оказавшись под следствием, Некрасов повел мрачную борьбу на этот раз за собственную жизнь. Ставка была очень велика, и Некрасов заговорил о том, о чем умалчивал раньше. Разумеется, он признал свою вину в покушении на жизнь вождя и тут же попытался смягчить свою участь неожиданным открытием — он вдруг заговорил о масонах! Некрасов представил дело в академическом плане. Из протокола допроса 26 июня 1939 года.

"Вопрос: Ваше официальное положение во время пребывания в масонской организации?

Ответ: В масонскую организацию я вступил в 1909 г. в Петрограде С 1910 г. по 1916 г являлся секретарем так называемого Верховного совета масонства народов России. Состоял в масонской организации до момента ее распада, т.е. до 1917 г. В этот период времени я являлся членом государственной думы.

Вопрос: Назовите известных вам членов масонской организации?

Ответ: Из оставшихся в России масонов я в настоящее время никого не помню".

Едва ли он был искренен, вспомним тревоги престарелых Керенского и Кусковой спустя почти двадцать лет после выхода мемуаров Милюкова..

Но большего о живших в СССР от Некрасова не добились, хотя он оказался словоохотливым в отношении истории. По уже установившейся привычке он испросил разрешения дать "собственноручные" показания и 13 июля 1939 года представил "Следователю 3 отдела ГУЛАГа НКВД" обширную записку о роли масонства до 1917 года. Под пером Некрасова в 1919 роли масонства до 1917 г. Под пером Некрасова в 1939 году события, описанные им для ВЧК в 1921 году, предстали в ином свете.

ской революции претерпела метаморфозу. То. что представлялось сцеплением случайностей, приобрело форму заговора. Хотя, быть может, он переоценивал роль масонов вообще.

"Я был принят в масонство, - писал Некрасов, - в 1908 г. ложей под председательством графа А.А Орлова-Давыдова на квартире профессора М.М.Ковалевского. Ложа эта принадлежала к политической ветви масонства и была первоначально французской ложей "Великий Восток", но уже с 1910 г. русское масонство отделилось и прервало связи с заграницей, образовав свою организацию "Масонство народов России". В 1909 г. для очистки новой организации от опасных по связям с царским правительством и просто нечистоплотных морально людей организация была объявлена распущенной и возобновила свою работу уже без этих элементов (князь Бебутов, М.С.Маргулиес — впоследствии глава белого "северо-западного правительства") Новая организация была строго конспиративна, она строилась по ложам (10-12 человек),

и во главе стоял верховный совет, выбиравшийся на съезде тайным голосованием, состав которого был известен лишь трем особо доверенным счетчикам. Председателям лож был известен только секретарь верховного совета, таким секретарем был я в течение 1910-1916 годов.

Масонство имело устав, даже печатный, но он был зашифрован в особой книжке "Итальянские угольщики 18 столетия" (изд. Семенова). "Масонство народов России" сразу поставило себе боевую политическую задачу: "Бороться за освобождение родины и за закрепление этого освобождения". Имелось в виду не допустить при революции повторения ошибок 1905 года, когда прогрессивные силы раскололись и царское правительство легко их по частям разбило. За численностью организации не гнались, но подбирали людей морально и политически чистых, а кроме и больше того, пользующихся политическим влиянием и властью. По моим подсчетам, ко времени февральской революции масонство имело всего 300-350 членов, но среди них было много влиятельных людей. Показательно, что в составе первого Временного правительства Оказались три масона - Керенский. Некрасов и Коновалов. и вообще на формирование правительства масоны оказали большое влияние, так как масоны оказались во всех организациях, участвовавших в формировании правительства. Масонство было надпартийным, т.е. в него входили представите-

ли разнообразных политических партий, но они давали обязательство ставить директивы масонства выше партийных Народнические группы были представлены Керенским, Демьяновым. Переверзевым, Сидамом-Эристовым (исключен в 1912 г ввиду подозрении в связи с азефщиной). Меньшевики и близкие к ним группы имели Чхеидзе, Гогечкори, Чхенкелия, Прокоповича. Кускову. Среди к.д. были Некрасов, Колюбакин, Степанов В. А., Волков Н К. и много других. Среди прогрессистов отмечу Ефремова И.Н., Коновалова А.И., Орлова-Давыдова А. А. Особенно сильной была организация на Украине, где ее возглавляли бар. Ф.Р Штейнгель, Григорович-Барский, Василенко Н П . Писаржевский Л.В. и ряд других видных имен до Грушевского включительно.

Переходя к роли масонства в февральской революции, скажу сразу, что надежды на него оказались крайне преждевременными, в дело вступили столь мощные массовые силы, особенно мобилизованные большевиками, что кучка интеллигентов не могла сыграть большой роли и сама рассыпалась под влиянием столкновения классов Но все же некоторую роль масонство сыграло и в период подготовки февральской революции, когда оно было своеобразным конспиративным центром "народного фронта", и в первые дни февральской революции, когда оно помогло объединению прогрессивных сит под знаменем революции.

Незадолго до февральской революции начались и поиски связей с военными кругами. Была нащупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг их и Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других) и с ними завязана организационная связь. Готовилась группа в с Медыха, где были большие запасные воинские части, в полках Петрограда, и другие. В момент начала февральской революции всем масонам был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства сперва Временного комитета Государственной Думы, а затем Временного

правительства Во всех переговорах об организации власти масоны играли закулисную, но видную роль. Позже, как я уже указывал выше, начались политические и социальные разногласия, и организация распалась. Допускаю, однако что взявшее в ней верх правое крыло продолжало работу, но очистилось от .левых элементов, в том числе от меня, объявив нам о прекращении работы", т. е. прибегли к старому приему
274

Некрасов еще и еще раз подчеркивал сверхконспиративный характер организации. Он указал, что многие попытки единомышленников, искренних или нет, проникнуть в нее, пресекались с порога. Так, рассказав об усилиях польских масонов связаться с русскими, Некрасов заключил: "Но мы на это не пошли, так как он (представитель польских масонов - Н Я.) был связан с французскими масонами, среди которых было много агентов охранки" Неожиданные познания, не из департамента ли полиции, центра зарубежной агентуры?

С другой стороны, наводит на определенные размышления и названная Некрасовым цифра масонов — 300—350 человек Известна резолюция последнего царского министра внутренних дел Протопопова на полях обзора печати об очередном выступлении против "темных сил": "Вся эта оппозиция выросла на ниве расстройства продовольственной части и тягот военных. Число ее вожаков невелико Выразители ее - Дума, частица Государственного Совета и группа дворян (далеко не все, не купечество, не капитал, не деревня)". Число этих вожаков Протопопов определял именно в 300 человек. Весьма вероятно, что царское Министерство внутренних дел имело кое-какое представление об организации, где верховодил Некрасов.

В 1939—1940 гг. ни следствие, ни суд показания Некрасова не заинтересовали. Когда 14 апреля 1940 года он предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР, то его, по-видимому, из чистого любопытства спросили о масонах "Я вступил в масонскую организацию, — ответил Некрасов — Это была буржуазно-революционная организация Эта организация была немноголюдной, но состояла из влиятельных людей Цель этой организации была освобождение родины" Некрасова приговорили к расстрелу и казнили

Масоны всех степеней (градусов), рвавшиеся к установлению в России автократии, были последовательными противниками большевиков Антибольшевистская, антикоммунистическая платформа объединяла все российские масонские ложи независимо от того, входили они в организацию, возглавлявшуюся Некрасовым и другими, или нет (заметим, что антибольшевизм сплотил в единое целое все буржуазные политические партии, несмотря на различие во взглядах и целях)

Коль скоро партия большевиков стояла за революционный выход из войны, российские масоны были естественными со-
275
юзниками тех, кто выступал за продолжение кровавой бойни в интересах зарубежного и отечественного капитала, объективно они являлись орудием в руках правящих кругов Антанты, стремящихся выплыть к победе на потоках русской крови. Один из членов масонской ложи много лет спустя припоминал: "Большинство существовавших в России, по крайней мере в Петербурге, масонских организаций, в сущности, представляли собой филиальные отделения

французских орденов и в той или иной степени ориентировались на национальную французскую ложу "Великий Восток", организационно тесно связанную с правительственными и деловыми кругами Франции"

Мы находим масонов в чудовищном клубке антибольшевистских заговоров до Октября 1917 года, они - активнейшие участники антисоветских организаций после Великой Октябрьской социалистической революции. То, что масоны были лютыми врагами большевиков, очевидно, как не менее ясно и то, что они неизменно пытались сыграть роль объединителей руководства буржуазных партий в России в 1917 году. Вероятно, в этом отношении, как показывает хотя бы персональный состав Временного правительства, они в известной степени преуспели. Но эти потуги не дали руководителям буржуазии ожидавшихся ими успехов в условиях страны, шедшей к социалистической революции

Но кто мог пролить свет тогда на это из живущих? Значит снова нужно обратиться к "живой истории" - В.В. Шульгину

Июнь 1974 года. Автор в чистенькой квартире Шульгина во Владимире 96-летний Шульгин бодр, тверд в памяти.

- Василий Витальевич, понимаю, надоел. Один только вопрос, последний — что вы знаете о масонах?

Знаю, хотя не очень много А почему вы заинтересовались?

- Книжку написал. Мне кажется, что Некрасов верховодил у них

- Николай Виссарионович? Не думаю, чтобы он был главным. Вы бы занялись Маклаковым, не Николаем Александровичем. а братом его, Василием Александровичем. Он был масоном высоких степеней Гостил я у него в эмиграции в двадцатые годы Он мне рассказывал, что организация была серьезная, очень серьезная. Не в зарубежье, конечно, а на родине.

- Чего же они добивались?

276

— Не был посвящен, но припоминаю удивительные слова Василия Алексеевича. Дело было в третьей Думе. Заседание, знаете, Пуришкевич скандалит, кричит. Вышел я в кулуары, прохаживаюсь. Выскакивает Маклаков и ко мне: "Кабак!" - сказал громко, а потом, понизив голос, добавил: "вот что нам нужно, война с Германией и твердая власть". Вы и делайте выводы

— Стоит ли дальше заниматься масонами?

— Очень стоит, только трудно. Они таились. А организация была весьма серьезная..

— Скажиите, прав ли я, когда считаю, что в правившем лагере за кулисами четко обнаружилась тенденция к правой автократии?

Подумал, пожевал бескровными губами, погладил крепкой рукой седую до желтизны бороду и сказал:

— Наверное. Пожалуй, так и обстояло дело - разговоры о многопартийности оставались разговорами. Власть, профессор, она одна, и ее, матушку, делить с кем-либо негоже. Слишком драгоценный дар, нельзя было ее распределить по партиям. Люди, о которых вы изволили говорить, были кремень и, раз схватив власть, ее бы не уронили. А многопартийность... да мало ли о чем болтают на перегонах между политическими станциями? Пустые разговоры для простодушных.

И задумался, погасив веками острый взгляд из-под кустистых бровей.

Член 4-й Думы во времена Временного правительства комиссар Одессы Л.А.Велихов в свое время указывал: "В 4-й Государственной Думе я вступил в так называемое "масонское объединение", куда входили представители от левых прогресситов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), с. д. меньшевиков (Чхеидзе, Скобелов) и которое ставило своей целью блок всех оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия". Иными словами, успех лидеры этих партий во времена царизма видели только в сплочении своих сил. Едва ли после февральского рубежа они стали смотреть на это дело по-иному.

Какая отсюда следует мораль? Установление того, что верхушка всех без исключения российских буржуазных партий была объединена в рамках некой сверхорганизации — масонов, позволяет по-иному взглянуть на подоплеку событий тех лет. Что и сделано в этой работе, навлекшей на автора гнев тех,

277

кто долгие годы почитался в нашей стране держателями исторической истины во всем объеме.

Исследование (обязательно документированное!) роли масонов на подступах к февральской революции 1917 года приводит к выводу в главном и решающем — вопросе о власти — лидеры класса эксплуататоров попытались осуществить концентрированную волю. В широком смысле эксплуататорский класс стремился создать единую предпартию. Она по необходимости могла пока охватывать только его верхушку, ибо раскрытие замысла объединения всех сил буржуазии и соглашателей в рамках одной организации неизбежно подорвало бы цели, поставленные инициаторами этого образа действий.

Страна бурлила, стояла на пороге революции. Бесчисленные миллионы поднимались на борьбу против царского самодержавия. Объявить в этих условиях, что буржуазия стоит за новую автократию, означало бы немедленное политическое самоубийство Поэтому случилось так, что руководители росийской буржуазии были вынуждены с величайшей тщательностью скрывать выковывавшееся среди них единство за спиной народа и против народа. Отсюда политический плюрализм, затопивший российскую сцену в 1917 году.

Верхушка буржуазии считала сложившееся положение временным, преходящим. "Мозговой трест" кадетов приступил к объяснению этого буквально с первых дней после февральской революции, разумеется, прибегая к самой "революционной"" фразеологии. Уже в конце марта 1917 года в брошюре Н.Голуба "Радикальный блок" бросается призыв к объединению всех "социалистических" партий, ибо в России "словно в первый день творения — величайший хаос и величайшие возможности". Названия брошюры достаточно, чтобы понять, о каких "социалистах" в ней шла речь.

"Пока у демократии - подчеркивал автор - нет организованных врагов, - есть только хаотическая масса, из которой в будущем, может быть, в ближайшем будущем, эти враги могут выкристаллизоваться в виде, может быть, небольших, но, вероятно, очень твердых кристаллов. В этом отношении нам могут позавидовать все демократии мира. Россия представляется совершенно ровной, целинной степью, без терновника и без оврагов, которую нужно и можно вспахать глубоко, разумно и быстро, чтобы получить изумительную жатву". О каких "врагах" шла речь в брошюре, на которой отчетливо

видна фабричная марка "сделано кадетами"? Царизм сметен, речь шла об объединении сил против народа, против большевистской партии.

Летом 1917 года В.К.Никольский в брошюре "Наши политические партии о будущем России" разобрал программы эсеров, меньшевиков и кадетов. "Сглаживая трения — настаивал он, — все три партии могут идти по одному пути, если кадеты решительно сдвинуться влево и пойдут навстречу зову жизни. Проф. Лосский на 7-м кадетском съезде (март 1917 года — Н.Я.) открыто заявил, что кадеты тоже социалисты, только не революционные, а эволюционные". Великолепное открытие, подводящее к основной мысли брошюры: "Если мы воспроизведем в своей памяти основные пункты программ трех наших партий, то не найдем непримиримых противоречий".

Новоявленные "социалисты" — кадеты вкупе с меньшевиками и эсерами должны были единым фронтом выступить против большевиков, ибо, разъяснял автор, таких "социалистов больше всего страшит "диктатура пролетариата". А что взамен этого лозунга, сплачивавшего вокруг большевиков трудящиеся массы? "Угнетенным русским, без различия партий и классов, как воздух необходимо прежде всего осуществление "прав человека и гражданина"." Иными словами, перестройка только надстройки, но отнюдь не фундамента общества.

Так ставился вопрос в пропагандистских материалах, печатавшихся громадными тиражами. Пока говорили люди второго положения, подлинные хозяева помалкивали, дожидаясь своего "звездного часа". Но обнаружившаяся тенденция сомнения не вызывает.

Массы, пробудившиеся к политической жизни, нащупывали правильную дорогу, что было объективным фактором, способствовавшим возникновению в тот бурный год многопартийности. Но то, что эта многопартийность, сложившаяся по большей части стихийно, служила пока удобным прикрытием для интриг российского крупного капитала, рвавшегося к безраздельной власти, сомнения не вызывает. В обстановке всеобщего хаоса и замешательства гг. некрасовы, керенские, коноваловы, терещенко и другие твердо знавшие, чего они добиваются, настойчиво проводили свой курс, соединенные единством цели и методов. Отсюда уже начавшаяся пропаганда в пользу сглаживания разногласий между буржуазными

партиями. Лидеры буржуазии не успели, не смогли справиться с народной стихией.

Великий Октябрь в корне пресек обозначившуюся тенденцию к диктатуре крупного капитала. Враги, успевшие создать единение буржуазных верхов в масонских ложах, основывали своего рода предпартию, но у них не хватило времени консолидироваться, ибо они не могли найти массовой опоры в революционной стране. С точки зрения исторических судеб России, предстает великая своевременность Октября. Спасение поистине пришло в последний час.

Коротко говоря, то, что в современной терминологии именуется "превентивной революцией", задуманное в масонской ложе, не удалось. В России развернулась подлинная народная революция, очистившая авгиевы конюшни прежнего строя. Излюбленный тезис нынешних полузнаек состоит в том, что победа в Октябре 1917 года пресекла-де некий процесс расцвета

многопартийности в России. По поводу этого на Западе написаны библиотеки книг, дотошно разработаны бесконечные программные заявления всех без исключения буржуазных партий, проведен анализ различия между ними. В тени оставляется только одно обстоятельство — все эти партии защищали интересы горстки эксплуататоров. Правда заключается в том, что партии большевиков по всем коренным проблемам общественного развития противостоял единый отлаженный механизм, одно руководство, объединявшее вожаков всех буржуазных партий. На смену царизму шла диктатура крупного капитала в ее наиболее жесткой форме - то, что по нынешней терминологии именуется тоталитаризмом, а тогда называлось просто военной диктатурой. Только на путях тоталитаризма российская буржуазия надеялась обуздать великий народ. Пресечь, а затем сломать ясно обозначившуюся тенденцию могла только социалистическая революция, давшая власть народу.

Так, и не иначе, был поставлен вопрос историей.

Современнику было трудно, а порой невозможно проникнуть в суть происходившего. А.А.Блок, воззвавший в начале книги "Россия и интеллигенция" (1907 г): "Только о великом стоит думать, только большие задания должен ставить писатель", размотав нить повествования, воскликнул:

"В полете на воссоединение с целым, в музыке мирового оркестра, в звоне струн и бубенцов, в свисте ветра,, в визге

скрипок — родилось дитя Гоголя. Этого ребенка назвал он Россией. Она глядит на нас из синей бездны будущего и зовет туда.

Во что она вырастет, — не знаем; как назовем ее — не знаем".

Теперь мы знаем и остро чувствуем ныне, в горниле нежданных испытаний. Но каковы бы ни были сомнения, прошлое залог того, Великой России быть.

* * *

Остается ответить на последний вопрос. Если масоны были не только темной, но и сугубо-дисциплинированной силой, почему они не повели за собой армию. Да и почему вооруженная мощь России тогда для начала распалась, а не была без промедления использована заинтересованными силами. Обратимся к положению армии в системе тогдашней российской государственности.

Обе стороны, хотя в разной степени, дестабилизировали обстановку в России. Хаос нарастал на глазах. В государственной структуре, по-видимому, только Ставка могла бы восстановить порядок прежде всего в интересах продолжения войны против грозного врага. Именно Ставка была, как говорили тогда, центром военной жизни страны, откуда шло все биение пульса России в суровую годину. К 1917 году понятия царь и Ставка были неразделимы. Увы, для взгляда извне, внутри думали по иному.

На этот счет есть авторитетное свидетельство — книга М.К. Лемке "250 дней в царской Ставке", почти 900 страниц убористого шрифта на страницах порядочного формата. Изданная ввиду важности предмета в Советской России в Петрограде уже в августе 1920 года! Безусловно признанная западными "советологами" как надежный источник, ибо автор - журналист в военном мундире, был своего рода офицером по связям с прессой и просто "фотографировал" то, что видел и воспроизводил то, что слышал. С ним был откровенен генерал-адьютант Алексеев, изливавший желчь по поводу состояния

дел. Впрочем еще более откровенный генерал — квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего М.С. Пустовойтенко посоветовал Лемке не обольщаться речами общего начальника. — Вы думаете — спросил меня Пустовойтенко - что начальник штаба будет сейчас работать? Нет, после таких бесед у него всегда только одно желание помолиться

Лемке, почитавший себя человеком прогрессивным, естест-

281

венно, демократом, на помощь Всевышнего не полагался, забросал Пустовойтенко вопросами. Генерал назвал положение "безотрадным". Тут же еще вопрос Лемке:

— Ну, а Верховный?

— Он смотрит с глаз своих приближенных, которым, конечно не пристало рисовать ему какую-нибудь мрачность. Она невыгодна для них. Каждый, особенно нацелившийся на какое-нибудь жизненное благо, старается уверить его , что все идет хорошо и вполне благополучно под его высокой рукой. Разве он понимает что-нибудь из происходящего в стране?! Разве он верит хоть одному мрачному слову Михаила Васильевича (Алексеева — Н.Я.)? Разве он не боится поэтому его ежедневных докладов, как урод боится зеркала? Мы указываем ему на полный развал армии и страны в тылу ежедневными фактами, не делая особых подчеркиваний, доказываем правоту своей позиции, а он в это время думает о том, что слышал за пять минут во дворе, и, вероятно, посылает нас ко всем чертям...

— Да, тяжело в такой обстановке. Не завидую вам

— ...Знаете ли вы, что приходится испытывать ежедневно? Ведь ни один шельма министр не дает теперь окончательного мнения ни по одному вопросу, не сославшись на Алексеева - как он. де полагает. Все умывают руки, но делают зто незаметно тонко.. Вы посмотрите на армию, все опустилось, все изгадилось. Да и в тылу не лучше. Там такой хаос, такой кавардак, что сил человеческих нет. чтобы привести в порядок.

— А государь заговаривает когда-нибудь на общие темы?

— Никогда. В этом особенность его беседы с начальником штаба и со мной: только очередные дела.

— Какой же выход, Михаил Саввич?

— Выход? По-моему, куропаткинское терпение...

Далеко не все им обладали, а что проку! Оставим мифических или действительных "заговорщиков" в военных мундирах. Спустимся с высот таинственною на твердую почву известного, повседневного. Обратимся к тем. кто тянул лямку службы, работал, воевал, исполнял свой долг. В армии офицерский корпус связан дисциплиной и. конечно, никак не мог пренебречь ею. Следовательно, генерал или офицер мог действовать только в рамках вверенных ему полномочий. Фронтовые командиры не были в неведении об усиленной работе по разложению армии. Их возможности пресекать поползновения в этом направлении были весьма невелики, ибо занимались этим неред

282

ко отнюдь не "революционеры", а респектабельные по российским критериям люди.

До Ставки дошел рапорт начальника 19 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Нечволодова командованию IX-й армии. Замечательный русский патриот", выдающийся историк, прославившийся своими патриотическими трудами о прошлом России, Нечволодов докладывал: "Необходимо отклонить развозку по позициям подарков от газеты "Биржевые ведомости". В октябре ко мне в штаб явились два молодых сотрудника этой газеты, гг. Проппер и Гессен, и за 10 минут своего пребывания в штабной столовой, где им был предложен чай, успели объяснить, что в Германии в действительности никакого недостатка ни в чем не ощущается и не будет ощущаться, а что наше правительство периодически заставляет газеты писать про это; про внутреннее же состояние России и про то, что творится по их выражению, "в сферах", они частью намеками, частью фразами, выражающими сожаление о "бедной нашей родине", наговорили таких возмутительных вещей, что я вынужден был объявить, что сам буду сопутствовать им по позиции, а затем не отпускал их от себя ни на шаг до их отъезда из дивизии".

Лемке с легко различимым недовольством занес этот эпизод в свою книгу, поставив в кавычки слово "историк" применительно к Нечволодову. Что не должно удивлять, сам автор недалеко ушел от направления "Биржевых новостей", использовав свое пребывание в Ставке для сбора сплетен. По-видимому он почитал гражданской доблестью поносить командование решительно за все. Он собрал немало приказов по армии, начиная с августа 1914 года, в которых командование грозило суровыми карами вплоть до расстрела за мародерство, насилие над мирными жителями. Одни из первых отданы генералом А.В. Самсоновым еще при вступлении в Восточную Пруссию: "Все чины армии должны помнить, что где бы ни находилась наша армия — в пределах ли нашей родины или неприятельской страны — славянское население и его имущество должно быть свято для русских войск. Особенно же это относится к полякам, с полной преданностью нашей родине ставшим грудью за общеславянское дело. Вместе с тем, следует помнить, что русские войска воюют лишь с вооруженными силами неприятеля; мирное же его население, не причиняющее нам вреда, равно как и его имущество, должны быть неприкосновенны". И в другом приказе по армии: "Предупреждаю, что я не допу-

283

скаю никаких насилий над жителями. За все то, что берется от населения, должно быть полностью и справедливо уплачено".

Привел Лемке эти и другие приказы, сообщил, что военно-полевые суды на протяжении всей войны жестко карали за мародерство и заключил: "Расстреляйте половину армии, а другая все-таки будет воровать — такова природа русского человека. Романовы развратили всю страну" Для господ лемке не представляло никакого труда перечеркивать все, что пытались делать честного и разумного генералы и офицеры русской армии. Свое, отечественное, мазалось черной краской Не останавливаясь перед кощунством по поводу павшего А.В. Самсонова, который был де "бесталанным воином и стратегом".

Вообще, расфилософствовался Лемке, "недостаток людей ужасен. Сколько зла происходит только потому, что ничего не стоящих людей некем заменить. Здесь в Ставке, это особенно ощущается и сознание такого безлюдия просто давит и до боли сжимается сердце; начинаешь впадать в какую-то ужасающую

пессимистическую полосу... Хотели создать касту и создали прах армии и страны, конечно, при благосклонном участии судьбы, стремящейся сбросить авторитет коронованного идиота".

Нет, нет и нет достойных людей в офицерском корпусе по мнению тех, кто предавал анафеме великую русскую армию В самом деле, посмеивается Лемке сегодня (2 декабря 1915 года) приехал главный начальник двинского военного округа ген. Дмитрий Петрович Зуев, — у него в округе Виленская, Витебская и часть Псковской губ. Приехал хлопотать ... законники Зуевы все ждут, что им поможет какая-то общая власть и чье-то общее руководство". А речь идет о крупном военачальнике,совсем недавно командовавшем на одном из самых ответственных участков фронта.

Ничего не могут военные по мнению мудрецов в Ставке Вот предприниматели - дело другое. Они заняты проектом использовать пороги Днепра и устроить гидростанции мощностью в 1 млн. л. с. Стоимость 52 млн. рублей, правительственный проект тех же сооружений оценивается в 12 млн. рублей. "Только теперь во время войны и можно осуществиить этот (терещенский) грандиозный замысел" — восторгается Лемке. Естественно вытащить у казны средства!

Терещенко прямо от Алексеева ввалился в кабинет Лемке Посплетничали, что было тогда главным занятием в верхах

284

Ставки. Терещенко объявил, что получил советы, как провести "по инстанциям" свой днепровский проект. Поругали Алексеева, который "не умеет выбирать людей". Еще посудачили, "Терещенко — записал Лемке — считает Брусилова ограниченным". Беседа происходила за месяц до начала наступления Юго-Западного фронта! Когда же прогремел на весь мир брусиловский прорыв, Лемке смотрел на происходившее из рук Терещенко и Ко , перехваленных предпринимателей. 29 мая 1916 года он записывает: "Если я что-нибудь понял за девятимесячное здесь пребывание, то нет никакого сомнения, что вся операция Брусилова будет тоже фарсом и кончится стратегической трагедией". Поистине тогдашние "демократы" были неисправимы. Диаметрально противоположного мнения придерживались лучшие из лучших офицеров.

На следующий день 30 мая Лемке лаконично записывает: "Д.Д. Зуев подал рапорт об отчислении в Преображенский полк — ему совестно сидеть здесь, когда началось настоящее дело". Гвардии поручик (сын генерала Д.П.Зуева) Преображенского полка Д.Д Зуев был причислен как достойный из строя к Ставке всего четыре месяца назад. Их оказалось достаточно для молодого офицера, сыт по горло порядками в Ставке. Он сделал то, что было по силам по служебному положению — воодушевленный победами русского оружия, вернулся в войска и прямо в бой. Такие как он, честно выполнявшие свой воинский долг, беззаветно сражались потом под знаменами Красной Армии.

Так случилось, что на пороге эпохальных событий мозговой центр вооруженной мощи России оказался парализованным. Напрасны были надежды иных трезвых людей на армию. Скованный воинской дисциплиной офицерский корпус по инерции не мог, а по долгу не смел стать на позиции неповиновения. Офицер-гражданин практически не оказывал доминирующего влияния пока существовала императорская армия. Многочисленные исключения, увы,

подтверждали общее правило. По слишком понятной причине — для русского офицера присяга была превыше всего. Была суровой реальностью как и враг, который стоял на фронте от Балтики до Карпат.

285

ПРИЛОЖЕНИЕ

О "1 августа 1914", исторической науке, Ю. В. Андропове и других.

Образно говоря, эта книга лишь вершина айсберга жарких идеологических схваток по поводу нашего 1917 года, скрытых пружин тогдашних революций. Появлением ее на свет российская историческая наука обязана Ю.В.Андропову, начатым им и незавершенным политическим процессам. С книгой причудливо переплелась и личная судьба автора, который написал ее так, как виделись ему проблемы тех эпохальных лет на близких подступах к русской революции, перевернувшей страну и мир. История книги живая и, надеюсь, понятная иллюстрация отечественных нравов и политических обычаев.

Беда нашей страны — отрицательный отбор занимающих мало-мальски заметные должности. Инакомыслие с господствующей на данный период точкой зрения, мягко говоря, не поощряется. Конфликт со стоящими на страже текущего конформизма неизбежен у каждого имеющего дерзость иметь свое суждение. Проверено на собственной шкуре, спустя десятилетия, я выяснил, что стукачи сигнализировали обо мне уже в десятом классе школы. Уже по этой причине моя жизнь профессионального историка была сложной.

После примерно годичной отсидки в тюрьме МГБ СССР в 1952 - 1953 гг. я был выпущен по амнистии со снятием судимости. Официально ничего за мной не должно было значиться, на деле заклеймен на всю оставшуюся жизнь. Тогда же выгнали из КПСС.

Памятен для меня 1958 г., когда хрущевцы дали задний ход от развязавшего языки XX съезда КПСС. Выпустившие было меня из своих чистых рук чекисты решили превратить злодея в "повторника", т.е. вернуть туда, где ему надлежит пребывать — в тюрьму. Учуяв, что они стряпают дело, я кое-как отбился. Прошло десять лет. В 1968 г. новый конфликт, на этот

286

раз инициативу преследования взяли умельцы из международного отдела ЦК КПСС. К охоте на "троцкиста", каким я был ими объявлен, присоединились славные чекисты. Справиться с ними, объединившими усилия, было практически невозможно.

Невыносимая обстановка складывалась на основном месте моей работы в Институте Истории АН СССР.

По издательствам дали команду (разумеется, по телефону): Яковлева не печатать. Распорядился среди прочих Мостовец, "курировавший" в международном отделе ЦК КПСС США. Пригласили и тут же отказали прочесть несколько лекций в университете им. П.Лумумбы. В деканате объяснили: проф.Розанов просигнализировал — я сочиняю антисоветские листовки с Петром Якиром, которого не видел в глаза. Грозные признаки множились, в совокупности происходило до боли знакомое по повадкам наших партийных и карательных органов — компрометация неугодного. Коль скоро это происходило

во второй раз после 1958 г. я сообразил, что, по-видимому, удостоился включения в список лиц, подлежащих плановому аресту, чему, как правило, и предшествует поливание грязью жертвы.

Пришлось прибегнуть к последнему средству, один из тогдашних вождей Д.Ф Устинов знал меня с детства. Дмитрий Федорович охотно часами выслушивал мои рассуждения об истории Уже к тому времени я выпустил с полдюжины книг, которые аккуратно дарил ему. Знал он, что, защитив в 1962 г. докторскую диссертацию, я стал по тем временам самым молодым (34 года) в своей специальности — всеобщая история — доктором наук и профессором. Устинов, выслушав мой рассказ, реагировал молниеносно. "Тебе нужно зайти к Юре", — без раздумий сказал он. Не понял. "К Юрию Владимировичу", - добавил он, не терпевший тугодумов. Итак, к Ю.В. Андропову, только что возглавившему КГБ.

* * *

Знакомство состоялось в кабинете, ныне многократно описанном и показанном по ТВ и в документальных фильмах. На месте зловещего Берии, солдафона Серова, комсомольских функционеров-бодрячков Шелепина и Семичастного теперь обозревал в перспективе исполинского кабинета камин

287

интеллигентный, крайне любезный и обходительный человек. Видимо, подготовленный "Димой", как он именовал Устинова, и просмотревший документы, Андропов не стал слушать- моих жалоб ("эти пустяки отметем"!?), а затеял разговор о жизни Пока я запинаясь, нащупывал почву, несколько раз звонил телефон — Юрию Владимировичу докладывали о ходе суда над очередным диссидентом. Это дало ему повод пространно объяснить, что не дело судить писателей, конкретно он упомянул Синявского и Даниэля. Суть его обтекаемых фраз сводилась к тому, что слову нужно противопоставлять слово. С чем я горячо согласился и, получив любезное приглашение заходить, откланялся.

Особой тяги к общению с Председателем КГБ я не испытывал, тем более, что вскоре получил приглашение на деловую, а не светскую беседу. Мне предложили "прибыть" к генерал-майору Ф.Д.Бобкову, как выяснилось замначальника только что воссозданного 5 Управления. Меня провели к нему по хорошо знакомым коридорам, генерал обосновался в той части здания на Лубянке, куда меня десятки раз таскали на допросы в 1952-1953 гг.

Как и Андропов, Бобков решил мой вопрос в первую встречу. Начисто избегая деталей, он коротко заверил, что никогда никаких "решений" в отношении меня не принималось. Я, разумеется, не поверил ни одному слову корректнейшего генерала-чекиста. О чем не замедлил сказать ему. Бобков пожал плечами. С памятных визитов к Андропову и Бобкову я больше не ощущал наглых выходок КГБ. На том бы дело и кончилось, если бы не Д.Ф Устинов.

Он, видимо, переоценивал мои познания и чуть не в каждую встречу, а виделись мы часто, просил не забывать "Юру" и помогать ему. И даже дело было не в нем. Жена Устинова, добрейшая и умнейшая Таисия Алексеевна, лет на семь старше мужа, верховодила в их порядком безалаберном доме, который я помнил еще тогда, когда семья не была прочно изолирована охраной. Приятельница моей покойной матери, Таисия Алексеевна скептически относилась к общему развитию супруга и его коллег по Политбюро, носилась с идеей расширить его, наивно предлагая приглашать меня читать им лекции. Видимо, она,

замечательная русская женщина, что-то еще наговорила лестное обо мне Андропову.

Обижать хороших людей и к тому же теперь вождя, как-то
288
не хотелось, и я стал время от времени захаживать на Лубянку, вести ученые беседы сначала несколько натянутые с Андроповым и интереснейшие с быстро поднимавшимся по служебной лестнице Бобковым. На моих глазах с конца шестидесятых - к началу восьмидесятых он вырос до генерала армии и стал первым заместителем Председателя КГБ. Я где-то читал, что на протяжении ряда лет он был подлинным руководителем ведомства. Не знаю, но вполне допускаю.

Сравнивая обоих, при всем интеллектуальном лоске Ю.В.Андропова я безоговорочно отдаю пальму первенства Ф.Д.Бобкову, который на много порядков был выше формального начальника, а главное несравненно лучше подготовлен. О чисто профессиональных делах судить трудно, Филипп Денисович в беседах со мной никогда их не касался, но судя по молитвенному отношению к нему подчиненных он более чем устраивал их. Я разумею другое: весь комплекс проблем, подпадающих под емкое понятие "идеология". Никогда не встречал лучше осведомленного человека, обладавшего такими громадными познаниями, невероятной сказочной памятью. Его никогда нельзя было застать врасплох, на любой вопрос в этой области следовал четкий, исчерпывающий ответ. Если бы судьба направила его на иную стезю, страна получила бы крупнейшего ученого, безусловно,мирового класса.

По крохам мне удалось собрать сведения о прошлом генерала С шестнадцати лет пошел добровольцем в Красную Армию. Дослужился ко дню Победы до старшины. В пехоте, орден "Славы" и две медали За Отвагу.

Трижды ранен, в том числе, получил автоматную очередь в грудь, чудом выжил. Ни малейшей кровожадности за ним не замечалось, он являл пример кадрового русского офицера с высокоразвитым чувством долга и порядочности. "Честь имею" для него не было фразой. Как любой другой работавший с ним я постепенно преисполнялся к генералу чувством глубокого уважения. Со всей определенностью могу сказать, не жаловал Филипп Денисович собственную профессию, в которой достиг высочайшего мастерства Пример? Он никогда не доверял мне, хотя не могу отделяться от игривой мысли — я оказался в отличной компании, похоже, что Филипп Денисович до конца не доверял и себе Естественно, я отвечал взаимностью.

Понял, что бесполезно уличать его, мягко говоря, в неискрен-
289
ности, а принимать таким, каким он был. Как-то дошло до меня тогда, что Андропов негодующе крутил головой и удивлялся, по его выражению, "дружбе жандармского генерала и либерального профессора". Звучало так странно и двусмысленно. Во главе КГБ не почитал он себя "жандармом", а уж профессором точно не был.

* * *

Был он политиком, по преимуществу мечтателем. Но в делах повседневных партизаном порядка и твердости. Не знаю, откуда, от чтения или размышлений на основе наблюдений, Юрий Владимирович вывел, что извечная российская традиция - противостояние гражданского общества власти — в наши дни

нарастает. Принципиально в этом не было решительно ничего нового, привычная поза нашего брата интеллигента держать кукиш в кармане против власти. Чем это обернулось к 1917 году для политической стабильности страны, не стоит объяснять.

С пятидесятых тот же процесс, но с иным знаком, стремительно набирал силу. Объявились диссиденты, многие из них изобретали политический велосипед. Андропов многократно повторял мне (судя по четким формулировкам, он постоянно делал это многократно в другой обстановке), что дело не в демократии, он первый стоит за нее, а в том, что позывы к демократии неизбежно вели к развалу традиционного российского государства. И не потому, что диссиденты были злодеями сами по себе, а потому, что в обстановке противостояния в мире они содействовали нашим недоброжелателям, открывая двери для вмешательства Запада во внутренние проблемы нашей страны.

То была постоянная тема наших бесед, очень оживившихся в связи с выступлениями Солженицына, особенно с появлением "Августа четырнадцатого". Истерия недоучек после публикации этой книги забавляла. Малая осведомленность автора в избранной теме изумляла. Но и марксисты-ленинцы, законодатели нашей идеологии, отупевшие от беззаботной номенклатурной жизни и безнаказанности, были совершенно непригодны сказать что-либо вразумительное по поводу острополемического сочинения. Подивившись смехотворности складывавшейся ситуации, мы с Ф.Д.Бобковым решили подкинуть по-

лузнайкам материал для размышлений. Любой сведующий в истории первой мировой войны имеет перед собой обширный выбор работ западных авторов, отнюдь не изображавших так безотрадно страну, для них чужую Россию, как Александр Исаевич писал о Родине.

Идеально подошла много нашумевшая в шестидесятые в США и Западной Европе книга вдумчивой публицистики Барбары Такман "Августовские Пушки" о первом месяце той страшной войны. Разумеется, в громадном моем предисловии к ней не говорилось ни слова о Солженицыне. На фоне книги Такман, отражавшей новейшие достижения западной историографии, написанное им, выглядело легковесным историческим анахронизмом, крайне тенденциозным, что не могли не видеть не только специалисты, но и широкий читатель. Что не замедлили отметить у нас, сразу введя в научный оборот труд Такман. Даже в комментариях к специальной монографии прославленного стратега Б.М.Шапошникова, вышедшей под наблюдением Маршалов Советского Союза А.М.Василевского и М.В.Захарова, констатировалось: "Громадную победу в этой битве (Галицийской) объективные историки ставят выше той, которая досталась немцам в Восточной Пруссии. Автор книги "Августовские Пушки" Барбара Такман, например, пишет, что в Галицийской битве русские "нанесли поражение австро-венгерской армии, особенно ее офицерскому корпусу, от которого она никогда уже не оправилась". (Книга "Августовские Пушки" вышла в свет в 1972 г. в издательстве"Молодая Гвардия".) "

При подготовке ее к изданию в 1972 г. у меня впервые рассыпались иллюзии о всемогуществе КГБ, оказалось, что комитет не запрограммирован на конструктивную работу. Стремительный перевод и публикация книги оказались

возможными только на моих личных отношениях. Не скажу, чтобы это открытие обрадовало меня...

Андропов, прочитав увлекательную книгу Такман, радовался как дитя, разве не пускал ртом пузыри. Встреча с ним вскоре после выхода "Августовских Пушек" врезалась в память. Низкое зимнее солнце подсвечивало белые шторы на ряде окон кабинета. Председатель, посверкивая очками, в ослепительно-белоснежной рубашке, щегольских подтяжках много, со смаком говорил об идеологии. Странный свет придавал какой-то оттенок нереальности его словам. Он настаивал, что

291

нужно остановить сползание к анархии в делах духовных, ибо за ним неизбежны раздоры в делах государственных. Причем делать это должны конкретные люди, а не путем публикации анонимных редакционных статей. Им не верят. Нужны книги, и книги должного направления, написанные достойными людьми. Поняв, куда он метит, я мысленно причислил себя к "достойным людям", на всякий случай надул щеки и выпятил грудь. Конечно, он горячо, щедро одобрил мое предисловие к книге Такман и не одобрил, что оно подписано псевдонимом.

По мере того, как Председатель увлекался, открывались такие грани "достойных людей", которые не могли не повергнуть в крайнее изумление. Он, пожалуй, весело сообщил, что великий Тургенев после плодотворной службы в императорском политическом сыске, провел многие годы за рубежом главой российской агентуры в Западной Европе, как я понял, был жандармским генералом. Все это так поразило меня, что я не переспросил, когда именно Тургенев поступил в отдельный корпус жандармов и где хранил мундир и награды. Андропов отпустил несколько едких шуток насчет "крыши" Тургенева — Полины Виардо. Его рассказ как молния осветил эту историю, расставил все по местам. Мне всегда представлялась малоправдоподобной страсть дворянина, аристократа, мыслителя, эстета к заграничной бабе. Государственные интересы России - дело иное. Мигом пришла на память политическая направленность тургеневского творчества, бескомпромиссная и изобретательная борьба с "нигилистами", невероятный интерес к российской эмиграции, контакты с Герценом и прочее в том же духе.

Мой собеседник назвал среди заслуженных рыцарей политического сыска еще Белинского и Достоевского.

Что до "неистового Виссариона", то его сообщение убедительно осветило, почему гонимый "демократ" проживал в квартире в фешенебельном доме чуть не насупротив Зимнего. А его вендетта против замечательного писателя Бестужева-Марлинского, определенно зашедшая за границы приличия! О Федоре Достоевском помолчу, стоит ли углубляться в извивы души не совсем здорового человека. Как я понял Андропова, эта троица не покладая рук пыталась содействовать стабилизации политического положения в тогдашней России. Засим последовали уже знакомые речи насчет разрыва между властью и гражданским обществом. С чем я и был отпущен подумать на досуге.

292

Я взял за правило не обсуждать сказанное Андроповым с Бобковым и обратно, главным образом потому, что свято верил, и думаю не ошибался, — длинные уши подслушивающих устройств наличествовали и в их кабинетах. В

случае с классиками российской словесности, не уточняя источника, все же осведомился о Тургеневе. Бобков сухо ответил: "Это широко известно". Надо думать, в сферах, недоступных литературоведам.

Вот так постепенно мы пришли к тому, что нужно писать книги, назовем их по актуальным проблемам. Генерал Бобков положил в качестве основополагающей посылки: 1) не навязывать читателю своей точки зрения, дать место и слово "другой стороне". Ему, очевидно, обрыдла наша официальная идеология; 2) писать так, чтобы книги покупались, а не навязывались читателю. Что же еще желать автору? Парадоксально, но факт: так обеспечивалась свобода творчества!

А со всех сторон в высшем чиновничьем мирке Москвы приходили вести о неслыханном расцвете науки поблизости от власть придержащих. Возникали институты, в кресла директоров которых по большей части усаживались вчерашние парт-чиновники. С середины семидесятых последовал залповый выброс в науку всех этих арбатовых, абалкиных, гвишиани, громыко, шаталиных и прочих, получивших академические звания. Думаю, по большей части вырвавших их у вождей. Какую "науку" там развивали, скажем, в области экономики,- а туда в первую очередь устремилась эта рать, — мы ощутили с развитием перестройки. Взгляните на семейный обеденный стол!

Но до этого тогда было далеко, академики пока не добрались до рычагов управления, а занимались делами поскромнее, но от этого не менее пагубными. Именно тогда некие ловкачи убедили нашу геронтократию, что нашли философский камень, который откроет дорогу к верхам общества на Западе. Наипростейшим образом — звание "академик" — де уравняет его носителя с творящими там политику, а последние с открытыми ртами будут внимать рассуждениям московских гостей, делать надлежащие выводы, отчего воспоследствуют неслыханные блага для нашей державы. Так, долбили "академики" геронтократам, мы сможем оказывать влияние на действия Запада.

Получилось обратное. На Западе быстро рассмотрели сущность новоявленных "ученых" и превратили их в канализацию

для спуска своих идей. Я получил возможность наблюдать за этим процессом вплотную, приняв в 1968 г. приглашение директора Института США и Канады Г.А.Арбатова работать в нем. Где мне было знать тогда, что Арбатов находился поблизости от Брежнева, который любовно именовал его "Абрашей", да и выпестован был Андроповым в дебрях ЦК КПСС.

Схватился я с Арбатовым года через два после прихода в Институт — группа молодых людей под моим руководством сочинила исследование об американской "советологии". Как оказалось, "Абраша" ничего практически о ней не знал, но, просмотрев рукопись, уверенно заявил - "обидится" тогдашний идеолог Демичев. На это я резонно ответил, что Демичева отличает косоглазие, а не познания в идеологии. Итог был плачевным - рукопись отправилась в корзину.

Вот в такие отношения я вошел с академической наукой, олицетворяемой Арбатовым, когда Андропов и Бобков негласно даровали мне свободу творчества. Что же сотворить в первую очередь?

Я выражал сильнейшее неудовлетворение трактовкой истории России в канун судьбоносного Года — 1917. "Вот и попробуйте силы на этом поприще". —

дружески заметил генерал, который охотно делился своими пугающе-громадными познаниями в этой области, в том числе о масонах. Он. кстати, предупредил, чтобы я не "пережимал" в этом вопросе. Андропов помалкивал. После всплеска с Тургеневым он как-то не касался научных предметов. Наверное, частично был виноват я. Как-то в ответ на гордый рассказ Председателя о том, как он в остром приступе либерализма прикрыл в здании КГБ внутреннюю тюрьму ("ее учредил Сталин!") я рассмеялся ему в лицо и крайне бестактно предложил глубже изучать наследие драгоценного Ленина и железного Феликса, портретами которых были густо обсижены присутственные помещения ведомства. Не знаю, как там беседовал в кабинете с камином на научные темы Бобков, подозреваю, происходил не диалог, а поучающий генеральский монолог - Андропов не раз вскользь говорил о "моих генералах-аристократах", пожалуй, только Ф.Д. подпадал под определение - внушительный, крупный мужчина с ярко-синими глазами.

Последствия, впрочем, обнаружились. При очередной встрече, уже во второй половине семидесятых, Юрий Владимирович поведал о своем растущем демократизме. Сменив политбю-

294

ровский "членовоз", он на "Волге" съездил на Миусскую площадь, где в ВПШ сдал выпускной экзамен, и на седьмом десятке лет обрел высшее образование. История довольно мутная, начало которой теряется в петрозаводском периоде жизни комсомольско-партийного функционера Андропова, начавшего там сражаться с наукой. Увы, дела, дела! Они растянули сражение на десятки лет. Нужно отдать ему должное, он не приказал выписать диплом как иные коллеги на высоких постах, а сдал потребные экзамены.

На описанном последнем экзамене, с подъемом повествовал он, достался вопрос, связанный с международным коммунистическим и рабочим движением, и "тут я дал им, профессорам!". Лукавые экзаменаторы знали, что спрашивать у недавнего секретаря ЦК КПСС, занимающегося именно этими проблемами. На мой взгляд, куда важнее другое - Ю.В.Андропов раньше не испытывал потребности заручиться дипломом на дипломатической, партийной работе (даже будучи секретарем ЦК КПСС!), а в КГБ дрогнул. Подозреваю, не выдержал интеллектуального превосходства Бобкова и К°. Решил засвидетельствовать по всей форме свою принадлежность к людям образованным. При всей юмористичности ситуации нужно признать — учился он серьезно.

Правда, насмешники из оперативной библиотеки КГБ (невообразимо убогой!), заговорщически подмигивали, сплетничали со мной о том, что Председатель затребовал и читает философские груды, видимо, обожает Гегеля. Я не находил в этом ничего смешного, ибо и сам пытался в меру сил удовлетворять ненасытную любознательность Андропова. К чему?

* * *

По большому счету тайны нет, ибо написанные в то время книги - "1 августа 1914", "ЦРУ против СССР", "Силуэты Вашингтона", "Маршал Жуков" - ориентированы помимо прочего на уровень понимания проблем неофитов в области исторических знаний. Не больше. Правда, иногда по просьбе Юрия Владимировича, порой по собственной инициативе вручал ему своего рода памятные записки, точнее перевод с самыми сжатыми комментариями эпизодов и

сентенций из книг, даю-лавших историю американцев. Наверное, таких записок набралось бы не больше десятка, я не оставлял у себя вторых
295
экземпляров, ибо не хотел вводить в соблазн прекрасное ведомство без спроса порыться в бумагах. Да и не мог забыть обысков в нашей квартире, а при входе в оперативную библиотеку КГБ невольно припоминал - неказистая дверь открывалась в помещения, где при Сталине содержались люди, а при Андропове книги. В прежней внутренней тюрьме, семиэтажное здание которой теперь приспособлено под библиотеку, столовую и прочие полезные учреждения.

В 1974 г. в издательстве "Молодая гвардия" 200-тысячным тиражом вышла моя книга "1 августа 1914", исправлявшая догматическую трактовку истории нашей страны на подступах к 1917 году. Перед подписанием ее в печать рукопись одобрил тогдашний шеф пропаганды А.Н.Яковлев.

Вскоре после выхода книги мой сектор в Институте США и Канады завершил подготовку и, получив утверждение Ученого Совета, передал в издательство "Наука" рукопись плановой работы "США: политическая мысль и история", объемом 40 ал. Разделы, написанные четырьмя молодыми сотрудниками, легли в основу тогда же защищенных ими кандидатских диссертаций. Все шло нормальным порядком, и мы уже принялись за подготовку следующего труда об администрации Р.Никсона, за которым маячила работа над интереснейшим, как ожидалось, исследованием о ЦРУ. Нас мало интересовала деятельность рыцарей "плаща и кинжала", мы хотели показать ЦРУ как инструмент Вашингтона в переделке мира по американскому образцу.

Арбатов бдил. В нарушение всех правил для него воровским способом сняли ксерокс с верстки, треть которой он прочитал и на первой странице начертал: "Во введении нет Маркса, В.И.Ленина, Брежнева, документов КПСС". По завершении трудов над версткой резюмировал: "Ссылок на Маркса, Энгельса, Ленина, документов партии нет практически. Так нельзя". Как можно? "А включать надо материал под основные темы а) марксистскую оценку революции с ее б)позитивными и в) негативными сторонами... Но главное — идет сплошной поток (постепенно все более приедающийся) той же идеи от "Мэйфлауэра" и до Никсона. Надо найти грани и пресечь этот плавно журчащий ручеек... В общем критики враждебных нам взглядов по этому архиважному, тонкому и чувствительному вопросу нет" и т.д.

Итак, без Брежнева никуда, начиная с Американской рево-
296
люции в 1775-1783 гг. Чудовищно! Возвратившись к этой истории спустя пятнадцать лет, я писал в "Московском строителе" (в августе 1990 г.): "К этому времени Арбатов стал академиком, приобрел навык говорить "по-брежневски" - животом, издавая густые, рыкающие звуки, а свою неосведомленность положил за уровень развития науки. Он демонстрировал блистательное незнание курса истории средней школы, но твердо помнил - в исторических сочинениях цитаты классиков неизбежны (в классиках вместо куусиненовского Хрущева тогда ходил арбатовский Брежнев). Академик энергично объяснил мне, как нужно писать книгу в текущий момент — разрядка дышала на ладан, для ее реанимации, между прочим, подобает создать буколическую картину политики США и, разумеется, воздать должное тогдашнему кумиру Генри Киссинджеру. Тут коса нашла на

камень, я не менее энергично открыл академику азы нашей профессии — истории — и добавил, что арбатовская "правда" не имеет отношения к науке, как, впрочем и он сам. Началось "сражение". За то, чтобы верстка не была рассыпана, т.е. не ликвидирован начисто наш труд"

За год мы "доработали" ее в направлении, прямо противоположном указаниям Арбатова, а когда впоследствии подсчитали, оказалось 43,4 уч.-издл. Знающие издательские нравы по достоинству оценят увеличение планового объема книги почти на 80 машинописных страниц. Победили, конечно, не мы, а Андропов. Когда стало ясно, что научными доводами не пробить стену невежества, упрямства и предвзятости, я отправился к Андропову и подробно рассказал о судьбе дарованной им свободы творчества и оставил верстку с арбатовскими рекомендациями.

Через какое-то время он позвонил, сказал, что мы правы, и дал совет- объяснить академику, что притесняемый авторский коллектив обратится в "директивные органы", т.е. в ЦК КПСС. Совет более чем странный, посему я отправился теперь к Бобкову. Генерал высмеял идею и заметил, пусть сам Андропов справляется со своим Франкенштейном. Прошло еще какое-то время, и еще звонок Председателя. "Этот тетерев на току" был предупрежден мною, что если не уймется, почти кричал он в трубку, то "потеряет мою дружбу". В 1976 г. книга, наконец, увидела свет. Юрий Владимирович еще пообещал устроить ей хорошую прессу. Обещания не вы-

полнил, думаю лучше представляя вес "Абраши" при Брежневе.

В разгар баталии 1975 г. по поводу книги о США на подмогу Арбатову пришел другой академик, о котором с отвращением отзывались как Андропов, так и Устинов, Исаак Минц. В органе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС "Вопросы истории КПСС" подготовили громадную разгромную рецензию на "1 августа 1914". Ее сняли перед выходом номера на стадии сверки, т.е. схватили за считанные дни до его выхода в свет, и подарили мне. А за то, что автор занялся масонами, ему приклеили ярлык "черносотенца".

В лучших традициях доносительства трое подписавших рецензентов принялись за выяснение того, "что характеризует идейные позиции автора". "Освещение событий" Н.Яковлевым "находится в прямом противоречии с ленинской трактовкой истории", оно "принципиально отличается от общепринятого в советской исторической науке". В чем? Например, "да, очень хотелось бы царизму, чтобы положение в армии, было именно таким, каким оно представляется ныне Н.Яковлеву". Завершая пасквиль (в 1 ал.), рецензенты (ЕД.Черменский, В.М.Шевырин, В.И.Бовыкин) протрубили тревогу: "Можно только удивляться тому, что эта книга, бесцеремонно фальсифицирующая ленинские взгляды, грубо искажающая исторический процесс и извращающая роль большевистской партии в годы первой мировой войны, наконец, в литературном отношений являющаяся подражанием худшим образцам буржуазной бульварной печати, не только увидела свет, но была издана массовым тиражом в расчете на широкого, преимущественно молодого читателя. Ничего, кроме вреда, она ему принести не может".

На исходе 1976 г. Арбатов разогнал наш сектор и заставил меня уйти из Института США. Меня приютили в отделе Института социологии АН СССР.

Наш русский великий ученый, гениальный математик Л.С.Понтрягин на годичном собрании АН СССР в 1980 г., указал на то, что Арбатов принадлежит к категории "проходимцев от журналистики без какого бы то ни было научного багажа... Удивительно ли, что академик Арбатов быстро уволил из своего института единственного человека, пытавшегося разобраться в масонстве — Н.Н.Яковлева", — закончил Понтрягин, которого я лично не знал.

298

* * *

Ю.В.Андропов, по-видимому, все же чувствовал неловкость и компенсировал ее доверительными разговорами. Я слышал, что он наизусть знал "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок". Несколько раз пытался вступить с ним в состязание по тексту обеих книг и неизменно был побиваем как ребенок. Андропов умел цитировать к месту эти книги.

Дело было после его возвращения из Кисловодска —очередного отпуска. Посвежевший, подтянутый Председатель безмятежно болтал о пустяках. Пребывание под горным солнцем прекрасно, но жизнь никогда не дарует полного счастья, вечно что-то мешает. И на этот раз помешал, как уже случалось при каждой поездке Андропова на отдых на Кавказ, докучливый секретарь Ставропольского крайкома. Стоило Андропову появиться на госдаче, как пробивался этот секретарь, сверхэнергичный, делившийся с заезжим московским вождем своими задумками. Он буквально тенью следовал за Председателем. Так я впервые услышал о М.С.Горбачеве.

На мой законный вопрос, зачем портить отпуск и терпеть провинциального партчиновника, Председатель вздохнул и поведал, что этот скоро переберется в Москву. Домогается поста секретаря ЦК КПСС, на меньшее не согласен. "Так и нужно дать его?" — заметил я. "Что делать, — печально сказал Юрий Владимирович, — он как отец Федор, домогавшийся стульев на веранде под пальмами у инженера Брумса, ползает и осмотрительно бьется головой о ствол араукарии". Я узнал "Двенадцать стульев" и в тон Председателю продолжил: "Так не продавайте ему стульев!". "Что вы, — шутливо замахал на меня руками Юрий Владимирович, — пробовал, а ответом послужил страшный удар головой о драцену. Результат увидите", — загадочно заключил Председатель.

Когда вскоре на экране телевизора появился Горбачев, то я вспомнил шутку.

Да, глубоко верил идеалист в кресле Председателя КГБ, что если некто от сохи, а тем более от комбайна косноязычен, изъясняется с чудовищными ударениями, то он имманентно придерживается социалистической ориентации. Современная версия веры российского интеллигента в "мужика-богоносца". Как-то андроповский сын, одно время работавший со мной, с глубокой печалью рассказал, что он посетовал в разговоре с от-

299

цом: маляры ремонтировавшие квартиру, работали плохо, безбожно тянули. В чем проблема, бодро отозвался государственный деятель, нужно вызвать их на партсобрание в домоуправление и там хорошенько "пропесочить"!

* * *

Разразившийся в середине семидесятых в США Уотергейт высветил анатомию современной американской государственности, роль политического сыска в обеспечении политической стабильности. В Вашингтоне на

Капитолийском холме прошли различные "слушания", оставившие гору материалов. С завидной оперативностью американцы выпустили обо всем этом массу книг, не говоря уже о периодике. Лишенный с изгнанием из Института США сотрудников, я отныне работал в одиночку, но почти не отстал Уже в 1978 г. в книжке "Под железной пятой", наверное, первым в нашей стране, обобщив эти материалы в исследовательском плане, дал трактовку Уотергейта. Коль скоро Арбатов, Минц и К° ославили меня "черносотенцем" и пр., а власть открыто не взяла под защиту, я счел за благо напечатать ее под псевдонимом Н.Николаев. Куда важнее стотысячным тиражом донести суть дела, а не авторские претензии.

По весне 1980 г. вышло первое издание "ЦРУ против СССР", получившее очень широкую известность. Последующие события оправдали и оправдывают на каждом шагу ее пророчества, начиная от названия. Разве не были усилия ЦРУ и К° направлены на распад СССР и победу в "холодной войне"?

Книга появилась поздней весной того года, а возмездие последовало уже в августе. Именно такой срок, около полугода, потребовался подручным зловещего старца Исаака Минца, чтобы изладить статью для августовского номера журнала "История СССР". Разумеется, не о книге "ЦРУ против СССР", а все о той же работе "1 августа 1914". По словам писавших, под псевдонимом академика И.И.Минца, "видный историк Н.Н.Яковлев" воспроизвел в своей книге "фальсификации, рассчитанные на компрометацию российского революционного движения", попытался "возродить старый миф черносотенцев о масонах". На эпитеты не скупились и ужасались: "в советской исторической литературе труд Н.Н.Яковлева был подвергнут резкой критике". Между тем "несмотря на

столь суровую критику и то, что "советские историки, конечно, с презрением отвергают" его концепцию, Н.Н.Яковлев упорствует.

В заключение доносчики потребовали: "советские историки обязаны определить свое отношение" к яковлевской концепции, ибо "признать ее научной-значит, как мы уже отметили, сойти с классовых позиций, отказаться от единственно правильного научного подхода — марксистско-ленинского". Минцевский призыв нашел, пожалуй, одного исполнителя - Арбатов в августе 1980 г. вывел "сошедшего с классовых позиций" Н.Н.Яковлева из редколегии подведомственного его Институту журнала."США". (Судя по синхронности действий, Исаак и "Абраша" заранее сговорились.) Другие охотники репрессировать отступника "от единственно правильного научного подхода" пока не обнаружились.

Беспредел этих двоих был лишь узким острием клина. Я отнюдь не страдаю манией величия, но элементарное чувство самосохранения властно требовало не допустить, чтобы мою работу сузили до угодных этим господам размеров и еще объявить все выходящие из-под пера "черносотенца" уже по этой причине порочным. Не нужно вникать в существо написанного, а помнить только о взглядах автора. Я нашел выход, как парализовать усилия клеветников - издать собрание сочинений. Делом напомнить, что "ЦРУ против СССР" отнюдь не исчерпывает научные интересы автора.

Уже к тому времени число опубликованных мною книг завалило за два десятка, не говоря о брошюрах и статьях, которых не считал. Книги издавались за редким исключением многократно и массовыми тиражами, нередко

переводились. По самой скромной прикидке собрание сочинений заняло бы ориентировочно 10 томов по 50 ал. каждый. Разумеется, все тексты подлежали доработке с учетом новейших достижений мировой историографии. На эту работу я отвел большую часть восьмидесятых. Попутно, легкомысленно решил я, меня наконец отпустят на несколько месяцев поработать в архивах и библиотеках на Западе, прежде всего в США. Я оставался всю жизнь "невыездным", а подготовка такого "собрания" мне показалась убедительным поводом для научной командировки.

Злобность нападок формально из академической среды подсказала мне весьма ехидный план. В советское время не было

случая, чтобы живущий историк публиковал свое собрание сочинений. Появление моего наглядно показало бы, кто есть кто, известное специалистам по каталогам научных библиотек стало бы общедоступным. Разумеется, именующиеся у нас "академиками", преимущественно высокопоставленные чиновники, захотели бы немедленно обзавестись своими "собраниями". Надо думать, руководствуясь прежде всего меркантильными соображениями, ибо они плохо представляли реальную оплату литературного труда, ослепленные сказочными гонорарами за подписанные ими считанные "книги", как правило, написанные левой ногой референтами. Но проблема оказалось бы неразрешимой: во-первых, издавать практически нечего, во-вторых, даже если снести в издательства кой-какую макулатуру (их "ученые труды"), последовал бы безжалостный вопрос «редакторов — как продать заведомо убыточную мазню. Например, книга небезызвестного зав.отделом науки ЦК КПСС Трапезникова о "решении" аграрного вопроса в СССР, выпущенная в издательстве "Мысль" так и осталась лежать невостребованной на книжных складах. Естественно, наученные горьким опытом, директора издательств не взяли бы на вверенное им заведение такое бремя.

Замечательную идею вместе с коварнейшим планом изложил обоим вождям — Андропову и Устинову. Упирал, помимо прочего, на многомиллионную прибыль для государства Но оба мигом поскучнели, а милейший Юрий Владимирович, услышав о научной командировке за рубеж, даже слегка изменился в лице Идея не прошла, а генерал Бобков, когда я в сердцах нажаловался на руководителей, отделался округлыми фразами.

Я покусился на то, что, видимо, приличествовало лишь номенклатуре. Дерзость, в их глазах равнозначная если бы я стал претендовать на "кремлевский" обед или прикрепление к поликлинике IV Управления Минздрава СССР. Пелена спала с глаз. После примерно дюжины лет общения интеллигентнейший Ю.В. и рубаха парень Устинов, знавший меня около сорока лет, открылись как заурядные охранители порядков, надоевших всем и каждому. Они горой встали на защиту номенклатуры! Они дрогнули при мысли о том, что реальный труд покусился на признание, а "академики" будут посрамлены. Было противно и унизительно оказаться дураком, не разглядевшим сплоченность партийных бонз. Смерду ука-

зали место. Для себя постановил: отныне не иметь с ними никаких дел Звучит, конечно, комично. Удержаться полностью на этой позиции не удалось, тем не менее я больше их никогда не видел. Думаю, желание было обоюдным.

Уже несколько лет не было в живых незабвенной Таисии Алексеевны, и с ней ушла жизнь из устиновского дома. Хозяин надел военный мундир. Видимо, понимал, что занялся не своим делом (как-то, похлопав себя по погону, заметил "Тая никогда не разрешила бы этого"). Я охотно согласился, Ее нелюбовь к "военным", под которыми она имела в виду бравых служак КГБ, дошла до того, что умирая отказалась снять ЭКГ, заподозрив, что прибором ведает КГБ.

* * *

Хватало с лихвой своих забот. Я закончил большую и очень интересную книгу "Силуэты Вашингтона", которая вышла в 1983 г., и по уши погрузился в работу над биографией маршала Г.К.Жукова. Это был странный заказ — ее попросило написать почему-то издательство "Детская литература". Завершил и эту книгу, пошли тягостные хлопоты с рецензированием, и как-то незаметно подступила осень 1982 г.

До меня доходили слухи, что после поездки в Афганистан в 1980 г. Андропов тяжело заболел. О болезни строились самые различные предположения, генерал Бобков как-то проронил, что Юрий Владимирович плох. По понятным причинам я не расспрашивал и также по понятным причинам по-человечески сочувствовал беде, обрушившейся на него. Неожиданно поступило предложение, как я понял от Ю.В., подготовить новое издание "ЦРУ против СССР". События, истекшие за три года после выхода первого, подтвердили тогдашний анализ, а предложение сказать в новом издании о А Д.Сахарове утвердило меня в мысли, что речь идет о личной просьбе Ю.В. Особенно когда напомнили об аналогии с "психологическими портретами", которые готовили УСС и его преемник ЦРУ.

Оправдалась мудрая пословица — незнайка лежит, а знайка по дорожке бежит. В золотые годы занятий просвещением Председателя КГБ я как-то рассказал ему о "психологическом портрете" Гитлера, составленном УСС в годы второй мировой войны. Написанный братом маститого историка Уильяма Лангера психоаналитиком проф. Уолтером Лангером этот

документ был издан в 1972 г. в США под заголовком "Внутренний мир Адольфа Гитлера" (всего 309 страниц с предисловием и послесловием). Значительную роль в жизни Гитлера играл мазохистский комплекс, подробно проанализированный в докладе. Ю.В. заинтересовался, я перевел и передал ему несколько страниц. Андропов в свою очередь поведал об известных КГБ странных привычках А Д.Сахарова и отнес влияние Е.Г.Бонэр на него помимо прочего за счет того, что она потакала слабостям академика. Хотя в первом издании "ЦРУ против СССР" я описал методологию составления "психологического портрета" Уолтером Лангером, я не стал касаться, с точки зрения критериев американских психоаналитиков, личности А.Д.Сахарова. ФД.Бобков одобрил, подчеркнув, что мы не специалисты и незачем вступать в этот призрачный мир.

Теперь именно этой темы попросил коснуться больной Андропов. Пришлось пойти навстречу, но обозначив ее пунктирно. Вопросу этому я тогда не придал большого значения, ибо при подготовке нового издания пришлось поднимать

массу куда более значимых проблем, включая религию. В начале 1983 г. вышло переработанное издание. Ю.В.Андропов, теперь глава государства и Генеральный секретарь ЦК КПСС, рекомендовал напечатать книгу во всех союзных республиках, на национальном и русском языках в каждой. Проявили рвение издательства и в некоторых автономных республиках, краях, областях в РСФСР. Партийное издательство "Правда" с обостренным нюхом на прибыль сделало на книге неплохой бизнес — выпустило ее двумя тиражами всего 1,250 тыс., заплатило автору 6 тыс.рублей, получив прибыль свыше миллиона.

Страсть к наживе и желание выслужиться отбили у партиздателей здравый смысл. Они настаивали на увеличении книги по крайней мере вдвое за считанные недели, видимо, привыкнув иметь дело с аппаратчиками, которым ничего не стоило приказать своим литературным подельщикам расширить очередную халтуру. Но я-то работал в одиночку и в жизни никто не написал за меня и для меня хоть строчку. Чтобы отделаться от алчущих прибыли и поощрения, добавил к основному тексту сокращенный и срочно доработанный вариант "Под железной пятой". Только для этого издания.

Наверное книга выдержала много более пятидесяти изда-

304

ний в СССР. Что до самой книги, то она и извлечения из нее разошлись тиражом свыше 20 миллионов. Ее перевели во всех странах тогдашнего социалистического лагеря, а усилиями московского "Прогресса" на основные европейские языки. Автора не озолотили. Ю.В.Андропова, по натуре аскета, эта сторона дела не интересовала, а о генерале армии Ф.Д.Бобкове и говорить не приходилось. Он строил коммунизм, думаю, и в собственной семье. Так что вознаграждение далеко не соответствовало быстро возраставшим физическим и моральным издержкам.

В конце мая 1983 г. я внезапно почувствовал себя скверно, врач "скорой" поговорил насчет сердечного приступа, а был, как потом выяснилось, инфаркт. В середине июня меня пригласил генерал Бобков. Теперь он занимал обширный кабинет, выходивший окнами на площадь Дзержинского. Стиль генерала чувствовался уже на подходе к кабинету, внутренние посты сняты. Я не видел его довольно долго и был поражен измученным, изработавшимся видом. В потертом костюме, из которого определенно "вырос", Бобков с кислым видом хмуро поздоровался. Нехотя, через силу он попросил съездить в Горький и поговорить с Сахаровым.

Зачем? О чем? Филипп Денисович вяло сказал: "О чем хотите". Было видно, что идея ему не нравится. Молнией пронеслась мысль — насколько же серьезно болен Андропов, что Бобков не может отказать в просьбе умирающего. Много спустя генерал признался, что с 1980 г. Андропов в сущности медленно угасал. Ну, как тут отказать. Наскоро решили — Сахаров незадолго перед этим высказал разумные идеи о "ядерной зиме", быть может, удастся склонить его дать об этом интервью.

Вечером в тот же день выехал в Горький. Чувствовал себя отвратительно, не прошло и двух недель после инфаркта. В Горьком разыскал место, где томился узник — отличный дом, в прекрасном районе, как две капли воды похожем на "царскую деревню", пригород Кунцева в Москве, застроенный домами работников ЦК И МГК. В подъезде предъявил паспорт скучающему за

маленьким столиком у двери милиционеру, позвонил и вот - в квартире ссыльного. Представился. Андрей Дмитриевич осведомился: "Это тот самый Яковлев, который написал "ЦРУ против СССР?" - "Разумеется", - ответил я.
305
Он сбегал в другую комнату, принес захватанный экземпляр книги и последовала примерно часовая тусклая беседа через обеденный стол. Я все пытался навести разговор на "ядерную зиму", Андрей Дмитриевич ругал автора. Он, конечно, видел во мне представителя властей, обоснованно или нет (в зависимости от точки зрения) оторвавших его от вошедшего в привычку приятного занятия жаловаться иноземцам на свою страну. Я, конечно, не ожидал братских объятий, но что оказалось полной неожиданностью - звучал голос типичного представителя избалованной академической номенклатуры.

"Демократизмом" не пахло, а повадки дикого барина, норовящего заехать "в рыло", были налицо. Когда разговор потерял смысл, я встал и откланялся. Тут академик размахнулся и попытался правой рукой ударить меня. Руку я перехватил, слабую, дрожащую. Он извернулся и мазнул меня по щеке пальцем другой, этого я предотвратить не мог, ибо держал папку. Академик заячьим прыжком отскочил в угол комнаты. Первой мыслью было наградить за пальцеприкладство доброй затрещиной, но это означало бы упасть до его уровня. Подавляя смех, я заметил подрагивавшему в углу смельчаку: "Вот об этом и писал, в вашем кругу дела решаются дракой! А еще интеллигент!" С чем и ушел.

В Москве ограничился телефонным звонком генералу. Он не мог не знать о подробностях беседы. Перед отъездом в Горький я съязвил: "Куда прикажете говорить на квартире академика, в унитаз? — "Не надо, — ответил генерал, — слышно везде".

Вот и вся история "пощечины", о которой с гордостью изобильно повествовал академик. Между прочим, во исполнение своего обещания. Когда в заключение той беседы я попросил "все же оставить дело между нами", борец за демократию живо вскочил и, выпрямившись в свой немалый рост, возгласил: "Нет, будет знать весь мир!" Претензии планетарные. Не мои.

* * *

В конце того 1983 г. меня свалил второй, тяжелый инфаркт. Уже в реанимации меня опознали и врачи дружно не обращали внимания на больного, правда, один из них участливо расспрашивал, почему я не выслужил больше общей палаты в
306
рядовой больнице. Нависая над койкой, от волнения накапливая слюну в углах рта, он шепотом поругивал опутанного электродами инфарктника, поднявшего перо на достойнейшую Елену Георгиевну Боннэр. Через недели две я ушел долечиваться, сэкономив государству месяца три койкоместа и избавив темпераментного молодого человека от хлопот по моему перевоспитанию.

В это время скончался Ю.В. Андропов, ожидавшийся от него рассвет оказался ложным. Как многие другие я скорбел об утрате страной честного человека. По понятным причинам я не мог отдать последний долг — пройти в толпах у гроба, но оставалось довершить в свое время обещанное ему: книжку о Г.К.Жукове и работу о религии в США.

То, что на меня выпал жребий первого биографа маршала Жукова, теперь сообразил я, было стариковской хитростью дружков "Димы" и "Юры", проявивших великое лукавство во всем, даже в определении места ее написания и издания — Детгиз. Чтили нашего легендарного полководца, сокрушались по поводу того, что его жизнь и подвиги замалчиваются, но, увы, не были наделены гражданским мужеством. Меньше всего им хотелось схватиться со стальными когортами жуковских ненавистников, кишевших в партаппарате, прежде всего в Главпуре.

Когда по тогдашней практике рукопись была послана на рецензирование в Главпур и там зарублена по той причине, что она противоречила "партийным" (читай клеветническим) оценкам, а автор ввиду его политической неблагонадежности не имел "морального права" писать о нашем национальном герое (см. мою статью в "Молодой гвардии" 1991 г., №6), вожди дунули в кусты, поручив заботы о книге Маршалу Советского Союза С.Ф.Ахромееву. Наше сотрудничество с Сергеем Федоровичем началось при жизни хитроумных дружков, а завершилось с выходом книги уже после их смерти.

Пропуском по крайней мере в прихожую внутреннего мира Сергея Федоровича оказалось "1 августа 1914". Он дотошно выспрашивал и безмерно удивлялся, как удалось издать ее, было совершенно невозможно назвать крестных отцов книги, а тем более ведомство. И поэтому пришлось отделаться простой версией — "пробил" и все! Эта невинная ложь придала мне ненужный лоск героизма в глазах маршала. Во всяком случае С.Ф.Ахромеев заверил, что "1 августа 1914"
307
"давно настольная книга каждого мыслящего офицера Генштаба".

Беспредельно уважающий Жукова С.Ф.Ахромеев взял на себя труд курировать работу над книгой от предоставления возможности использовать архивы до окончательного редактирования рукописи. Он отчаянно бился с Главпуром, но так и не смог прошибить стену партчиновников в мундирах и получить визу на выход ее в свет. "Не удалось с фронта, совершим фланговый маневр! — сообщил он мне. — Визу даст главная военная цензура, подчиненная Начальнику Генерального штаба". Благославляя рукопись к печати, Сергей Федорович написал: "Уважаемый Николай Николаевич! Прочел и в какой-то мере (как я считал целесообразным) подредактировал первые 85 страниц Вашей книги и некоторые другие места. Прошу это посмотреть, что посчитаете возможным, прошу учесть... В целом я за то, чтобы книга была издана. С наилучшими пожеланиями и уважением. Маршал Советского Союза Ахромеев. 31.3.84.".

Я сохранил этот отзыв, написанный от руки своеобразным почерком маршала. В военном деле от руки составляют самые доверительные документы. Сохранил и другой документ — на бланке Генерального штаба. Главный военный цензор Генштаба генерал-лейтенант Козлов 31 октября 1984 г. ориентировал издательство: "Данный материал (только в более полном объеме) дважды рассматривался в Главном политическом управлении СА и ВМФ. Автору были высказаны серьезные замечания. Однако в представленной рукописи ряд замечании и пожелании им не были учтены". И далее: "До подписания материала к печати обратить внимание тов.Яковлева Н.Н. на необходимость полного учета

рекомендаций Главного политического управления СА и ВМФ и Начальника Генерального штаба ВС СССР Маршала Советского Союза Ахромеева С.Ф.". Учесть замечания Главпура означало написать другую, чернящую Г.К.Жукова книгу. Что касается рекомендаций маршала, то за полгода до письма Козлова он, как мы видели, высказал их.

Человек возвышенного образа мыслей, весь олицетворение порядочности, чести и достоинства профессионального военного (каким я узнал его за три года тяжбы с Главпуром, потребовавшихся для выхода книги), и без того бледный, буквально стал прозрачным, когда я молча положил перед

308

ним этот беспримерный документ. Только опираясь "на чуждый армии элемент - Главпур", мог генерал Козлов написать это — лаконично оценил неповиновение подчиненного маршал. А затем, в который раз, поговорили о деле — герое русского народа Г.К. Жукове. Только в 1985 г. книга вышла. Ее крестный отец — Сергей Федорович Ахромеев.

Тем временем написанное мною без снятых Ю.В.Андроповым цензурных ограничений навлекло -нарастающую волну недоброжелательства. За океаном советолог второго положения Дж.Данлоп в книге "Новый русский национализм" (1985) отчеканил - в СССР "писатели - начиная с неофашистов, таких как Валентин Пикуль, автор пресловутого советского халтурного романа "У последней черты", и Николай Яковлев, автор книги "1 августа 1914", ...все сосредоточили внимание на царствовании Николая II" ибо они еще "национал-большевики", к "недавним произведениям национал-большевистского толка можно отнести книгу Николая Яковлева "1 августа 1914", выпущенную издательством "Молодая гвардия" в 1974 году тиражом в 100 тысяч экземпляров, и роман Валентина Пикуля "У последней черты"... Реализация национал-большевистских идей, вероятно, привела бы к тому, что Ален Безансон называет "панроссийской полицейской и военной империей" ".

Надо думать, Ю.В.Андропов пришел бы в ужас от такой интерпретации полюбившейся ему книги. Но Юрия Владимировича уже не было в живых, зато процветал Арбатов, который поторопился использовать Данлопа, благо был сделан служебный перевод (думаю, напрасно) американского графомана. В конце 1986 г. Арбатов выгнал из Института несколько сотрудников, в прошлом военных. Один из них, Ю.В.Катасонов, пожаловался, жалобы его, в которых на многих страницах рассказывалось о неприглядных деяниях академика, пришли, естественно, к нему на разбор.

Разумеется, провели партсобрание, на котором Арбатов обнародовал открытие — катасоновские обращения писал-де я. Хотя автор отрицал это, академик сообщил преданно внимавшим ему коммунистам (цитирую по протоколу партсобрания): "У Данлопа есть книга, где среди антисоветских элементов он называет тех, на кого американцы делают особую ставку. Яковлев вместе с Пикулем отнесены к группе неофашистов. По-моему, это довольно близко к истине... Все это

309

мы должны серьезно и основательно обдумать. Американская разведка явно активизировалась, ситуацию нужно оценивать очень серьезно" и т.д. Оцепенело от ужаса партсобрание.

Арбатов направил в МВД СССР на лексическую и синтаксическую экспертизу обращение Катасонова "наверх". В начале 1987 г. министр внутренних дел СССР А.В.Власов разочаровал академика: проведенная специалистами НИИ МВД СССР экспертиза не подтвердила его смелых предположений насчет Яковлева. Ничего! С кровожадным рыком коммунисты Института США и Канады единогласно выгнали Ю.В.Катасонова из партии. Было это в мае 1987 г., а ныне многие из них (хотя бы академик В.В.Журкин, парламентарий, а ныне дипломат В.П.Лукин) в первых рядах демократов и перестройщиков. Хорошо обучились в школе, какой являлись партсобрания коммунистов.

Тут в рубрике "Мы родом из Октября" в "Советской культуре" (21 марта 1987 года) попробовал голос на союзной арене Юрий Афанасьев. Вознося до небес Великий Октябрь, партию, коммунизм и пр. историк известный отсутствием трудов звал не допустить "подмены классового" подхода обнаруженной им пагубной "идеологией". Тогда коммунист до кончика ногтей Афанасьев негодующе указал на Н.Яковлева, книга которого венчает усилия ряда лиц, которые "взяли на себя вовсе не оригинальную задачу популяризации "общенациональной" миссии русских царей и вельмож, выдавая их за выразителей интересов всех классов". В этой книге "1 августа 1914" Яковлев де занялся этим в отношении Николая II. Афанасьев прорезался очень своевременно, сообщив, кто мешает Арбатову взойти на политические высоты.

По весне 1989 г. он пробивался в народные депутаты СССР. Его провалили на выборах от СКЗМ, в "Открытом письме" избирателям, написанном тогда безработными интеллигентами, пострадавшими от арбатовых, помимо прочего говорилось: "Арбатов такой же академик, как вознесший его Брежнев — маршал, а Чурбанов армейский генерал-полковник". Когда в мае 1989 г. в здании МГУ на Ленинских горах проходили довыборы от общественной организации АН СССР, академик подался туда со своей кандидатурой. О дальнейшем я написал уже в упоминавшейся статье в "Московском строителе" в августе 1990 г.:

"Академика у здания встретили ехидные плакаты с призы-

вами голосовать против него по описанным причинам. Такое отличие было оказано только ему одному из 24 кандидатов. Милиция не вмешивалась. Чернее тучи прошел Арбатов в зал заседания.

При обсуждении "Открытое письмо" организаторы выборов не огласили. Тем не менее последовали острые вопросы. Тут академик развернулся во всю. С высокой трибуны он изрек, что все это дело рук Н.Н.Яковлева, платного агента КГБ. Сделал внушительную паузу и доложил высокому собранию — Яковлева в свое время он изгнал за книгу "1 августа 1914". Мораль ясна — о России хорошо не отзываться! Наверное, кое-кто в аудитории развесил уши, ибо Арбатов, хотя вторым от конца, прошел среди 12 выбранных на вакантные места. Шестым в списке проследовал А.Д.Сахаров.

Когда до меня дошло, что академик перевел меня из агента западных спецслужб в платного сотрудника КГБ, я сообразил, куда он переориентировался. Среди примерно двух дюжин моих книг "ЦРУ против СССР" (от сказанного там я отнюдь не отмежевываюсь). Новые времена, новые песни. В 1986 году уместно было изобличать ЦРУ и Ко, к 1989 году они приобрели некую респектабельность

в глазах иных журналистов, пошли выпады против армии и КГБ. К тому же мне выдали бумажку от Верховного Суда СССР о полной реабилитации по делу 1952 года. Надо думать, академик, пристально следивший за "злодеем", учел и это.

* * *

Что же, за все приходися платить. И за свободу творчества. Никак не успокоятся те, кто на словах выступает за политический плюрализм. Жаждут насадить конформизм.

Минц и К° не убавили рвения, продолжая упорно твердить все восьмидесятые годы — масонства в России практически не было, а посему Н.Н.Яковлев должен быть отлучен от исторической науки. Вслед за М.К.Касвиновым объявился О.Ф.Соловьев, переосмысливший своеобразный стиль и подход матерого воителя сталинских времен Исаака Минца на современный квазиакадемический жаргон (ослиные уши минцевских домыслов все же торчат из их ученых сентенций). Они не преуспели. Увы, подоспело подкрепление со стороны журнала "Вопросы истории", с тех пор, когда в последнее время

его возглавил Ахмет Искандеров. Уже в 1988 году он гостеприимно приютил на страницах журнала оруженосца Минца — О.Ф.Соловьева, обрушившегося в № 10 с очередной филиппикой против "1 августа 1914". А 1990-й год журнал открыл статьей польского профессора Л.Хасса "Еще раз о масонстве в России начала XX века" Хасс с легко различимым оттенком превосходства над не только советскими, но и русскими исследователями вообще объявил: Масонство является свободным союзом отдельных лиц, в какой-то степени даже индивидуалистов". Желающих проникнуться этой истиной он отослал в никуда: "обо все это можно прочитать в богатейшей научной литературе о масонстве". По совокупности ученый поляк всыпал по первое число В.И.Старцеву, В.Я.Бегуну, почтенной даме Н.Н.Берберовой и даже не оценил услуги минцевского подголоска О.Ф.Соловьева, обругав и его. Мне, слава богу, все же повезло, Хасс разве что обозвал "1 августа 1914" псевдонаучно-исторической брошюрой". Вообще всем, занимавшимся в нашей стране и мире этой темой, европеец Хасс предписал: "Всякое концентрирование внимания на роли масонства в событиях марта—октября 1917 г. ведет в тупик". Позиция, знакомая у русофобов. Удивляет не это, а то, что Ахмет Искандеров счел возможным открыть номер журнала описанными откровениями польского версификатора.

В 1990 году в руководимом Ахметом Искандеровым журнале "Вопросы истории" возрожден жанр статьи-доноса тридцатых годов, который устарел уже в 1980 году, в упоминавшейся статье Исаака Минца в журнале "История СССР" № 4 "'Метаморфозы масонской легенды".

Увы, в 1990 году Политиздат порадовал читателей порядочной (по размеру!) книжкой верного соратника Минца Арона Яковлевича Авриха "Масоны и революция". Коль скоро Аврих скончался в ходе работы и не осуществилась его мечта, известная автору предисловия П.В.Волобуеву "подержать" бы эту книжку, а "там и умирать можно", нравственно трудно вступать в полемику с этим сочинением. Стоит разве воспроизвести последнюю фразу: "Вывод о масонах как ничтожной величине в предфевральских, февральских и постфевральских событиях 1917 г. останется неизменным. Чего не было, того не было".

Для чего и сочинена книжка на 352 страницах, в которой сотни раз на 60 страницах упоминается нередко с нелестны-
312
ми эпитетами Н.Н.Яковлев, куда больше, чем Романовы (императорская семья). Всех затмил (с"1 августа" 1914") Яковлев, разве А.Ф.Керенский и П.Н.Милюков кое-как удержались на его уровне в авторском внимании. А о В.И.Ленине и говорить не приходится - всего 3 упоминания. Оно понятно: книга Авриха — пространный комментарий к упомянутой статье Исаака Израйлевича, которую Арон Яковлевич именует "весьма содержательной и убедительной", ибо "Н.Яковлев изложил в своей книге черносотенную версию Февральской революции". Вот так, и никак не меньше!

Но к чему такие хлопоты, перебор эпитетов и явное неуважение к интеллекту читателя? Этого мало. Ренегаты-коммунисты отдают предпочтение физическому воздействию. В период, когда журнал "Новое время" возглавил партаппаратчик В.И.Игнатенко, попробовал и он применить свои дарования, ярко проявившиеся в организации написания мемуаров Брежнева. В феврале 1990 г. в журнале "Новое время" (№ 7, с 3) появилось письмо некоего читателя. Именно в том журнале, в котором весной 1985 г. впервые были опубликованы главы из моего "Жукова". В письме утверждалось"

Историк Н.Н. Яковлев - автор издававшейся бесконечное количество раз книги "ЦРУ против СССР", действительно известен тем, что получил пощечину от академика Сахарова. "Столь высокая оценка журналистской деятельности не может принадлежать одному герою, ее надо разделить на многих", — справедливо отметил один из публицистов. Пошляков с пером в руках у нас предостаточно, но академик Сахаров явно отдал предпочтение "самому достойному".

Маршал Жуков — великий полководец и наш национальный герой. Для нас, фронтовиков, это имя священно. Я не призываю к "охоте на ведьм", к запретам на профессии, но все же об этом человеке может писать только тот, у кого чистые руки. Маршал Жуков умер шестнадцать лет назад и лишен возможности защитить себя так, как это сделал академик Сахаров".

Что там журнал, издающийся в Советском Союзе. А.Нуйкин в Мекке вчерашнего работника "Комсомолки", в студии радио "Свобода" из Мюнхена 24 июня 1990 г. провещал: "Я просмотрел недавно отдельные разделы книги, о которой у нас идет речь "ЦРУ против СССР"... Я, человек достаточно мирный, как и Сахаров, не удержусь от того, чтобы исполь-
313
зовать эфир и сказать Яковлеву, что он подлец. И если он вызовет меня после этого на дуэль, то самое лучшее при этом, когда бы он стал это делать, поручить своему лакею спустить его с лестницы. Лакея у меня нет, и, видимо, я вынужден в таком случае, если он явится ко мне с визитом, поступить так же, как Сахаров — дать пощечину. Думаю, оснований для этого у каждого порядочного человека достаточно".

Как-то жуть берет от такой известности. Нарастающей вне всяких пропорций. Вот и Зоил — Владимир Бондаренко -прорезался, врезав в "Дне" журналу, с которым он конфликтует: "Фирменный знак "Октября" - публикация рядом поэмы Ахматовой "Реквием" и очерка Н.Яковлева об агентах ЦРУ в нашей

литературе" (1992, № 27). Мания величия наших литераторов пределов не знает, ибо не было в том "очерке" ("Октябрь", 1987, № 3) и слова о "литераторах", а шел разговор как обозначено в его заголовке, "ЦРУ против СССР: господь и бомба".

Если уж зашла речь о "литераторах", то вот мое незамысловатое кредо. Незачем подниматься на высоты теории, а удобнее проиллюстрировать его на примере упоминавшейся биографии Георгия Константиновича Жукова, вышедшей седьмым изданием в 1992 году в серии "Жизнь замечательных людей". Напомню, что в книге сделана по понятным причинам посильная попытка отразить взгляды достойнейшего военного интеллигента Маршала Советского Союза Сергея Федоровича Ахромеева.

Итак, цитирую себя: "Расцвет жизни Жукова приходится на десятилетия сталинщины, в которые писатели занимали особое и привилегированное положение. Сталин создал, если угодно, усеченное гражданское общество, но и оно не могло жить без полемики, разномыслия, анализа и самоанализа. Обширный надел для этого и отрезали на литературной ниве, и очень щедро - легионы читателей шли по следам Григория Мелехова, ходили по мукам с героями А. Н. Толстого. Да мало ли книг гремело тогда! Вспыхивают дискуссии по сути литературные, но эффективно заместившие политические дебаты. Писатели же принимали себя всерьез, как-то упуская, что их дело — быть мастерами слова, но не политиками. Они всерьез приняли горьковские дипломы инженеров человеческих душ... Писательское высокомерие, восходящее к особым льготам, дарованным им при сталинщине, оказалось поразительно живучим".

314

Нет никакого сомнения в том, что для плодотворной работы "нужны иные профессиональные навыки, а не писательские суждения, замешанные на эмоциях. Коротко говоря, нужно обращение к истории".

В этом все дело. Украшенные внушительными идеологическими шорами, нападающие на "1 августа 1914", не могут, а скорее не хотят взять это в толк, бесцеремонно попирая историю и с азартом переиначивая все на свой лад. Откуда сие? С минцами и минцевскими подголосками типа игнатенковых, заматеревших в партаппарате, вопрос ясен, но и зоил с головы до ног в родимых пятнах сталинщины, хотя по возрасту не мог претендовать на пресловутый горьковский диплом. Сталинщина еще и в том, что такие торопятся высказать болтливые и блудливые суждения по поводу проблем, для понимания которых нужны знания и профессиональные навыки. Они-то имеют в виду иные цели. Раньше за такими суждениями с доносительским душком следовали в лучшем случае административные, а в худшем — оперативно-чекистские меры. Теперь — разве недоумение, а иногда смех

Впрочем, чем питаться слухами о злодейском авторе, отсылаю к своему трехтомнику "Избранных произведений", вышедшему в 1989 - 1990 гг. Там семь книг, и зоилы всех мастей могут пополнить свой багаж. Если уж так свербит. Правда, издательство не допустило в семикнижье "1 августа 1914"

315

СОДЕРЖАНИЕ

Автор выражает сердечную признательность всем, откликнувшимся на первое и второе издания этой книги, особенно тем русским людям, кто оказал бесценную моральную поддержку.

Издательство "Москвитянин" просит направлять отзывы и замечания на это переработанное и дополненное издание книги "1 августа 1914" по адресу: Москва, Хохловский пер., дом. 3, строение 2, товарищество "Москвитянин". Заранее благодарим.

Сдано в набор 15 03 90 Подписано в печать 05 08 92. Формат 84x108/16 Бумага газетная. Печать офсетная Усл. печ л 10.5 Тираж 50000 экз. (1-й завод 1 - 20000). Изд. № 1 Цена договорная. Набор и изготовление оригинал-макета ПК "Курсив" Заказ №285 Отпечатано в АО «Красногорская типография».